

Е. С. ОТИН

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ
ПО ЯЗЫКОЗНАНИЮ

II

Евгений Отин

ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Е.С. ОТИН

**ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ
ПО ЯЗЫКОЗНАНИЮ**

II

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДОНЕЧЧИНА"
ДОНЕЦК 1999

ББК: Ш10я44+

Ш12=411.2*3+

Ш12=411.4*3

Отин Е.С.

Избранные труды по языкознанию. II. – Донецк:
“Донеччина”. – 1999. – 400 с.

В книгу вошли статьи и разделы монографий, в которых исследуются история и этимология слов, проблемы русской и украинской ономастики.

Для лингвистов, аспирантов, преподавателей и студентов-филологов, историков и краеведов.

ISBN 666-7277-43-7

© Е.С. Отин

© Издательство “Донеччина”, 1999

ОТ АВТОРА

В книге представлены исследования по истории и этимологии слов, русской и украинской ономастике. Как и в первом томе («Избранные работы», Донецк, 1997), в ней собраны труды, опубликованные в 60-90-е годы в различных научных журналах и сборниках статей или представляющие собой разделы монографий. Одна из статей по стилистической ономастике была написана совместно с кандидатом филологических наук, доцентом кафедры русской литературы Донецкого университета Н.В. Максимовой. После каждой работы указаны издания, где она была опубликована впервые.

Выражаю глубокую благодарность моему ученику В.М. Калинин, выполнившему компьютерный набор и верстку книги.

Светлой памяти моей жены
НИНЕЛИ ВИТАЛЬЕВНЫ
МАКСИМОВОЙ
посвящаю эту книгу

I. ОНОМАСТИКА

АРЕАЛЫ СЛАВЯНСКИХ ГИДРОГРАФИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В ТОПОНИМИИ ДОНА

Общеизвестна роль терминов в образовании географических названий. Эти географические апеллятивы, являющиеся, по определению Э.М. Мурзаева, “основой топонимии”¹, принимают активное участие в формировании топонимических систем, особенно на начальных этапах их становления, когда происходит массовая топонимизация терминов в их “абсолютном” или аффиксально переоформленном состоянии.

Молодая донская гидронимия славянского происхождения (основная масса которой начинает складываться не ранее XIV в.) содержит большой процент топонимизированных гидрографических и орографических терминов. Среди последних преобладают те, что обозначают отрицательные формы рельефа. В различных источниках нами зафиксировано около 150 местных географических терминов (МГТ) указанных разрядов, отразившихся в топонимии Подонья, а также употребившихся как апеллятивы при других топонимах или же вне связи с географическим именем. Объектом нашего рассмотрения являются МГТ первой категории. Часть из них выявляет высокую частотность топонимизации (*колодезь, ильмень, лиман, ерик, проток, затон, копань, плота, суходол, туба, боерак, лог, яр, балка, росошь* и др.), у других она ниже (*старица, хомутец, калач, глушица, криуша, ключ, студенок, родник, паника* или *паниковец, быстрик, бакай, рынок, кут, чиганак, музга, баклуша, ендова, котлубань, облив, желобок, лопатина, долина, должик, вершина, верх, провал, ровенек, рог, яруга, макотерть* и его разнообразные варианты, *рудка, отножина, плес, или плесо, окнина, прорва* и др.). Многие термины в редких случаях переходили в собственные имена, например: *колени, сарма, сага, живая вода, текуч, ляды, мишара, путинка, дол, мочак, дзэндза, раздоры, гудило, громок* и др. Единичны случаи топонимизации таких МГТ, как *глазок, смотрок, жила, нетеча, обиток, поточина, морец, твань, ростань, клеток,*

отколок, прогной, промывина и др. Целый ряд географических апеллятивов, зарегистрированных на территории Подонья, не нашел никакого отражения в его топонимии, например, отмеченные документами XVII в. лексемы *взголовь (узголовь, зголовь)* – верхняя и нижняя, *потекля* (в “Донском словаре” А.В. Миртова – *потеклина*), *моклок, заручье, заморная вода* (ср. выше *живая вода*), *воденое поймище* и др., а также апеллятивы: *займы, опечки, пазуище, полои, разрече, потяжинка* и т.д.². Впрочем, имеет место и иная ситуация, когда уже отсутствующий в современных донских говорах термин может быть восстановлен на базе географического названия. Таким, на наш взгляд, является нигде не зарегистрированный термин *жегуля*, запечатлевшийся в названиях одной из проток нижнего Дона (севернее станицы Кочетовской) и, опосредствованно, – известных гор на Волге, в районе Самарской луки. В настоящей статье изложены некоторые наблюдения над МГТ Подонья, отразившимися в его топонимическом ландшафте.

I. Ареал гидронимов с лексемой *колодезь*. В своем исследовании названий рек Правобережной Украины О.Н. Трубачев отметил 20 гидронимов с данной лексемой. В 19 из них она предстает как определяемый компонент атрибутивных словосочетаний (типа *Ивенский Колодезь*). Апеллятив (термин) *колодезь* в период формирования гидронимов имел значение “источник, небольшая водная артерия”. Наиболее значительные скопления “колодезной” гидронимии обнаруживаются в бассейне Десны (более трех десятков), особенно ее левого притока Семи, на территории, граничащей с верховьями Оки и правобережьем Верхнего Дона. Почти в два раза их меньше в гидронимии Псла и Ворсклы, где они также в основном расположены в верховьях этих притоков – вблизи белгородско-харьковской зоны течения Северского Донца. Отметив отсутствие лексемы в гидронимии днепровского правобережья, в бассейне Южного Буга и Днестра, О.Н. Трубачев указывает на продолжение днепровского ареала *Колодезей* в восточном направлении – в Подонье, неточно, однако, определяя их количество (он пишет лишь о “нескольких *Колодезях*” к востоку от Днепра; на самом деле их намного больше). “Наш ареал *Колодезей* в гидронимии Поднепровья, – замечает он, – интересен также в связи с вскрывавшимися ранее неподалеку (Десна, Сейм) следами иранских названий с близкой первоначальной семантикой “источник, колодец”³. Донская гидронимия с лексемой *Колодезь* состоит из нескольких разрядов. Во-первых, это случаи самостоятельного употребления термина в функции гидронима (*Колодезь* – л.п. Красивой Мечи; *Колодезь*

– л.п. Воргла, л.п. Быстрой Сосны и т.д.). Такие факты единичны. Во-вторых, это многочисленные двухкомпонентные и, реже, многокомпонентные определительные словосочетания типа *Белый Колодезь*, *Вислый Колодезь*, *Первый Проходной Колодезь*, *Сухой Ракитовый Колодезь* и т.д. К ним примыкают словосочетания аппозитивного типа: *Конь-колодезь* (л.п. Дона ниже Быстрой Сосны), *Студенок-колодезь* (л.п. Дона между Сосной и Воронежем), *Урим-колодезь* (в бассейне р. Уды), *Утечь колодезь* (в бассейне Тихой Сосны) и т.д. В “колодезную” гидронимию Дона мы зачисляем и случаи отражения этого термина в названиях населенных мест, обязанные своим появлением топонимической метонимии, когда соответствующий гидроним нигде не зафиксирован или же отмечается в уже измененном состоянии. Например: сельцо *Доробин Колодезь* (СНМ-ОГ, 153; в СРДонБ – *Доробин*, л.п. Быстрой Сосны; в СНМ-ОГ, 157 – речка *Доробинка*)⁴, деревня *Белый Колодезь* – вблизи оврага Белого в бассейне Быстрой Сосны (СНМ-ОГ, 157), деревня *Баранов Колодезь* – при ручье Барановом (Семенов-IV, 771), сельцо *Верховье Красного Колодезя* – на ручье Красном (СНМ-ОГ, 142), сельцо *Короткий Колодезь* – при ручье Коротком (СНМ-ОГ, 129), деревня и хутор *Ольшаный Колодезь* – на речке Сухом Ольшанце (там же, с. 80), деревня *Лисий Колодезь* – на б. Лисьей (СНМ-КГ, 142), дер. *Прощеный Колодезь* – на речке Прощеной (СНМ-ТГ, 68), село *Ястребин Колодезь* – на р. Ястребинке (ЕУ, 40-41; ГКЕУ) и т.д. В ряде случаев ойконимы позволяют восстановить утраченные гидронимы с термином *колодезь*, как, например, забытые (или не зафиксированные) названия безымянных водотоков в бассейнах Быстрой Сосны и Богатой Сновы, вблизи которых находились деревни *Большой Колодезь* и *Кривой Колодезь* (ЕУ, 64; ГКЕУ). В подобных примерах сопутствующие ойконимы служат материалом для реконструкции начальных форм гидронимов и восстановления утраченных элементов гидронимической системы.

Принимаются в расчет и факты употребления термина *колодезь* перед гидронимом, засвидетельствованные письменными источниками XVII-XVIII вв. (например, в “Книге Большому чертежу”: *колодезь Гоголь*, *колодезь Долгой*, *колодезь Кобылеи* и т.д.), тем более что в ряде случаев наблюдается употребление их в постпозиции по отношению к гидрониму, благодаря чему происходит более органичное слияние их с географическими именами. Ср., например, варьирование одних и тех же названий за счет изменения словоупотребления: *колодезь Конь* (КБЧ, 82) и *Конь-колодезь* (ВПК, 112), *колодезь Муром* и *Муром-колодезь* (АМГ-П, 681), *колодезь Долгий* (КВЧ, 61) и ручей *Долгий Колодец* (СНМ-ОГ,

125-126) и т.д.

Что касается названий в форме прилагательных типа *Колодезная*, *Колодезный* (балка, овраг), то они, по-видимому, в большинстве своем молоды и соотносятся с лексемой *колодезь* в значении “колодец, т.е. глубокая яма, служащая для добывания воды”, но не “водный поток; небольшая водная артерия”. Не исключено, конечно, что в отдельных случаях имела место производность топонимического прилагательного (от термина) и перед нами не “чистые” апеллятивы в топонимической функции, а переоформленные термины. Например, ручей *Колодезь* в бассейне Быстрой Сосны (СРДонБ, 3) в другом источнике именуется *Колодезным* (ВСОРИ-ОГ, 26).

В ряде случаев отмечаются следы “обновления” термина *колодезь* в составных гидронимах (замена его словообразовательным вариантом *колодец*). Например: ручей *Доробин Колодец* – в верховье Красивой Мечи (ср. другой *Доробин Колодезь* в бассейне Быстрой Сосны) (СНМ-ТГ, 44; СНМ-ОГ, 153); *колодезь Долгой* в КБЧ (61) в XIX в. превращается в ручей *Долгий Колодец* (СНМ-ОГ, 125-126). Ср. еще варианты: ручей *Вишвый Колодезь* ∞ *Вишвый Колодец* (СНМ-ВГ, 78-79); *Бел-колодезь* (ВПК, 130; ВСОРИ-ВГАС, 74), *Белый колодезь* (ВСОРИ-ВГ, 21; МГСР-ВГ, 27) ∞ река *Белоколодец* (НМВГ, 61); *Гремучий колодезь* ∞ *Гремучий колодец* (ОГВД, 305) и др. Ср. еще в бассейне Оки: р. *Студеный Колодезь* ∞ *Студеный Колодец* (на нем сельцо *Ст. Колодец*) (ГБО, 82). При этом наблюдается интересная закономерность: в омонимичных ойконимах, возникших благодаря контактному переносу названий, нередко происходит консервация исконной формы термина (чему, видимо, благоприятствовала его десемантизация в составе ойконима), а в соответствующих им гидронимах суффиксальная часть термина представлена уже в обновленном виде. Ср., например, *Олений Колодец* – л.п. Дона в районе впадения в него Форостани (СНМ-ВГ, 92), но село *Олений Колодезь* (ВСОРИ-ВГАС, 84), оно же *Олень-Колодезь* (СКВГ), речка *Теплый Колодец* – в верховье Оскола (СНМ-КГ, 121), но село на ней *Теплый Колодезь* (там же).

Основная масса названий с термином *колодезь* приходится на правобережные притоки Дона – до Тихой Сосны включительно (левобережье в этой зоне принадлежит лишь 9 “колодезных” гидронимов), а также на непосредственно примыкающие к этому району верховье Северского Донца (до реки Мож включительно) и верхний Оскол (до Валуя), т.е. на белгородско-харьковский участок течения Северского Донца. Юго-восточнее находится, по-видимому,

дочерний ареал “колодезной” гидронимии Дона (в основном на территории Луганской и Ростовской областей), образовавшийся благодаря “размыву” – вследствие миграции населения – южного крыла главного ареала. “Брызги” этих двух ареалов обнаруживаются на среднем Дону (два названия) и в бассейне Маныча (одно название – *Гремучий колодезь*, в истоках балки Хадата-Булук); три названия зафиксированы в бассейне Миуса, впадающего в Азовское море: *Булавин колодезь* (ПГК; АЕН, ПДУ), сейчас – речка *Булавинка*, л.п. Крынки, п.п. Миуса; *Савостьянов колодезь* (КЧР), сейчас – речка *Севастьянка*, л.п. Крынки, п.п. Миуса; *Olghowoikolodez* (МИРК – карта южной России Менгдена и Брюса, 1699 г.), сейчас – речка *Ольховая*, п.п. Миуса. Это, пожалуй, самые южные *колодези*, занесенные в Северное Приазовье в XVII-XVIII вв. колонизационной волной. Отмеченные В.А. Никоновым названия урочища близ Генического *Сто Колодезей* и крымский ойконим *Семь Колодезей*⁵ скорее всего прямого отношения к рассматриваемому термину не имеют: в них *колодезь* – вариант термина *колодець* “источник воды искусственного происхождения”. Не исключено также калькирование более раннего тюркского названия с термином *кую* (из *Юзкуй*; *Сто Колодезей* находятся недалеко от Юзкуйского лимана), о чем говорят и другие варианты топонима – *Сто Копаней*, *Стокопани*. На севере и северо-западе донские *колодези* без каких-либо разрывов смыкаются с аналогичными названиями в бассейне Оки. По данным каталога водной номенклатуры Поочья Г.П. Смолицкой (ГБО), почти вся “колодезная” гидронимия бассейна Оки находится в ее верховье. Особенно много ее вокруг г. Орла (на участке от истоков Оки до р. Нугрь) – более 80 названий. Севернее они встречаются несколько реже: между реками Нугрь и Угра в верхнем Поочье регистрируется уже до 40 названий с этим термином, из которых более 20 группируются вокруг Тулы. Еще ниже по течению Оки одиночные *колодези* растянулись вдоль ее правобережья до р. Осетра, исчезая на участке между его устьем и рекой Истья, и только в бассейне Прони мы снова обнаруживаем небольшую разреженную группу названий (6) с этим термином. В нижнем Поочье их только два – в бассейне Мокши (выше устья Цны) и на левом берегу Оки выше устья Клязьмы (озеро *Микулин Колодезь*).

Как легко заметить, в гидронимии Поочья весьма четко обозначен ареал названий с гидрографическим термином *колодезь*. Это ее верховье, приблизительно до г. Калуги, и участок правобережья – до р. Прони включительно. В сущности, перед нами субареал более обширного днепровско-окско-донского гидронимического ареала с

данным термином. На юго-западе он получает продолжение в днепровской гидронимии, на юге и юго-востоке – в водной номенклатуре верховьев Северского Донца и верхнего Дона.

Гидронимический ареал *колодезей* совпадает с их ойконимическим ареалом, выявленным В.А. Никоновым.

Термин *колодезь* в редких случаях мог сочетаться в прошлом с названиями крупных водных артерий. Ср., например: *Донецкий колодезь* (ОХЕ-1 – в письме маяцкого приказного чугуевского воеводе; сейчас – река Северский Донец), *колодезь Дерколов* (Броневский-1, 298 – в документах XVII-XVIII вв.; сейчас – река Деркул, л.п. Северского Донца), *колодезь Святой* (КБЧ, 76; сейчас – река Нетриус, л.п. Северского Донца). В живом употреблении термин *колодець* (=колодезь) на ареале юго-восточной Украины зафиксирован лишь в одном случае – *Булавин колодець* (запись 1968 г.). Очень часто термин *колодезь* (*колодець*), встречающийся в документах XVII-XVIII вв. в сочетании с различными топонимическими прилагательными, в источниках более позднего времени заменяется другими терминами – *речка, ручей, балка, яр, верх, овраг* и т.д. Это можно сказать и о почти 40 случаях употребления данного термина в гидронимии харьковской зоны бассейна Северского Донца, где (по данным карты-трехверстки) в XIX в. уже не было ни одного гидронима, связанного с этим термином: *Березовый колодезь* (КБЧ, 63; МИКБ-Ц, 37, 1640 г.) – *яр Березов* (СРДонБ, 46), *Никольский колодезь* (МИКБ-Ц, 332, 1773 г.) – *яр Никольский* (СРДонБ, 46), *Ледный колодезь* (ОХЕ-2, 102, 1653 г.) – *овр. Ледный* (СРДонБ, 46), *Проходный колодезь* (МИКБ-Ц, 203, 1767 г.) – *овр. Проходный* (СРДонБ, 47), *Красный колодезь* (МИКБ-Ц, 324, 1773 г.) – *балка Красная* (СРДонБ, 47), *колодезь Муром* (АМГ-Ц, 681, 1659 г.) – *р. Муром* (СРДонБ, 47), *колодезь Жихорь* (ОХЕ-2, 102, 1653 г.) – *р. Мокрый Жихор* (СРДонБ, 47) и др.

Обращает на себя внимание то, что в белгородско-харьковской зоне сгущения гидронимов с термином *колодезь* находится и ряд названий, которые могут быть интерпретированы как иранизмы. Бассейны верхнего Оскола, Быстрой Сосны и Тихой Сосны – пока единственная известная нам зона распространения донских Сазонов, которые могут быть сближены с осетинским словом *саэдзэн* “болотистый”⁶.

Харьковскому течению Северского Донца принадлежат и гидронимы с конечным элементом *-хон* (вследствие позднейшего согласования в славянской речи со словом *река* превратившимся в *-хонь*), восходящим, вероятнее всего, к иранизму *хон* (*хан*) или *кон* (*кан*) “источник, колодезь”, например: *Шолихонь* – в бассейне реки Корень,

п.п. Нежеголи, л.п. Северского Донца (СРДонБ, 43); *Жирогань* (КБЧ, 71; ВУР-І, 296, 1639 г.), или *Нижжерогань* (АМГ-ІІ, 681, 1659 г.), сейчас – *Рогань*, л.п. реки Уды (СРДонБ, 47). Северо-западнее этой зоны обнаруживаем топоним *Порохань* (по соседству с названиями иранского происхождения *Осмонь* и *Свана*) < *parata-xan (ср. среднеиранское parata-, осетин. foḡd- “большая река”). Ср. гидроним с тождественной смысловой структурой, но только в бассейне Днепра: *Домоткань* < *danu-xan “колодезь вблизи большой реки”⁷.

Именно на этой территории обнаруживаются весьма выразительные археологические следы Салтовской культуры, с ираноязычными носителями которой ранние славянские племена Подонья находились в интенсивных контактах. Примечательно, что в центре южного крыла “колодезной” гидронимии Дона (а также других водных названий среднеиранского происхождения) на реке Уде в XII в. находился основанный славянами город Донец. Вполне вероятно, что именно здесь – в бассейне реки Уды, правобережных притоков верхнего Дона, в верхнем Приосколье и в примыкающих к ним с запада бассейнах Псла и Ворсклы (где тоже имеется отмеченный О.Н. Трубачевым замкнутый “оазис Колодезей в гидронимии Поднепровья”⁸) произошло освоение славянами среднеиранского термина *хон* (*хан*), *кон* (*кан*), выразившееся, во-первых, в его “слепом” заимствовании в составе сложных топонимических образований (ср. *Порохонь*, *Шолихонь*, *Жирогань*), во-вторых, в сближении со словом *конь* (ср. *Бишконь*, он же *Обиток*, п.п. Деркула, л.п. Северского Донца; в украинской огласовке – *Бишкiнь*; может быть, еще *Бишкин* – п.п. Северского Донца ниже Гомольши, с развившимся позже псевдосуффиксом) и, в-третьих, в распространении их другими “синонимами” смыслового ряда *caballus* (ср. рядом расположенные притоки Северского Донца на севере Донецкой области – *Жеребец* и *Бахмут*)⁹. У нас нет пока оснований считать термин *колодезь*, столь представительный в гидронимии верхнего Дона и верховье Северского Донца, семантической калькой среднеиранского *кон* (*хон*), однако смысловое развитие и территориальное распространение этого термина могло быть каким-то образом “скорректировано” славяно-иранскими языковыми контактами в этом районе Подонья. В более позднее время (очевидно, не ранее XVI в.), благодаря миграционным процессам, названия с термином *колодезь* “водный поток” по Северскому Донцу стали “сползать” в юго-восточном направлении, многократно повторившись на участке между Луганью и Быстрой, а также в сторону Азовского моря, однако побережья его не достигли.

II. Термины для обозначения объектов, возникших благодаря образованию речных излучин и разрушению меандрирующего русла. Это прежде всего *старица* и *старуха* – “прежнее русло реки, иногда заглохшее и занесенное песком, а иногда образующее проток или озеро”¹⁰, *стародонье*. Последний термин образовался путем слияния в одно слово частей на Дону обозначений рукавов посредством словосочетания *Старый Дон*. Иногда один и тот же или соседствующие гидрообъекты сохраняют словообразовательные различия данного термина. Например, превратившийся в озеро рукав Дона выше устья Черной Калитвы в разных источниках именуется *Старым Доном*, *Стародоном* и *Стародоньем* (ПВО, 95; НМВГ, 296; СРДонБ, 6); правый приток Дона выше устья Иловли – *Стародонье* – имел собственный рукав – *Старый Дон*; в этом же районе имеется и несколько рукавов с чередующимися названиями – *Старый Дон*, *Стародонье* и т.д. В гидрологической литературе отмечены единичные случаи использования данного МГТ, например: “В будущем необходимо ожидать, что р. Старая превратится в главное русло реки, а теперешнее русло с Камышевскими перекатами превратится в *Стародонье*”.¹¹ В географических названиях бассейна Дона нашел отражение и другой эквивалент термина *старица (старуха)* – *баба*, *бабка*, насколько нам известно, уже не встречающийся как апеллятив. Очень “показательно” в этом отношении название озера *Баба* (выше устья Иловли), расположенного почти рядом с рукавом *Старый Дон* и в зоне скопления аналогичных терминов, ставших гидронимами, – *Старый Дон*, *Стародонье* (СРДонБ, 27). Сравните еще: р. *Бабка* – п.п. Дона между Битюгом и Осередом; яр *Бабка* – л.п. Черной Калитвы (в районе речки Меженки); рч. *Баба* – л.п. Большого Бурлука, л.п. Северского Донца; рч. *Бабка* – п.п. Северского Донца (выше реки Уды; она же *Большая Бабка*); рч. *Бабка* в бассейне Оскола (ниже рч. Ураевой).

Сопоставляя лексический состав данной терминологической группы – в том виде, в каком он получил отражение в собственных названиях – в бассейнах Днепра, Дона и Оки, можно констатировать уменьшение количества лексем для обозначения старого русла в направлении от Днепра к Поочью: если в Поднепровье отмечены *Старик*, *Старец* (“на усть *Старца* над Днепром” – ВУР-I, 245), *Старица*, *Старуха*, *Бабуся* (в бассейне Сулы, л.п. Днепра), *Бабка* (в бассейнах Припяти и Десны), *Дидо* (рукав Днепра), а в Подонье – *Старица*, *Старуха*, *Баба* и *Бабка*, то в Поочье, по материалам каталога Г.П. Смолицкой, отмечаются лишь *Старица* (преобладающий тип топонимизированного термина) и *Старуха* (вариант – *Старушка*) (ГБО,

Если отразившиеся в гидронимии лексемы *старица*, *старуха*, *старик* и *старец* входят в одну словообразовательную парадигму термина, то такие образования, как *баба*, *бабка*, *бабуся* и укр. *дідо*, вторичны и эпизодичны. Это, в сущности, своего рода “синонимические” распространители терминов (высокая частота употребления которых создавала нежелательную одноименность близлежащих объектов), переосмысленных на базе соответствующих апеллятивных наименований для пожилой женщины и мужчины (т.е. *старица*, *старуха* ∞ *баба*, *бабка*¹², *бабуся*; *старец*, *старик* ∞ укр. *дід* > локально ограниченные термины, а затем и гидронимы *Баба*, *Бабка*, *Бабуся*, *Дідо*).

Названия типа *Старица*, *Старуха*, *Баба*, *Бабка* и т.д. в бассейне Дона относятся к рукавам реки или утратившим водоток озерам, а также к более или менее значительным водным артериям. Последнее вызвано тем, что, возникнув в определенном месте, где мог произойти размыв меандрирующего русла (в локально ограниченном очаге зарождения имени), гидроним впоследствии распространился на весь линейный объект, утратив свое терминологическое содержание. Многие названия рек Подонья обнаруживают подобную этиологию (ср. р. *Лопань* и МГТ *лопань*, р. *Крынка* и МГТ *крынка* и т.д.).

По-видимому, своего рода “отрицательному” рефлексу на переосмысленный, благодаря сближению с омонимичным апеллятивом, термин *старица* и его разновидности – *бабуся*, *старуха* (ср. *старуха Лукоровка* – левый рукав Десны, л.п. Днепра)¹³ и др., обязано появление и тополексемы *Девича* для обозначения нового русла реки¹⁴. Как МГТ она, насколько нам известно, нигде не засвидетельствована. Это связано или со слабой распространенностью ее в прошлом в качестве МГТ (может быть, даже эндемичностью), или же с тем, что лексема *Девича* никогда не существовала в качестве МГТ и “топонимический рефлекс” на реальный термин *старица* (*бабуся* и т.д.), перешедший в гидроним, осуществился на ономастическом уровне: *старица*, *бабуся* (МГТ) > *Старица*, *Бабуся* (гидронимы) > *Девича* (гидроним) и т.п.¹⁵

Примечательно, что одна из *Девич* (л.п. Вьюницы, бассейн Днепра) имеет и другое, расшифровывающее ее исконный смысл название – *Новый Поток* (СРДнепрБ, 213). А.С. Стрыжак неверно рассматривает полтавский гидроним *Бабуся* (приток *Девичы*, на ней также село *Малая Девича*) в ряду названий, указывающих “на разные социально-возрастные особенности”, хотя в другом месте совершенно правильно считает, что здесь могла иметь место “локально-

семантическая системность в гидронимии”¹⁶. Интересно, что одна из днепровских *Девичь* имеет приток с названием сходного смыслового плана – *Дочь* (СРДнепрБ, 207). Возможно, топоним *Девичь* отразился и в названии села *Девичий Рукав* (на р. Мокше в бывшем Краснослободском уезде, Пензенской губернии; Семенов-П, 151; Россия-П, 348).

Все четыре днепровских гидронима *Девичь* принадлежат бассейну Десны (3) и Сожи (1). Донские *Девичь* (их три) образуют микроареал на Верхнем Дону. Это правый приток Дона между Сосной и Воронежем, левый приток Усмани (бассейн Воронежа) и правый приток Дона между Воронежем и Битюгом. В.П. Загоровским выдвинута гипотеза о неоригинальном происхождении донских *Девичь*, которые (так же, как и целый ряд других топонимов вокруг Воронежа) были перенесены сюда, по его мнению, с Черниговской земли в древнерусскую эпоху¹⁷. О несамобытности этих топонимов в Подонье, по-видимому, свидетельствует и отсутствие каких-либо материальных следов их взаимодействия с другими названиями топонимического ландшафта, как это имело место в Поднепровье (ср. отмеченные выше факты: *Девичь*, она же *Новый Поток*; *Бабуся* – приток *Девичь*; река *Девичь* с притоком *Дочь*), в отдельных зонах которого в прошлом возникали живые ономазиологические связи оппозитивного характера¹⁸, одним из проявлений которых было противопоставление лексем *Старица* ↔ *Девичь* (не исключено, что последняя из них когда-то имела апеллативное соответствие в виде забытого теперь гидрографического термина). Показательно и то, что в зоне расположения донских *Девичь* вообще не отмечено ни одного случая топонимизации терминов, обозначающих старое русло реки, который мог бы стимулировать появление названия *Девичь* (таких, как *старица*, *старуха*, *баба*, *бабка*, *бабуся* и т.д.). Это позволяет нам высказать предположение, что на Дону лексема *Девичь* не была известна в качестве МГТ, в отличие от таких “синонимических” распространителей термина *старица*, как *баба* и *бабка*, отразившихся в различных частях Донского бассейна – на верхнем и среднем Дону, в верховье Северского Донца и в Приосколье.

Более широкое отражение в гидронимии Дона получили гидрографические термины *хомутец* и *калач*. Первый из них имеет варианты *хомуток*, *хомутник*. В. Даль указывает еще (с пометой *сиб.*) на словообразовательную разновидность термина – *хомутина* “озеро, ерик, старица, русло реки, загнутое подковой” (ТС, IV, с. 577). В ряде случаев термин лежит в основе производных названий – *Подхомутень*,

Хомутинное, Хомутовский и т.д. По характеру гидрографических объектов это чаще всего озера, реже – балки и совсем редко – речки и музги, например, рч. *Хомутец* в бассейне Воргла, л.п. Быстрой Сосны (ВСОРИ-ОГ, 6), “полевая речка” *Хомутец*, л.п. Северского Донца недалеко от устья р. Тор (МИКБ-1, 123, 1685 г.) и др. Изредка, благодаря контактному переносу топонимов, лексема *хомутец* повторяется в названиях негидрографических объектов, например, *могила Хомутец* вблизи балки *Хомутец* в бассейне Деркула, л.п. Северского Донца (ВТКХГ). Слово *хомутец* как МГТ фиксируется в документах, имеющих отношение к Донскому бассейну, начиная с XVII в. Ср. в списке 1615 г. с Воронежских книг письма к дозору Григория Киреевского “с товарищи”: “Козацким двум же человеком у Покленова озера в *хомутце* пятьсят же копен...” (ВПК, 26).

Термин несколько раз топонимизировался в гидронимии Днепра (где известно три *Хомутца* и одна *Хомутовка*) и в бассейне Оки. По данным каталога Г.П. Смолицкой, в нижнем правобережном Поочье имеется два *Хомута*, а в верховье Упы, т.е. в непосредственной близости от истоков Дона, – два *Хомутца*. Кроме того, на Оке отмечено и несколько других суффиксальных производных терминов – *Хомутовец, Хомутовка, Хомуцкой, Хомутовской, Хомутов* (ГБО, 394).

В названиях озер Подонья более десяти раз отразился не имеющий словообразовательных вариантов термин *калач* “кольцеобразный речной проток (впадающий в ту же реку, откуда получил свое начало); речная излучина, круто огибающая остров или полуостров”¹⁹.

Единичны случаи топонимизации этого термина в названиях рек (в прошлом веке, например, была отмечена речка *Калачик* в бассейне Матыры, л.п. Воронежа; СНМ-ТамГ, 138), балок, музг и ериков. Благодаря топонимической метонимии, несколько раз он повторился в ойконимах: слобода *Калач* в верховье реки Толучеевой, л.п. Дона (ВПамК, 39; КВГ; Семенов-2, 436); хутора *Калач* и *Старый Калач* – в юрте Пятиизбянской станицы (АСОВД, 219), сейчас здесь находится город *Калач-на-Дону*; в низовье Куртлака, л.п. Чира, расположен другой населенный пункт – *Калач-Куртлак* (КРО). В последнем случае гидроним *Куртлак* вторично присоединился, в качестве топонимического приложения, к ойкониму *Калач*, имевшему контактное происхождение. Историю образования данного ойконима можно реконструировать следующим образом: МГТ *калач* → гидроним *Калач* → ойконим *Калач* → ойконим *Калач – Куртлак* (в отличие от другого *Калача*, на р. Дон). Перед нами один из случаев сохранения в названии

контактного происхождения незасвидетельствованного элемента топонимической системы (он выделен разрядкой).

Из числа других терминов, обозначающих объекты, появившиеся вследствие размыва речного русла, в гидронимию Дона проникли лексемы *глушица* – “непроточный рукав реки; заводь, старица”²⁰ и *кривуша* (*криуша*, *кривуля*²¹, *криуля*) – “старица, хомутец”²². Если говорить о территориальном распределении в Подонье терминов *хомутец* (*хомуток*, *хомутник*), *калач*, *глушица* и *криуша*, то компактной группой размещены лишь названия, восходящие к термину *глушица*, – все они находятся в низовье Хопра и Медведицы.

Этот же район можно считать южной границей топонимизации термина *криуша* (и его вариантов). Связанные с ним названия обнаруживаются на среднем Дону, в бассейне Хопра и Воронежа. Гидронимы, отразившие термины *хомутец* и *калач*, хотя и не образуют четко обозначенных ареалов, однако выявляют некоторые закономерности своего размещения в топонимии Подонья. Нетрудно заметить полное отсутствие *Калачей* в украинской зоне Северского Донца и тяготение их к восточной половине бассейна, тогда как *Хомутцы*, *Хомутки* и *Хомутники* в основном запечатлелись в гидронимии верхнего и нижнего Дона, а также Северского Донца и полностью отсутствуют в среднем левобережном Подонье.

Только два раза в гидронимии Дона отразился МГТ *морец* или *морцо* – “рукав реки, у которого оба конца занесены песком”, известный также на Волге, где “подобные рукава образуют озера”²³. Это озеро *Морец* у реки Терсы, п.п. Медведицы. Вблизи него возникло село, в названии которого отразились оба варианта термина, – *Морец* (*Морцо*)²⁴. Так называлось и верховье реки Лозной (бассейн Тишанки, п.п. Дона)²⁵.

Для обозначения поворотов речного русла, различных очертаний речных излучин в топонимии Подонья засвидетельствованы термины *лука* (ср. гидронимы: *Липовая Лука*, *Кривая Лука*, *Большая Лука*, *Залучье*, *Лучки*; ойконим *Гречневая Лука*; название урочища, а затем и городка *Сватова Лучка* и др.), *колени* (*Еланское Колени*) и *дзэндза*. Последний термин, означающий “крючкообразный загиб, ответвление на конце какого-либо протяженного объекта (оврага, балки, речки, морской косы и т.д.)” обнаруживается в трех названиях: реки *Зензеватки* (с одноименным оврагом в верховье) – в бассейне Иловли, л.п. Дона (на ней дер. *Зензеватка*; СНМ-СГ, 107; Семенов-П, 326; ВИС-IV, 125); правого ответвления реки Чекалды в ее устье, впадающего отдельным рукавом в Маныч, – *Дзэндзы* (КБМ; СРДонБ, 80; примечательно, что в

ее верховье находится балка *Крендель*) и, возможно, балки *Зензиковой* (в СРДонБ, 83, приводится в неправильной форме – *Вензикова* как самый верхний приток балки Харцызской в бассейне р. Тузлова, п.п. Дона). Вероятно, в одном ряду с донскими гидронимами с корнем *дзэндз-* (*зэнз-*) следует рассматривать и название старых дюн *Зензели* в Калмыцкой степи, в районе ложины Дабан²⁶, имеющие такие же ономаσιологические истоки (закругленная форма рельефа песков).

На северном берегу Азовского моря отходящие в юго-западном направлении длинные косы: *Федотова*, *Обиточная*, *Бердянская* и *Белосарайская* – имеют загнутые к западу конечности, которые местные рыбаки называют *дзэндзиками*. Наиболее значительная из них – мыс *Дзензик* на *Обиточной* косе (загибаясь к западу, образует небольшую бухту) отмечается и в лоции Азовского моря. “Словарь русских народных говоров” приводит этот термин в искаженной записи – *зензик* (с заменой украинской аффрикаты *дз* на *з*) и с недостаточно четким пояснением: “Небольшая отмель, коса, являющаяся ответвлением большой отмели, косы”²⁷, в котором не отмечен важнейший признак *дзэндзика* – его конечное положение и загнутость крючком.

Гидронимия Дона свидетельствует о том, что, во-первых, рассматриваемый термин в прошлом был известен не только на морском побережье, как в наше время, но и значительно севернее (ср. гидроним *Зензеватка* в бассейне Иловли, в котором корень *зэнз-* < *дзэндз-* осложнен очень продуктивным на среднем и нижнем Дону суффиксом *-оват-//еват-*: *Дзэндз-* + *-свата(я)* > *Дзэндзеват-* + *-ка*), и во-вторых, что он, по-видимому, мог выступать раньше и в бессуффиксной форме – *дзэнзда* (ср. гидроним в бассейне Маныча).

Этимология термина неясна. Вполне возможна его связь с украинскими апеллятивами – *дзэндзелик* “пламя фитиля”, в загадке: *Червоний дзэндзелик, чорна ниточка* (отгадка: плошка, каганец); *дзэндзелія* – растение золототысячник²⁸ (с ярко желтым соцветием), которые имеют усложненную суффиксальную часть: к основе *дзэндзел’-* (<*дзэндз-* + *-ель*) присоединены суффиксы *-ик* и *-ія*. Все эти слова когда-то, по-видимому, обладали общей “внутренней формой”: “нечто такое, что имеет на конце *дзэндзу* (или *дзэндзель*)”; в исследуемых лексемах это колеблющееся пламя на фитиле, соцветие, загнутая оконечность морской косы. Семантически близким к МГТ *дзэндзик* является другой украинский апеллятив – *дзиндик* “висячая и качающаяся кисточка или что-либо подобное”²⁹. От другой фонетической разновидности данного корня – *дженджэ*³⁰ образовались слова *дженджик* “франт, щеголь” и *дженджерувати* “маневрировать” (о поезде)³¹, засвидетельствовавшие

иной смысловой сдвиг: кисточка (как украшение), погремушка и т.д. → щеголь; болтаться во все стороны → двигаться не по прямой линии, маневрировать. В свою очередь корень *дзэндз-* мог возникнуть как звукоподражательный элемент детского языка (с аллилуйской аффрикатой). Этот же корень, возможно, содержат и болгарские (звукоподражательные?) слова *джуджури* (pl) – “побрякушка”, диал. *джунджур* – “сосулька”, *дзедзам* – “качаться, шататься”, *дзэндзам* – “шевелиться”³². Что касается зарегистрированного в конце XIX в. в районе Ейска слова *дзэндзик* – “зонтик” и современного кубанского *дзэнзик* с тем же значением³³, то это, вероятнее всего, один из случаев так называемой аррадикации, сближения по созвучию в диалектной речи слова *зонтик* с местным гидрографическим термином. Этот факт более показателен в другом отношении: он свидетельствует о бытовании термина *дзэндзик* и на южном побережье Азовского моря³⁴.

Среди претерпевших топонимизацию гидрографических терминов Подонья, обозначающих особенности конфигурации речного русла, следует отметить еще один чрезвычайно интересный термин *жегуля. Эта лексема нигде, кажется, не засвидетельствована как МГТ; насколько нам известно, в качестве такового она уже не встречается в современных донских говорах.

Донская *Жегуля* – это узкий и маловодный ерик, проток Дона (вероятно, его старое русло) в районе устья Северского Донца, с двух сторон обтекающая станицу Кочетовскую. Варианты гидронима: *Жогуля* (ДС, 94; с указанием на станицу Кочетовскую и ее хутора), *Жагули* (ВСОРИ-ЗВД, 227), ерик *Жегульский* (ВСОРИ-ЗВД, 80). Имеется еще свидетельство о речке *Сухой Жигуле*, вероятно, каком-то притоке *Жигули* (ВСОРИ-ЗВД, 80). На верхнем Дону, в бассейне Ведуги, зарегистрировано еще озеро *Жигулинское* (НМВГ, 103), название которого, впрочем, может быть и отантропонимичного происхождения (ср. фамилии *Жигулин*, *Жигульский*). Ср. еще верх *Жегулин* в верхнем левобережном Поочье (ГБО, 22). Пустошь *Жегулы* (pl) с одноименной деревней зафиксирована в одной из рязанских писцовых книг XVI в.: “дано ему ис порозжих земель жеребей пустоши *Жегул*” (ПКРК, 848). Среди притоков Терека есть и *Шугуля* (или *Шеголи*, Змейка) (Семенов-В, 822) – вероятное искажение *Жегули (*Жигули*). З.В. Рубцова любезно сообщила автору о том, что в белорусской топонимии имеется два названия с корнем *жигул’-*: *Жигули* (pl) – деревня Верхнедвинского района Витебской области (местная форма – *Жагули*) и *Жигулянка* – л.п. Ясельды (бассейн Пришати) в Ивацевичском и Березовском районах Брестской области (местное название в нижнем течении – *Дорогобуж*).

Вполне вероятно этимологическая связь гипотетического термина *жигуля с русским диалектным словом *жигулистый* “тонкий, длинный” (кроме того, так говорят и о гибком, ловком, быстром, проворном человеке)³⁵. Именно такое впечатление, видимо, и производила в период возникновения гидронима эта длинная и узкая протока между Доном и Сухим (или Спорным) Донцом.

Не исключается, что именно эта лексема лежит в основе названия Жигулевских гор. Его связывали и с именем легендарного разбойника *Жигулина*³⁶, и с глаголом *жечь*, а в последнее время – с тюркским словом *джигули*, предполагаемым наименованием “запряжного рабочего, бурлака”, которое могло относиться и к горам, и к населенному пункту³⁷. Если же допустить, что известная петля Волги в районе Жигулевских гор (Самарская лука) могла еще именоваться *жигулей* (русло Волги здесь сужается, течение ее становится более стремительным)³⁸, то историю образования топонима *Жигули* можно представить следующим образом: *Жигуля* (изгиб Волги) → *Жигули* (название села на *Жигуле*; форма множественного числа выполняла здесь ойконимообразующую функцию, а также служила расподоблению с омонимичным названием речной извилины) → *Жигулевские горы* (ороним отойконимимного происхождения)³⁹ → *Жигули* (производная форма оронима)⁴⁰.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АЕН (ПДУ)** – Атлас Екатеринославского наместничества, 1784 г. (план Донецкого уезда). Рукопись. Центральный государственный военно-исторический архив России (далее – ЦГВИА.), фонд Военно-ученого архива (далее – ВУА), ед.хр. 18724.
- АМГ – II** – Акты Московского государства. – Т. II. – СПб., 1894.
- АСОВД** – Алфавитный список населенных мест Области Войска Донского. Новочеркасск, 1915.
- Броневский – I** – В. Броневский. История донского войска. – Ч. I. – СПб., 1834.
- ВИБС – I** – Волости и важнейшие селения Европейской России. – Вып. I. Губернии центральной земледельческой области. – СПб., 1880.
- ВИБС – IV** – Волости и важнейшие селения Европейской России. – Вып. IV. Губернии Нижне-Волжской области. – СПб., 1883.
- ВПамК** – Воронежская памятная книжка на 1856 год. – Воронеж, 1856.
- ВПК** – Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские писцовые книги. – Т. 2. – Воронеж, 1891.
- ВСОРИ – ВГ** – Военно-статистическое обозрение Российской империи. – Т. XIII. – Ч. 2. Воронежская губерния. – СПб., 1850.

- ВСОРИ – ВГАС** – Приложение к ВСОРИ-ВГ: Алфавитный список мест, удобных к помещению различных штабов, ротных и эскадронных дворов.
- ВСОРИ – ЗВД** – Военно-статистическое обозрение Российской империи. – Т. XI. – Ч. 5. Земля Войска Донского. – СПб., 1852.
- ВСОРИ – ОГ** – Военно-статистическое обозрение Российской империи. – Т. VI. – Ч. 5. Орловская губерния. – СПб., 1855.
- ВТКЕГ** – Военно-топографическая карта Екатеринославской губернии. Масштаб: 3 версты в 1 дюйме. – 60-е гг. XIX в. (точная дата не указана ни на карте, ни в каталоге ВУА). ЦГВИА, фонд ВУА, ед.хр. 21303.
- ВТКХГ** – Военно-топографическая карта Харьковской губернии, 1862 г. Масштаб: 3 версты в 1 дюйме. – ЦГВИА, фонд ВУА, ед.хр. 21504.
- ВУР – I** – Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. – М., 1953.
- ГБО** – Г.П. Смолицкая. Гидронимия бассейна Оки. – М., 1976.
- ГКЕУ** – Геологическая карта Елецкого уезда Орловской губернии, составлена горным инженером А. Краснопольским. – Приложение к ЕУ (см.).
- ДР** – Справочник по водным ресурсам СССР. – Т. VI: Донской район. – Л.-М., 1936.
- ДС** – А.В. Миртов. Донской словарь: Материалы к изучению лексики донских казаков. – Ростов-на-Дону, 1929.
- ЕУ** – А. Краснопольский. Елецкий уезд в геологическом отношении. – В кн.: Труды Геологического комитета. – Т. XVIII. – №3. – СПб., 1902.
- КБМ** – Карта бассейна р. Маныча. Приложение к статье Б. Богачева “Степи бассейна р. Маныча”. – В кн.: Известия Геологического комитета. – Т. XXII. – СПб., 1903.
- КБЧ** – Книга Большому Чертежу. – М. -Л., 1950.
- КВГ** – Карта Воронежской губернии, 1855 г. – Приложение к ВПамК (см.).
- КОРД** – Краткое описание исследований верхней части реки Дона от хут. Калача до устья р. Сосны и реки Сосны от ее устья до г. Ельца, произведенных Донскою описною партиєю в 1891-1895 гг. под начальством инженеров Чернцова и Розенверта. – СПб., 1901.
- КРО** – Карта “Ростовская область”. Масштаб: 1 : 600000. – М., 1972.
- КЧР** – Карта части России, лежащей около Черного и Азовского морей, 1769 г. Рукопись. Копир. Масарницкий. ЦГВИА, ф. ВУА, ед.хр. 20116.
- МГСР – ВГ** – Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Воронежская губ. Составил В. Михалевич. – СПб., 1862.
- МИКБ – I** – Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI-XVIII столетии, собранные в разных архивах и отредактированные Д.И. Багалеем. – Харьков, 1886.
- МИКБ – II** – Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ. в XVI- XVIII ст., собранные в разных архивах и отредактированные Д.И. Багалеем. – Т. 2. – Харьков, 1890.

- МИРК** – В. Кордт. Материалы по истории русской картографии. – Вып. I. – Киев, 1899.
- НМВГ** – Населенные места Воронежской губернии. Справочная книга. – Воронеж, 1900.
- ОГВД** – В. Б. Огачев/. Очерки географии Всевеликого Войска Донского. – Новочеркасск, 1919.
- ОХЕ** – 1, 2 – Филарет. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отделение 1. – Харьков, 1859; отделение 2. – Харьков, 1857.
- ПВО** – В. Жучкова. Природа Воронежской области. – Воронеж, 1949.
- ПГК** – Примерная генеральная карта Новороссийской и Азовской губернии. Сочинена июля 18 дня 1775 г. Рукопись. ЦГВИА, ф. ВУА, едхр. 20123.
- ПКРК** – Писцовые книги Рязанского края XVI и XVII вв. – Т. 1. – Вып. 3. – Рязань, 1904.
- Россия** – II – Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Под редакцией В.П. Семенова и под общим руководством П.П. Семенова... и акад. В.И. Ламанского. – Т. 2. Среднерусская черноземная область. – СПб., 1902.
- Семенов** – II, IV, V – Географическо-статистический словарь Российской империи. Сост. по поручению имп. Русского географического общества чл. общества П. Семенов при содействии действ. членов В. Зверинского, Р. Маака, Л. Майкова и Н. Филиппова. – Т. 2. – СПб., 1865; – т. 4. – СПб., 1873; – т. 5. – СПб., 1885.
- СКВГ** – Статистическая карта Воронежской губернии. Приложение к “Памятной книге Воронежской губернии на 1870-1871 гг.” – Воронеж, 1871.
- СНМ** – ВГ – Списки населенных мест Российской империи. – Вып. IX. Воронежская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. – СПб., 1865.
- СНМ** – КГ – Списки населенных мест Российской империи. – Вып. XX. Курская губерния. Список населенных мест по сведениям 1862 г. – СПб., 1868.
- СНМ** – ОГ – Списки населенных мест Российской империи. – Вып. XXIX. Орловская губерния. Список населенных мест по сведениям 1866 г. – СПб., 1871.
- СНМ** – СГ – Списки населенных мест Российской империи. – Вып. XXXVIII. Саратовская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. – СПб., 1862.
- СНМ** – ТамГ – Списки населенных мест Российской империи. – Вып. XLII. Тамбовская губерния. Список населенных мест по сведениям 1862 г. – СПб., 1866.
- СНМ** – ТГ – Списки населенных мест Российской империи. – Вып. XLIV. Тульская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. – СПб., 1862.
- СРДнепрБ** – П.Л. Маштаков. Список рек Днепровского бассейна. – СПб., 1913.
- СРДонБ** – П.Л. Маштаков. Список рек Донского бассейна. – Л., 1934.
- ТС** – IV – В.И. Даль. Толковый словарь великорусского языка. – Т. IV. – М., 1935.

- ¹ Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. – М., “Мысль”, 1974. – С. 98.
- ² Миртов А.В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. – Ростов-на-Дону, 1929. – С. 101, 214, 244, 253, 269.
- ³ Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины. – М., 1968. – С. 228. Ср.: Хан – п.п. Вети, п.п Сейма (с вариантом Хон). “Иранское происхождение этого названия очевидно, ср. авест. хап “колодец, источник” (Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. – М., 1962, с. 227). Ср. другие иранизмы в бассейне Десны: Ропша (<*raṣāsa), Сев (<*sāva); там же, с. 225-226.
- ⁴ Список сокращений источников см. в конце статьи.
- ⁵ Никонов В.А. Ручей-ключ-колодезь-криница-родник // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. – Вып. II. – М., 1961. – С. 188.
- ⁶ Муромцев И.В. Словотворчі типи гідронімів (басейн Сіверського Дінця). – Київ, 1966. – С. 48.
- ⁷ Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины. – С. 207.
- ⁸ Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины. – С. 229.
- ⁹ См. об этом в нашей статье “Из этимологических исследований донской гидронимии (К вопросу о первичном звене в коррелятивной паре *битюг* // *Битюг*.” – В кн.: Этимология. 1970. – М., 1972. – С. 230-241.
- ¹⁰ Маштаков П.Л. Материалы для областного водного словаря. – Л., 1931. – С. 103.
- ¹¹ Поляков Б.В. Гидрология бассейна реки Дона. – Ростов-на-Дону, 1930. – С. 122. В данном примере термин ошибочно подан с большой буквы.
- ¹² Ср. слово *баба* “бабушка” в тексте документов из собрания “донских дел” (1656 г.): И блаженные памяти *бабы* твоей государевы (текст войсковой отписки цит. по “Донскому словарю” А.В. Миртова, с. 9-10).
- ¹³ Маштаков П.Л. Список рек Днепровского бассейна. – СПб., 1913. – С. 212.
- ¹⁴ Ср. еще иной тип противопоставления: *Старый Дон* – *Новый Дон* (рядом расположенные рукава Дона ниже устья Северского Донца; СРДонБ, 77), *Старый Абакан* – *Новый Абакан* (два главных рукава р. Абакан) и т.д. В большинстве случаев определение *старый* в подобных составных топонимах не имеет “антонима” в соотносительных с ними названиях. Типичны противопоставления: *Старый Дон* – *Дон*, *Старый Днепр* – *Днепр*, *Старая Ока* (она же *Старица*) – *Ока*, *Старый Донец* – *Донец*, *Старая Медведица* – *Медведица*, *Старая Иловля* – *Иловля* и т.д. Реже бывает наоборот: *Днепр* – *Новое Днеприще* (правый рукав Днепра ниже Подпильни; СРДнепрБ, 89). В отдельных случаях прилагательное *Старая* попадает в название основного русла реки благодаря топонимической метонимии. Так, гидроним *Калитва* (=Черная *Калитва*) под влиянием одного из ойконимов, находящегося в противопоставлении по отношению друг к другу, – *Новой* и *Старой Калитвы* усложняется топонимическим прилагательным и превращается в *Старую Калитву* (ВИВС-1, 188; КОРД, 29; ДР, 350). Не изучив характера взаимосвязи

всех этих топонимов, можно прийти к ошибочному выводу, что определение *старая* свидетельствует о том, что в данном районе когда-то был размыв излучины.

- ¹⁵ Ср. еще возникшее аналогичным путем народное название Волнигского порога на Днепре – *Внук*, ситуативно (или системно) обусловленное именем расположенного рядом порога *Деда* (Ненасытца), названного так из-за окружающей его белой пены клокочущей воды (Д.И. Эварницкий. Топографический очерк Запорожья. – Киев, 1884. – С. 186-187).
- ¹⁶ Стрижак С.О. Назви річок Полтавщини. – К., 1963. – С. 18, 100.
- ¹⁷ Загоровский В.П. О древнем Воронеже и слове “Воронеж”. – Воронеж, 1977. – С. 64. Такой перенос названия допускает и В.А. Прохоров в книге “Вся Воронежская земля. Краткий историко-топонимический словарь”. – Воронеж, 1973. – С. 77.
- ¹⁸ Ср. еще: балка *Гнедая* – приток балки *Вороной*, л.п. Днепра; балка *Разумная* (п.п. Лозовой, л.п. Самары, л.п. Днепра), расположенная рядом с балкой *Дурной* (тоже п.п. Лозовой) и т.д. (ВТКЕГ). Гидронимами, стимулировавшими появление “антонимического” коррелята, здесь являются дестимологизированные названия *Вороная* и *Дурная*: в них оказались забытыми исконные значения “чёрная” и “неплодородная” (ср. укр. *дурні землі*).
- ¹⁹ Словарь русских народных говоров. – Вып. 12. – Л., 1977. – С. 338.
- ²⁰ Словарь русских народных говоров. – Вып. 6. – Л., 1970. – С. 219.
- ²¹ Нами отмечено употребление этого термина и в научной литературе. Например: “...в *кривуле* выше Красного моста наблюдается бурая лессовая глина”; “...в *кривуле* против с. Новотроицкого” (А. Краснопольский. Елецкий уезд в геологическом отношении. – В кн.: “Труды Геологического комитета”. Т. XVIII, №3. – СПб., 1902. – С. 26, 48).
- ²² Вариативность этого термина иногда приводит к неустойчивости формы гидронима. Так левый приток Подгорной (по другим данным – Толучесвки), л.п. Дона – речка *Криуша* в различных источниках XVIII – XIX вв. имеет и другие варианты названия: *Кривуша*, *Криуля*.
- ²³ Списки населенных мест Российской империи. – Вып. XXXVIII. Саратовская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. – СПб., 1862. С. XLVII (раздел “Объяснение некоторых географических терминов”); А.Н. Минх. Историко-географический словарь Саратовской губернии. – Т. 1. – Вып. 3. Южные уезды: Камышинский и Царицынский. – Саратов, 1901. – С. 646.
- ²⁴ Списки населенных мест Российской империи. – Вып. XXXVIII. – С. 32.
- ²⁵ Минх. Ф.Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. – С. 647.
- ²⁶ Мушкетов И. Геологические исследования в Калмыцкой степи в 1884-1885 гг. – Труды Геологического комитета. – Т. XIV. – №.1. – 1895. – С. 75.
- ²⁷ Словарь русских народных говоров. – Вып. II. – Л., 1976. – С. 263.

- ²⁸ Гринченко Б.Д. Словарь української мови. – Т. 1. – К., 1307. – С. 378.
- ²⁹ Гринченко Б.Д. Словарь української мови. – С. 379.
- ³⁰ Во многих диалектных словах украинского языка отмечается взаимозаменяемость аффрикат *дз* и *дж*, ср.: *дзвякати* – *джвякати*, *дзиг* – *джиг*, *дзюрчати* – *джурчати*, *дзбан* – *джбан* и т.д.
- ³¹ Гринченко Б.Д. Словарь української мови. – С. 374.
- ³² Български етимологичен речник. Съставили Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев. Свезка V. – София, 1966. – С. 371, 375-376.
- ³³ Словарь русских народных говоров. – Вып. 8. – Л., 1972. – С. 46; Ткаченко Петр. Кубанский говор. Опыт авторского словаря. – М., 1998. – С. 84.
- ³⁴ У нас пока нет достаточных сведений, чтобы судить о распространении данного термина на других территориях. Возможно, он был известен в прошлом и в белорусской топонимии. В хранящихся в ЦГАДА экономических примечаниях на дачи Витебского уезда назван (под № 26) и “фольварок *Дендик* з деревней *Качергою* селением лежит на суходоле” (ф. 1355, д.12, л. 14). В перечне имен владельцев дачи *Дендик* не значится; с другой стороны, показательна связь топонима с другим названием – *Кочергой* (вероятный аналог приведенной выше топонимической пары в бассейне Маньчжа: *Дзендза* – *Крендель*).
- ³⁵ Словарь русских народных говоров. – Вып. 9. – Л., 1972. – С. 167.
- ³⁶ “Журнал Министерства внутренних дел”, ч. XXIV – СПб., 1838. – С. 74 (отдел “Смесь”).
- ³⁷ Бахтиев Ш.Р. Жигули. – “Русская речь”, 1970. – № 1. – С. 101.
- ³⁸ Русскому диалектному языку известна целая группа слов с корнями *жиг-* (*джиг-*, *жег-*, *жог-*), в основе значения которых лежит представление о быстром движении. Например: *жигать* (*жегать*, *джигать*) – “быстро двигаться, мотаться” (Словарь русских народных говоров. – Вып. 8. – Л., 1972. – С. 44; вып. 9. – С. 93, 166), *жигун* – “озорник, шалун”, *жигуль* – “шалун, повеса, баловень”; *жогла* – “подвижный, живой, шаловливый ребенок” (там же, т. 9, с. 167, 213). Заслуживает внимания и другое семантическое развитие корня, отразившееся в диалектных словах *жегулиться* – “зябнуть”, *жегулик* – “скорчившийся от холода человек” (Словарь русских народных говоров. – Вып. 9. – С. 93, 99). Этот же корень, возможно, отразился и в названии речки *Джжун* (варианты: *Джжун*, *Жжун*, *Джжун*, *Джжжун*) – л.п. Водолаги, п.п. реки Мож (бассейн Северского Донца).
- ³⁹ Возвышенный правый берег Волги имеет несколько горных массивов, получивших свои названия от “лежащих между ними селений или урочищ”, – Щучьи горы, Ундарские, Городищенские, Новодевичьи, Усоли, Кашпурские и др. (“Журнал Министерства внутренних дел”, ч. XXVII, – СПб., 1838. – С. 75).
- ⁴⁰ Производная форма названий Жигулевских гор – *Жигули* относится к составному топониму так же, как *Сейшелы*, *Каспий*, *Бермуды*, *Сандуны* и т.д. к их полным формам *Сейшельские острова*, *Каспийское море*, *Бермудские острова*, *Сандуновские бани*.

*Проблемы восточнославянской топонимии. М., 1979, с. 5-29.

Гидроним *Миус* в настоящее время представлен в трех произносительных вариантах: *Мйус*, *Миус* и *Миюс*. Последний из них фиксируется раньше других и бытует главным образом в речи старшего поколения, тогда как формы *Мйус* и *Миус* предпочитает молодежь¹.

Судя по имеющемуся в нашем распоряжении материалу, этот гидроним известен в памятниках русской письменности начиная с конца XV в. Ср. в одной из «памятей» великого московского князя «московитину» Мигюре Доманову, едущему к таманскому князю Захарию (Схарию или Скарью), датированной 1489 г.: «А велѣли есмя своимъ людемъ ждати на усть *Міюша* и на Таигане»². Эта форма весьма часто встречается в конце XV - нач. XVI в. в татарских грамотах, посланных из Крыма великому князю московскому, в сообщениях с дороги русских послов и т.д. (ср.: «до *Міюша* доходил и ногаи за Волгу пошли», «от *Міюша* гондомъ, послалъ паробка своего», «писано на *Міюше*» и т. д.)³.

В последующие века в документах утверждается и становится, по сути, единственной формой *Миюс* (*Миюз*). Ср., например: 1)...И как пришелъ на *Міюсь* и тут за нимъ прислали ись Крыму... (1556 г.)⁴; 2) ...Съ урочища съ *Міюсу* воротились назадъ (1648 г.)⁵; 3) ...А шли де они... на *Міюсь*, а на *Міюсе* де стояли двѣ недели (1650 г.)⁶; 4) Да мы ж, холопи твои, ходили, государь, войскомъ, на *Міюзь* речку степью коньми и пешие...⁷. Последний пример - из «войсковой отписи о благополучном отступлении ратных людей от реки Миюса» (1662 г.).

В одном из документов 1637 г. отмечен редкий вариант - *Минюс*: «А качують, государь, своими улусы (речь идет о ногайцах - *Е.О.*) по Кальмиюсу да по *Минюсу*»⁸. К редким вариантам гидронима принадлежит и форма *Мияс* (*Миас*), которую, в частности, содержит ответ Петра I А.Ю. Крвету от 31 декабря 1697 г. (царь напоминает ему о письме, в котором тот сообщал «о строении гавона (т. е. гавани - *Е.О.*) и крепостей на *Миясе*») и другие документы. Здесь имел место

перенос этой формы в гидронимию Северного Приазовья, обусловленный паронимической близостью приазовского речного имени с известным уральским топонимом *Миас*. Кстати, во всех томах собрания «писем и бумаг» Петра I, кроме единственного упоминания варианта *Мияс*, широко представлена именно форма *Миус* при полном отсутствии современной формы *Миус*, постепенно распространяющейся в географической литературе лишь в течение XVIII-XIX вв. (самая ранняя фиксация ее в нашем материале – 1737 и 1753 гг.¹⁰). Итак, в течение шести веков форма интересующего нас гидронима была весьма неустойчивой.

В основе названия реки *Миус* (*Миус*) лежит образ угла или рога. Выбор такой топонимической метафоры определился характером русла самой реки, далеко выгнувшейся на восток срединной частью своего течения. Кроме того, водоток *Миуса* среди равнинной местности очень извилист, его меандры нередко принимают весьма прихотливые очертания¹¹. Не исключено также, что «углом» вначале могло быть названо урочище, заключенное между *Миусом* и его крупным правым притоком Крынкой. Название *Миус* в древности носил и современный Кальмиус, имевший аналогичный «угол», образуемый впадающей в него недалеко от устья рекой Кальчиком¹². Реки с названиями типа *Рог* и *Угол* известны и на славянских, и на неславянских территориях, и нет оснований считать их нетипичными для гидронимии, как полагает В.Л. Серебrenников¹³. Яркий пример: левый приток Днепра - р. Орель в Ипатьевской летописи называется *Угол* (возможно, вследствие контактного переноса названия местности). Ср. в КБЧ (л. 118): «А в реку Нугрь ниже Болхова 7 версть пала река Могъ, а в Могъ речка *Рогъ*» (изд. 1950 г., стр. 117). Ср. еще р. *Рог* - л. п. Десны, л. п. Днепра (Маштаков, Сп. р. Дн. б., 200); *Угла* - л. п. Птичи, л. п. Припяти (там же, 78); вообще *рогами* часто называются на Украине и в Белоруссии места слияния двух рек (например, Днепра и Друти, где находится город *Рогачев*¹⁴).

Различия в звуковой оболочке названия *Миус*, зафиксированные памятниками, объясняются значительной вариативностью в тюркских наречиях самого нарицательного существительного со значениями «рог», «угол», которое перешло в топоним. «Опыт словаря тюркских наречий» В.В. Радлова содержит до 20 фонетических вариантов этого слова, еще пять вариантов добавляет Ф.Г. Исхаков¹⁵. Точную этническую интерпретацию гидронима в настоящее время осуществить трудно, но ближе всех к форме *Миус* (из *Миус*, *Миюз*) стоят кыпчакские произносительные

варианты, что заставляет нас создателями данного названия считать или половцев, или крымских татар, или ногайцев. Скорее всего форма *Миус* (*Миус*) куманского или средневеково-кыпчакского происхождения, так как в крымскотатарском языке название рога распространено согузской фонетической чертой – начальным *б* (*бойнуз*). Некоторые диалекты татарского языка Крыма принадлежали к огузской группе, откуда диалектизм *бойнуз* мог распространиться и на другие говоры.

Однако языку крымских татар был известен также вариант с начальным *м* и конечным шипящим. В.И. Григорович, посетивший в прошлом веке многие греко-татарские селения, составил словарь «татов», куда включил и форму *миуш* «угол»¹⁶ (ср. приведенный выше самый древний зафиксированный вариант гидронима – *Миуш*), которая, в свою очередь, содержит выразительные звуковые следы влияния степных диалектов ногайских татар (ногъайлар), тесно связанных с Крымом, – начальное *м* и неустойчивость конечного сибиллянта (*с*) (*ш*).

Таким образом, отразившиеся в памятниках колебания в произношении конечного согласного (*Миус* – *Миуш*, *Миюз* – *Миюзж*) можно объяснить влиянием степных диалектов ногайского языка. Объяснения требует и вокальная часть гидронима *Миус*. Его слоговая структура: (С+Г) + (С+Г+С), где на месте *Г* выступают рефлексy общетюркского γ . В первом безударном слоге депалатализованная губная передняя фонема *ю* была воспринята славянами как переднеязычный звук *і*, тогда как ударное *ю* в конечном слоге было заменено славянским лабиальным звуком *у*; ср. аналогичная звуковая субституция в слове *изюм* < тюркск. *ўзуўм* «виноград», «плоды различных растений»¹⁷. Допустимо и другое объяснение фонетической оболочки этого гидронима (кстати, влекущее за собой интересный вывод о внутренней форме названия на промежуточной стадии его существования - когда была живой его связь с апеллятивом): *Миус* < *Миус* < ногайск. *муьйиз* «рог». Ногайская форма могла подвергнуться метатезе в некоторых диалектах крымскотатарского языка (отсюда появление в них отмеченного В.И. Григоровичем варианта *миуш*) или же сохраниться в них наряду с огузской формой, но с иным семантическим наполнением. Ср. крымск. *муиса* «деревянный хомут для быков»¹⁸. Метатеза могла произойти и в ногайском языке, когда утратилась смысловая связь гидронима с апеллятивом. Если подтвердится предположение о ногайских истоках данного гидронима, то можно говорить о некоторой близости смысловых структур таких

названий, как *Миус* и *Самара*, с одной стороны (из тюрк. *самар*, *семер* «мешок», «седло», «ярмо»)¹⁹, и славянск. *Хомутец* – с другой (все они этимологизируются на основе скотоводческих терминов, метафорически отражающих изогнутость речных русел).

Вариант *Миунос* из документа 1637 г. представляет собой, по-видимому, или результат контаминации огузской (срединное *и*) и кыпчакской форм (начальное *м*), или точное отражение восточно-тюркской диалектной формы *мунуз*²⁰. Ведь длительное время на землях, по которым протекает Миус, господствовали турки. Не исключена возможность и более раннего происхождения этой формы. Близкий восточно-тюркскому вариант слова *рог* был известен и в языках других кочевников южных степей, например летописных «черных клобуков»: в тексте Ипатьевской летописи (между 1150-1190 гг.) упоминается каракалпакский князек *Каракось Мнюзович*, «отчество» которого содержит нарицательное имя *мнюз* «рог», очевидно, выступавшее когда-то как прозвище отца. Однако здесь речь идет только о фонетической форме нарицательного имени, а не о гидрониме, создателями которого не могли быть «черные клобуки», жившие довольно далеко от современного *Миуса* – северо-западнее степняков-половцев, почти у Киева.

Все сказанное свидетельствует о том, что сейчас довольно трудно определить прямое «родство» гидронима *Миус*. В его становлении участвовали многие тюркские народы, в разное время населявшие степи Северного Приазовья.

Миус не одинок на географической карте. Ср. *Миус* - озеро на левом берегу р. Вороны, п. п. Хопра, л. п. Дона (Машт. Дон, 13); *Миус* - очень изогнутый левый приток Большого Иргиза, л. п. Волги; остров *Моишь* на р. Дунае (или Большой Четал)²¹; *Миоша (Мёша)* - п. п. Камы (с извилистым руслом)²², *Минаяс* - л. п. Сакмары²³. Название *Мияс* имеет очень извилистая речка на Урале. *Кальмиус*, весьма похожий на *Миус* конфигурацией своего русла и расположением главных притоков, как уже отмечалось, в прошлом тоже назывался *Миусом*.

Таким образом, существует группа гидронимов, в основе которых лежат слова со значениями «угол», «рог». Возникнув в разные времена и у разных тюркских народов, они составляют особую смысловую группу в тюркской топонимии, совпадающую с аналогичной группой славянских географических имен.

К сожалению, этимологией гидронима *Миус* до недавнего времени почти никто не занимался. Только в 1966 г. в седьмом номере журнала «Дон» была напечатана заметка В. Фоменко о названиях *Миус*

и *Таганрог*. Автор заметки не учел в должной мере лингвистического аспекта затронутого им вопроса. Вариантность формы гидронима *Миус*, более или менее удовлетворительно объяснимая с лингвистической точки зрения, не получает должного обоснования, если стать на точку зрения В. Фоменко (*Миус* из *Ми-ус*, т. е. «река с топкими берегами»). Во-первых, слово *ус*, имеющее в некоторых тюркских языках монгольские истоки, не выступает в них в тех звуковых вариантах, которые отмечены в конечном слоге названия *Миус* за долгую историю его существования. Во-вторых, слово *ми* (в значении «топкое место»), которое усматривает В. Фоменко в первой части гидронима *Миус*, в тюркских языках чрезвычайно слабо распространено (словарь В.В. Радлова указывает лишь на киргизское и барабинское «наречия», носители которых жили очень далеко от приазовского Миуса)²⁴.

В заключение заметим, что гидроним *Миус* получил отражение и в казацкой антропонимии. Ср. в грамоте царя Алексея Михайловича (3 окт. 1673 г.): «...А воруеть прежнихъ воровъ Стенькина собрания Разина казакъ Мiюзской»²⁵. С интересными этапами антропонимизации гидронима мы встречаемся в грамоте Запорожского войска кошевому атаману Ивану Серко (1674 г.): 1)...И въ Глухове жиль недель съ пять и бежалъ на Чугуевъ, а на Донце спознался съ *Мiюскимъ*, а *Мiюско* де с Дону, пократчи лошади, бежалъ давно и был он самозванец на Дону, а звался Матюшкою; 2) ...А съ Дону, де, случаясь он *Мiюскою* и съ иными товарищи семь человек, пошли на Запорожье... а имя де царевичево наложил он на себя по наговору и наущению *Мiюскову* на реке Самаре... 3) И вамъ бы... *Мiюску* и иных товарищей ево конечно сыскивать всячески²⁶. Ср. еще: Андрей *Мiющик* (в документе 1702 г.)²⁷, возможно, современная фамилия *Мелюс*²⁸.

СНОСКИ

- ¹ Фонетический вариант гидронима *Миус* послужил основой для наивной легенды о появлении названия реки: сбегавший будто из Сечи казак, впервые увидев узкую речку, удивленно воскликнул: «Оця річка як *мій ус!*».
- ² Памятники дипломатических сношений древней Руси с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией, т. 1. М., 1884, стр. 77.
- ³ Там же, т. 2, М., 1895, стр. 163, 230.
- ⁴ Лебедевская летопись, ПСРЛ. Т. XXIX. М., 1965, стр. 248.
- ⁵ Русская историческая библиотека (далее - РИБ), т. XXVI, Донские дела, кн. 3. СПб., 1909, стр. 840 (см. еще стр. 62, 586, 813, 841).

- ⁶ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. VIII. Спб., 1875, стр. 330.
- ⁷ РИБ, т. XXXIV, Донские дела, кн. V. Пг., 1917, стр. 933.
- ⁸ РИБ, т. XVIII, Донские дела, кн. I. Спб., 1898, стр. 644.
- ⁹ Письма и бумаги императора Петра Великого, т. I. Спб., 1887, стр. 228.
- ¹⁰ См. Хронологическое обозрение Новороссийского края, ч. I. Одесса, 1836, стр. 54; Кудряшов К.В. Половецкая степь. М., 1948, стр. 153 (в «Изыяснении» к карте 1737 г.).
- ¹¹ См. Гидрогеологический очерк Донецкого бассейна. М.-Л., 1930, стр. 124.
- ¹² См. подробно: Отін Е.С. Кальмиус (Из исторической гидронимии Приазовья). – В кн.: Питання гідроніміки. «Наукова думка», К., 1974, стр. 46-54.
- ¹³ См. Серебренников В.А. О методах изучения топонимических названий. – Вопросы языкознания, 1959, № 6, стр. 46.
- ¹⁴ Боднарский С.М. Словарь географических названий. М., 1954, стр. 273.
- ¹⁵ Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий, т. IV. Спб., 1911. стр. 2162, 2166, 2171, 2209, 2217; 2219-2221, 2225, 2226, 2230; Исхаков Ф.Г. Опыт сравнительного словаря современных тюркских языков. – В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, ч. IV. Изд-во АН СССР, М., 1962, стр. 34. См. еще: Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. 2. Спб., стр. 268, 275; Баскаков Н.А. Ногайский язык и его диалекты. Грамматика, тексты и словарь. Изд-во АН СССР, М.-Л., 1940, стр. 255 и др.
- ¹⁶ Григорович В.И. Записка антиквара о поездке его на Калку и Кальмиус. – В кн.: Собрание сочинений В.И. Григоровича (1864-1876). Одесса, 1916, стр. 351 (раздел «Слова языка татов»).
- ¹⁷ Субституция звука й могла произойти симметрично, одинаково в обоих слогах. Ср. русск. диалектное (с протезой) *гузюм*. (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. II. М., 1967, стр. 124); этот вариант, возможно, опосредствованно («народно-этимологическая» замена тюрк. *узюм* «низина, речка») отразился и в названии оврага Узюмовского - п. п. Иловли (Маштаков П.Л. Список рек Донского бассейна. Л., 1934, стр.28; дальше Машт. Дон.). (Ср. еще форму топонима *Узюм*: «в Сумах, Ахтирке, Харкове, *Узюме* и в Рибном» (Сборник летописей, относящихся к истории южной и западной Руси. К., 1888, стр. 19 (1659 г.); также на стр. 12 (1651 г.).
- ¹⁸ Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий, т. 4. Спб., 1911, стр. 2171. Ср. еще казах. *муис* «мыс, выступ возвышенности, выступ воды, конец маленького залива» (Конкашпаев Г.К. Казахские народные географические термины. – Известия АН Казах. ССР, № 99, серия географическая. Алма-Ата, 1959, вып. 3, стр. 29).
- ¹⁹ См. подробно: Отін Е.С. До походження назви річки Самари. - Мовознавство, 1970, № 4, стор. 74-78.
- ²⁰ Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий, т. 4. Спб., 1911; стр. 2220.

- ²¹ Скальковский А. Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. I. География, этнография и народонаселение Новороссийского края, Одесса, 1850, стр. 80.
- ²² Семенов П. Географическо-статистический словарь Российской империи, т. III, стр. 268.
- ²³ Рехенберг А.А. Статистическое описание лесного пространства между реками Уралом и Восточным Иком. – Записки императорского Русского географического общества, кн. VI, стр. 415.
- ²⁴ Предложенная этимология не согласуется и с естественно-географическими особенностями Миуса, имеющего «каменистые берега, большею частью песчаное дно и потому воду чистую и приятную» (Материалы для географии и статистики России. Земля Войска Донского. Спб., 1863. стр. 117).
- ²⁵ Материалы для истории Войска Донского. Грамоты. Новочеркасск, 1864, стр. 99.
- ²⁶ Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Новочеркасск, 1903, стр. 288. *Миюска* – «наставник» самозванца, выдавшего себя царевичем Симеоном Алексеевичем, сыном Алексея Михайловича (Броневский В. История Донского войска, ч. I. Спб., 1834, стр. 186-187). Форма личного имени *Миюска* лежит в основе ойконима *Миусков* – названия поселка в б. Усть-Медведицком округе, в юрте станицы Островской (см.: Земля Донского войска. Список населенных мест по сведениям 1859 года. Спб., 1864, стр. 77).
- ²⁷ Материалы для истории Воронежской и соседних губерний, ч. I. Воронежские акты, Воронеж, 1887, стр. 200. В данном случае перед нами может быть не суффиксально дооформленный антропоним (*Миус+чик*), а «абсолютный» топоним в антропонимической функции. Ср. формы *Миущик*, *Миущик*, *Миусчик*, *Миусчик* – диахронические варианты названия р. *Миусик*, л. п. *Миуса*.
- ²⁸ Газ. «Социалистический Донбасс», 1967, 23 мая. Ср. фамилию *Еланчик* – «абсолютную» антропонимизацию другого, близкого к *Миусу* речного имени (газ. «Социалистический Донбасс», 1967, 5 декабря). Искривленную форму *Мелюс* (уже как нарицательное имя) мы находим в одной из украинских дум: «І до байраків, до *мелюсів* добігали, і тернові віття, верхи стинали... Далі з байраків, і з *мелюсів* вибігали» (в других вариантах: *Міюс*, *Міус*; Грінченко Б. Українсько-російський словарь, 1925, стр. 952). Не исключено, однако, и происхождение фамилии *Мелюс* в Северном Приазовье из греческ. *Μέλας* – «черный».

---

*Питання ономастики Південної України. Київ, 1974. – С. 83-89.

КАЛКА

Першим, хто порушив питання про походження цього гідроніма, був М. Арістов, який вважав Калку алегровою формою назви *Каялка* [4, с. 20]. Проте важко пояснити редукцію наголошеного складу в гаданому демінутиві, так же як і довести ідентичність Калки і загадкової Каяли. Наступною за часом є ономасіологічно неспроможна етимологія Д.І. Яворницького, яка ґрунтується на випадковому звуковому збігові з турецьким словом *калка* – «щит, навіс» [35, с. 160]. Такою ж неуважністю до принципів топонімічної ономасіології відзначається і тлумачення К.В. Кудряшова: «*Halka* (Калка) значить коло, воронка (...) *Halkalanmak* стосовно до води означає розходитися колами, воронкою. При швидкій течії в скелястих, покручених берегах на поверхні річки справді спостерігаються воронки, які розходяться» [16, с. 73]. Надзвичайно прямолінійним мислиться авторові цей перехід тюркського апеллятива в назву річки.

Питанню про походження гідроніма *Калка* присвячується спеціальне дослідження О. Прицака (Гарвардський університет) «*Der Flussname Kalka*» [40, с. 61-66]. Літописну форму *Калка* автор вважає похідною від первинної *Kalku*, що була переосмислена руськими як форма називного або знахідного відмінків множини. Як невідмінювана форма інтерпретується ним також і варіант чоловічого роду *Калакъ* (звідки, внаслідок морфологічного засвоєння гідроніма, в Синодальному списку Новгородського І літопису з'являється форма орудного відмінка - «надъ рѣкою надъ Калкомъ»). За О. Прицаком, *Kalku* < *Qalqī, *Kalak* < *Qalaq (*Qalqī ∞ *Qalaq), де *qal- «очерет» в гунобулгарській групі тюркських мов виникло з *qaš*-. В *Qalaq (з *Qašaq) кінцевий елемент гідроніма (-*aq*) розглядається О. Прицаком як демінутивний суфікс. Таким чином, гідронімічні утворення *Qalqī* і *Qalaq*, які передують давньоруським літописним варіантам *Калка* і *Калакъ*, на думку О. Прицака, мали значення «місце, поросле очеретом».

Залишаються нез'ясованими як розбіжності в голосних в складі

суфіксів варіантів чоловічого роду - *Калакъ* (він вважається О. Припаком «основною формою» назви річки) і *Калькъ* (тобто *-акъ//ъкъ*), так і походження зафіксованого «Книгою Большому чертежу» безсуфіксного варіанта *Кала* (останній як топонімічна прикладка увійшов до складу гідроніма *Кальміус*; див. про це нижче).

Нарешті, недавно І.Г. Добродомов зробив спробу вивести гідронім *Калка* з «булгарського різновиду терміна *qayqa*», в якому на місці загальнотюркського *ǰ* знаходимо булгарське *l* (булгарський ламбдаїзм) [20, с. 115].

Найпереконливішою з усіх, на нашу думку, є етимологія М. Фасмера, яка ґрунтується на зближенні кореня *Кал-* з омонімічним апелятивом [30, т. 2, с. 169], незважаючи на зауваження одного з рецензентів його словника про «самотність» цього утворення в гідронімії дніпровського басейну [41, с. 134].

Назва річки *Калки* (в «Книге Большому чертежу» – *Кали*) добре співвідноситься з гідрографічною характеристикою Кальміуса (тотожність Калки з Кальміусом або його правою притокою Кальчиком сьогодні у більшості вчених вже не викликає сумніву) – річки з каламутною і дуже мінералізованою водою, грузьким руслом і берегами¹. Його «течія майже не помітна, звідси походить болотяний смак води (...). Русло річки і береги глиняні», – писав про Кальміус в середині минулого століття Штукенберг [46, 225].

Для авторів літописних розповідей про першу битву руських з татарами *Калка* вже досить відома в Північному Приазов'ї назва річки. Найновіші археологічні дані показують, що територія на схід від Дніпровського Лівобережжя, як і саме Лівобережжя, заселялася слов'янами із західних – правобережних районів, хоч час і межі такого розселення визначаються по-різному [29, с. 156, 254-259; 17, с. 256, 357, 366; 34, с. 264-265].

Уже в кінці IX-X ст. і до XII ст. слов'янське плем'я сіверян міцно утверджується на річкових шляхах до Азовського моря. «Провідниками раннього слов'янського просування на схід і південний схід повинні були бути сіверяни», – писав Ю.В. Готьє [10, с. 225]. З його висновками солідаризується і П.Н. Третьяков [29, 259]. На берегах Азовського моря і в Подонні жили і літописні «бродники», - слов'янське «войовниче населення, прототип пізнішого козацтва» [11, с. 203] (вони, «бродники», до речі, брали участь у битві з татарами на Калці в 1223 р.). Дніпровських слов'ян, які здійснювали експансію в південно-західному напрямі, могла вразити значна каламутність води приазовських річок, зокрема Кальміуса, що своїм верхів'ям майже впритул підходив до річки

Вовчої, л. п. Самари, л. п. Дніпра. Це могло відбитись на назві *Калка* (*Кала*), Різниця в ступені закаламученості Дніпра і річок Приазов'я була відома і давнім грекам. Геродот в IV книзі своєї «Історії» так пише про Борисфен: «Вода його на смак дуже приємна, чиста, тоді як річки, що течуть поруч з ним, мають каламутну воду». На це вказує і римський географ 1-ї пол. I ст. н. е. Полоній Мела в 2-й книзі «*De situ orbis*». До цього слід ще врахувати великий перепад в зонах каламутності тих річок, вздовж яких могло відбуватися розселення придніпровських слов'ян на південний схід – до Синього моря: якщо лівобережні притоки Дніпра від Києва до Дніпропетровська мають показник середньорічної каламутності від 50 до 100 г/м³, то Кальміус (колишня Калка) протікає в зоні, де цей показник становить 500-1000 г/м³ [33, с. 172]. Висловлене припущення тим більш достовірне, що Кальміус так само, як і ліва притока Дніпра – Самара з Вовчою протягом довгого часу був відомий як найважливіший ланцюг ітінерія придніпровських слов'ян у їх зв'язках з південним сходом – узбережжям Азовського моря, Тмутараканню, Хазарією і Кавказом [7, с. 120].

Треба мати на увазі продуктивність кореневого елемента *кал* у східноєвропейській топонімії. Наведемо декілька прикладів. В «Росписи Донецким сторожам» (1571 р.) це річка *Калище*, яка гіпотетично визначається як притока Мерла [6, с. 18; 18, с. 25], в «Переписи слободских полков гвардии майора Хрущова» (1732 р.) – р. *Кальниця*. Пор. ще: *Кальника* – п. п. Собі, л. п. Південного Бугу [14, с. 59; 19, с. 36]; ручаї *Калек* і *Каленець* (перший - притока р. Базига, другий – р. Тигода) [24, 52; 132]. Корінь *кал-* відбився і в топонімії інших слов'янських територій. Пор.: *Kalivody* (чеський топонім 1389 р.) [47, с. 80], численні назви з цим коренем в польській топонімії: *Kal* (назва села), *Kalna* – річка в басейні Одри, *Kalwa* (озеро), *Kalawa* (річка в басейні Малої Панви, п. п. Одри), декілька ойконімів – *Kalka*, *Kalki* (село, озеро), *Kaly* (озеро) і багато інших [42, 113-114]; в басейні Вісли: *Kalec* (озеро), *Kaleń* («woda stojąca»), *Katek*, *Katk*, *Kalnica*, *Kalna*, *Kalawa*, *Kalenica* [29, с. 20, 134, 178, 202, 237, 251, 432, 479, 494, 568] та ін.; в топонімії Лемківщини: *Kalnica*, *Kalna* і т. д. [45, 23]. Пор. ще: болгарські гідроніми *Кальниця* (п. п. Тунджи), *Калник* і *Кални извор* (притоки Віти), *Канагьол*, *Канльдере* (останні два гідроніми, як вважає В. Георгієв, - отуречені форми болгарської назви *Кална*) [9, с. 491]. Численні приклади можна навести і з інших слов'янських територій [44, с. 507-511].

Таким чином, тільки на півдні європейської частини СРСР є група річок, в назвах яких відбилась коренева морфема *кал-*, що становить назву *Калка* в певний тополексемний ряд. Мабуть, треба

виходити з припущення про гетерогенність східноєвропейської гідронімії з коренем *кал-*: поряд з пізнішими гідронімічними нашаруваннями східнослов'янського періоду тут можуть бути виявлені утвори раннього слов'янського і дослов'янського періодів.

Ми припускаємо, що назва *Калка* (або *Кала*) виникла на основі слов'яно-скіфських, або слов'яно-іранських (якщо дотримуватися традиційного погляду на іранське походження скіфської мови²), мовних контактів як наслідок «уявного перекладу» якогось гідроніма з індоєвропейським коренем **kel-// *kāl-* «чорний». Накладання слов'янського гідроніма на середньоіранську річкову назву мало місце в районі гаданого слов'яно-сарматського (або аланського) пограниччя, що простягалось, як вважають археологи, в межиріччі Дніпра і Сіверського Дінця, тобто там, де протікав доісторичний пра-Кальміус. Східні слов'яни, обізнані з топонімічними структурами типу *Калка*, могли сприйняти як «свій» тотожний в морфемно-семантичному відношенні утвір іранського походження.

На слов'янських землях можна знайти й інші випадки «уявних перекладів» первинних гідронімів. Для прикладу посилаюсь на гідроніми *Вісла* і *Десна*. Перший з них, як вважає Я. Розвадовський, покрив більш ранній кельтський гідронім з індоєвропейським коренем *veis-*, а другий – іран. *dašina* - «права» [43, с. 17, 19, 291]. Звичайно, «уявний переклад» слов'янами арійського гідроніма з індоєвропейським коренем **kel-// *kāl-* міг і не бути ідентичним, тут могла мати місце конвергенція загалом подібних значень: «чорна» (річка) ∞ «брудна» (річка). Отже, в даному випадку не виключається переосмислення слов'янами однієї з давніх «кольорових» назв річок індоєвропейського походження на південному сході Європи.

Коренева морфема гідроніма *Калка* кореспондує з такими словоформами, як: санскр. *kālas* - «чорний, темно-синій»; *kalká* - «бруд, гріх»; *kálusa* - «бруд, чорний»; *kalanka* - «пляма, іржа» [39, с. 547]; осет. *kaelaex* - «слизька (від снігу, льоду) дорога» [1, т. 1, с. 577]; новоперс. *čarma* - «пліснява»; курд. *čerme* - «білий» (останні два приклади – з слідами ротацізму) та ін. Таким чином, *Калка* (або *Кала*) – одна з найдавніших «чорних» річок на півдні Східної Європи, назва котрої пізніше була переосмислена як «брудна, замулена, каламутна», що відповідає її гідрографічним особливостям і впливало із значення слов'янського аплелятива.

До недавнього часу вважалося, що в давньоіранських мовах не було сонанта *l*, наявного в кореневій частині гідроніма *Калка*³. На цій позиції стояли П.Ф. Фортунатов [31, с. 273], А. Мейє [16, с. 131]; цей

приголосний не включав у фонетичну систему скіфської мови і В.І. Абаєв, який допускав, однак, перехід $r > l$ (ламбдаїзм) в аланських діалектах у фонетично зв'язаній позиції (перед і) [2, с. 202]. Але в пізніших своїх працях із скіфської мови та історичної фонетики осетинської мови це положення В.І. Абаєвим було переглянуто. Угорський вчений Гарматта у своїй статті про іранські власні назви у грецькій епіграфіці на півдні Росії доводить наявність фонем l у діалектах давніх іранців [36, с. 290]; А. Залізник, розглядаючи характер мовних контактів між слов'янськими і скіфо-сарматськими племенами, допускає, що фонологічно самостійне вживання l у скіфській мові спостерігається порівняно рано [13, с. 23]. І, нарешті, до цінних і переконливих висновків прийшов сам В. І. Абаєв у спеціальному дослідженні про фонему l в осетинській мові [3].

Говорячи про умови виникнення вторинного l , автор відмежовує від них велику кількість слів, в яких наявність l не можна підвести під жодну з визначених ним формул розвитку осетинського ламбдаїзму. «Якщо розглядати ці слова, – пише він, – то виявиться, що багато з них... індоєвропейського походження і притому такі, в яких l був у індоєвропейській мові. Створюється враження, що в цих випадках осетинська мова всупереч іранському ротацизму утримала індоєвропейське l , тобто дає таку ж картину, яку... знаходимо в санскриті». Збереження і.-є. l виявляється, за спостереженнями В.І. Абаєва, «в суворо визначеній групі слів: в ареальних скіфоєвропейських ізглосох, тобто в словах, які в скіфо-осетинській мові не успадковані з давньоіранської, а виникли внаслідок контактів з європейськими мовами: слов'янськими, балтійськими, «протохарською», германською, італійською».

У перелічені В.І. Абаєвим відповідності (*laesaeg* – «лосось», *laenk* – «западина», *ulaen* – «хвиля», *gaelaes* – «голос» і багато інших) можна включити і осетинське слово *kaelaex* – «слизка (від снігу, льоду) дорога», яке сам дослідник співвідносить з російським діалектним словом *калуга* – «грязюка, болото» [1, т. 1, с. 577]. Появу фонем l у скіфо-осетинській мові він датує періодом не пізніше V ст. до н. е. Про це свідчать власні скіфські імена, які містять l , у Геродота і в пам'ятках пізнішого – сарматського періоду, імена міфологічних родоначальників скіфів *Колаксай* і *Літоксай* в епічних оповідях [21, с. 263, 270; 22, с. 85-86], самоназви скіфів *сколоти*, *паралати* [5, с. 180-181] та ін.

Таким чином, в умовах скіфо-європейських ареальних контактів цілком імовірно здається збереження шлавного l в і.-є. корені **kāl-*; ця лексична ізгласа пізніше відбивається у назвах *Калка* (*Кала*) і, мабуть,

Калюс (басейн Дніпра; пор. санскр. *kāluṣa* – «бруд, чорний»).

«Уявний переклад» іранського гідроніма з і.-є. коренем **kāl-* міг і не супроводжуватися переоформленням структури гідроніма, тобто велика ймовірність того, що формант *-k(a)* також дослов'янського походження. В даному випадку йдеться ще про один слов'яно-іранський словотворчий паралелізм – на цей раз ціліснолексемну топонімічну тотожність⁴.

Суфіксальна прикмета *-k-* (у складі формантів *-ka*, *-aka*, *-ag*) широко представлена у скіфських антропонімах, вкраплених у грецькі епіграфічні тексти Північного Причорномор'я. Вс. Міллер назвав *-aka* «улюбленим іранськими мовами» суфіксом [21, с. 242; 22, с. 83, 88, 93, 95]. За спостереженнями С. Жебелєва, у написах Північного Причорномор'я майже 70 власних імен, «притому явно туземних», у своїй кінцевій частині мають *-ak* або *-ag* [12, с. 108]. Суфікси *-ak*, *-ek* розповсюджені і в топонімії сучасних іраномовних територій [25, с. 69; 26, с. 161]. Структурним аналогом гідроніма *Калка* (і його літописних варіантів *Калакь*, *Калькь*) може служити назва лівої притоки Семі-Апака (з іран. *ap-aka). У світлі гіпотези про іранські джерела назви *Калка* пояснюються і звукові розрізнення в суфіксальній частині варіантів чоловічого роду гідроніма *Калакь* і *Калькь* (*Калокь*). Ці розрізнення – наслідок відображення на слов'янському ґрунті аланських суфіксів *-āk* (*-āg*) і *-āk* (*-āg*), широко наявних в антропонімії припонтіїських написів, які, за спостереженням В.І. Абаєва, могли виступати і в значенні «підсилюючого основу наростка, який не надавав їй особливого відтінку» [2, с. 222]⁵.

Суфікс *-k(a)* наявний і в топонімії інших територій, здавна заселених індоєвропейцями. Як «порівняно рідкісний» формант давньоєвропейської гідронімії він наводиться Г. Крає (головним чином у германській та литовській гідронімічних номенклатурах) [38, с. 296-297]. Цікаво, що й тут виявляється та ж синонімія дериваційних афіксів, що й на слов'янських землях. Пор., з одного боку, *Калка*, *Калакь*, *Калькь* і їх корелят *Кала* («Книга Большому чертежу»), а з другого боку, *Nerka*/*Nera*, *Arika*//*Ara*, *Salika*//*Sala*, *Varika*//*Vara* і ін. [38, с. 314-316, 330, 333, 335, 338].

Не тільки в період виникнення, але й в період засвоєння гідроніма слов'янами (або конфронтації іранського та давньослов'янського гідронімів з тотожними структурами – в розглянутому вище випадку «уявного перекладу») назва *Калка*, мабуть, ніколи не сприймалась як демінутив, і її суфікс завжди мав релятивне значення.

В галузі ономастичного словотвору середньоіранський субстрат на територіях із змішаним населенням міг відіграти роль каталізатора, що прискорив становлення нових ономастичних структур. На специфічні слов'яно-іранські іновачії в галузі особових імен вказує в своїх зразкових працях з слов'янської антропонімії Т. Мілевський. Пор. також припущення Т. Лер-Сплавинського про те, що продуктивність типового для Середнього Дніпра (і рідкісного в басейнах Одри і Вісли) суфікса -ь < -*і була, можливо, активізована слов'яно-іранськими та слов'яно-фракійськими контактами⁶.

ПОСИЛАННЯ

- ¹ Кальміус – одна з найтиповіших річок сульфатного класу – протікає в VI зоні каламутності, що коливається в межах від 500 до 1000 г/м³. В період літньої межени вода Кальміуса стає ще більш мінералізованою, досягаючи до 1333 мг/л [28, с. 186; 33, 172; 23, 42; 15, 127].
- ² Пор. точку зору К. Треймера (Австрія) про належність скіфів до «давньо-анатолійського мовного кола» [32, с. 420].
- ³ В «*Altiranisches Wörterbuch*» Х. Бартоломе (*Strassburg*, 1904) іранські рефлексі індоєвропейського **kāl-*, **kēl-* відсутні, але словник Покорного подає давньо- і середньоіранський відповідники – *calle* та *galle* (обидва у значенні «пляма» з приміткою: «*mit unklaren Verhältnis zu kel-*») [39, 548].
- ⁴ Питання про слов'янсько-неслов'янські ціліснолексемні відповідності останнім часом привертає до себе все більшу увагу етимологів. Особливо чітко це положення було сформульоване у доповіді О.М. Трубочова «Робота над етимологічним словником слов'янських мов» на першому Московському симпозіумі з етимології 25-31 січня 1967 р. [8].
- ⁵ Деякі структури іранського ономастикона припонтійських написів як в словотворчому, так і в семантичному відношенні виявляють ідентичність з одним із літописних різновидів гідроніма *Калка* – *Калакъ* (*Калакъ*, наприклад, у Синодальному і Комісійному списках Новгородського I літопису; у Новгородському IV літописі – *Калъкъ*: «надъ *Калкомъ*», «за *Каломъ* рѣку»). Пор. власне ім'я *Σαλκοκος* (з вторинним грецьким закінченням – *os*), яке В. Мідлер співвідносить з іранським прикметником *suāva* – «чорний»: *suāva-ka.
- ⁶ У зв'язку з цим великий інтерес викликає гіпотеза В.І. Абаєва про субстратні («скіфські») джерела переходу *g > y* (h) в деяких слов'янських мовах [3, с. 43 і далі].

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ І ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Абаєв В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1-2. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1958-1973.
2. Абаєв В.И. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.- Л., Изд-во АН СССР,

1949.

3. Абаев В.И. Фонема *l* в осетинском. – «Иранская филология». Л., Изд-во ЛГУ, 1964.
4. Аристов Н. О земле половецкой. Киев, 1877.
5. Артамонов М.И. Этнический состав населения Скифии. – «Доклады VI научной конференции Института археологии АН УССР». К., 1953.
6. Беляев И. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846.
7. Брун Ф.К. Черноморье, т. 1. Одесса, 1879.
8. «Вопросы языкознания». 1967, № 4.
9. Георгиев Вл. Българска етимология и ономастика. София, 1960.
10. Готье Ю.В. Железный век в Восточной Европе. М.-Л., 1930.
11. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1950.
12. Жебелев С.А. Скифский рассказ Геродота. – «Северное Причерноморье». М.-Л., Изд-во АН СССР, 1953.
13. Зализняк А.А. О характере языкового контакта между славянскими и скифо-сарматскими племенами. – «Краткие сообщения Института славяноведения Академии наук СССР». № 38 (Славянское языкознание), 1963.
14. Келпен П. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837.
15. Коненко Г.Д. Гидрохимическая характеристика малых рек УССР. К., Изд-во АН УССР, 1952.
16. Кудряшов К.В. Половецкая степь. М., ОГИЗ Географиздат, 1948.
17. Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа (Археологические разыскания о времени заселения левобережья славянами). М.-Л., Изд-во АН СССР, 1961.
18. Марголин С.Л. Оборона русского государства от татарских набегов в конце XVI в. – «Военно-исторический сборник». Издание Государственного исторического музея. М., 1948.
19. Маштаков П.Л. Список рек Донского бассейна. Л., 1934.
20. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.-Л., 1938.
21. Миллер Вс. Эпиграфические следы иранства на юге России. – «Журнал Министерства народного просвещения», октябрь 1886.
22. Миллер Вс. К иранскому элементу в припонтийских греческих надписях. – «Известия императорской Археологической комиссии». Вып. 47. СПб., 1913.
23. Очерки по гидрографии рек СССР. М., Изд-во АН СССР, 1953.
24. Реки и леса Ленинградской области. Сост. Д.Ф. Шанько. Л., 1929.
25. Розенфельд А.З. Топонимика Ванжа. – «Топонимика Востока». М., Изд-во восточной литературы, 1962.

26. Савина В.И. О типах словообразования топонимов Ирана. - "Топонимика Востока. Новые исследования". М., "Наука", 1964.
27. «Советская тюркология». Баку, 1973. № 4.
28. Соколов А.А. Гидрография СССР. Л., Гидрометеониздат, 1952.
29. Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М., Изд-во АН СССР, 1953.
30. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1-4. М., «Прогресс», 1964-1973.
31. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. Т. I. М., Учпедгиз, 1956.
32. IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Т. 2. М., Изд-во АН СССР, 1962.
33. Шамов Г.И. Речные наносы. Л., Гидрометеониздат, 1959.
34. Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Харьков, Изд-во Харьковского университета, 1962.
35. Эварницкий Д.И. Вольности запорожских казаков. СПб., 1890.
36. Harmatta J. Studies in the language of the Iranian tribes in South Russia. - «Acta orientalia Academiae scientiarum Hungaricae». I. Budapest, 1950-1951.
37. Hydronimia Wisły. Cz. I: Wykaz nazw w układzie hydrograficznym. Pod red. P. Zwolińskiego. Wrocław - Warszawa - Kraków, 1965.
38. Krahe H. Die Struktur der alteuropäischen Hydronimie. Wiesbaden, 1963.
39. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. I. Bern, 1947.
40. Pritsak O. Der Flussname 'Kalka'. «International Journal of Slavic Linguistics and Poetics». Vol. VIII. 1964.
41. Rocznik sławistyczny. T. XXI, cz. I, 1960.
42. Rospond S. Słownik nazw geograficznych Polski Zachodniej i Północnej. T.I. Wrocław - Warszawa, 1951.
43. Rozwadowski J. Studia nad nazwami wód słowiańskich. Kraków, 1948.
44. Schultheis J. Zu einigen slawischen Toponymen auf- kal-. - «Zeitschrift für Slawistik». B. XII. H. 4., 1967.
45. Stieber Z. Toponomastyka Lemkowszczyzny. Cz. I: Nazwy miejscowości. Łódź, 1948.
46. Stuckenberg I. Hidrographie des Russischen Reiches. B. III. St. Petersburg, 1847.
47. Šmilauer V. Osídlení Čech ve světle místních jmen. Praha, 1960.

---

*Отін Є.С. Гідроніми Східної України. Київ-Донецьк, "Вища школа", 1977, с. 9-16.

Існуючі етимології гідроніма *Кальміус*, з одного боку, відображають досить тривалий в історії топонімічної науки період найвних припущень і помилок, а з другого – явну неухвагу до природи топонімічного знака і тих ономазіологічних закономірностей, які проявляються в галузі гідронімії.

Перше тлумачення гідроніма *Кальміус* належить акад. Д.І. Яворницькому. Він цілком слушно вбачав у гідронімі дві значущі частини (*Кал – міус*), однак неправильно етимологізував першу з них, зводячи її до тюркського *кил* – “волос”, пропонуючи зрештою досить маловірогідну етимологію гідроніма: “тонкий, як волосина, ріг” [41, с. 158-159]. Прийняти її заважає відсутність пояснення переходу *і* в *а*. У ранніх записках цієї географічної назви перша її частина стабільно представлена з *а*. Немає потреби доводити і те, що дана етимологія занадто “імпресіоністична” і на тлі “суворого реалізму” географічних назв, особливо стародавніх, виглядає неправдоподібною.

У 1915 р. виникненням гідроніма *Кальміус* зацікавився В. Саханев. Він виводив його від назви однієї із татарських доріг на півдні Росії – Кальміуського шляху [34, с. 23, 297].

Слід також згадати статтю В. Фоменко “К топонимике Приазовья”, де Кальміус розглядається як лексикалізоване тюркське прийменникове словосполучення “кала Міус” (букв. “перед Міусом”), бо Кальміус проходить “поблизу великої річки Міус, що й відбилося в його назві” [39].

Однак у тюркських мовах, де поширені післялоги, елемент *кала* не міг бути препозитивною частиною у словосполученні, існування якого припускається. Крім того, сама назва, що реконструюється як *Міус кала* (не *кала Міус*), носить мікротопонімічний характер, в той час як Кальміус – досить значний лінійний географічний об’єкт у Північному Приазов’ї.

Форма *Калміюс* зустрічається в пам’ятках не раніше 2-ї пол. XVI

ст. До цього періоду відносяться лише два її вживання: у 1579 р. (“отъ Калміюса”) та у 80-і роки XVI ст. [8, т. 1, с. 50; 35, с. 31, 35]. В документі останньої чверті XVI ст.: - “Росписи, сколько в которомъ городѣ станицъ и до которыхъ урочищъ вѣздять”, що охоплює період з 1578 до 1581 р., йдеться про “новый городъ *Кальміус* на “государевых украиннах” [8, с. 135].

Але вже в текстах 1-ї пол. XVII ст. указана форма стає більш вживаною. Ще частіше трапляється топонім *Калмиюсская сакма* (дорога, шлях), що свідчить про активніше освоєння назви *Кальміус* (*Калміюс*) в опосередкованому стані – через форму прикметника.

Досить красномовним видається відсутність гідроніма *Кальміус* в таких для свого часу повних зібраннях географічної номенклатури “поля”, як “Роспись Донецким сторожам” 1571 р., “Роспись польским дорогам времени ц. Федора Иоанновича” і “Книга Большому чертежу”, одним з джерел якої служив старий розрядний розпис, складений у 70-і роки XVI ст. [18, с. 5; 22, с. 91]. З другого боку, тут же знаходить широке вживання топонім *Калміюська сакма*. Особливо показове згадування *Кал* при описі траси *Калміюської дороги* в “Книге Большому чертежу”. Це дає підставу припустити, що у XVI ст. гідронім *Калміюс* у “незв’язаному” стані був ще незвичайною назвою для укладачів розписів, які охоче користувалися ним для найменування відкритої у 70-і роки російськими “сторожами” нової дороги кримців. Якщо треба було позначити саму річку, перевагу віддавали старій слов’янській назві – *Кала* (*Кали*) або тюркському – *Міюс*.

У системі топонімічних назв приазовських степів XVI ст. ще досить сталим був давньоруський гідронім (*Кала* або *Калка*), але паралельно з ним починає з’являтися форма *Кальміус*, про неслов’янське походження якої писав ще І.І. Срезневський [36, с. 318; 329]. В ряді пам’яток XVI-XVII ст. сучасний *Кальміус* (колишня *Калка*, *Кала*) називається ще й *Міюсом*, що, очевидно, є повторюванням омонімічного гідроніма, який відносився до другої річки Північного Приазов’я. У гідронімії Північного Приазов’я відомі й інші приклади подібного повторювання назв, пор. *Берда*, *Бердинка* (*Бердянка*), *Сланчик*, *Утлюк*, *Яли* та ін., які потім розподіbiliлись шляхом приєднання різних додаткових означень.

Подібність деяких фізичних ознак *Міуса* і *Кальміуса*, їх територіальна близькість, звивистість річища, а найголовніше – наявність “кутів” у нижній течії, утворених впадінням їх найбільших приток – *Кринки* і *Кальчика* (пор. тюрк. *міюс*, *міюз* – “кут”, “ріг”), і те, що обидві річки довгий час входили до сфери життєвих інтересів

тюркських племен, призвело до того, що назва *Міус* стає гідронімічним еквівалентом слов'янської *Кали* і як топонімічний “двійник” *Кали* засвоєнням слов'янським населенням, частково проникаючи навіть до літописних текстів і географічних описів даної області. Так, у Львівському літописі є відомості про те, що у 1556 р. проводир “черкас каневских” Михайло Черкашенін (Михайло Єськович) приплив Міусом з Дніпра “под Керец” [23, с. 574], тобто скористався давно відомим придніпровським слов'янам водним шляхом до Азовського моря по річках Самарі, Вовчій і Кальміусу (з невеликим волоком між верхів'ями двох останніх річок). Таке ж вживання гідроніма *Міус* трапляється і в “Росписи разъездам путивльских и рыльских станиц” 1571 р. [1, т. 1, с. 13-14, 20; 8, с. 19].

З таким же псевдо-Міусом (з точки зору сучасного сприйняття гідроніма), але в пізніший період, ми стикаємося і в “Описі України” Боплана. Боплан пише про старий водний шлях з Придніпров'я до Азовського моря, яким у XVI ст. користувалися запорожці: “Є ще інша дорога для повернення в Запоріжжя – через протоку, яка відділяє Таман від Керчі, по Донському лиману і по річці Міусу. Тут вони плывуть до верхів'їв Міусу скільки можна, а далі від цієї річки до Тавчаводи біля милі йдуть волоком. Тавчавода впадає в Самару; Самара ж впадає в Дніпро вище Кайдака” [9, с. 67-68]. Ф. Брун [10, с. 99], Д. Багалій [6, с. 27] і В. Ляскоронський [24, с. 27] цілком справедливо у бопланівському *Міусі* вбачають сучасний *Кальміус*, верхів'я якого близько підходять до верхів'їв р. Вовчої (бопланівської *Тавча-* або *Тачаводи*). Цьому не суперечить і згадка про “донський лиман”, що, мабуть, є відгуком старих уявлень про Азовське море як про величезний лиман Дону [33, с. 14, 20]. Хоча, як бачимо, цей район “поля” для Боплана не був у повному розумінні слова *campi deserti*, Боплан-картограф, на жаль, нічого не додає до свого “опису” – ця місцевість на його карті виглядає безликою.

Спроби беззастережного ототожнювання бопланівського *Міуса* з власне *Міусом* в літературі поодинокі [27, с. 32]. Про існування зв'язку верхніх приток Вовчої та Кальміуса свідчить і місце з грамоти Єлизавети I від 15 травня 1746 р.: “...речки Волченския впадают в Кальмиус, речка Кальчик впаде в Кальмиус к морю” [2, т. 2, ч. 2, с. 386].

Можливо, що назва *Міус* служить для позначення сучасного Кальміуса і в “распросных речах” “вожа” Микити Зарубіна 1650 р. [15, кн. 4, с. 496], хоча цей випадок не настільки доказовий, як попередні. І, нарешті, на “Карті Польщі”, складеній у 1703 р. Гільомом Делілем,

річка Кальміус ще носить назву *Міус* [20, карта № 12].

Вже в XVI ст. у даному районі Північного Приазов'я визрівають передумови для диференціації омонімічних назв – власне *Міуса* (гідроніма, вірогідно, ще кипчацько-огузького походження) і назви, яка повторює перший гідронім і виступає як тюркський дублет на позначення головної річки в басейні Кал (Калок). Важко сказати, коли відбулось повторення гідроніма *Міус* – в половецьку епоху чи у пізніший період – тюрками, що говорили на кипчацько-ногайських або степових кримськотатарських діалектах.

В зв'язку з посиленням міграційних потоків у східному та західному напрямках стає мінливою мікросистема *Міус₁* (сучасний *Міус*) // *Міус₂* (сучасний *Кальміус*), і одна з її одиниць почала вимагати означення. Ця потреба, мабуть, виникає у тюркському або змішаному слов'яно-тюркському мовному середовищі степового прикордоння, де паралельно вживались тюркський гідронім *Міус* і слов'янська назва *Кала* (*Калка*).

У топонімічній ситуації, що розглядається нами, в ролі такого детермінатора був використаний елемент *кал-*, який становить основу слов'янського гідроніма *Кала* (*Кал-ка*). Цілком вірогідно, що елемент *кал-* – результат редукції повної форми *Кала* в композиті *Кал(а)-Міус*, де вона виконувала функцію топонімічної прикладки (в умовах зіткнення трьох гідронімів – *Міуса₁*, *Міуса₂* та *Кали* таке складання, імовірно, осмислювалось як “Міус, що називається також і Калою”). Крім того, не виключена можливість “тюркизації” слов'янської частини композита *Кал(а) – Міус*, тому що дуже багатьом тюркським гідронімам властиві саме консонантні закінчення, їх “фемінізація” нерідко відбувається вже на слов'янському ґрунті, пор. *Самара*, *Самарь* < *Самар*, *Тузлова* (в пам'ятках XVI-XVII ст.) < *Тузлов* та ін. Підтвердженням цього є татарська та інші тюркські мови, де в процесі морфологічної субституції російських слів (коли запозичення, як і в випадку з *Калою*, було усним) іменники жіночого роду досить часто втрачають ненаголошене закінчення *-а-*, пор. *пар* (із *пара*), *канау* (із *канава*), *гір* (із *гіря*), *салам* (із *солома*) тощо [5, с. 68-69].

В результаті цього елемент *кал-* перестає осмислюватись як прикладка до гідроніма *Міус*, перетворюючись у звичайний сигнал, що свідчить про порушення ізоморфізму системи *Міус₁* // *Міус₂*. Звичайно, змінюється і характер інформації, яка міститься в елементі *кал-*: на даному етапі становлення гідроніма вона носить негативний характер. Коренева морфема *кал-* стає семантично близькою до заперечної частки *не* в її афіксальній функції (тобто *Калміус* = “не

Міюс₁”).

Зрештою послаблюється, а потім і втрачається співвідносність гідроніма *Калміюс* з назвою *Міюс*, що призвело до порушення окситонічності композита *Калміюс*: акцент зі старої частини, що означалася, пересувається на елемент *кал-*, який виступав раніше в ролі топонімічної прикладки: *Калміюс* > *Калміюс* (потім *Кальміюс*). Гідронім *Кальміюс* стає немотивованим власним іменем, що наближається до назв типу *Дон*, *Волга*, *Дніпро*.

Співставлення всіх ланцюгів семантико-структурного розвитку гідроніма *Кальміюс* дає можливість вивести таку схему.

I – період симбіозу гідронімів *Кала*, *Міюс₁* та *Міюс₂* (із них гідроніми *Кала* і *Міюс₂* ізофункціональні, а *Міюс₁* і *Міюс₂* ізоморфні).

II – період протиставлення ізоморфних гідронімів *Міюс₁* та *Міюс₂*. Слов'янський “двійник” стає апозитивною частиною у сполученні *Кал(а)-Міюс* (його смислова структура: “Міюс в системі Кал” або “Міюс, він же і Кала”).

III – період втрати гідроніма *Кала* і зміщення старої слов'янської основи (*кал-*) в назви приток Кальміуса. На даному етапі смислова структура гідроніма *Калміюс* – “не Міюс”.

IV – період втрати колишньої співвідносності з гідронімом *Міюс*, внаслідок чого елемент *кал-* втрачає можливість вносити у сполучення будь-яку додаткову інформацію, а це призводить до абсолютизації гідроніма *Калміюс* (потім – *Кальміюс*), до остаточного виходу його із мікросистеми (*Кал-Міюс₂//Міюс₁*) і до розпаду останньої. Схематично це можна виразити так:

$$(B_{\text{тп}} + B_{\text{т}}) \rightarrow B_{\text{тп}} B_{\text{т}} \rightarrow B_{\text{т}}$$

(*B* – власне ім'я у формі іменника, *p* – функція прикладки, *t* – функція топоніма; етапи розвитку семантичної структури гідроніма: 1) словосполучення з топонімічною прикладкою, 2) складний топонім з мотивованою структурою, 3) простий топонім з немотивованою структурою).

Таким чином, на початковому етапі свого розвитку гідронім *Калміюс* являв собою зрощення двох назв, які спочатку мали атрибутивний зв'язок – з домінантою *Міюс* і кваліфікативом *Кал-*. Цей гідронім відчув вплив словотворчих імпульсів, які йшли від звичайних в тюркській топонімії словосполучень ізафетного типу.

Для тюркомовних носіїв гідроніма *Калміюс* останній мав такий саме вигляд, як для слов'ян топонім *Таганрог*, – друга частина сполучення для тюркської мовної свідомості була семантично прозорою. Перед нами один із різновидів поширеного в тюркській топонімії

“топонімічного” ізафета з “атрофованим” афіксом приналежності 3-ї особи – так званий “аморфний ізафет” [25, с. 27]¹. Утворення гідроніма *Калміус* не суперечило і словотворчим можливостям самої слов’янської топонімії, де також можливою була поява назв за формулою $V_{\text{п}} + V$. Це прискорило засвоєння слов’янами нового гідроніма та втрату старої назви *Кала*, основа якої перейшла в назви приток (*Каль-чик*, *Кал-ка*, *Кал-ець*).

У російській та українській мовах явище прикладки реалізується в таких сполученнях (значення нових символів: Z – загальне ім’я, t – функція топоніма): $Z_{\text{п}} + Z$ або $Z + Z_{\text{п}}$; $Z_{\text{п}} + V$ або $V + Z_{\text{п}}$; $Z + V_{\text{тп}}$ або $V_{\text{тп}} + Z$; дуже рідка формула $Z_{\text{п}} + V_{\text{т}}$ або $V_{\text{т}} + Z_{\text{п}}$. В топонімії, основний фонд якої становлять власні імена, можливе виникнення топонімів за формулою $V_{\text{тп}} + V_{\text{т}}$ (словосполучення з топонімічною прикладкою) $> V_{\text{тп}}V_{\text{т}}$ (складний топонім з мотивованою структурою) $> V_{\text{т}}$ (простий топонім з немотивованою структурою).

Останній перехід у “молодих” структурах спостерігається не завжди, а в “старих” він звичайний, обумовлений тенденцією до “семантичної конденсації” або “універбації”, коли “стара” (розчленована) форма “підтягується” під новий (монолітний) зміст. У першій частині наведеної “формули конденсації” домінанта $V_{\text{т}}$ має більш широку вживаність в межах тієї чи іншої топомікросистеми; $V_{\text{тп}}$, вносячи деяку додаткову інформацію до $V_{\text{т}}$, розрізняє відповідні ізоформи.

Розглянемо кілька однотипних прикладів. *Інгул-Кам’янка* (або *Інгуло-Кам’янка*) – населений пункт Черкаської області, розташований на березі р. Інгул, назва якої стає апозитивною частиною топоніма, тобто у даному випадку $V_{\text{тп}}V_{\text{т}} =$ “Кам’янка на Інгулі”, “Інгульська Кам’янка”, на відміну від ближчих населених пунктів – просто *Кам’янки* та *Червоної Кам’янки*. Пор. також *Вісімо-Уткінськ* – населений пункт Свердловської області (на відміну від *Новоуткінська*, це “Уткінськ недалеко від населеного пункту Вісім”, назва якого і стала його означенням). Пор. три населених пункти в Читинській області: *Кокуй*, *Кокуй 1-й* та *Кокуй-Комогорцево* (в останньому випадку прикладкою є *Комогорцево*). У Молдавії існують населені пункти *Слободзея* і *Слободзея-Прут* (тобто “Слободзея на Пруті”). Один і той же топонім-домінанта *Кам’янка* на Львівщині диференціюється різними топонімічними прикладками, внаслідок чого виникають складні форми *Кам’янка-Буди* $>$ *Будокам’янка*, *Кам’янка-Пильне* $>$ *Пильнокам’янка*, *Кам’янка-Голе* $>$ *Голокам’янка*, *Кам’янка-Криве* $>$ *Кривокам’янка* [40, с. 144-145]. Тут ми також маємо справу з тією ж “формулою конденсації”, як і при походженні назви *Кальміус* (тільки, мабуть, без заключного

ланцюга В_т). З топонімічною прикладкою ми зустрічаємося і в таких випадках “абсолютно” атрибуції одного власного імені іншим, як: село *Дон-Негачівка* (Липецька обл.), село *Дон-Ізбиці* (Липецька обл.), районний центр колишньої Центрально-Чорноземної області *Коліно* мав також назву *Слань-Коліно* (річка Єлань, п. п. Савали, біля с. Коліно робить круглий заворот) [42, с. 726]; с. *Айдар-Миколаївка* (на правому березі р. Айдар, л. п. Сіверського Дінця, в Новоайдарському районі Луганської області); хутір *Дон-Амвросіївка* – в колишньому Амвросіївському районі Таганрозького округу, на відміну від трьох інших *Амвросіївок* цього ж району [35, с. 130].

Цікавий приклад топонімічної детермінації за допомогою власного імені *Wrocław* маємо і в списку географічних назв Західної і Північної Польщі (як правило, це передмістя Вроцлава або назви населених місць Вроцлавського повіту): *Wrocław – Gajowa, Wrocław – Gajowice, Wrocław – Borek, Wrocław – Nowy Dom, Wrocław – Karłowice, Wrocław – Dąbie, Wrocław – Grabiszyn* і т. д. [44, с. 367]. Розглянуті факти свідчать про можливість переходу $V_{\text{пн}} + V_{\text{т}} > V_{\text{пн}}V_{\text{т}}$ і в слов'янській топонімії. Це додаткове свідчення на користь запропонованій етимології назви *Кальміус* (*Калміюс*) незалежно від остаточного вирішення питання про мовне середовище, в якому формувався даний онім – слов'янське, тюркське або змішане тюркослов'янське².

Деякі зауважень щодо вимовних і орфографічних варіантів гідроніма *Кальміус*. Якщо протягом останніх десятиліть в українській та російській орфографії і орфоєпії географічних імен остаточно закріплюється форма *Кальміус* (рос. *Кальмиус*), то в мові жителів населених пунктів, розташованих в районі Покальміусся, як свідчать матеріали топонімічних експедицій 1963-1964 і 1971 рр., досі спостерігається значний різнобій у вживанні форм цього оніма.

Найбільш ранні приклади, що відносяться до 2-ї пол. XVI ст. (*terminus a quo*), дають нам форму *Калміюс*, яка переважає і в текстах XVII ст. В наших матеріалах її хронологічний діапазон – 1584-1758 рр. (не враховуючи короткого періоду її штучного відродження, як і форми *Міюс*, в українській орфографії власних назв в кінці 20 – початку 30-х років).

Але вже з кінця XVI ст. реєструються випадки втрати інтервокального *ј* в останньому складі гідроніма *Калміюс*, які особливо поширюються в документах XVIII – 1-ї пол. XIX ст. В нашому матеріалі хронологічні межі варіанта *Калміюс* окреслюються 1593 і 1948 рр. [11, т. 2, с. 326]. Його вживають І.І. Срезневський [36, с. 318], М. Барсов [7, с. 87], Д.І. Яворницький [41, с. 158-159] та ін., зустрічається він і на

картах 2-ї пол. XIX ст.³ В наш час цей варіант ми знаходимо у В.Є. Сирочковського [37, с. 230]. Особливо консервативною – у розумінні фонетичного “оновлення” гідроніма – виявилась форма прикметника у назві відомого татарського шляху, що можна пояснити тенденцією до “історизації” цього топоніма. Пор. частий паралелізм *Кальміус*, але *Кальміуська дорога* (або *паланка*) в ряді праць нового часу [16, с. 87; 43, с. 52]. Певна “охоронна” тенденція проявляється у вимові топоніма-“історизму” *Кальміуська сакма* і в наш час (в наявності у прикметника більш старого наголосу, ніж у самого гідроніма *Кальміус*).

Трапляються і рідкісні варіанти гідроніма. В деяких документах 2-ї пол. XVI ст. це форма прикметника *Кальміюжська* (*Кальміюжська дорога*) [8, с. 31, 35, 37-38], що дозволяє припускати існування в минулому варіанті *Калміюш*⁴ (пор. сучасне прізвище *Кальмушевський*, записане в м. Донецьку).

На початку XVIII ст. в географічну літературу проникає і назва *Калміас*, вживана, наприклад, В. Татищевим у праці “Руссия или как ныне зовут Россия” (1739 р.) [38, с. 123], де кінцева частина гідроніма ототожнена з притокою р. Ісеті – *Міасом* [там же, с. 60]⁵.

Хронологічний діапазон сучасної форми *Кальміус* своєю нижчою межею має 1743 р. Вона зустрічається на планах Бахмутського повіту і м. Маріуполя в рукописних Атласах Катеринославського намісництва” 1784 і 1787 рр. [3, 4], в працях перших дослідників Донбасу (Є. Ковалевського, І. Іваницького і ін.), її вживав М.І. Надеждін [29, с. 54], наводять її “Новоросійський календар на 1858 рік” [30, с. 99], П. Семенов (ще вагаючись у виборі форм *Калміус* і *Кальміус*) [13, т. 1, с. 451, 472 та ін.], Ф.К. Брун [10, с. 9] і багато інших видань 2-ї пол. XIX ст. Закріплення форми проходило у боротьбі з конкуруючим варіантом *Калміус*, про що свідчать часті випадки їх паралельного вживання в текстах одних і тих же авторів.

В ряді документів XVI-XIX ст. відзначається варіант *Колміус* (*Кольміюс*, *Колміюс*), в якому написання *о* в першій частині гідроніма обумовлене ненаголошеністю цього звука і прагненням до орфографічного вирівнювання зі словами з акаючою огласовкою. Пор., наприклад: 1) “...по правой стороне *Кольмиюсские* дороги” [18, с. 67]²; “по правую сторону *Колмиюсской* дороги” [там же, 68]; 3) “...ныне кочуют по сю сторону Перекопи, на *Колмиюсе* да на Бердахь...” (1638 р.) [11, т. 1, с. 218]; 4) “...а иная де орда пошла *Колмиюскою* сакмою сорок тысячь...” (кінець XVIII ст.) [21, с. 96] і ін. В наших матеріалах написання *Кольміус* останній раз фіксується в 1924 р. [35, с. 85].

Особливої уваги в цьому плані заслуговує варіант *Колміус*

(«*Kolmius oder Kalmius*») в гідрографічному описі Росії І.Х. Штукенберга [45, т. 3, с. 225]. Мабуть, ще в середині минулого століття поширеним був варіант з наголосом на кінцевому складі, для нашого часу вже архаїчний і збережений лише де-не-де в живому мовленні населення Покальміусся. Окситонічність гідроніма, як про це свідчать написання у Штукенберга і Г.П. Гельмерсена (1865 р.) [14], можна розцінювати і як побічний доказ того, що елемент *-міус* у композиті *Калміус* у 1-й пол. ХІХ ст. ще осмислювався як домінанта, і як розрив відповідного зв'язку із гідронімом *Міус*, а звідси і завершення процесу зглажування мотивованості його морфемного складу, відбулось, очевидно, тільки в 2-й пол. ХІХ ст.⁷ Пересування наголосу в гідронімі *Кальміус* поки що є єдиною об'єктивною ознакою, яка дозволяє встановити у значеннєвій еволюції гідроніма межу його остаточної десемантизації – перетворення в чистий “індивідуальний знак” географічного об'єкта.

В мовленні жителів населених пунктів Покальміусся і в наш час існує значна кількість варіантів, які по-різному відбивають фоносемантичні зміни в гідронімі. Усюди поширеною є форма *Кал'м'іус*, яка стає літературною нормою. На другому місці варіант *Кал'мус* із скороченою (після втрати інтєрвокального *j*) кінцевою частиною гідроніма⁸. Його можна вважати просторічною паралеллю до сучасної літературної форми *Кал'м'іус*. Перші сліди його вживання виявляються вже на початку ХVІІІ ст. — форма *Callmus* нанесена на “Карту Азовського моря” із “Атласа р. Дону” віце-адмірала Крюйса (1704 р.). Пор. це: “... А оттоль на великии стоги на *Калмус*... (1744 р.; із допитних розповідей колишнього запорізького козака Сидора Губського [17, с. 705].

Вимовні варіанти нашого часу – більш або менш архаїчні у різних своїх звукових елементах: *Кал'м'іус*, *Кал'м'іус*, *Кал'муос*, *Кал'м'ус* – містом наголосу; *Калмус*, *Калм'ус* – в твердій вимові *л*; *Кал'м'ус*, *Калм'ус*, *Кал'м'і'ус* – в наявності *j* в кінцевому складі або його сліду в м'якості *м*. Звичайно, деформація кінцевої частини гідроніма *Кальміус* (його колишньої домінанти *-міус*) у деяких вимовних варіантах (*Кал'мус*, *Калм'ус*, *Кал'моус*, *Каймус*) стала можливою в результаті пересування акценту і провідної цьому десемантизації, хоч в інших випадках цей процес відбувався і при наявності старого наголосу (пор. *Кал'м'ус*, *Кал'м'ус*). Останнє, мабуть, викликано тим, що форма *Міус* (пор. її застарілі варіанти *М'і'ус*, *М'іус*), яка набуває все більшого поширення, зараз втрачає вже чисто зовнішній зв'язок не тільки з цими варіантами, але й з структурами *Кал'м'іус*, *Кал'мійус*. Як уже було зазначено, цей зв'язок не усвідомлюється як живий і в сучасній

літературній формі *Кал'м'ус* завдяки повній деакцентуації другої частини гідроніма.

Зараз важко виявити якусь чітку закономірність у розподілі варіантів гідроніма *Кальміус*. З одного боку, це пов'язано з недостатнім вивченням функціонування живих варіантів гідроніма, їх територіального розміщення; з другого боку, їх нечітка локалізація пояснюється тим, що, крім широко розповсюдженої “просторічної” форми *Кал'мус*, інші варіанти являють собою залишкові факти, які трапляються спорадично і зберігаються лише в індивідуальному мовленні представників старшого покоління і майже не знайомі молоді.

Зупинимось ще на цікавому факті переходу власного імені *Кальміус* в розряд місцевих географічних термінів. Рибалки північного узбережжя Азовського моря іноді називають *кальміусами* (*кальмусами*, *кальмібсами*) затоки, бухти, зручні для стоянки рибальських суден. Таке вживання гідроніма записано нами під час топонімічної експедиції 1963 р. і деякими нашими кореспондентами в районі Білосарайської коси – в селах Мелекіно (“А на кубанському березі багато кальмусів, колись і тут було”) і Юр'ївці (тут зафіксовано вживання виразу “на кальмусі” у значенні “в гавані ім. лейтенанта Шмідта”)⁹.

Нарешті, форма *Кальміус* відома і як антропонім (пор. прізвище *Кальмус*, яке виникло на основі його “просторічного” варіанта).

ПОСИЛАННЯ

- ¹ Пор. зауваження О.М. Кононова: “У великій кількості топонімічних термінів, які побудовані по принципу топонімічного ізафету, прикмета ізафету (афікс приналежності) втрачена...” [19, с. 186].
- ² Менш вірогідним уявляється виникнення композита в тюркському мовному середовищі: у перекладі листа хана Крим-Гірея 1762 р. у запорізький кіш повідомляється, що “Кальминос имянуемое место не токмо нам, но вообще и всему татарскому народу не ведомо” [26, с. 379].
- ³ Наприклад, на “Карте древних поселений на юге России” (Одесса, 1884), де, до речі, аналогічне звукосполучення *л'ні* передається орфографічно як *льни* (*Хмельник*, *Чичельник*, *Кагальник*, *Куяльник*, *Когильник*). Такий “мікрофілологічний” контекст свідчить про те, що у випадку з варіантом *Калміус* перед нами свідоме написання з твердим *л*.
- ⁴ Пор. форму *Міюш* в пам'ятках кінця XV – початку XVI ст.: “на усть *Міюша* и на Тайгангъ...” (1489 р.) [31, т. 1, с. 77]; “на *Міюшѣ* и на Тайгангѣ” [там же]; “съ поля отъ *Міюша* гонцом послалъ паробка своего” (1515 р.) [31, т. 2, с. 163].
- ⁵ Пор. змішування гідронімів *Міюс* і *Міяс* в листі Петра I від 31.XII. 1697 р. [32,

с. 228], що свідчить, мабуть, про ненадійність географічних відомостей про “поле” в XVIII ст. і погане знайомство з його географічною номенклатурою (див. про це у О.М. Ловягина: 22, с. 91).

- ⁶ Часте позначення *л* в топонімі *Кальміюська дорога* йде від видавців пам'ятки, які додержувались правила – вставляти *ь* в топоніми, які в наш час вимовляються м'яко. В цьому відношенні видання “Книги Большому чертежу” 1838 р. більш послідовно передає орфографію оригіналу.
- ⁷ Про те, що цей процес уже мав місце в середині XVIII ст., на наш погляд, свідчить і поява форми *Колмівс* (якщо тільки це не описка) на “Генеральній карті от Киева по реке Днепру до Очакова и по степи до Азова” 1743 р. [12], де перехід у > *в* (*ў*) в кінцевому складі міг здійснитися лише в післянаголосній позиції.
- ⁸ Аналогом до звукового стягнення *-м'йїус* > *-мус* може бути назва правої притоки р. Кринки в районі впадання її в Міус – струмка *Муски*, що теж є редукованим варіантом гідроніма *Міус* (*Міюс*) з демінутивним суфіксом (*Міюска* > *Міюска* > *Муска*).
- ⁹ В гідронімії відомі подібні випадки переходу річкових назв у місцеві географічні терміни. В Милорадович ще в минулому столітті відзначив, що жителі Посулля будь-яку річку називають *сулою*, вживаючи це слово і в множині [28, с. 328]. До речі, вживання власної назви як апелятива спостерігається і в сфері інших гідронімів. Пор. *Дунай* як назва Дніпра і Дона (в козачих піснях), *Дніпро* як будь-яке водоймище і под. Може, до цієї ж групи термінованих гідронімів слід віднести і відзначений Є. Черепановою (м. Суми) в басейні Десни номенклатурний термін *сумара* (<*Самара*).

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ І ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Акты Московского государства. Т.1, СПб., 1890; т. 2, СПб., 1894.
2. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные А.А. Лишним. Т. 1-3. Новочеркасск. 1891-1894 (другий том виданий в двох частинах).
3. Атлас Екатеринославского наместничества, 1784 р. Рукопис. Центральний державний військово-історичний архів (далі – ЦДВІА), фонд ВУА, од. зб. 18724.
4. Атлас Екатеринославского наместничества, 1787 р. Рукопис. ЦДВІА, фонд ВУА, од. зб. 18725.
5. Ахунзянов Е.М. Морфологическое освоение русских слов, заимствованных в татарский язык (имена существительные и прилагательные). – «Известия Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук». Вып. 1. Казань, 1955.
6. Багалей Д. История Северной земли до половины XIX ст. Киев, 1882.
7. Барсов Н. Материалы для историко-географического словаря России. Вильно, 1865.
8. Беляев И. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской украине

Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846.

9. Боплан. Описание Украины. СПб., 1832.
10. Брун Ф.К. Черноморье, т. 1. Одесса, 1879.
11. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. М., Изд-во АН СССР, 1953.
12. Генеральная карта от Киева по реке Днепру до Очакова и по степи до Азова, 1743 г. Рукопис. ЦДВІА, фонд ВУА, од. зб. 20114.
13. Географическо-статистический словарь Российской империи. Сост. по поручению имп. Русского географического общества П. Семенова при содействии членов В. Зверинского, Н. Филиппова и Р. Маака. Т. 1-5. СПб., 1863-1885.
14. Горный журнал. СПб., 1865, № 1-2.
15. Донские дела: Русская историческая библиотека. Т. 29, кн. 4. СПб., 1913 г.
16. Загоскин Н.П. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Казань, 1909.
17. Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 14. Одесса, 1886.
18. Книга Большому чертежу. Под ред. К.Н. Сербинной. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1950.
19. Кононов А.Н. Грамматика турецкого языка. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1941.
20. Кордт В. Матеріали до історії картографії України. Частина 1. У Києві – МСМXXXI.
21. Котков С.И., Панкратова Н.П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – нач. XVIII века. М., Наука, 1964.
22. Ловягин А.М. Старинные русские географические карты. – «Исторические и библиографические очерки». Вып. 1. Пг., 1917.
23. Львовская летопись. Ч. 1-2. – «Полное собрание русских летописей». Т. 20. СПб., 1910.
24. Ляскоронский В.Г. Гильом Левассер де Боплан и его историко-географические труды относительно Южной России. К., 1901.
25. Майзель С.С. Категория уникальности и плюральности в турецком языке. – «Труды Московского института востоковедения», № 4, 1947.
26. Материалы для истории южнорусского края в XVIII ст. (1715-1774), извлеченные из старых дел Киевского губернского архива А.А. Андриевским. Одесса, 1886.
27. Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии. Вып. 2. Екатеринослав, 1880.
28. Милорадович В. Снетинская старина. – «Киевская старина», Т. 9-10, 1897.
29. Надеждин Н.И. Опыт исторической географии русского мира – «Библиотека для чтения». Т. 22. 1837.
30. Новороссийский календарь на 1858 год. Одесса, 1857.
31. Памятники дипломатических сношений с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией. Т.2. М., 1885.

32. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. СПб., 1887.
33. Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идриси 1154 г. – «Краткие сообщения Института истории материальной культуры». Вып. XIII. М., 1952.
34. Саханев Вс. Разведка на месте битвы при р. Калке 1224 г. – «Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества». Т. 11. Пг., 1915.
35. Списки населенных пунктов Донбасса. Итоги сплошной подворной переписи Донецкой губернии. Январь-февраль 1923 г. Т. 6. К., 1924.
36. Срезневский И.И. Русское население степей и южного поморья в XI-XIV вв. – «Известия Отделения русского языка и словесности. Т. 8. СПб., 1860.
37. Сыроечковский В.Е. Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI века. – «Известия АН СССР», 1932, № 3.
38. Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. М., Изд-во АН СССР, 1950.
39. Фоменко В.Г. К топонимике Приазовья. – «Донбасс», 1964, № 6.
40. Черняхівська С.М. Складні топонімічні назви. – «Питання українського мовознавства». Кн. 5. Вид-во Львівського університету, 1962.
41. Эварницкий Д.И. Вольности запорожских казаков. СПб., 1890.
42. Энциклопедический словарь ЦЧО. Т. 1. Воронеж, 1934.
43. Ященко А.И. Топонимика Курской области. Курск, 1958.
44. Rospond S. Słownik nazw geograficznych Polski Zahodnej i Północnej. T. I. Wrocław – Warszawa, 1951.
45. Stuckenberg I. Hidrographie des Russichen Reiches. B. III. St. Petersburg, 1847.

---

*Отін Є.С. Гідроніми Східної України. Київ-Донецьк, "Вища школа", 1977, с. 44-55.

СУФФИКС *-ОВАТ-* В УКРАИНСКОЙ ТОПОНИМИИ

Названия с суффиксом *-оват-* (*-еват-*) составляют весьма многочисленную и своеобразную по своим лексико-семантическим и структурным особенностям группу топонимов.

При помощи суффиксов *-оват-*, *-уват-*, *-еват-* в апеллятивном словаре украинского и русского языков образуются прилагательные двух типов - с адъективной и субстантивной производящими основами. Последний тип имеет две разновидности: более продуктивную - с основами от одушевленных и менее продуктивную - с основами от неодушевленных имен существительных¹. В топонимии Украины названий с адъективными основами ничтожно мало (ср. ойконимы *Продовгуватий* - в Сумской обл., *Солянуватка* - в Львовской обл., гидронимы *Гниловатый*, *Рыжеватый* и др., см. таблицы в конце статьи); преобладает последний словообразовательный тип, обе разновидности которого представлены неравномерно: обычно встречаются прилагательные с основами неодушевленных и крайне редко - с основами одушевленных существительных. Топонимизировавшийся тип прилагательных с суффиксом *-оват-* от основ неодушевленных существительных, таким образом, имеет адекватное соответствие в апеллятивной лексике украинского и русского языков (такое добавление существенно, так как часть украинской топонимии создана русскоязычным населением): это одинаковые по структуре прилагательные с семантикой "обладающий чем-либо (часто в большом количестве), обильный чем-то" (*меловатый*, *бугроватый*, *песковатый*, *иловатый* и т.д.). Хотя продуктивность таких образований в современном украинском и русском языках значительно сократилась, однако они все еще представительны и функционально активны в области терминологического словоупотребления, особенно в почвоведении, геологии, минералогии (ср.: *иловатый* грунт, *солонцеватая* земля, *щебневатая* поверхность, *сланцеватая* глина, *трещиноватые* мергели, *кварцеватый* песчаник, *пылеватые* земли,

хрящеватая почва и мн. др.).

Исторически суффикс *-оват-* (*-еват-*) имеет сложный, двухэлементный состав. Первичные прилагательные с этим суффиксом имели производящую основу на *-ов-* (*-ев-*), о чем свидетельствуют существовавшие ранее в узких хронологических рамках формы *дерная*, *дерневая* // *дерноватая* (грамота), *осотовая* // *осотоватая*, *труховый* // *труховатый* и др. Получив вторичное суффиксальное наращение *-ат-*, прилагательные с основой на *-ов-* (*-ев-*) стали выражать более высокую степень проявления признака, представленного в основе - смысловой оттенок "обильный чем-то" (ср. значение таких слов, как *бородатый*, *носатый*, *косматый*, где *-ат-* непосредственно присоединен к корню²). Разумеется, двухступенчатость словообразовательного процесса (корневая морфема + *ов* + *ат*) имела место далеко не во всех случаях образования прилагательных с суффиксом *-оват-* (*-еват-*). В прошлом это была какая-то ограниченная группа слов, от которых распространялись словообразовательные импульсы. После того как завершился процесс опрощения в суффиксальной части таких "первичных" прилагательных, акт словопроизводства во многих позднейших случаях стал уже одноступенчатым (производящая основа + *оват*). Ср. русск. диалектные *криковатый* "крикливый"³, *костоватый* "костлявый", *спицеватый* "иглистый"⁴ (при отсутствии форм *криковый*, *костовый*, *спицевый*) и др.⁵

Уже в памятниках древнерусского языка отмечаются прилагательные *трудоваый* "больной" (Изборник 1076 г., л. 208; Патриархья летопись, ПСРЛ, X, 35 и др.), *виноватый* "должный, должник" (Кочин, 325, 406; ср. диалект.: я тебе *виновата*), *дерноватая* (грамота, челядь; ср. холоп *одерноватый*) и некоторые другие. Особенно интересно для топонимиста такое еще редкое в древнерусский период образование, как пожня *осотовый*, т. е. "заросшая осотом"⁶. Количество прилагательных с суффиксом *-оват-* заметно увеличивается в языке памятников XVI-XVII вв. Очень много их появляется в русском книжном языке XVIII века - "золотого века" в истории данной словообразовательной модели. Значительное оживление словообразовательной активности суффикса *-оват-* наблюдается и в украинском языке этого периода (ср. в "Лексиконе" П. Берынды: *трудоват*, *жиловатый*), иногда приводящие даже к смене основ, например, вм. *повинный* - *повинноватый*⁷ и т.д.

Суффикс *-оват-* почти не участвовал в формировании древнерусских географических названий, отличавшихся простотой и одноэлементностью топоформантов⁸ (во всяком случае, он отсутствует

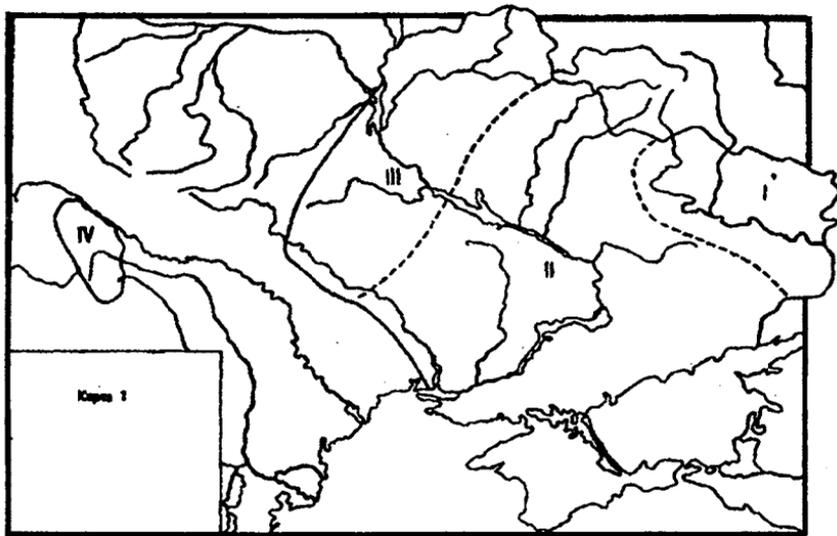
в перечне древнерусских топонимов, помещенных в указателе к первым восьми томам ПСРЛ (СПб., 1907). Ранее, хотя и не совсем достоверное, сведение о проникновении прилагательных с суффиксом *-оват-* в область топонимии содержит "Книга Большому Чертежу" - гидроним *Елкувата* (в котором суффикс уже представлен со следом украинского "уканья"): "А от верх речки Миюса к верх речке *Елкувата* (очевидно, одна из 'ольховых' или 'ольховатых' речек бассейна Миуса - Е.О.), а верх речки *Елкуваты* курган высок"... (КБЧ, изд. 1838, стр. 21-22)⁹.

В настоящее время названия с *-оват-* уже не принадлежат к живому слою топонимов украинского и русского языков¹⁰. Временем их интенсивного распространения на территории Украины, по-видимому, были XVII-XVIII вв. Именно в этот период топонимы, построенные по модели "основа неодушевленного существительного + суффикс *-оват-* = смысловой структуре "обильный тем, что обозначено основой" или "имеющий сходство с тем, что обозначено основой", начали свое "победное шествие" по заселявшимся тогда просторам южных и юго-восточных украинских земель, заполнив их сотнями названий типа *Лозовата, Ольховата, Піскувата, Дерезовата, Грушевата* и т.д.

Если говорить о гидронимах, то наиболее значительные и компактные скопления их наблюдаются в районах Среднего и Нижнего Днепра - южнее 51-й параллели, в Северном Приазовье и на Дону, особенно в бассейне его правого притока - Северского Донца. Немного их на Днестре (в верховье), их количество возрастает в бассейне Южного Буга, доходя, судя по списку П.Л. Маштакова, до 20. В бассейне Волги они чрезвычайно редки: В. Рагозин (см. "Волга", т. 3, стр. 337) приводит лишь гидроним *Вороноватка* (== **Вороноват(ая) + ка*) - п. п. Мокши, п. п. Оки (их, вероятно, несколько больше в микрогидронимии бассейна - составитель не включил в список названия рек и ручьев протяженностью менее 30 верст).

Совершенно очевидно нарастание в восточном и южном направлениях в гидронимии этих четырех крупнейших речных бассейнов Украины удельного веса названий с суффиксом *-оват-*¹¹. На Дону их больше, чем на Днестре: гидронимы с *-оват-* составляют примерно 2,2% всей донской гидронимии, тогда как в бассейне Днепра этот показатель ниже - приблизительно полпроцента¹². На карте № 1 обозначены районы наиболее широкого распространения названий с суффиксом *-оват-* в гидронимии Украины. Это территория, заселение которой украинцами и русскими происходило в основном в XVI-XVIII вв. Римскими цифрами на карте обозначены районы с различной

степенью насыщенности гидронимией с суффиксом *-оват-* и его производными (разумеется, пунктирные границы их чисто условно и приблизительно разделяют гидронимический континуум Украины, к тому же имеющий на востоке глубокое продолжение за пределами страны - в бассейне Нижнего и Среднего Дона: I - зона наибольшего скопления *оват*-гидронимии (бассейн Северского Донца), II - зона значительной насыщенности *оват*-гидронимией (Северное Приазовье, Средний и Нижний Днепр,

нижнее течение Южного Буга), III - зона с невысоким содержанием имен с суффиксом *-оват-* (сопредельные области Верхнего и Среднего Поднепровья, среднее течение Южного Буга). За пределами обозначенного ареала остались редкие образования с этим суффиксом в бассейнах Верхнего Поднепровья и Верхнего Поднестровья и Прута (см. зону IV). С точки зрения присутствия *оват*-гидронимии, "мертвой зоной" является территория Крыма и примыкающей к ней с севера части Херсонской области (аналогичная картина наблюдается и в ойконимии этих южных областей; объяснение этому см. ниже).

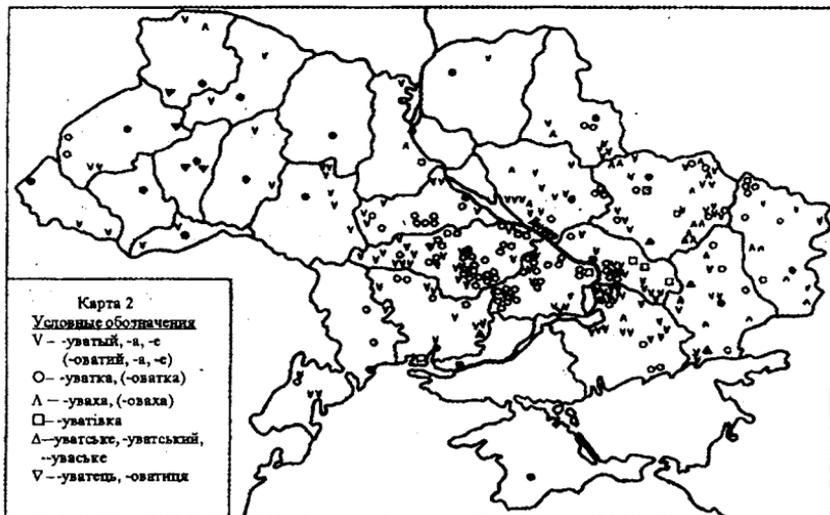
Табл. 1

№	Области	-ова- тий, -а, -е (-ува- тий, -а, -е)	-оват- ка (-ува- тка), -еват- ка (-ива- тка)	-оваха (-ува- ха), -еваха	-ува- тівка	-ува- ське (-ува- ське), -ува- ський	-ува- тець, -ова- тиця	Всего
1	Днепропетровская	21	23	-	4	-	-	48
2	Кировоградская	19	26	-	-	1	1	47
3	Харьковская	14	7	9	1	2	-	33
4	Запорожская	17	4	1	-	-	-	22
5	Донецкая	6	4	4	-	2	-	16
6	Полтавская	10	4	2	-	-	-	16
7	Луганская	4	7	4	-	-	-	15
8	Черкасская	6	8	-	-	-	-	14
9	Николаевская	7	4	-	1	1	-	13
10	Сумская	5	2	1	-	-	-	8
11	Одесская	4	3	-	-	-	-	7
12	Винницкая	6	-	-	-	-	-	6
13	Львовская	2	2	-	-	-	1	5
14	Киевская	1	1	1	-	-	-	3
15	Волынская	1	-	1	-	-	1	3
16	Ровенская	2	-	-	-	-	-	2
17	Тернопольская	-	-	-	-	-	2	2
18	Закарпатская	2	-	-	-	-	-	2
19	Хмельницкая	2	-	-	-	-	-	2
20	Черновицкая	2	-	-	-	-	-	2
21	Черниговская	1	-	-	-	-	-	1
22	Херсонская	-	-	-	-	-	-	-
23	Крымская	-	-	-	-	-	-	-
24	Ивано-Франковская	-	-	-	-	-	-	-
25	Житомирская	-	-	-	-	-	-	-
	Всего	132	95	23	6	6	5	267
	В процентах	≈50	35	8,6	≈2	2	1,9	100

Наибольшее количество гидронимов с суффиксом *-оват-* отмечается в междуречье Днепра и Дона (ограниченное с севера 52-й параллелью) с “эпицентром” на Северском Донце вдоль всего его течения, где они составляют 3,3% всей гидронимии. Это вызвано тем, что именно по Северскому Донцу и в низовых донских станицах процент украинского населения среди переселенцев был особенно высок¹³.

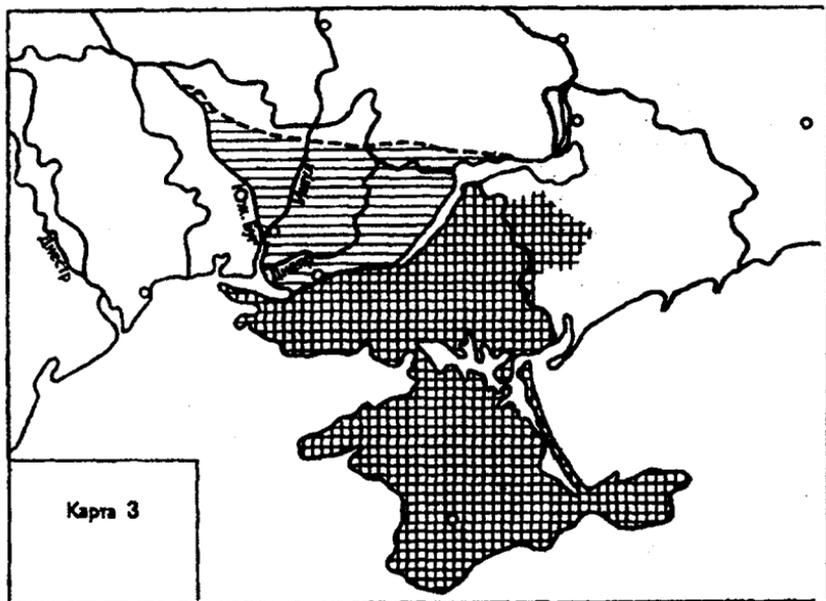
О распространении ойконимов с суффиксом *-оват-* на территории Украины дают представление следующие таблицы и карта¹⁴.

Размещение ойконимов с суффиксом *-оват-* и его производными (о трансформации *-оват-* в *-оваха* см. ниже) в общих чертах согласуется с картиной распространения гидронимов с данным топоформантом: подавляющее большинство из них (4/5 названий) приходится на территорию к востоку от Днепра, т.е. на области более поздней колонизации украинских земель, и правобережные районы Среднего и Нижнего Днепра. На первом месте по количеству ойконимов с суффиксом *-оват-* находится среднеднепровский ареал, занимаемый нынешними Днепропетровской и Кировоградской областями (94 ойконима, т.е. более трети всей официально зарегистрированной украинской ойконимии с данным суффиксом). С южно- и восточно-украинскими областями к северу от Черного и Азовского морей (исторически входившими в состав Новороссии) связано 168 ойконимов (почти 63% всех названий), а с областями, возникшими на землях бывшей Слободской Украины (Харьковской и Сумской) - 41 ойконим (15% списка). Интенсивное заселение этих районов началось с XVII (для Слободской Украины) и XVIII (для Новороссии) веков. Очень мало ойконимов с суффиксом *-оват-* в западно- и северноукраинских областях, нулевыми показателями характеризуются Житомирская, Ивано-Франковская, Крымская и Херсонская области. Отсутствие типично украинской *оват-* ойконимии на территории двух последних южных областей (в микропонимии эти названия, возможно, есть, особенно на Херсонщине), по-видимому, вызвано тем, что массовое заселение украинцами и русскими Крымского полуострова и прилегающих к нему с севера херсонских степей началось позже колонизации других новороссийских земель, более отдаленных от еще не до конца усмиреного в конце XVIII в. татарского Крыма, когда ослабла топонимобразовательная активность прилагательных с суффиксом *-оват-*.

Степи между Южным Бугом и Днепром в XVII в. принадлежали зависимой от Крыма Едисанской орде; Днепр считался естественной западной границей владений крымских ханов. Район Днепровско-Бужского междуречья издавна был предметом спора между Крымом и запорожцами, включавшими его в свои "вольности" и селившимися в зимовниках на Южном Буге, Ингуле и правом берегу Днепра¹⁵. Поэтому только на данной территории бывшей Херсонской губернии (входящей в настоящее время в состав Николаевской и частично Днепропетровской областей) мы находим топонимы с суффиксом *-оват-*, в какой-то своей части, возможно, явившиеся в XVII в. и впоследствии послужившие образцом для более поздних образований с этим формантом (см. карту 3). Нивелирующее воздействие отмеченного внелингвального фактора подчеркивает и широкое представительство *оват-*ойконимов в топонимии ближайших областей, находившихся, однако, в стороне от еще опасного в конце XVIII в. Перекопского перешейка, – Николаевской (13), Запорожской (22), Днепропетровской (47) и Кировоградской (47). Отмеченное состояние дает, на наш взгляд, ценный хронологический ориентир, позволяющий в общем виде определить верхний предел

(terminus post quem non) словообразовательной активности топоформанта *-оват-* на украинской территории: в топонимическом именотворчестве конца XVIII-XIX вв., когда в основном происходило заселение прилегающих с севера к Крыму территорий славянами, по-видимому, уже угасла продуктивность этой словообразовательной модели, и новые названия Херсонщины почти не отразили ее в своей структуре.

Три обстоятельства способствовали широкому распространению на данном ареале топонимов с суффиксом *-оват-*. Во-первых, время его заселения совпало с периодом активизации форманта *-оват-* в области украинского и русского апеллятивного словообразования. Причем, в украинском языке, по-видимому, этот период был дольше, а степень словообразовательной активности широко отраженной в современной топонимии модели “основа неодушевленного существительного + суффикс *-оват-*” со значением “обильный чем-то” и “похожий на что-то” была выше, чем в русском.

Это косвенно подтверждается и большим представительством данной разновидности прилагательных в апеллятивном словаре современного украинского языка по сравнению с русским. Для проверки этого априори напрашивающегося вывода были использованы данные двух словарей – обратный словарь русского языка Г.Г. Бильфельдта и однотомный “Украинско-русский словарь” под ред. В.С. Ильина. В обратном словаре Г.Г. Бильфельдта отмечается 99 прилагательных с “рифмованными сегментами” *-оват-* и *-еват-*; в 98 случаях они выступают как суффиксы¹⁶. Из “Українсько-російського словника” под ред. В.С. Ильина (К., 1964) извлечено 120 прилагательных¹⁷. Учет взаимодействия основ и суффикса позволяет выделить следующие лексико-семантические подгруппы прилагательных с суффиксом *-оват-* (*-еват-*):

Таблица № 2

Значение слова		Русский язык		Украинский язык	
		количество слов	%	количество слов	%
1	Отенок слабого проявления признака	42	42,8	41	34
2	“Имеющий сходство с чем-нибудь”	28	28,5	40	33
3	“Обильный чем-то”	17	17,3	39	32
4	Слова с монолитной смысловой структурой (“угасшим взаимодействием основы и суффикса”) ¹⁸	11	11,2	-	-

Результаты сопоставления показывают, что в украинском языке все три основных семантических группы прилагательных имеют примерно одинаковый количественный состав, хотя и наблюдается незначительное сокращение их численности от групп I к группе III, тогда как в современном русском языке кривая падения обозначается гораздо резче.

В известной мере общий численный перевес прилагательных с суффиксом *-оват-* в украинском языке по сравнению с русским – результат более широкого распространения в украинском адекативных основ с суффиксом *-ов-* (*-ев-*), тогда как в русском языке соответствующие однокоренные прилагательные нередко содержат суффиксальную примету *-н-*. О подобной суффиксальной дивергенции свидетельствуют и данные приведенной ниже таблицы.

Таблица 3

Тип соответствий (слева – украинский, справа – русский)		Примеры	Количество	%
1	-ов- -ов-	крабовий крабовый омулевий омулевый	785	70,5
2	-ов- -н-	картковий карточный качановий качанный	172	15,4
3	-ов-, -н- -ов-	жетоновий, -ний жетонный инжировий, -ний инжирный	66	5,9
4	-ов- -ов-, -н-	желтковий желтковый, -очный замковий замочный, -ковий	37	3,3
5	-ов-, -н- -ов-, -н-	кумачний, -евий кумачный, -евый карминний, -овий карминный, -овый	29	2,6
6	-ов- другой суффикс (кроме -н-)	металевий металлический слизовий слизистый	21	1,8
7	-н- -н-	самосадочний самосадочный	2	0,1
8	другой суффикс (кроме -н-) -ев-	карасячий карасевый	1	0,08
Всего соответствий по данным "Українсько-російського словника" (К., 1964, реєстр словаря ≈65000 слів)			1112	100

При сопоставлении прилагательных не учитывались разнокоренные образования в двух языках (*літаковий – самолётный, капелюшковий – шляпный* и др.), а также соответствия, имеющие неодинаковые производящие основы (*ячний – ячевый, пішаковий – пешечный* и др.). Из привлеченных к сравнению 1112 прилагательных с общими производящими основами и одинаковыми (или близкими) смысловыми структурами более 73% имён (группы I и V) оказались структурно тождественными; в 172 случаях украинский язык предпочёл суффикс *-ов-*, которому в русском соответствует *-н-*; только в 66 примерах (5,9%) дуализм словообразовательных структур в

украинском языке (-ов-, -и-) получает единообразное соответствие в русском (-ов-); обратное соотношение отмечается в 37 случаях (3,3%). Остальные сопоставления (группы VI, VII и VIII) в отмеченное состояние не вносят сколько-нибудь существенных дополнений. Таким образом, в украинском языке создались более благоприятные условия для распространения основ прилагательных с суффиксальной приметой -ов- при помощи форманта -ат-, чем в русском, что и дало заметное преобладание в нем прилагательных с суффиксом -оват-, имеющих смысловой оттенок "обильный чем-то", а это получило свое вторичное отражение и в украинской топонимии.

В русской топонимии, как показывают различные собрания географических названий, старые адъективные основы на -оват- во многих случаях уже приобрели вторичные суффиксальные наращеня¹⁹, тогда как украинская топонимия и сейчас еще широко сохраняет первичные адъективные топонимы (ср. *Ясинувата, Очеретовата* и мн. др.). В бассейне Днепра южнее 61-й параллели субстантивированные прилагательные заметно преобладают над переоформленными основами гидронимов (с исходами -оватка, -оватица, -оватец, -оваха), тогда как севернее отмечаются исключительно названия с усложненными суффиксальными исходами. Южные гидронимы с суффиксом -оват- в массе своей более молоды и не успели еще структурно субстантивироваться. Особенно наглядно это представлено в бассейне Дона, где гидронимы-прилагательные заметно преобладают в районах, которые в XVII-XVIII вв. осваивались главным образом украинцами, почти достигая абсолюта на Северском Донце и в низовье Дона, где образования на -оватка, -оваха немногочисленны.

Второй причиной широкого распространения топонимов-прилагательных с суффиксом -оват- на юге и юге-востоке Украины послужило своеобразие их смысловой структуры ("обильный чем-то" и "похожий на что-то"), позволяющей самым непосредственным образом обозначать объекты по их наиболее характерным природным признакам - геологическому строению, наличию определенной флоры или фауны, внешнему виду, конфигурации и т.д. Топонимы-прилагательные с суффиксом -оват- явились одним из самых "оперативных" средств языка, которое, в сочетании с номенклатурными терминами (*балка, река, село, могила* и т.п.), продолжительное время удовлетворяли потребности в номинации многочисленных безымянных объектов быстро заселяемых территорий.

И, наконец, скопление *оват*-топонимов к востоку от Среднего и Нижнего Днепра и в бассейне Дона²⁰ благоприятствовала

безымянность огромного числа географических объектов на интенсивно заселяемых в XVII-XVIII вв. землях²¹. Именно здесь, а не на старых территориях, где топонимических лакун было намного меньше, получила “оперативный простор” эта активизировавшаяся в апеллятивном словаре украинского и русского языков данного периода словообразовательная модель.

Несколько замечаний о форманте *-ax(a)*, единственном из всех суффиксов, деформирующих производящую основу. В топонимах типа *Камышеваха* производящая основа выступает в ущербном виде – без *t* (*Камышева-*). Утрата пограничного звука в суффиксальном исходе могла привести к аппликации одинаковых звуковых элементов столкнувшихся суффиксов (*-ov(a)axa > -оваха*) и восстановлению старой производящей основы на *-ov-* (*-ев-*). При этом обращает на себя внимание тот факт, что в севернорусской топонимии образование атрибутивных существительных от основ прилагательных с суффиксом *-оват-* нередко происходило при помощи безударного топонимического форманта *-их (a)*, который, в отличие от украинского и южнорусского *-ax(a)*, производящей основы не разрушал. Ср.: р. *Дыроватиха* – п.п. Вишеры (выше ее устья имеется утес *Дыроватый камень*²²); с. *Суроватиха* – в б. Нижегородской губ. и уезде²³ и др.

Усечение производящей основы за счет элемента *-t-* в топонимах типа *Камышеваха*, *Песковаха* и т.д. могло быть связано с отмечающимся в славянских языках явлением, которое в польской дериватологии носит название дезинтегрального словообразования (*degrawacja dezintegralna*), сущность которого заключается в “устранении одной из морфем перед формантом, который присоединяется к производящей основе (корню), содержащей эту морфему”²⁴ (ср. выпадение суффиксов *-n-* и *-sk-* при образовании “атрибутивных существительных” *вечёрка*, “*Комсомолка*”, морского арготизма *загранка* = *заграничное плавание* и т.д.; в топонимии: приток Днепра *Конка* – название, которое, по мнению П. Зволинского, возникло вследствие переоформления прилагательного в словосочетании *Конские Воды*, гидронимы в бассейне Вислы *Radomka* = **Radomska (rzeka)*, *Grzybówka* = *Grzybowska woda* и мн. др.²⁵). В преобразованиях типа *Камышевата(я)* = *Камышеваха* перед нами, по-видимому, сугубо топонимический случай дезинтегральной деривации, не имеющий структурно-лексических параллелей в апеллятивном словаре.

Как видим, явление дезинтегральной деривации наблюдается только при соединении основы прилагательного с суффиксом *-ax(a)* и отсутствует в случаях с *-ix(a)*. Это, по-видимому, объясняется тем, что

при образовании атрибутивных существительных типа *Камышеваха* взаимодействуют два типа имен с устойчивым парокситоном: все прилагательные с суффиксом *-оват-* (*-еват-*) имеют ударение на конечном слоге этого суффикса, такой же акцентно устойчивой является суффиксальная часть существительных с суффиксом *-ах(а)* (ср. топонимы *Домáха, Самáха, Песчáха*; антропоним *Натáха*; апеллативы: *черепáха, рубáха*, укр. *бідáха* и др.). Так как в одном слове не может быть двух главных ударений, акцентная выразительность столкнувшихся слогов обеих структур привела к дезинтеграции в производящей основе – утрате ее акцентно сильного суффиксального элемента *-ат-* и замещению его суффиксом-антагонистом *-ах(а)*, придающим топониму субстантивную форму. Данное акцентологическое условие отсутствует в случаях структурной субстантивации прилагательных рассматриваемого класса при помощи безударных суффиксов *-их(а), -к(а), -ец, -иц(а), -ик* (*Дыровати́ха, Иловати́ка, Ореховате́ц, Ореховати́ца, Еловати́к* и т.д.).

В речевом сознании носителей топонимов на *-ах(а)* определенное время сохраняется представление о словообразовательной связи форм субстантивных имен на *-ах(а)* с основами прилагательных. Это выражается и в фактах параллельного функционирования словообразовательных структур *Камышеваха // Камышевата(я)*, и в случаях образования новых форм прилагательных от старых адъективных основ при наличии новых основ топонимов-субстантивов с дезинтегрированным суффиксальным исходом. Так, в указе Азовской губернской канцелярии 1770 г. приводится название реки и слободы на ней *Камышеваха* (б. Бахмутск. у.), но здесь же находим: “*камышеватские жители*”²⁶. Ср. еще территориально связанные топонимы: с. Великая *Камышеваха* и р. *Камышеватая* – п. п. Береки, п. п. Северского Донца²⁷.

Украинские и русские топонимы с суффиксом *-оват-* отличаются разнообразием лексических значений – благодаря широте лексической базы производящих основ и семантической многоплановости суффикса. Нами рассмотрено более 800 названий с суффиксом *-оват-*: 267 ойконимов и 539 гидронимов, из них 254 – в бассейнах Днепра, Днестра, Южного Буга и рек северного побережья Азовского моря (список гидронимов этих бассейнов состоит из 114 названий рек и 140 лимнонимов по списку Д.И. Эварницкого (см. сноску 12) и 285 – в бассейне р. Дон (из них 194 в бассейне Северского Донца). В 806 топонимах отражено 289 основ (207 гидронимических, 82 ойконимических), что значительно превышает зафиксированный словарями инвентарь прилагательных с суффиксом *-оват-* в украинском

и русском языках. Семантическая структура топонимов определяется следующими процентными показателями (за единицу принимается один или ряд топонимов, имеющих общую производящую основу и одинаковые или различающиеся – вследствие процесса структурной субстантивации - суффиксальные исходы):

Таблица 4

	Значения	Ойконимы	Гидронимы
1	"Обильный чем-то"	≈66%	≈60%
2	"Похожий на что-то"	17%	13%
3	Оттенок слобого проявления признака	≈5%	≈9%
4	Семантически затемненные названия	12%	18%

Таким образом, наиболее распространенное у данного класса прилагательных в современном украинском и русском языках значение неполноты признака (см. таблицу на стр. 7) в топонимии реализуется значительно реже других значений. В смысловой структуре топонимов с суффиксом *-оват-* и его производных преобладает значение "обильный чем-то", значение "похожий на что-то" встречается в нашем списке в четыре раза реже.

Конечно, в сознании современного носителя топонимов с суффиксом *-оват-* уже не всплывают эти ретроспективно восстанавливаемые значения; безусловно и то, что в целом ряде названий эти значения никогда не были живыми, так как под очень популярную на юге модель в более поздний период (в ходе расширяющейся топонимической дифференциации осваиваемых земель) могли "подгоняться" и более молодые образования, в которых суффикс *-оват-* выступал только как формализующий элемент топонима. Иначе говоря, эти названия с самого начала обладали ложными смысловыми структурами (до тех пор пока они воспринимались на фоне первичных имен с истинными структурами "обильный чем-то" и "похожий на что-то"; сейчас же на них часто влияют качественные прилагательные со смысловым оттенком неполноты признака), и должны быть отнесены к верхнему

хронологическому ярусу при стратификации *оват*-топонимов.

Уровень “отражательной” способности названий, у которых идентификация их смысловых структур с соответствующими апеллативами возникла позже, неодинаков. Под влиянием омонимичных апеллативов смысловой оттенок неполноты признака в настоящее время особенно четко воспринимается в таких автоматически сложившихся - под влиянием ряда - образованиях, как *Мокруватий* (*Мокроватый*), *Рижувате* (*Рыжеватое*), *Гарноватий* и т.д., в меньшей мере - в названиях с относительным значением типа *Ольхувата* (*Ольховатая*), *Лозувата* (*Лозоватая*) и т.д. Совершенно непроницаемыми для такого влияния оказались названия с относительным значением “отфаунистического” происхождения – *Скотувата* (*Скотоватая*), *Вовкувата*, *Коневатое* и т.д. В массе топонимов с суффиксом *-оват-* в настоящее время довольно трудно выделить имена с какой-то живой смысловой связью корня с формантом (“первотопонимы”, имена с истинной смысловой структурой) и вторичные образования, возникшие под влиянием ранее сложившегося топонимического ряда (ср. гидронимы *Стопловатая* и *Муроватое* и особенно *Головатое* = *гол(ое)* + *оват-*, где трудно предположить угасшее значение “обильный чем-то” или “имеющий сходство с чем-то” и где суффикс *-оват-* лишь “адъективизирует” признак, обозначенный основой). Большинство топонимов с суффиксом *-оват-* в настоящее время обладают монолитной смысловой структурой – со стершейся семантической взаимосвязью морфем (для рядового носителя топонимов с *-оват-* названия *Ольховата(я)* и *Ольхова(я)*, *Вишневате* и *Вишневе* имеют адекватные дотопонимические смысловые значения).

Из 82 производящих основ в 267 ойконимах только 10 (т.е. 3,7%) не имеют ойконимических соответствий в современной топонимии Украины (*бузник-*, *копенк-*, *кочк-*, *кременч-*²⁸, *куш-*, *люшн-*, *продовг-*, *скот-*, *чумчик-*, *ялинк-*), хотя не исключается их присутствие в микротопонимии населенных пунктов республики. Это свидетельствует о широких связях инвентаря производящих основ ойконимов с суффиксом *-оват-* с лексической базой остальной украинской ойконимии.

Учет соответствий на уровне “ойконим : апеллатив”²⁹ свидетельствует о незначительной доле структурно-смысловых тождеств (параллелей) – 36 имен или более 13% общего списка; в 61 случае (22,8%) отмечаются потенциально возможные в апеллативном словаре образования (их символическое обозначение ~)³⁰; в трех случаях

(1,1%) мы имеем дело с соответствиями лишь формального плана при смысловом различии структур (например, топоним *Вовкувате* = “местность, обильная волками” || апеллатив *вовкуватий* = “нелюдимый”, т.е. “похожий на волка”, в таблицах этот тип соответствий обозначен знаком ÷), 167 названий (62,6%) не имеют в апеллативном словаре украинского и русского языков морфолого-семантических тождеств. Таким образом, можно говорить о высоком коэффициенте тополексичности названий населенных мест Украины, содержащих в основе суффикс *-оват-* (лишь немногим более 13% их выступает на данном этапе как абсолютные апеллативы в топонимической функции). Это вызвано не столько лексическим своеобразием их производящих основ (хотя, с одной стороны, преобладание в значительной части имен относительного значения, которое во взаимодействии с суффиксом, дало многочисленные реализации смысловой модели “обильный чем-то”, и, с другой стороны, одноплановость смысловой структуры многих других вторичных образований тоже в известной мере обусловило высокий уровень их тополексичности), сколько распадением субстантивированных прилагательных в топонимической функции с омонимичными апеллативами в результате процесса структурной субстантивации – вторичного присоединения суффиксов существительных и дезинтеграции у части производящих основ.

Такие же подсчеты на гидронимическом материале дали следующие результаты (знаки - и + указывают на отсутствие или наличие соответствий в апеллативной лексике, значение символов ~ и ÷ объяснено выше).

Из 539 привлеченных к сравнению гидронимов только 23,7% имеют полные апеллативные параллели (тождества), 35,2% составляют названия, не имеющие тождественных соотносительных апеллативных структур, немногим более 36% имен представляют собой потенциально возможные в апеллативном словаре образования (где топонимический узус становится казусом!). Названий, определенных знаком ÷, около 3% списка. Уровень тополексичности (определяемый знаками —, ~ и ÷) наиболее высок на территории бассейнов Днепра, Днестра, Южного Буга и Северного Приазовья (общий показатель – ≈ 78%), несколько ниже он в более молодой гидронимии Дона (71%).

Среди структурных вариантов всех топонимов с суффиксом *-оват-* преобладают первичные адъективные формы (68,6%), на втором месте – названия, подвергшиеся структурной субстантивации (29,6%), затем идут вторичные адъективы с усложненными суффиксальными исходами (*-оватск-*, *-оватн-* и *-оватеньк-*). Мы отдаем себе отчет в

Таблица 5

Территория	Апеллятивные параллели (тождества)				Основы (корни) в апеллятивном словаре	
	-	+	-	+	+	-
Днепр, Днестр, Южный Буг, Северное Приазовье	65	11	37	1	111	3
Лимнонимы Среднего и Нижнего Днепра в р-не "вольностей запорожских"	32	46	62	1	127	13
Дон	92	82	96	14	278	7
Всего	190	138	195	16	516	23

условности вышеприведенных числовых величин, которые рассматриваем как предварительные. Подсчеты производились на основании книжных и к тому же хронологически неравноценных форм (кроме территории Северного Приазовья); анализ живых произносительных форм – после того как они будут собраны, – безусловно, в будущем внесет существенные коррективы в соотношение адъективов и субстантивов в пользу последних. Процесс структурной субстантивации топонимов-прилагательных за период после появления источников, на основании которых были составлены списки гидронимов П.Л. Маштакова (а они составляют значительную часть анализируемого нами реестра топонимов), зашел еще дальше.

Интерес представляет также та "избирательность", которую проявляют некоторые топонимические основы по отношению к определенному словообразовательному типу в процессе структурной субстантивизации первичных адъективов. В этом убеждает нас анализ сочетаемости отдельных основ с вторичными суффиксами в пределах рассматриваемой нами совокупности названий в 806 единиц. В общем реестре анализируемых топонимов имеется 239 производных субстантивов с суффиксальными исходами *-оватка (-еватка)*, *-оваха (-еваха)*, *-оватец*, *-оватица*, *-оватовка*. Со сложным суффиксом *-оватка*

сочетаются 43 основы, дающие 162 топонима. Наиболее продуктивной ("поливалентной") является основа *лоз-*, давшая 44 топонима, затем идут *ольх-* (16), *песк-* (14), *терн-* (9), *скал-(скел'-)* (8), *камен (кам'ян-)* (6), *россох-* (6), *горох-* (5), *камыш-* (6), *сыр-*, *ясен-*, *ил-* (по 3 раза), 9 основ отразились по 2 раза и 22 - по одному разу. С суффиксальным исходом *-оваха (-уваха)*, *-еваха* сочетается 18 основ в 60 топонимах, из которых основа *камыш-* – 32 раза, *куп-* и *купл'-* – 10 раз, *волн-* – 3 раза, *рыж-* – 2 раза, 13 основ по одному разу. Сложный суффикс *-оватец*, *-оватица* объединяется с 8 основами в 11 топонимах: *россох-* (*россох-*) – в 3-х, *орех* – в 2-х названиях, 6 основ сочетаются по одному разу. Суффикс *-оватовка* дважды соединяется с основой *верб-* и по одному разу - с остальными 4 основами. 10 наиболее часто повторяющихся основ (5 раз и более) в списке производных топонимов-субстантивов по словообразовательным типам разделяются следующим образом:

Таблица 6

Основы	-оватка, -еватка	-оваха, -еваха	-оватец, -оватица	-оватов- ка	-оват- -еват- (-ый, -ая, -ое)
лоз-	44	–	–	1	25
камыш-	5	32	0	0	21
ольх-(вільх-)	16	0	1	0	21
песк-	14	1	1	–	16
куп- (купй-, купл'-, купи-)	–	10	1	–	17
терн-	9	–	–	–	10
скал- (скел'-)	8	–	–	–	16
горох-	5	–	–	–	1
россох- (россох-)	6	–	3	–	48
камец- (кам'ян-)	7	0	–	0	12

Таким образом, субстантивов *Лозоватка* намного больше, чем первичных адъективов *Лозоватый (-ая, -ое)*; бросается в глаза также преобладание *Камышевах* и *Камышеваток* над адъективной формой *Камышеватый (-ая, -ое)*, *Ольховаток* – над *Ольховатый (-ая, -ое)*, *Гороховаток* – над *Гороховатая (-ое)*; почти одинаково количество первичных адъективов и субстантивов с основами *песк-* и *терн-*. С

другой стороны, нет ни одного случая образований *Лозоваха, Ольховаха, Скелеваха, Каменноваха, Купьеватка* и т.д. Создается впечатление, что некоторые основы “неприкасаемы” для суффиксов *-ax(a)* и *-к(a)* (хотя последний гораздо более “валентен”, чем первый), тогда как другие (особенно три: *лоз-, камыш-* и *ольх-*) тяготеют к субстантивным образованиям именно с этими топорформантами, численно преобладая над первичными коррелятами в форме прилагательных (адъективами *Лозоватый, Камышеватый* и *Ольховатый*). Данные названия дальше других продвинулись по пути топонимической структурализации.

Семантический аспект исследования *оват*-топонимии позволяет выделить несколько предметно-смысловых групп. В целях экономии места ограничимся лишь рассмотрением группы топонимов с суффиксом *-оват-*, составляющей четвертую часть списка, а именно тех, которые приходится на территорию Северного Приазовья и Донбасс. Семантический анализ совокупностей *оват*-топонимов других территорий приводит к аналогичным выводам. Среди имен водных объектов только бассейна Северского Донца, расположенных в пределах рассматриваемого гидронимического ареала (все притоки Северского Донца от устья Казенного Торца до устья Дона, за исключением левых притоков последнего – всего 139 названий), ведущее положение занимают многочисленные названия фитонимического характера, лексически конкретизирующие общее значение “обильный чем-то”, “имеющий что-то в большом количестве” (59 гидронимов, т.е. 42,4% списка): *Берестоватая* (3), *Берестоватенькая* (1), *Борщевата* (1), *Бузиноватая* (2), *Вишневатая*, *-ый* (2), *Гороховатая* (1), *Дерезовата(я)* (4, 1 раз в искаженной форме – *Дереговатая*), *Исиноватая* (1), *Камышеваха, Камышеватая* (13), *Кувоватое* (1), *Лозоватое*, *-ый* (3), *Лопуховатое* (5), *Моховатая* (1), *Ольховатка* (1), *Оськоватый* (1, = *Осыковатый*), *Очеретовата*, *-ой* (3), *Репеховатая* (1), *Рогозоватый*, *-ое* (2), *Сосновата* (1), *Суковатая* (1), *Таловатая*, *-ое* (2), *Терноватый* (3), *Тырсоватая* (1, = *тырса* “ковыль волосатик”), *Хвоцеватый* (1), *Чащеватая* (1), *Черемоховатая* (2). Названий “фаунистического” характера со смысловой структурой “имеющий что-то в большом количестве” немного – только 3 (2,1%): *Скотоватая* (2, оба в бассейне Кривого Торца) и лимоним *Созоноватюе* (1, = *Сазановатое*, от *сазан*, *Surpinus carpio*, ср. лимоним *Окуневатое* – в бас. Днепра, б. Херсон. у., четыре лимонима *Карасеватое* в р-не “вольностей запорожских”³²).

Гораздо больше названий этого смыслового типа, указывающих на особенности геологического строения водоемов и окружающей почвы: *Каменоватая*, *-ый, -ое* (3), *Крейдоватая* (2), *Песковатая* (1), *Скелеватая* (8), *Солонцоватая*, *-ый* (6), *Хрящеватая*, *-ый, -ое* (6), *Яроватый* (2, второй гидроним - *Ероватое*) (всего 28 названий, 20% списка). 31 гидроним (22,3%) лексически конкретизируют смысловую структуру “имеющий сходство с чем-либо”: *Вилватая*, *-ой* (2), *Клешневатое* (1), *Копьеватая* (*Копиеватая*, *Купьеватое*, 3), *Ломоватка* (1), *Россоховатая*, *-ый* (20), *Угловатый* (1), *Яроватый* (1, 1 раз в искаженной форме – *Ярноватая*). Только в трех случаях суффикс *-оват-* передает неполноту признака, выраженного основой: *Рыжеватое*, *Сыроватая*, *Кривоватая* (более 2%). В некоторых случаях суффикс *-оват-* лишь акцентирует наличие признака, выраженного основой (*Дермоватая*, *Колодезеватая*, *Кринчеватый*, *Муроватое*, *Столповатая*). Определение семантики 10 топонимов сопряжено с известными трудностями, так как некоторые из них содержат искаженные основы, в других случаях (когда корневая часть *оват-* топонима имеет апеллятивное соответствие) этому мешает неясность этимологического критерия (*Брусковатая*, *Витришковатая*, *Лотоватое*, *Моршковатый*, *Парневатая*, *Торжеватое*, *Шороховатый*, *Лоховатое*, *Шмуроватое*).

В списке рек северного побережья Азовского моря содержится около 30 гидронимов с суффиксом *-оват-*: в бассейне Волчьей – *Березноватка*, *Глевата*, *Лозоватая* (2), *Лозовацкая*, *Осиковатая*, *Осиноватая*, *Очеретоватая*, *Скотоватая* (*Скотувата*, 3); в бассейне Кальмиуса – *Волноваха* (2), *Грековатая* (*Горьковатая*), *Камышеваха* (*Камышевата*(я), 3), *Раковатая* (*Роковатая*), в бассейне Миуса – *Камышеваха* (2), *Ольховатка*, *Россоховатая*, *Скелеватая*, *Солонцеватая*; среди других притоков Азовского моря – *Каменноватая*, *Ка-менноватская*, *Камышевватка*, *Куплеватая*, *Лозоватка*. В подавляющем большинстве это названия с семантической структурой “обильный чем-то”, вообще наиболее часто реализующейся в топонимии³³. Все они лексически прозрачны, в комментариях нуждаются только некоторые. Разберем их в алфавитном порядке.

Березоватая (с вариантами: *Березнеговатая*, *Береснеговатая*, *Березноватая*, *Бересняковатая*) – п. Кальмиуса. Форма *Березоватая* прямо указывает на связь с березой, очень редкой сейчас на юге Украины. Остальные варианты (скорее – дублиеты) гидронима производны от *березняк* “группа берез”. Ср.

притоки Ингула в “Истории казаков запорожских” А. Ригельмана: р. *Березняк*, буерак *Березняки*. Ср. еще: с. *Березняговатое* в б. Херсон. губ., на реках Висуни и Добрай (Семенов, I, 241), с. *Березнеговатка* в б. Добринском р-не Центральной Черноземной обл.³⁴, дер. *Березняги* в б. Троицкой в., Екатеринослав. губ.³⁵ и др. М. Фасмер приводит длинный перечень “березнеговатых” рек в различных структурно-фонетических вариантах (*Березняговатая*, *Березнеговатая*, *Бересневатая* и др.)³⁶. Все они находятся на юге Украины или в южной России (в бассейне Дона). Звук *г* в середине топонимов – результат гиперкорректного произношения.

Волноваха (*Мокрая* и *Сухая*) – п. п. Кальмиуса. Следствие дезинтеграции в основе прилагательного *волновата(я)*, соединившейся с суффиксом *-ах(а)*. Первичная смысловая структура гидронима – “река с волнующейся (волноватой) поверхностью воды” (суффикс *-оват-* акцентирует признак). Ср. апеллятив *волноватый* (“капуста волноватая” – С. Есенин. Голубень) и семантически тождественный гидроним *Волнянка* (п. п. Днепра). Возможно, близкую внутреннюю форму имел и гидроним *Кундрючья* (п. п. Северского Донца): из **кудрюча(я)* с эпентетическим *н*³⁷. Не исключено, что “кудрявой” – *Кундрючей* река названа за большую извилистость русла (“вьется, как кудри”): “река образует многочисленные колена, в общем прямоугольные”³⁸.

Грековата(я) (*Гриковата*) – п. п. Кальмиуса. Гидроним записан в 1964-66 гг. в поселке Сартана. Единственный в топонимии Северного Приазовья случай образования *оват-*топонима от основы одушевленного существительного, к тому же этнонима. Исконное население Сартаны – “мариупольские греки”. Начавшие селиться в XIX в. в окрестностях его украинцы (особенно после постройки железной дороги к Мариуполю) называли *Грековатым* соседний участок, населенный греками, а затем название было перенесено и на протянувшуюся здесь балку. В пос. Красная Волонтеровка этот же гидроним в 1966 г. был записан в переосмысленной форме – *Горьковата(я)*. Ср. гидронимы с аналогичной смысловой структурой: *Жидоваха* – п. п. Рузы, л. п. Москвы (ср. *Жидовка* – л. п. Суханки, л. п. Нерской, л. п. Москвы)³⁹, *Чертоватая* – балка в окрестностях г. Николаева⁴⁰.

Раковатая (*Роковатая*) – п. п. Кальмиуса. В балке добывался крепкий *раковый* (*раковатый*, *раковистый*) известняк, состоящий из раковин с мелкими осадками, который шел на изготовление молотильных цилиндров. Ср.: б. *Раковая* – п. п.

Тузлова (на топ. карте 1940 г.; у Маштакова это б. *Крейдяная* – Сп. р. Дон. б., 83).

Скотовата(я) – гидроним бассейнов рек Гайчура, Верхней Терсы, Грузкого Еланчика и Кривого Торца. Все эти гидронимы возникли как названия мест (балок), где производился массовый выпас скота (смысловая структура – ‘обильный чем-то’). Ср.: урочище *Чередоватое* (и криница *Чередоватая*) в р-не пос. Землянки (севернее г. Донецка), озеро *Коневатое* (Маштаков. Сп. р. Дон. б., 47), б. *Воловатая* – приток Днепра (у Маштакова – *Воловатка*); б. *Крячковатая* – п. п. Гнилуши, п. п. Северского Донца (Маштаков. Сп. р. Дон. б., 47), с. *Козовата* (Волынская обл. Украины) и др. Название типа *Скотовата(я)*, *Воловатая*, *Чертоватая*, *Грековата(я)*, *Баклановатое* (оз.), *Карасеватое* (оз.), *Жидоватая* (= *Жидоваха*) – бесспорные тополексемы, т.к. апеллятивный словарь русского и украинского языков не только не имеет этих структур, но и приходится констатировать отсутствие самой возможности возникновения в нем подобных образований, представляющих собой распространения основ одушевленных существительных посредством суффикса *-оват-* со значением “обильный чем-то” (тем более прилагательных, в которых *-оват-* индифферентен по значению и только сообщает основе категориальное значение, как, например, у вторичных названий, сформировавшихся под влиянием уже десемантизированных начальных структур, скажем, *Суховата*, *Мокровата*, *Медувата* и т.д. – под влиянием *Ольховата*, *Комишувата*, *Солонцювата* и т.д.).

Что касается названий с суффиксом *-оват-*, характеризующихся смысловой структурой “имеющий сходство с чем-то”, то они представлены здесь единичным примером – *Рассоховатая* (л. п. Корсуни, п. п. Крынки, п. п. Мнуса) < *рассоха* (*розсоха*) “развиллина, рогуля”. Смысловая структура, отраженная в апеллативах типа *великоватый*, *желтоватый* (неполнота признака), не представлена ни в одном гидрониме.

В ойконимии Донбасса – в пределах Донецкой и Луганской областей также нашли свое отражение две главенствующие в топонимии смысловые структуры прилагательных с суффиксом *-оват-*: а) “обильный чем-то”: *Березуватка* (Лг); *Волноваха* (Днц); *Грибуваха* (Лг); *Кам’януватка* (Днц, 2), *Кам’янувате* (Днц), *Кам’януватське* (Днц); *Комишувате*, *-а* (Днц, 3), *Комишоваха* (Днц, 3; Лг, 3); *Лозуватка* (Лг, 3), *Лозуватське* (Днц); *Милуватка* (Лг);

Новоочеретувате (Днц); *Ольховатка* (Днц); *Оріхуватка* (Днц); *Парнюватка* (Лг, ср. укр. *парина* “пар” (поле), *паренина* -тж); *Скотувата* (Днц), *Хрящувате* (Лг); *Ясинувата* (Днц);

б) “похожий на что-то”: *Клинуватка* (Лг); *Куплювате* (Лг); *Ломуватка* (Лг); *Розсохувате* (Лг, 2).

Ниже приводятся четыре дескриптивных таблицы анализируемых ойконимов (табл. 1) и гидронимов (табл. 2-4) Украины (с учетом примыкающей с востока гидронимии Дона, в создании которой большую роль сыграли украинцы).

Перечень основ ойконимов составлен по четырем спискам, опубликованным в книге “Українська РСР. Адміністративно-територіальний поділ” (т. 2, Киев, 1969) – 1) алфавиту современных названий населенных пунктов Украины; 2) алфавиту старых наименований; 3) алфавиту названий населенных пунктов, объединенных с другими, а также слившихся с городами и поселками городского типа; 4) названий населенных пунктов, исключенных из списков современных ойконимов в связи с переселением жителей. Топонимы, взятые из последних трех списков, приводятся лишь с указанием области (номер списка обозначен в скобках). Производящая основа подается в чистом виде – с отделением позднейших топонимических наслоений (Мала, Велика, Ново-, Старо- и т.д.). Знак ÷, помещенный в скобках в последней графе таблицы, указывает на наличие в апеллятивном словаре украинского языка сходной словообразовательной структуры, имеющей, однако, иное смысловое значение. Остальные знаки (+, —, ~) объяснены выше. Условные сокращения названий областей: *Вн* – Винницкая, *Вл* – Волинская, *Днп* – Днепропетровская, *Днц* – Донецкая, *Зк* – Закарпатская, *Зп* – Запорожская, *Кв* – Киевская, *Крв* – Кировоградская, *Лг* – Луганская, *Лв* – Львовская, *Нк* – Николаевская, *Од* – Одесская, *Пл* – Полтавская, *Рв* – Ровенская, *См* – Сумская, *Тр* – Тернопольская, *Хрк* – Харьковская, *Хм* – Хмельницкая, *Чрк* – Черкасская, *Чрв* – Черновицкая, *Чрг* – Черниговская. Цифры указывают номер ойконима в пределах области (т. 1 справочника). В графе 5-й приводится не более 3-х примеров, хотя их может быть намного больше.

Таблица № 7

Украинские ойконимы с суффиксом *-оват-*

№ №	Производящие основы	Области Украины	Кол-во основ	Ойконимические соответствия на территории Украины	Количество сочетаний основы с суффиксами					
					<i>-оват-, -уват-, -еват-</i> (+род. окончание)	<i>-оват-ка-, -уват-ка-, -еват-ка-, -иват-ка-</i>	<i>-ова-ха-, -ува-ха-, -ева-ха-</i>	<i>-ува-тів-ка-</i>	<i>-уват-ське (-ува-ське), -уват-ський</i>	<i>-ува-тець, -ова-тиця</i>
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI
1	<i>берез-</i>	Крв 1311; Лг 1032	2	Березове, Березівка, Березів Яр	- (-)	2 (-)	-	-	-	-
2	<i>березн-</i>	Крв (3); Днп 1250, 1363	3	Березна, Березне, Березневе	1 (-)	1 (-)	-	1 (-)	-	-
3	<i>березнег-</i>	Крв 557; Нк 169, 204, 868	4	Березник, Березники, Березняки	3 (-)	-	-	-	1 (-)	-
4	<i>бугр-</i>	См 1075; Крв 661; Хрк 746	3	Бугри, Бутор	1 (+)	2 (-)	-	-	-	-
5	<i>бузин-</i>	Эп (4)	1	Бузинове, Бузинівка	1 (-)	-	-	-	-	-
6	<i>бузник-</i>	Крв 177	1	-	1 (-)	-	-	-	-	-
7	<i>верб-</i>	Чрк 659; Днп (2), 831	3	Вербова, Вербове	1 (-)	-	-	2 (-)	-	-
8	<i>виш-</i>	Эк 462	1	Вишів, Вишка	1 (-)	-	-	-	-	-
9	<i>виши'-</i>	Эп 480	1	Вишневе, Вишня	1 (-)	-	-	-	-	-
10	<i>вільх-</i>	Эк 372; Пл 688. 2103. (3); Хрк 76, 654, 1870; Лв (4)	8	Вільха, Вільхи, Вільхове	1 (-)	7 (-)	-	-	-	-
11	<i>вовк-</i>	Лв 48	1	Вовче, Вовчак	- (+)	-	-	-	-	1 (-)
12	<i>волн-</i>	Днц 519	1	Волнисте (Крм 1159)	- (-)	-	1 (-)	-	-	-

13	глей-	Днп 341; Кв 305	2	-	- (+)	1 (-)	1 (-)	-	-	-
14	город-	Днп 1683	1	Город, Городень, Городище	- (-)	1 (-)	-	-	-	-
15	горох-	Кв 499; Хрк 442, 1282	3	Горохове, Горохівка	- (-)	3 (-)	-	-	-	-
16	гор-	Вл (4)	1	Гора, Гори	- (-)	-	1 (-)	-	-	-
17	гриб-	Лг 778	1	Грибовиця	- (-)	-	1 (-)	-	-	-
18	груд-	Днц 1185	1	Груди, Грудки	1 (+)	-	-	-	-	-
19	груш-	Днп 1267, 1100; Хрк 123, 149	4	Груша, Грушеве	1 (-)	1 (-)	1 (-)	-	1 (-)	-
20	гряк-	Днп 1207	1	Грякове	1 (-)	-	-	-	-	-
21	демшк-	Чрг (3)	1	Демня	1 (-)	-	-	-	-	-
22	дерез-	Днц 1231. (3)	2	Дерезівка, Дерезове	1 (-)	1 (-)	-	-	-	-
23	казанк-	Эп 1050	1	Казанки, Казанка, Казанківка (все спорные, т.к. в основе м. б. антропонимы Казан, Казанок)	1 (-)	-	-	-	-	-
24	калин-	Крв 363	1	Калинове, Калинівка	- (-)	1 (-)	-	-	-	-
25	камен-	Днц (3)	1	Камені, Кам- інне, Камінь	- (+)	1 (-)	-	-	-	-
26	кам'ян-	Днц 1036, (3), 1244; Эп 716; Нк (3), 231; Днц (4), (4) 608; Крв 864 (3); Чрк 840	12	Кам'янка, Кам'яне, Кам'янське	5 (-)	6 (-)	-	-	1 (-)	-

27	кислич-	Днп 1533,707	2	Кислиця	2 (-)	-	-	-	-	-
28	клин-	Лг 1038	1	Клин, Клини, Клинець	- (+)	1 (-)	-	-	-	-
29	коз-	Вл 915	1	Козове, Козин	1 (-)	-	-	-	-	-
30	комиш- (хамилл-)	Днп 1201, 1183, 103, 296, 513; Крв 929, (3); Хрк 1433, (3), 109, 1331, 1270, 17- 54; Зп 930, (3), 746; Лг 416, 441, (3); Нк (3)	20	Комиші, Комишове	6 (-)	2 (-)	10 (-)	1 (-)	1 (-)	-
31	копекк-	Крв 803	1	-	1 (-)	-	-	-	-	-
32	копій-	Чрк 267, 487, 268	3	Копійки, Ко- пійкове, Копіївка	3 (-)	-	-	-	-	-
33	корост-	Чрв 189	1	Корост, Корости, Коростки	1 (+)	-	-	-	-	-
34	корит-	Вн 508, (3)	2	Корито, Коритне, Коротище	2 (+)	-	-	-	-	-
35	корч-	См (3)	1	Корчев'я	1 (+)	-	-	-	-	-
36	кост-	Нк 251. 256	2	Косточки, Костопіль	2 (-)	-	-	-	-	-
37	кочк-	Од 1228, (3)	2	-	2 (+)	-	-	-	-	-
38	кременч-	Крв 560	1	-	1 (-)	-	-	-	-	-
39	кринич-	Днп 679, 1513; Крв 144, 598, 1310; Зп (3)	6	Криничне, Кринички	5 (-)	1 (-)	-	-	-	-
40	куп-	Кв 1175; Вл 151	2	Купина, Купине, Купище	1 (-)	-	-	-	-	1(-)

41	куп'я-	Пл 287, (3), (3), 1160; Хрк 333, 377. 719, (3)	8	Куп'янськ	3(-)	-	5(-)	-	-	-
42	купл-	Лг 265; Крв (4); См 879	3	-	2(-)	-	1(-)	-	-	-
43	куст-	Рв (3)	1	Кустиці, Кустигє	1(~)	-	-	-	-	-
44	куш-	Хрк (4)	1	-	-	-	1(-)	-	-	-
45	лигк-	Хрк 1811	1	Липки	-	-	-	1(-)	-	-
46	лоз-	Вн 647, (3); Крв 1278, 170, 524, 579, 701, 777, 976, 1062, 1172, (3), (3), (3), (2), 1161; Пл 90, 2082; Нк 1069, 1071; Днп 376, 522, 1108, 1180, 1629, 334, 1181, 1114, (2), 614; Зп 957, (3); Лг 954, 1064; Од 485, (3), (3); Чрк 839; Днц 814	39	Лоза, Лози	4(~)	32(-)	-	1(-)	2(-)	-
47	лом-	Чрк (3); Лг 25	2	Ломанка, Ломленка	1(÷)	1(-)	-	-	-	-
48	лоши-	Крв 242	1	-	1(~)	-	-	-	-	-
49	мед-	Чрк 108	1	Медова, Медуха	1(-)	-	-	-	-	-

50	міл-	Лг 737	1	Мілова, Мілове, Мілова Балка	- (+)	1 (-)	-	-	-	-
51	мух-	Вн 509; См 1022; Пл (4)	3	Мужавець, Мужавка, Мухівці	3 (-)	-	-	-	-	-
52	ольх-	Днц 85	1	Ольпани, Ольпанка, Ольпаниця	- (~)	1 (-)	-	-	-	-
53	оріх-	Днц 1237	1	Оріхівка	- (~)	1 (-)	-	-	-	-
54	осик-	Днп 1105; Крв 75, 521	3	Осика, Осикове	3 (~)	-	-	-	-	-
55	очерет-	Днц 469; Днц 155, 577, 1238; Зп 477, 1021, (4); Пл 1879, (3)	9	Очеретне, Очеретівка, Очеретове	9 (+)	-	-	-	-	-
56	парн- (парн'-)	Хрк 455; Лг 1065	2	Парне, Парневе, Парня	1 (-)	1 (-)	-	-	-	-
57	піск-	Хрк 81, 2010	2	Піски, Пісківка	2 (+)	-	- (+)	-	-	-
58	продовг-	См (3)	1	-	1 (+)	-	-	-	-	-
59	рис-	Хм (3)	1	Рисове	1 (~)	-	-	-	-	-
60	розсох-	Вн 409; Хрк 1365, 1178, 1285, 1352, (3); Хм 809% Лг 528, 557; Пл 1816; См 1100; Крв 724, 826; Чрк 341, 517; Тр 729, 508	17	Розсоха, Розсохи	11 (+)	3 (-)	-	-	-	3 (-)
61	рок-	Днп (3)	1	-	1 (-)	-	-	-	-	-

62	<i>сир-</i>	См 1569, 1618	2	Сирове Нк 473 (сомнительно)	- (+)	2 (~)	-	-	-	-
63	<i>скал-</i>	Чрк 138, 340	2	Скала, Скалева	- (~)	2 (-)	-	-	-	-
64	<i>скел'-</i>	Днп 1041, 443, (3); Зп 166, 1022, (4), (4); Крв 349, (3)	9	Скелі, Скелька, Скельове	5 (~)	4 (-)	-	-	-	-
65	<i>скот-</i>	Днц 1479; Днп 770, 1064; Зп (4)	4	-	4 (-)	-	-	-	-	-
66	<i>солонці-</i>	Крв 43	1	Солонцеве, Солонці	- (+)	1 (-)	-	-	-	-
67	<i>соляни-</i>	Лв 1684	1	Соляне	- (+)	1 (-)	-	-	-	-
68	<i>спил-</i>	Чрг 1609	1	Спичинці	1 (~)	-	-	-	-	-
69	<i>станк-</i>	Крв 303, 167, (2), (2)	4	Станків, Станківці, Станкова	4 (-)	-	-	-	-	-
70	<i>стовб-</i>	Пл 566, (4)	2	Стовбова Балка	1 (+)	-	1 (-)	-	-	-
71	<i>сух-</i>	Од 1165	1	Суша, Сухе	1 (+)	-	-	-	-	-
72	<i>терн-</i>	Зп 158, 91, 664; Днп 1141, 27. 1418, 386, 443, 1467. (2), (2); Нк 771, 838, 858; Од 916; Крв 612; Хрк 2045	17	Тернове, Тернава	8 (~)	9 (-)	-	-	-	-
73	<i>угл-</i>	Чрк 682	1	Угли, Углове, Углище	- (+)	1 (-)	-	-	-	-
74	<i>хац-</i>	Крв 202	1	Хацєве	1 (+)	-	-	-	-	-

75	хвоц-	Рв (4)	1	Хвоцове, Хвоцівка	1 (-)	-	-	-	-	-
76	хряц-	Лг 293	1	Хряцівка	1 (+)	-	-	-	-	-
77	чумчик-	Пл (4)	1	-	1 (-)	-	-	-	-	-
78	шип-	Хрк 720, 715, 725	3	Беспорных соответствий нет	3 (-)	-	-	-	-	-
79	шишк-	Лв (3)	1	Беспорных соответствий нет	1 (+)	-	-	-	-	-
80	ялик-	Лв 1445	1	-	1 (-)	-	-	-	-	-
81	яр-	Чрк 625	1	Яр, Яри	- (+)	1 (-)	-	-	-	-
82	ясен-	Пл 1642; Днц 1470; Зп 263; Хрк 456; Крв 1044, 1165, 1186	7	Ясеневе, Ясени, Ясинове	4 (-)	3 (-)	-	-	-	-
Всего			267		132 (61-, 34-, 36+, 1-)	95 (93-, 2+)	23 (23-)	6 (6-)	6 (6-)	5 (5-)

Лимнонимы с суффиксом *-оват* в районе «вольностей» запорожских казаков (по Д.И. Эварницкому)

№ №	Производящие основы	Количество основ	Количество сочетаний с суффиксами		Апеллятивные параллели (тождества)	Основы (корни) в апеллятивном словаре
			<i>-оватое, -оватый, -еватый</i> (отмечен знаком :)	<i>-оватское</i>		
I	II	III	IV	V	VI	VII
1	<i>багн-</i>	1	1	-	-	+
2	<i>баклан-</i>	1	1	-	-	+
3	<i>верб-</i>	1	1	-	-	+
4	<i>вяз-</i>	4	4	-	÷	+
5	<i>гной-</i>	1	1:	-	-	+
6	<i>гол-</i>	1	1:	-	-	+
7	<i>грушк-</i>	1	1	-	~	+
8	<i>дирч-</i>	1	1:	-	-	+ (<i>дирк-</i>)
9	<i>долг-</i>	2	2	-	+	+
10	<i>жирн-</i>	1	1	-	+	+
11	<i>карас-</i> (<i>корас-</i>)	4	4:	-	-	+
12	<i>клин-</i>	1	1	-	+	+
13	<i>колод-</i> (<i>колодк-</i> , <i>клюд-</i>)	8	8	-	~	+
14	<i>корыт-</i>	1	1	-	+	+
15	<i>крут-</i>	2	2	-	+	+
16	<i>купй-</i>	1	1:	-	-	+ (<i>куп-а</i>)
17	<i>купл'-</i>	3	3:	-	-	+ (<i>куп-</i> , с эпентетическим л')

18	кутй-	1	1:	-	-	- (возможно, от кут "угол")
19	куш-	2	2:	-	-	-
20	кушир- (кушер-, кушур-)	3	3	-	~	+ (кушир "роголистник, водная крапива")
21	лат-	1	1	-	-	- (возможно, от латач- раст. жабник, с дезаффиксацией -ач)
22	лоз-	12	11	1	-(для IV) -(для V)	+ +
23	локн- (луки-)	5	5	-	-	- (ср. др. русск. локи "лужа")
24	лопух-	2	2	-	+	+
25	молох-	1	1	-	-	-
26	мох-	2	2	-	+	+
27	мух-	1	1	-	~	+
28	образ-	1	1	-	-	+ (возможно, от образки- раст. <i>Calla palustris</i> L., с дезаффиксацией -к(и))
29	окун-	1	1:	-	-	+
30	ольх-	1	1	-	~	+
31	орех-	7	7	-	~	+
32	осин-	1	1	-	-	+
33	осмык-	1	1	-	-	+ (от осмикувати?)
34	осокор-	1	1	-	~	+
35	очерет-	2	2	-	+	+
36	перегор-	1	1	-	-	+ (возможно, от перегорок "пригорок", с десуффиксацией -ок)

37	перенур-	1	1	-	-	-
38	песк-	19	19	-	+	+
39	плав-	1	1	-	-	+ (от <i>плавля</i> "болотистый луг", <i>плавня?</i>)
40	разсох- (розсох-)	10	10	-	+	+
41	резак-	15	15	-	~	+ (от <i>різак</i> - болотн. растение. <i>Stratiotes</i> <i>Aloides L.</i>)
42	рог-	2	2	-	~	+ (неясно: от <i>ріг</i> "рог" или <i>рог</i> "угол")
43	рогоз-	1	1	-	~	+
44	сак-	1	1	-	-	+ (от <i>сак</i> "сумка")
45	скел-	1	1:	-	~	+
46	сукр-	1	1.	-	+	+
47	супий-	1	1:	-	-	-
48	хрещ-	1	1	-	+	+
49	цапк-	1	1	-	-	+ (от <i>цапок</i> "козлик")
50	черепах-	1	1	-	-	+
51	ш-	1	1:	-	-	- (от <i>шия</i> "шея"?)
52	штан-	1	1	-	~	+
53	ям-	2	2	-	+	+
Всего		140	139	1	62 ~, 32 -, 45 +, 1 ÷	127+, 13-

Примечания:

1. К № 6: из *гол(ое)* + *оват(ое)*, где суффикс выражал с самого начала лишь категориальное (адъективное) значение.

2. К №№ 16-17: *куй-*, *кул'* - можно рассматривать как варианты.

3. К № 53: неточная апеллятивная параллель (с усложненной производящей основой) - *якуватий* «ямистый».

Таблица № 9

Гидронимы с суффиксом *-оват-* (*-уват-*, *-еват-*) в бассейнах Днепра, Днестра, Южного Буга и в Северном Приазовье

№ №	Производные основы	Количество основ по бассейнам рек				Всего	Количество сочетаний основных суффиксами				Апеллятивные параллели (тождества)	Основы (корни) в апеллятивном словаре
		Днепра	Днестра	Южного Буга	Северного Приазовья		<i>-оватый, -а(я), -ое</i>	<i>-оватка (-ува-тка), -еватка</i>	<i>-оваха (-ува-ха), -еваха</i>	<i>-оватица (-ева-тица), -оватец</i>		
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
1	<i>багнак- (batnyk-)</i>	-	1	-	-	1	1	-	-	-	-	+ (очевидно, от <i>багнака</i> "болото, грязь")
2	<i>базн- (basht-)</i>	-	1	-	-	1	-	1	-	-	-	+ (<i>базно</i>)
3	<i>береснег-</i>	1	-	-	-	1	1	-	-	-	-	+ (оч., от <i>березнак</i>)
4	<i>березн'-</i>	1	-	-	-	1	-	1	-	-	-	+
5	<i>вал'-</i>	1	-	-	-	1	-	1:	-	-	-	-
6	<i>вал-</i>	1	-	-	-	1	-	1	-	-	-	+
7	<i>велик-</i>	1	-	-	-	1	-	1	-	-	-	+
8	<i>волн-</i>	-	-	-	2	2	-	-	2	-	-	+
9	<i>волокон-</i>	1	-	-	-	1	1	-	-	-	-	+
10	<i>гал-</i>	1	-	-	-	1	1	-	-	-	+	+
11	<i>гал-</i>	1	-	-	-	1	-	-	1	-	-	+
12	<i>горах-</i>	1	-	-	-	1	-	1	-	-	~	+
13	<i>грек- (грык-)</i>	-	-	-	1	1	1	-	-	-	-	+
14	<i>груш-</i>	1	-	-	-	1	1	-	-	-	~	+

15	еленик- (jelenk-)	-	1	-	-	1	1	-	-	-	-	+
16	камыган	1	-	1	2	4	4	-	-	-	~	+
17	камыш (камыш)	8	-	2	6	16	6	3	7	-	~ (для VIII) - (для IXиX)	+
18	кост	-	-	3	-	3	3	-	-	-	~	+
19	кош	1	-	-	-	1	1	-	-	-	~	+(каш)
20	кори	2	-	-	-	2	2	-	-	-	+	+
21	кряквич	1	-	1	-	2	2	-	-	-	~	+
22	кутй	2	-	-	-	2	1:	-	1:	-	- (для VIII и X)	+
23	кутл	-	-	1	2	2:	-	-	-	-	-	+
24	кутй	1	-	-	-	1	-	-	-	1:	-	+
25	куст	1	-	-	-	1	1	-	-	-	~	+
26	кушур	1	-	-	-	1	1	-	-	-	~	+
27	лоз	9	-	6	1	16	4	12	-	-	~ (для VIII) - (для IXи X)	++
28	лутл	1	-	-	-	1	-	-	1	-	-	-
29	опах- (опах)	3	-	-	1	4	-	4	-	-	-	+

30	орех-	3	-	-	-	3	-	1	-	2	- (для IX и XI)	++
31	осик-	2	-	1	-	3	3	-	-	-	~	+
32	осин-	2	-	1	-	3	3	-	-	-	~	+
33	очерет-	2	-	-	-	2	2	-	-	-	+	+
34	песк-	3	-	-	-	3	2	-	1	-	+ (для VIII и X)	++
35	рассол- (рассол-)	1	-	-	-	1	1	-	-	-	-	+
36	рок- (рак-)	-	-	-	1	1	1	-	-	-	-	+
37	россох-	1	-	1	1	3	1	2	-	-	+ (для VIII) - (для IX)	+
38	рыж-	3	-	-	-	3	1	-	2	-	+ (для VIII) (для X)	+
39	ролик-	-	-	1	-	1	1	-	-	-	~	+ (рлянок?)
40	скал'- (скал'-, сокол'-)	2	-	-	1	3	1	2	-	-	~ (для VIII) - (для IX)	+
41	смерек- (смртек-)	-	1	-	-	1	1	-	-	-	~	+ (смерека)
42	схот-	3	-	-	1	4	4	-	-	-	-	+
43	солонч-	-	-	-	1	1	1:	-	-	-	+	+
44	стенс- (стйнс-)	-	-	1	-	1	1	-	-	-	~	+

45	<i>сыр</i> (<i>syр</i> -)	2	-	-	-	2	-	1	-	1	-	(для XI) - (для IX)	+
46	<i>сысл</i> - (<i>sychl</i> -)	-	1	-	-	1	1	-	-	-	-	(ср. гидро- ним Сыс- ль в бас. Днест- ра)	+
47	<i>чер</i> -	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	+ (от <i>черевир</i> - раст. <i>Stellaria</i> <i>media</i> , с дезаффик- сацией <i>-ев</i> ?)
48	<i>чеш</i> - (<i>чеч</i> -, <i>чшт</i> -)	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	+ (ср. вариант этого гидронима - <i>Чаца</i>)
49	<i>черед</i>	-	-	-	1	1	1	-	-	-	-	-	+
50	<i>чшт</i>	1	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-
51	<i>яр</i>	-	-	1	-	1	-	1	-	-	-	-	+
52	<i>ясин</i>	-	-	-	1	1	1	-	-	-	-	-	+
Всего		69	5	19	21	114	61	33	16	4	37-, 65-, 11+, 1+	111+, 3-	

П р и м е ч а н и я:

1. В графе VI учтены лишь притоки северного побережья Азовского моря (от Крыма до устья Северского Донца).

2 К № 11: *Головаха* – атрибутивное существительное. Исходная форма: Головат (-ая, -ый, -ое), где суффикс -оват- – своего рода морфологический «эхоизм» (он никогда не варьировал лексического значения основы и с самого начала – под влиянием топонимического ряда – выступал только как лексически обесцвеченный выразитель категориального значения).

Таблица № 10

Гидронимы с суффиксом *-оват-* в бассейне р. Дон (в скобках - номер графы, к которой относятся знаки +, -, и ~)

№ №	Производящие основы	Количество основ по бассейнам рек		Всего	Количество сочетаний основы с суффиксами							Апеллятивные параллели (тождества)	Основы (корни) в апеллятивном слове
		Дона	Северского Дона		<i>-оват-, -оват-</i> (+гол. окончание)	<i>-оватка, -оватка</i>	<i>-оватка, -оватка</i>	<i>-оваток, -оваток</i>	<i>-оватец, -оватец</i>	<i>-оватеньк-</i>	<i>-оватин-</i>		
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV
1	<i>базыл-</i>	1	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-
2	<i>берест-</i>	1	5	6	5	-	-	-	-	-	1	~ (6), - (11)	+
3	<i>бориц-</i>	-	1	1	1:	-	-	-	-	-	-	~	+
4	<i>бруск-</i>	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-	+ (<i>брусок?</i>)
5	<i>буер-</i>	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	+	+
6	<i>бузын-</i>	-	2	2	2	-	-	-	-	-	~	-	+
7	<i>вил-</i>	8	2	10	10	-	-	-	-	-	-	+	+
8	<i>висл-</i>	1	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	+ (<i>вистый</i>)
9	<i>витрилик-</i>	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	~	+
10	<i>вилин-, (вьилин-)</i>	-	2	2	2:	-	-	-	-	-	-	-	+
11	<i>вяз-</i>	1	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	+
12	<i>горн-</i>	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-	+
13	<i>горох-</i>	-	2	2	1	1	-	-	-	-	-	~ (6), - (7)	+
14	<i>грязн-</i>	2	-	2	1	1	-	-	-	-	-	+ (6), - (7)	+

15	дерез-	-	4	4	4	-	-	-	-	-	-	~	+
16	дерез-	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-
17	дерм-	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	~	+
18	долг-	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	~	+
19	дубр-	-	1	1	-	-	1	-	-	-	-	-	+
20	ел-	3	-	3	-	2	-	1	-	-	-	(7,9)	+
21	ер-	1	-	1	1	-	-	-	-	-	-	~	+(яр)
22	зэнз-	2	-	2	-	2:	-	-	-	-	-	-	+(дээн- дзык)
23	шт-	6	1	7	4	3	-	-	-	-	-	+(6), -(7)	+
24	ислн-	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	~	+(ясець)
25	камен-	-	3	3	3	-	-	-	-	-	-	~	+
26	камыш-	9	15	24	9	-	15	-	-	-	-	~(6), -(8)	+
27	карш-	1	-	1	1	-	-	-	-	-	-	~	+(карши -зато- нувшие деревья)
28	клевн- (клевн-)	-	2	2	1: 1:	-	-	-	-	-	-	~	+
29	колюдез'-	-	1	1	1:	-	-	-	-	-	-	~	+
30	кон'-	-	1	1	1:	-	-	-	-	-	-	-	+
31	котий- (котий-)	-	2	2	2:	-	-	-	-	-	-	-	+
32	конт'-	-	1	1	1:	-	-	-	-	-	-	-	+
33	кор-	1	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	+
34	кошлак-	1	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	+(кошлюк "бобре- нок"?)

35	крейд	-	2	2	2	-	-	-	-	-	-	+	+
36	крио-	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	+	+
37	кринич-	-	1	1	1:	-	-	-	-	-	-	~	+
38	кряжис-	-	3	3	3	-	-	-	-	-	-	~	+
39	куе-	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	~	+(куеа)
40	кури-	-	1	1	-	-	-	1:	-	-	-	-	+
41	кури-	1	-	1	1:	-	-	-	-	-	-	-	+
42	кури-	-	5	5	3:	-	2:	-	-	-	-	~ (6, 8)	+
43	кут	1	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	+
44	куц	2	-	2	2:	-	-	-	-	-	-	~	+
45	лес-	1	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	+
46	лоб-	1	-	1	1	-	-	-	-	-	-	~	+
47	лоз-	-	6	6	6	-	-	-	-	-	-	~	+
48	лом-	-	3	3	2	1	-	-	-	-	-	~ (6), - (7)	+
49	логич-	4	4	8	8	-	-	-	-	-	-	~	+
50	лот	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	~	+ (лот "плюское корыще" - В Дале, т. 2, 273)
51	лос-	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	~	+ (лос- раст. Elaeagnus L.)
52	маруик-	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	~	+

53	мел-	4	1	5	3	1	-	1	-	-	-	~ (6), -(7,9)	+
54	моуик-	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-
55	мокр-	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	+	+
56	морик-	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	~	+
57	мох-	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	+	+
58	мураик-	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	~	+(мураи- ки)
59	мур-	1	-	1	1	-	-	-	-	-	-	~	+(мурава? мур?)
60	ольх-	4	6	10	4	4	-	1	1	-	-	~ (6), -(7, 9, 10)	+
61	осок-	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	~	+(осока)
62	очерет	-	3	3	3	-	-	-	-	-	-	+	+
63	парі-	-	4	4	4:	-	-	-	-	-	-	-	+
64	песк-	16	3	19	3	14	-	1	1	-	-	+(6), -(7, 9, 10)	+
65	пис-	-	1	1	-	-	1	-	-	-	-	-	+(пис, о)
66	развал-	1	-	1	1:	-	-	-	-	-	-	-	+
67	раик-	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	~	+(укр.ра- чок, раици)
68	резак-	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	~	(різак- рост. Stables L)
69	пенек-	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	÷	+(укр пеніак)
70	рыж (рыж)	-	2	2	2	-	-	-	-	-	-	+	+

71	рвовз	-	2	2	2	-	-	-	-	-	-	~	+
72	россох	-	27	27	26	1	-	-	-	-	-	+ (6), - (7)	+
73	седл	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	+	+
74	скел'	-	9	9	9	-	-	-	-	-	-	~	+
75	скот	-	2	2	2	-	-	-	-	-	-	-	+
76	созон	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	~	+ (созон)
77	сост	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	~	+
78	солонц	7	6	13	8, 5:	-	-	-	-	-	-	+	+
79	столт	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	~ (укр. стол- бука- тый "стол- бо- образ- ный)	+
80	сух	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	+	+
81	сыр	1	2	3	1	-	-	1	-	-	1	+ (6), (9,12)	+
82	тал	-	2	2	2	-	-	-	-	-	-	~	+
83	терн	-	2	2	2	-	-	-	-	-	-	~	+
84	тарж	-	1	1	1:	-	-	-	-	-	-	-	-
85	тырс	-	1	1	1:	-	-	-	-	-	-	~	+ (тырс- раст. Stipa capilla- ta L.)
86	уэл	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	+	+

87	фонт (см. №88)	1	-	1	1:	-	-	-	-	-	-	+	(хвоиц)	
88	хвоиц	-	4	4	3:	-	1	-	-	-	-	~ (6), - ( )	+	
89	хмел'	-	1	1	1:	-	-	-	-	-	-	~	+	
90	хруиц	-	1	1	1:	-	-	-	-	-	-	~	+	
91	хряиц	3	5	8	8:	-	-	-	-	-	-	+	+	
92	чиц	2	1	3	3:	-	-	-	-	-	-	~	+	
93	чекан	1	-	1	1	-	-	-	-	-	-	~	+	(читат- раст. Ty- pha L.)
94	черемох	-	2	2	2	-	-	-	-	-	-	~	+	
95	читк	1	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	
96	чиц (см. №92)	1	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	+	
97	шмер	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	
98	шорох	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	
99	ярк	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	+	+	(ярок)
100	ярн	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	~	+	
101	ярн	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	
102	яр	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	+	+	
	Всего	91	194	285	221	34	21	5	2	1	1	96-, 93-, 82+, 14+	278+, 7-	

- ¹ История прилагательных с суффиксом *-оват-* (*-еват-*) на протяжении XIX–XX вв. в последнее время рассматривалась в статье Е.А. Земской «История прилагательных, обозначающих степень признака в русском литературном языке нового времени» (сб. «Образование новой стилистики русского языка в Пушкинскую эпоху». - М.: Наука, 1964. - С. 344—349).
- ² Суффикс *-ат-* - древнейший словообразовательный элемент индоевропейских языков, образующий прилагательные со значением «обладающий чем-то». Ср. общеслав. **bordatъ* «бородатый», литовск. *barzdōtas*, лат. *barbātus*, лат. *herbātus* (от *herba*) и др.
- Кроме него, производящие основы с суффиксом *-ов-* (*-ев-*) получали и другие семантически близкие суффиксальные наращения: *-ит-* (ср. древнерусск. дерева *плодовита*, *имовить*, совр. русск. *ядовитый*, *духовитый*) и *-аст-* (поздний фонетический вариант суффикса *-ат-*). Ср. в тексте одной из севернорусских песен: «Листик, листик *листавастый*, А хто у нас *кудривастый*» (П. Булычев. О говорах русского населения Лифляндской губернии. - РФВ. - Т. XIV. - Варшава, 1910. - С. 309).
- ³ А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия. - СПб., 1885. - С. 74.
- ⁴ А. Грандильевский. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор. - Сборник ОРЯС. Т. LXXXIII. - № 5. - СПб., 1907. - С. 177, 273.
- ⁵ Мы не имеем возможности подробно остановиться на энантисемическом развитии морфемы *-оват-*, причину которого следует искать во взаимодействии лексического значения производящей основы и суффикса. Смысловой оттенок слабой степени проявления признака (*красноватый*, *суховатый*, *великоватый* и т.д.) мог развиться из оттенка его преобладания над другими признаками и свойствами предмета (например, красноты над другими цветами фона и т.д.). Ср. русск. просторечн. *башковитый* (с суфф. *-овит-*) «умный, толковый» и его диалектный антоним *башковатый* «глуповатый, недогадливый» (А. Грандильевский, Указ. соч., стр. 93; здесь, впрочем, решающую роль могла сыграть различная коннотация производящей основы, а не энантисемантическое развитие сложившихся структур). Нарушение первичных смысловых связей морфем в словах с суффиксом *-оват-* привело к постепенному угасанию в нем значения «обильный чем-то» и сделало главным значение неполноты признака. Возможно, промежуточным семантическим звеном между «обильный чем-то» и «обладающий чем-то в незначительной мере» было значение «похожий на что-то», зафиксированное в таких словах, как *виловатый*, *дубоватый*, *крючковатый* (показательно сосуществование у этого слова в диалектах двух значений, одно из которых (второе) уже неизвестно литературному языку - «загнутый крючком», т. е. имеющий сходство с крючком, и «многокрючный» - В. Даль. Толк. словарь, II, стр. 211). Подробнее об этом смысловом переходе см. в работе М.М. Покровского «Материалы по

исторической грамматике латинского языка” (в кн.: М.М. Покровский. Избранные работы по языкознанию. - М., Изд-во АН СССР, 1959. - С. 200-206). Разумеется, многие прилагательные с суффиксом *-оват-* (типа *синеватый, беловатый*) в своем развитии не прошли стадии поляризации значения, а возникли по уже сложившейся и активно действующей в языке модели.

- ⁶ Д.М. Мейчик. Грамоты и другие акты XIV и XV вв. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. - Кн. 4. - М., 1884. - С. 117.
- ⁷ Актовая книга Житомирського міського уряду кінця XVI ст. - К., Изд-во “Наукова думка”, 1966. - С. 134.
- ⁸ Ю.О. Карпенко. Давньоруська основа словотвору української топоніміки // Питання історичного розвитку української мови”. - Харьков, Изд-во ХГУ, 1962. - С. 291.
- ⁹ Существует мнение о тюркском (половецком) происхождении данного гидронима (*Елукваты > Ольховатка*), ничем, впрочем, не обоснованное (К.В. Кудряшов. Половецкая степь. - М., 1948. - С. 119, со сноской на работу Н. Аристова “О земле половецкой”, Киев, 1877). Особенно странно выглядит гипотеза о “старой тюркской модели” современных топонимов с суффиксом *-оват-* (*-уват-*) на том лишь основании, что они расположены “почти исключительно” (?) на юге, “где на протяжении долгого времени находились тюркские кочевые племена (печенег, хазары, торки, половцы)” (И.В. Муромцев. Словотворчі типи гідронімів (басейн Сіверського Дінця). - К., Изд-во “Наукова думка”, 1966. - С. 71-72).
- ¹⁰ В топонимической системе нашего времени могут быть редкие случаи повторного обращения к столь популярной в прошлом словообразовательной структуре (“топонимические рецидивы”). Ср. ойконимы: *Вишневатое* – семантическая калька немецкого названия *Киривальд* (Запорожск. обл.); *Комишувате* – вм. старого *Татарівка* (Новоукраинский р-н, Кировоградск. обл.); *Лозуватка* - вм. старого *Лозове* (Ивановский р-н, Одесск. обл.) и др.
- ¹¹ Топонимы с суффиксом *-оват-* в более “разреженном” состоянии представлены и в западноукраинских областях (см. выше карту распространения ойконимов с этим суффиксом), их удельный вес невысок в топонимии Польши. Ср. лемковский топоним *Sukowate*, зафиксированный в памятниках конца XVв. (Z. Stieber. Toponomastyka Lemkowszczyzny. - Cz. I. Nazwy miejscowości. - Łódź, 1948. - С. 48-49). Его начальная смысловая структура тождественна значению восточнославянских топонимов *Вилватый* и *Рассохватый*. В бассейне Вислы на более чем 14 тыс. отдельных названий (с вариантами - около 19 тыс.) для примерно 9 тыс. объектов приходится только 8 гидронимов с суффиксом *-owat-*: *Podługowaty Staw*, *Syhlłowaty* (ср. рядом *Syhl*), *Berdowaty*, *Szypowaty*, *Leszczowate*, *Olchowate* (вариант: *Olchowaty*), *Barwinkowaty*, *Sukowaty* (вариант: *Sukowatka*) (Hydronimia Wisły, Wrocław - Warszawa - Kraków 1965. - С. 38, 63, 64, 68, 70,

73, 74, 76). В словаре географических названий воссоединенных земель западной и северной Польши С. Роспонда на 32.138 топонимов приходится только одно название с суффиксом *-owat-* - *Powatka* (см.: S. Rospond, *Słownik nazw geograficznych Polski Zachodniej i Północnej*, I. - Wrocław - Warszawa, 1961. - С. 98). Ни одного из них нет и в реестре местных названий Чехии, приложенном к книге В. Шмилауэра "Osídlení Čech v světle místních jmen" (Прага, 1960). Прилагательные с суффиксом *-оват-* составляют малопредставительную группу названий и в южнославянской топонимии (где, между прочим, от имен с акцентированным суффиксом *-оват-* следует отличать внешне сходные с ними болгарские топонимы с безударными исходами типа *Кáменовата бара*, состоящими из суффикса *-ов(а)* и постпозитивного члена).

- ¹² Для подсчетов были использованы собрания донской и днепровской гидронимии П.Л. Маштакова. Следует иметь в виду известную неравноценность списков, прежде всего отсутствие в перечне рек Днепровского бассейна названий озер и других водоемов, что делает еще более приблизительными вышеприведенные сопоставления. Особенно много названий озер, гирл, лиманов и прогноев с суффиксом *-оват-* на бывших запорожских землях (списанных с "геометрических специальных планов" 1784-1803 гг., хранившихся в Екатеринославской губернской чертежной) приводит Д.И. Эварницкий (см. его *Вольности запорожских казаков. Историко-топографический очерк.* - СПб., 1890). Из общего числа приведенных здесь лимнонимов (789) около 17,5% приходится на образования с суффиксом *-оват-*.
- ¹³ См. А.В. Миртов. *Украинцы на Дону.* - Ростов-на-Дону, 1930. - С. 3, 71 (схема "Восточная граница украинского языка").
- ¹⁴ Таблица и карта составлены по материалам книги: *Українська РСР. Адміністративно-територіальний поділ.* - Т. 1-2. - К., 1969.
- ¹⁵ В 1706 г. посланцем Петра I Е. Украинцевым и турецким комиссаром Коч-Мегметом была составлена "Межвая запись, постановленная у р. Буга", в которой определялась граница запорожских владений ("вольностей") и земель Крымского ханства (на карте она отмечена пунктирной линией) (подробнее см.: *Труды Херсонского статистического комитета.* Кн. 1. *Материалы для географии и статистики Херсонской губернии, Херсон, 1863,* стр. 216-217). На карте спорная территория заштрихована горизонтальными линиями, районы обитания крымских татар, их кочевий (в урочище Великий Луг) - клеткой.
- ¹⁶ *Rückläufiges Wörterbuch der Russischen Sprache der Gegenwart unter Leitung und Redaktion von Н.Н. Биelfeldt.* - Academie-Verlag. - Berlin 1958. - С. 168-159 (основными источниками словаря являются Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова и Словарь русского языка С.И. Ожегова).
- ¹⁷ Такие словообразовательные модификации производящей основы, как *старкуватий // підстаркуватий, смішкуватий // насмішкуватий // посмішкуватий* и т.д. принимались за единицу.

- ¹⁸ *Витиеватый, продолговатый, замысловатый (незамысловатый), одутловатый, виноватый, бесноватый, аляповатый, тороватый.*
- ¹⁹ В большинстве своем это переформленные прилагательные с вторичными суффиксами -к(а), -ик, реже -иц(а). Ср.: *Гниловатка, Гороватка, Клычеватка, Вишневатка, Хмелеватка, Гниловатицы, Ломоватка, Корневатка* (см. в кн. И.И. Васильева. Опыт статистическо-географического словаря Псковской губернии. - Вып. 2-й. - Великолуцкий уезд. - Псков, 1884. - С. 63, 68, 118, 166; Статистическо-географический словарь Опочечского уезда Псковской губернии. - Вып. 3; Псков, 1896. - С. 66, 79, 85, 111, 139, 150; Опыт статистическо-географического словаря Псковского уезда Псковской губ. - Псков, 1882. - С. 141); гидронимы *Ольховатик, Березоватик, Глыбоатик* (Д.Ф. Шанько, Реки и леса Ленинградской области. - Л., 1929. - С. 64, 60, 348, 566) и мн. др. Суффикс -оватик (-еватик) особенно характерен для севернорусской микропонимии, где он широко встречается в наименованиях ручьев, наволоков, пожней, лесов, покосов, пустошей, урочищ и т.д. Вот несколько имен из списка севернорусских топонимов на -оватик (-еватик), любезно предоставленного нам Э. Косовой (Екатеринбург): *Гниловатик* (урочище, наволок, ручей, порог), *Дождеватик* (наволок), *Еловатик* (сенокос), *Колодоватик* (ручей и порог) и др. В списке 77 микропонимов с 26 производящими основами - *гнил-, горб-, дед-, дожд-* (*дожд^д-, дожд^ж-*), *ел-, жар-, колод-, кон^н-, корн^н-, кочк-, коч-, кривл^л-, куст-, лом-, мир-, ольх-, осот-, пин^н-, тыр^р-, росоох-, скул-, сосн-, тин-, чащ-, черемх-*, имеющих 8 вариантов суффиксальных исходов: -оватик (17 основ, 48 примеров), -еватик (6 основ, 16 примеров), -оватики (4 основы, 4 примера), -оватка (2 основы, 3 примера), -еватики (2 основы, 2 примера), -еватики (1 основа, 2 примера), -еватка (1 основа, 1 пример), -оватица (1 основа, 1 пример). Подробнее об этой словообразовательной модели см.: Э.И. Косова. Севернорусские микрогидронимы с суффиксами -оватик, -еватик (Микропонимия. Тезисы совещания. - Изд-во МГУ, 1964. - С. 17-18). В украинской топонимии суффикс -оватик (-еватик) встречается редко. Ср. *Глееватик* - название оврага вблизи с. Петровское в Б. Изюмском уезде, Харьковск. губ. (Гельмерсен. Донецкий каменноугольный край и его будущность в промышленном отношении // Горный журнал. - № 1-2. - СПб., 1855. - С. 101; Сборник материалов, относящихся до геологии Южной России. - Кн. 1. - Харьков, 1867. - С. 190-191). Тенденция к структурной субстантивации ("опредмечиванию") гидронимов-прилагательных с суффиксом -оват- отмечается и на других славянских территориях. Ср. польск. *Sukowatka* (вариант -*Sukowaty*) - п. п. Тарнавы, л. п. Ославы, л. п. Сана (Hydronimia Wisły, стр. 76); *Howatka* - озеро в Кошалинском воеводстве (S. Rospond. Słownik nazw geograficznych.... - 1. - С. 98); *Столоватица* - равнина в Болгарии (Й. Заимов. Местните имена в Пирдопско. - София, 1969. - С. 260) и др. Субстантивирующая роль суффиксов -ка, -ец, -ак и др. подробно исследована П. Зволнским в ст. Substantywizacja sufiksalna przymiotników

- w językach słowiańskich (в сб. Z polskich studiów sławistycznych. - Seria 2. - Językoznawstwo, Warszawa, -1963).
- ²⁰ См. еще карту "Гідроніми на *-оват*, *-еват*, *-уваг*" в книге А.П. Корепановой, Словотворчі типи гідронімів басейну Нижньої Десни. - К., 1969.
- ²¹ См.: А. Савельев. Трехсотлетие Войска Донского 1570-1870 г. Очерки из истории донских казаков. - СПб., 1870. - С. 54; А. Яблоновский. Левобережная Украина в XV-XVII ст. - Киевская старина. - Т. LIII, 1896. - Киев, 1896. - С. 101; Г. Вернадский. К истории колонизации Азовского побережья // Известия Таврической ученой Архивной комиссии. - № 57. - Симферополь, 1920. - С. 250.
- ²² Д. Юрьев. Топографическое описание Северного Урала и рек его обоих склонов // Записки имп. Русского географического об-ва. - Кн. VI. - 1852. - С. 297; И.Я. Кривошеков. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. - Пермь, 1914. - С. 356.
- ²³ П. Семенов. Географическо-статистич. словарь Российской империи. - Т. III. - С. 453.
- ²⁴ P. Zwoliński. Указ. соч. - С. 92-93.
- ²⁵ P. Zwoliński. Указ. соч. - С. 94.
- ²⁶ Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии. Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. - Вып. 2. - Екатеринослав, 1880. - С. 25. Спустя полтора столетия, в "Списке населенных мест Донбасса" (Киев, 1924), в употреблении остается только форма прилагательного с новой производящей основой (*камышевахский*).
- ²⁷ Историко-статистическое описание Харьковской епархии. - Отделение 5. - Харьков, 1858. - С. 107.
- ²⁸ Основа *кременч-* соотносится с апеллятивной формой *кременець* (ср. русск. *кремешек*), *кременчик*, а через нее с ойконимами типа *Кременевка*, но никак не с названием тюркского происхождения *Кременчук* (в современной гиперкорректной форме *Кременчуг*) < *керменчик* "мельничка" - в результате ложноэтимологического сближения со словом *кремень* (*кремезь*) и субституции тюркского суффикса *-чик* (омонимичный украинский суффикс всегда безударный, тюркский окситон мог сохраниться лишь при замене его акцентно сильным украинским суффиксом *-чук*).
- ²⁹ Структурно-смысловая идентификация апеллятивов и ойконимов, как, впрочем, и других топонимов (см. в конце дескриптивные таблицы 2, 3 и 4), производилась на базе шеститомного Українсько-російського словника (Киев, 1953-1963), Словаря української мови Б. Гринченка, а также Толкового словаря русского языка под ред. Д.Н. Ушакова и Толкового словаря живого великорусского языка В.И. Даля (для топонимов русского происхождения, особенно в таблице 4).
- ³⁰ Знак ~ указывает на допускаемые окказиональные формы, на потенциальную возможность существования в живой речи не засвидетельствованных словарями прилагательных с суффиксом *-оват-* (*-уваг-* и т.д.), что

подтверждается наличием в словарях и собраниях диалектной лексики образований с аналогичной смысловой структурой (напр., *бузиноватий, вербуватий, комишуватий* и др. (~): *очеретуватий; кам'януватий* (~): *криничуватий* и т.д.).

³¹ От северо-западной границы (у с. Троицкое или Чикаливка Верхнеднепровского уезда) до устья Буга, по левому берегу Орели и по обоим берегам Самары (см.: Д.И. Эварницкий. Указ. соч. - Гл. 7).

³² См.: Д.И. Эварницкий. Вольности запорожских казаков. Историко-топографический очерк. - С. 175, 177, 180.

³³ Эту особенность адекватных топонимов с суффиксом *-оват-* (*-уват-*) в конце прошлого века тонко подметил И. Манжура в статье "К вопросу о происхождении слова Половица" (П. - место, где в 1784 г. был основан Екатеринослав), напечатанной в "Екатеринославском юбилейном листке" 30 апреля 1887 г. (№ 11, стр. 94). Статья представляет собой отклик на помещенную в 7 номере "Листка" заметку В. И. Милославского. И. Манжура отклоняет предложенное автором заметки толкование и пишет: "Если производить название Половицы от ягоды *полуницы*, упирая на обилие этой ягоды в ее окрестностях, то по конструкции языка правильнее было бы сказать *полунышна, полунычувата* - подобно тому, как говорится *крынышна, крынычувата* (напр., балка) - обильная родниками, *метлычуватый* (напр., степь) - поросший травой метлыцею и т.п."

Заметим, кстати, что эта особенность смысловой структуры топонимов с суффиксом *-оват-* иногда не учитывается и в новейших работах. Например, А.С. Стрыжак считает, что гидронимы *Ольховатка, Реп'яхуватий* и под. образовались "при помощи суффикса прилагательного *-уват-* ~ *-оват-*, указывающего на признак в неполной мере" (см. его ст. "Гідронімія Полтавщини фіто-зоографічного семантичного ряду" в сб. Українська діалектологія і ономастика. - Киев, 1964. - С. 157-158, 159). Только значение неполноты признака, выраженного основой, допускает для суффикса *-оват-* в единственном пирдопском топониме *Столоватица* (из группы *potina attributiva*) и Й. Заимов (см. его Местните имена в Пирдопско. - София, 1959. - С. 260), в качестве аналогии ссылаясь на русские прилагательные *глуловатый* и *низковатый*. Оба исследователя не учли, что значение неполноты признака суффикс *-оват-* выражает лишь соотносясь с основами атрибутивного происхождения, имеющими (или развившими) качественное значение, и что суффикс *-оват-* с данным значением в топонимии малоупотребителен (см. таблицу на стр. 118): в *оват-*топонимах гораздо чаще реализуется его другие значения - "обильный тем, что обозначено основой" (пример А. С. Стрыжака) и "подобный тому, что обозначено основой" (пример Й. Заимова). Кроме того, нельзя не учитывать и отсутствия варьирования лексического значения основы при помощи суффикса *-оват-* в топонимах вторичного происхождения. Значение неполноты признака даже в топонимах типа *Мокуватий, Рижувате* (укр.), *Сыроватый, Грязноватый* и т.д., как уже отмечалось выше, могло быть

- привнесено позже в их первоначально цельную смысловую структуру (сложившуюся автоматически, под влиянием ряда, когда смысловое наполнение форм *Ольховатый* и *Ольховый*, *Лозоватая* и *Лозовая* и т.д. было тождественным) - уже благодаря воздействию живых смысловых структур омонимичных аппеллативов (*моховатый*, *рыжеватый*, *грязноватый* и т.д.).
- ³⁴ Энциклопедический словарь ЦЧО. - Воронеж, 1934. - С. 131.
- ³⁵ Краткий исторический очерк Екатеринославской губернии за 1912 г. - С. 175.
- ³⁶ M. Vasmer. Wörterbuch der Russischen Gewässernamen. - Z. 1. - Berlin - Wiesbaden, 1960. - С. 130.
- ³⁷ Ср. появление вставного *н* перед этимологической консонантной группой *др* в личных именах *Кондрат* (др.-русс. *Кодрать*, цсл. *Коньдрать*) < греч. *Κοβρατος* = лат. *Quadratus* (М. Фасмер. Эт. сл. р.-яз., II, 303; О.С. Ахманова, по-видимому, связывая *Кондрат* с немецк. *Kopfad*, ошибочно считает здесь вставным *д*, а не *н* (см. ее "Словарь лингвистических терминов". - М., 1966. - 495 с.) и в народной форме *Андреян* (*Андрьян*) < лат. *Adrianus* (Н. А. Петровский. Словарь русских личных имен. - М., 1966. - С. 42); возможно, такого же происхождения *н* и в слове *андрец* (< *ондрец* < *одрец*) - "двухколесная повозка для снопов и сена" (М. Фасмер. Указ. соч., I, 78). Антропонимичной параллелью к гидрониму *Кундрючья* может служить и фамилия *Кундюков* (очевидно, из клички *Кундюк* < *Кудрюк*). Видимо, общего с ним происхождения название *Кудрянка* - п. п. Горыни (П.Л. Маштаков. Сп. р. Дн. б., 162). Ср. соответствия в аппеллативном словаре украинского языка: *кудрий* "пенистый (о жидкости)", *кудрявий*-тж, *кудрое* или *кудрявое пиво* - "пенистое пиво" (Словарь української мови, под ред. Б.Д. Гринченка, 1925, стр. 855). К месту вспомнить и поэтическую метафору А. Фета: "От весел к берегу *кудрявый* след бежал". И, наконец, на связь с аппеллативом *кудри* прямо указывает, по-видимому, первичная форма гидронима - *Кудрюк Степная* в одном из походных журналов Петра I: "Перед вечером перешли другую переправу через речку, прозвание ей *Кудрюк Степная*" (Походный журнал 1696 года. - СПб., 1853. - С. 37).
- ³⁸ В.Б. (Богачев). Очерки географии Войска Донского. - Новочеркасск, 1918. - С. 158. См. еще: В.Н. Котович. По Дону и Северскому Донцу. - Ростов-на-Дону, 1939. - С.77.
- ³⁹ Н.А. Здановский. Каталог рек и озер Московской губернии. - М., 1926. - С. 25, 37.
- ⁴⁰ Ф. Брун. Черноморье. - Ч. 1. - Одесса, 1879. - С. 158.
- ⁴¹ Существует и другое мнение: "Слово *скотуватый* происходит не от слова *скот* - животного, а *скат* - склон, откос или, возможно, от *скот*, которым здесь называют норы сурков" (К.К. Целуйко. Топонімія Покровського району Дніпропетровської області // Мовознавство. - Т. 14. - 1957. - С. 75).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. К №№ 12, 37, 43, 50, 58, 73: знаки ~ и + относятся к апеллятивам русского языка.
2. К № 18 (графа VI): неполное структурное соответствие - *грудкуватий* “кочковатый” (укр. *грудка* - “комок; кочка”).
3. К № 21: возможно, однокоренное топонимическое образование с укр. диалект. *демено* “руль” (= *демник + *уват*-, т.е. объект, по своей форме напоминающий руль).
4. К №№ 25 и 26: основы *камен*- и *кам'ян*- можно рассматривать как варианты, разделяются они в целях более строгой этнической интерпретации ойконимии.
5. К № 34: неполная апеллятивная параллель - *коричуватий* “корытсообразный, усаженный рытвинами”.
6. К № 68: возможно, от *спиця* и *спичак* “молодой росток камыша” (с дезинтеграцией в производящей основе).
7. К № 69: от *станик* (род одежды)? В этом случае смысловая структура топонима - “имеющее сходство со стаником” (ср. лимноним *Штановатое* в табл. 2).

---

*Onomastica. – XVIII. – Wrocław-Kraków, 1973. – с.99-152.

СУФФИКС *-еньк-* В ТОПОНИМИИ УКРАИНЫ

В топонимии Украины широко представлены названия с суффиксом *-еньк-*. Являясь “осложненной формой суффикса *-к-*”¹, *-еньк-*, в отличие от *-оват-* (*-еват-*), почти всегда в топонимических основах занимает финальное положение, непосредственно перед окончанием (редчайшее исключение – современный ойконим *М'якеньківка*²).

Многие названия с данным суффиксом тождественны с апеллятивными единицами, в которых *-еньк-* служит одной из “форм субъективной оценки качества”³ безотносительно к другим предметам, обладающим этим признаком. Но в отличие от апеллятивов, где образования с суффиксом *-еньк-* имеют варианты с *-есеньк-*, *-ісеньк-* и *-юсеньк-*, украинская *еньк-*топонимия таких вариантов не знает. Так же, как и *оват-*топонимы, некоторые *еньк-*топонимы не входят в словообразовательную парадигму соответствующего апеллятива (или, реже, антропонима), так как никогда не принадлежали “к системе форм производящего имени прилагательного”⁴, например, *Берестовенька*, *Боровенька*, *Лозовенька*, *Ястребенька*, *Плотавенька(я)*, *Орловенька(я)*, *Григоватеньк(о)є* (< *Григороватеньк(о)є*), *Трактировеньк(о)є*, *Бузовеньк(о)є*, *Бескоровеньк(о)є* и т. д.⁵ Наконец, следует отметить еще одно существенное отличие топонимов с этим суффиксом от соответствующих апеллятивов: такой очень важный для нарицательных имен ингредиент субъективной оценки качества, как “ласкательность”, в топонимах легко утрачивается. В топонимии (особенно в гидронимах) актуализируется другой, намного более необходимый для нее оттенок “уменьшительности”, принимая в ней форму топонимической деминутивности.

Если, по наблюдениям А.А. Потехни и И. Мандельштама, “в некоторых случаях (апеллятивные – *Е. О.*) формы прилагательных на *-енький* лишены прямого уменьшительно-ласкательного значения и употребляются лишь для общего экспрессивного “освещения речи”, то в топонимии они, наоборот, стремятся к утрате своей экспрессивной

окраски. Во многих названиях суффикс *-еньк-* с самого начала выполнял “чистую” топонимообразующую роль, т.е. его взаимодействие с производящей основой протекало лишь в формально-звуковом плане, не затрагивая смысловой стороны основы. В целом ряде территориально близких гидронимов его функция сводится к выражению топонимической деминутивности, развившейся на базе лексико-семантического оттенка “уменьшительности”, вследствие чего включение в основу суффикса *-еньк-* не сопровождается выражением дополнительного оттенка уменьшенной меры качества в сопредельном топонимическом объекте (например, форма гидронима *Солоненька* может означать лишь то, что перед нами название притока реки *Солоной*, но отнюдь не свидетельствовать о меньшей солоности его воды и т.д.). В первом случае можно говорить о безотносительном употреблении форм с суффиксом *-еньк-*, во втором – об относительном.

Деминутивное значение суффикса *-еньк-* в одном из соотносительных однокоренных названий хорошо иллюстрирует следующий пример: левый приток *Солоной* (п.п. Волчьей, л.п. Самары) – б. *Солодкая* имеет и другое, на первый взгляд, “антонимичное” название – *Солоненька(я)*. В отличие от главной водной артерии, грунтовая вода во впадающей в нее балке не соленая, что и зафиксировалось в одном из ее названий (*Солодкая*). Однако потребность в отражении иного признака объекта – его “второразрядности” по отношению к *Солоной* порождает синхронно функционирующий дублет названия – *Солоненька(я)*, как бы “перечеркивающий” информацию о природных свойствах объекта, заключающуюся в дотопонимическом значении первого имени. Это всегда следует иметь в виду при решении вопроса о том, какую информацию содержат гидронимы с суффиксами *-еньк-*: в рядом расположенных “соленых” балках, одна из которых имеет в своем названии суффикс *-еньк-*, питьевые свойства воды могут оказаться совершенно различными.

Относительное употребление гидронимов с суффиксом *-еньк-* происходит в двух случаях: в наименованиях притоков, имеющих общий корень с названием главной реки, и в однокоренных названиях близлежащих топонимических объектов. В первом случае при помощи суффикса *-еньк-* образуются исключительно формы с деминутивным значением, во втором данный формант выступает лишь как топониморазличительное средство. Деминутивность же, если она в каких-то конкретных случаях и присутствовала в истоках номинации,

впоследствии легко стирается. Для подобных гидронимических пар существенным становится лишь формальное различие основ (достигаемое посредством *-еньк-*) при их смысловом тождестве. В смысловой структуре всех *еньк-*топонимов, если они не являются однокоренными названиями притоков, суффикс *-еньк-* стремится к тому, чтобы превратиться в “семантический нуль”. Аналогичная картина, как мы уже писали, наблюдается и в “верхних” слоях *оват-*топонимии.

Вполне понятно, что относительное употребление деминутивных форм с суффиксом *-еньк-*, как правило, встречается в области гидронимии, тогда как в ойконимии преобладает безотносительное употребление имен с асемантической суффиксальной частью, где *-еньк-* служит лишь приметой «топонимичности» (в меньшей мере при наличии формального тождества с апеллятивами, например, *Біленьке, Добреньке* и т.д., в большей – при отсутствии такого параллелизма, например, *Берестовенька, Лозовенька* и т.д.)

*Еньк-*ойконимия Украины (по данным на 1967 г.) лексически беднее ее *оват-*ойконимии: если последняя в ее теперешнем состоянии представлена 82 основами в 267 ойконимах, то первая содержит лишь 37 основ в 53 ойконимах. О ее структурном однообразии мы уже говорили выше. Так же как и *оват-*ойконимы, большинство ойконимов с суффиксом *-еньк-* находится на территории к востоку от Днестра (2/3 всей современной *еньк-*ойконимии). Здесь нет ни одной области, ойконимия которой не знала бы образований с данным суффиксом, тогда как западнее Днестра таких областей девять.

Примечательно и то, что суффикс *-еньк-* как топонимообразующее средство проник в районы полного отсутствия в ойконимии суффикса *-оват-* (юг Херсонской области и Крым), что свидетельствует о его продуктивности в тот период, когда в украинской топонимии уже значительно ослабла словообразовательная потенция обширного топонимического ряда с суффиксом *-оват-*.

Среди *оват-*ойконимии крайне малочисленны основы качественных прилагательных. Их соотношение с основами относительных прилагательных примерно 1:16, тогда как в *еньк-*ойконимии их более чем в полтора раза. Это связано не только с большей шириной семантического диапазона суффикса *-оват-* в области апеллятивного словопроизводства, но и с более высокой степенью его топонимизации, вследствие чего и “валентные” свойства его оказались намного сильнее, чем у суффикса *-еньк-*, обладающего меньшей степенью “топонимичности”. *Еньк-*ойконимия намного теснее связана с апеллятивной лексикой, чем ойконимы с суффиксом *-оват-*: 33

ойконимических структуры с *-еньк-* (т.е. более 62%) имеют полные апеллятивные соответствия⁶, тогда как из 267 *оват-*ойконимов абсолютно тождественны с апеллятивами лишь 36 названий, т.е. около 13,5% общего списка.

На 27 гидронимов с суффиксом *-еньк-* в бассейнах Днепра и Днестра приходится 17 основ. В этих же бассейнах в 93 названиях с суффиксом *-оват-* содержится 47 основ. Обращают на себя внимание полное отсутствие *еньк-*гидронимии на Южном Буге и единственное название на Днестре (*Кривенькая*). Днепровский ареал *еньк-*гидронимов на западе имеет намного более резкий “обрыв”, чем гидронимия с суффиксом *-оват-*, ср. ее постепенное “нарастание” в восточном направлении: Днестр – 5 названий, Южный Буг – 19, Днепр – 69 и т.д.

Коэффициент топонимичности у *оват-*гидронимов бассейна Днепра намного выше, чем у названий с суффиксом *-еньк-*: если у первых лишь около 6,5% имен структурно тождественны апеллятивам, то у вторых этот показатель значительно выше – около 44,5%. Более высокий уровень топонимичности у названий с суффиксом *-оват-* обусловлен не только преобладанием в их составе основ прилагательных с относительным значением, но и чуждым *еньк-*топонимии разнообразием суффиксальных исходов (*-оватка*, *-оваха* и т.д.). В подавляющем большинстве случаев отмечается безотносительное (абсолютное) употребление гидронимов с суффиксом *-еньк-*, и только 4 из них представляют собой деминутивные образования.

Самые значительные скопления *еньк-*гидронимов обнаруживаем мы в бассейне Дона, где, если судить только по Списку рек Донского бассейна П.Л. Маштакова, имеется более трехсот (314) притоков с данным суффиксом, сочетающимся с 38 основами.

Так же, как и в бассейне Днепра, коэффициент топонимичности образований с суффиксом *-еньк-* в гидронимии Дона намного ниже, чем у названий с суффиксом *-оват-*: только немногим более 5% донской *еньк-*гидронимии представляют собой тополексемы, тогда как количество тополексем в *-оват-*гидронимии Дона составляет более 71%.

При некотором численном преобладании гидронимов с суффиксом *-еньк-* над именами с суффиксом *-оват-* последние имеют более широкую лексическую базу, чем первые – более 90 основ (без учета звуковых вариантов). Вся донская *еньк-*гидронимия в сопоставлении с *оват-*гидронимией бассейна по его отдельным участкам распределяется следующим образом:

Таблица 1.

Участки бассейна реки Дон	Количество <i>еньк</i> -гидронимов в процентах к общему числу названий с этим суффиксом в бассейне р. Дон	В процентах ко всей гидронимии данного участка	Количество <i>оват</i> -гидронимов в процентах к общему числу названий с этим суффиксом в бассейне р. Дон	В процентах ко всей гидронимии данного участка
1. От истока до р. Воронеж (включительно)	—	—	—	—
2. От р. Воронеж (исключительно) до р. Битюг (исключительно)	0,3	0,4	0,3	0,4
3. От р. Битюг (включительно) до р. Хопер (исключительно)	8,9	3,6	4,6	1,8
4. Бассейн р. Хопер	13,4	3	5,2	1,1
5. Дон от р. Медведицы (включительно) до р. Чир (исключительно)	20,7	3,3	11,1	1,8
6. Дон от р. Чир (включительно) до р. Северский Донец (исключительно)	9,2	1,8	3,6	0,7
7. Р. Северский Донец	37,8	2	65,1	3,3
8. Дон между р. Северский Донец и р. Маньч (исключительно)	1,9	1,4	2,6	1,9
9. Дон от р. Маньч (включительно) до устья	5	1,6	6,9	2,1

Как видим, более или менее значительные включения названий с суффиксом *-еньк-* в гидронимию бассейна регистрируются лишь на участке Дона южнее Битюга. Особенно много их в нижнем течении Хопра и Медведицы, откуда через верховье Чира они компактной массой протянулись в сторону Северского Донца, составляя здесь 2% всей его гидронимии и 37,8% *еньк*-гидронимии всего Донского бассейна. Примерно в тех же пропорциях распределена в бассейне Дона и его *оват*-гидронимия, с одной только разницей – в бассейне Северского Донца численность *оват*-гидронимов более чем в полтора раза превышает количество названий с суффиксом *-еньк-*, составляя 3,3% всей гидронимии этого крупнейшего притока Дона.

Северо-восточный фланг территории с высоким содержанием названий с суффиксом *-еньк-* (что соответствует и аналогичному “сгущению” здесь *оват*-гидронимии) мог образоваться лишь благодаря интенсивным этническим перемещениям в данном районе южнорусско-украинского пограничья. Перемещения эти происходили как в северо-восточном направлении (их участниками были украинцы, “утвердившие” в бассейнах Хопра и Медведицы словообразовательную модель с суффиксами *-оват-* и *-еньк-*), так и в противоположном, юго-

западном направлении – в сторону нижнего течения Дона и Северского Донца. Именно миграции русского этнического элемента обязана своим появлением четко обозначенная полоса гидронимов от основы *бирюк-* на этом южном участке бассейна Дона, протянувшаяся вдоль северного побережья Азовского моря в сторону Крыма. Учитывая обоюдонаправленность этнических перемещений, интенсивность которых в разные периоды была различной, по-видимому, лучше говорить об украинско-русской этнической циркуляции в данном районе Подонья.

Это подтверждается историческими данными. Освоение среднего течения Дона и его левых притоков русскими крестьянами в последней четверти XVIII в. протекало почти одновременно с заселением “примыкающих к Слободской Украине мест по Северскому Донцу, Бахмуту, Деркулу, Айдару, и обeim Калитвам”⁷. С другой стороны, именно «на реку Хопер и на Медведицу и на иные запольные речки» устремляется в XVII в. особенно много запорожцев, а с начала XVIII в. – и украинских крестьян, переселение которых достигло своего апогея в 30-40 гг.⁸ К этому периоду относится заключение Комиссии об устройстве слободских полков, что “крестьяне бегут из Слободской Украины и устраивают свои поселения на Дону, по Хопру, Медведице”...⁹ Согласно данным 1-й на Дону “малороссийской переписи” 1763-64 гг., особенно много “черкас” было в этот период по рекам Калитве, Калитвенцу и Большой, т.е. в районах, которые несколько позже испытают наиболее сильный приток русского населения¹⁰. Из Слободской (и – в меньшей степени – Левобережной) Украины были перенесены в районы нижнего течения Хопра и Медведицы многие топонимические образования с суффиксами *-еньк-* и *-оват-*, столь характерные для молодой украинской топонимии бывшего “Дикого поля”.

Лексико-семантические, структурные и функциональные особенности гидронимов с суффиксом *-еньк-* на ареале юго-восточной Украины (где наблюдаются наиболее значительные их “сгущения” по сравнению с другими районами Украины) могут быть представлены в таблице 2¹¹.

В списке *еньк-*гидронимов юго-восточной Украины на 154 названия приходится 25 основ. В соответствующем списке *оват-*гидронимов 366 названий базируются на 75 основах, т.е. соотношение названий и основ в *оват-* и *еньк-*гидронимах ареала более близкие, чем в гидронимии всего бассейна р. Дон (1:6 и 1:5). Здесь также приходится констатировать намного более высокий уровень тополексичности

Таблица 2

№/№ п/п	Лексический тип основы (в скобках – количество названий с данной основой)	Наличие или отсутствие варианта без -еньк-	Наличие или отсутствие апеллятивных параллелей	Деминутивное значение в названиях притоков	Контактное распределение однокоренных гидронимов при помощи суффикса	Безотносительное употребление гидронимов с суффиксом -еньк-
1	2	3	4	5	6	7
1.	Березнеговат- (1)	-	-	-	-	+
2.	Біл- (12)	9+ 3-	12+	1+ 11-	1+ 11-	10+ 2-
3.	Боров- (3)	3+	3-	1+ 2-	3-	2+ 1-
4.	Вільні- (2)	2+	2+	2-	2-	2+
5.	Вороп- (1)	-	+	-	-	+
6.	Гнял- (2)	-	+	-	-	+
7.	Груз- (2)	2+	2+	+	-	1+ 1-
8.	Добр- (1)	-	+	-	-	+
9.	Довг- (24)	6+ 18-	24+	24-	24-	24+
10.	Дубов- (2)	1+ 1-	2-	2-	2+	2-
11.	Корот- (1)	-	+	-	-	+
12.	Крив- (3)	3-	3+	3-	3-	3+
13.	Кріп- (1)	+	+	-	-	+
14.	Кругл- (4)	2+ 2-	4+	4-	4-	4+
15.	Круг- (62)	4+	62+	1+	4+	57+
16.	Куц- (2)	2-	2+	2-	2-	2+
17.	Лис- (1)	-	+	-	-	+
18.	Лозов- (4)	3+ 1-	4-	1+ 3-	4-	3+1-
19.	Мая- (2)	2-	2+	2-	2-	2+
20.	Мечети- (1)	-	-	+	-	-
21.	Орляв- (1)	-	-	-	-	+
22.	Плоск- (1)	-	-	-	+	-
23.	Солюк- (18)	9+ 9-	18+	3+ 15-	4+ 14-	11+ 7-
24.	Сух- (3)	2+ 1-	3+	3-	1+ 2-	2+ 1-
25.	Тон(к)- (1)	-	+	-	-	+
Все- го	(154)	54+ 100-	140+ 12- 1- 1+	9+ 145-	13+ 142-	132+ 22-

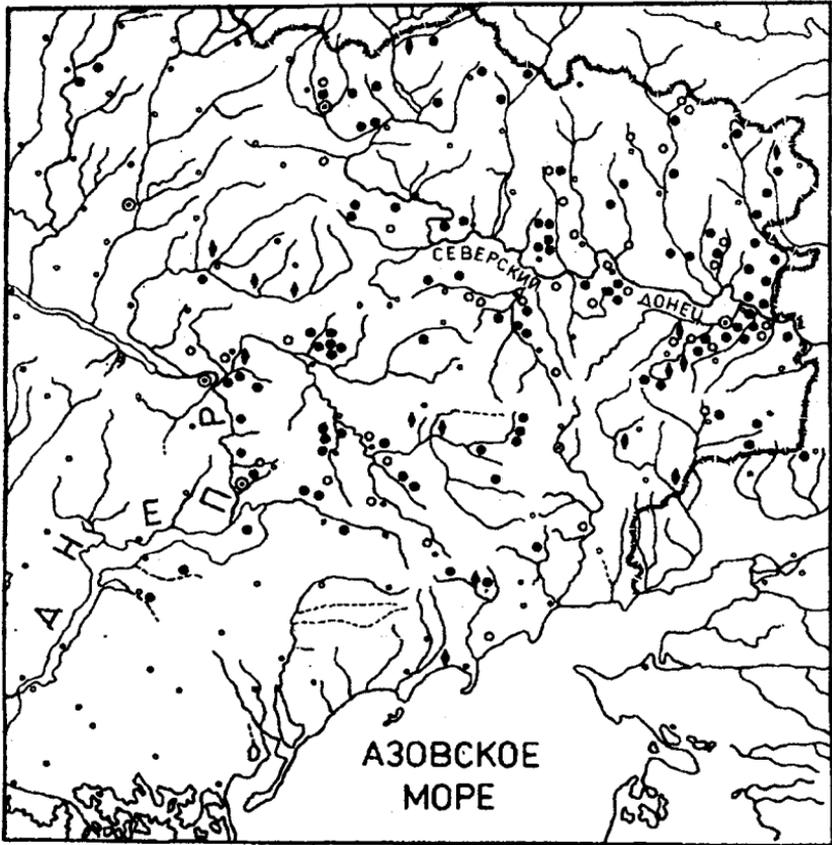
оват-гидронимии ареала, имеющей в своем составе 93% тополексем, тогда как в *еньк*-гидронимии их только 9%.

Интересно проследить также различия между *оват*- и *еньк*-гидронимиями ареала и в функциональном плане. И в первой и во второй резко преобладает безотносительное употребление названий с этим суффиксом, однако суффикс *-еньк*- в целом ряде случаев (в силу присущей его семантике деминутивности) выполняет дифференцирующую роль при конфронтации одноосновных названий – включается в названия притоков (9) или расподабливает контактные одноосновные гидронимы, не связанные отношением “главная водная артерия-приток” (13)¹². В *оват*-гидронимии это наблюдается редко. Ср. контактное расподобление названий левых притоков Гайчура – *Криничевата* и *Кринична* (балка с последним именем находится несколько выше б. *Криничеватой*), рядом расположенных балок в бассейне р. Миуса – *Комишева* и *Комишувата*, правых притоков Казенного Торца – балок *Берестовой* и *Берестоватой* (Маштаков, Сп. рек Дон. б., 54) и др.

Несмотря на общую тенденцию к превращению в «семантический нуль»¹³, топоформанты *-оват*- и *-еньк*- лишь в крайне редких случаях допускают взаимозаменяемость. Ср. название левого притока Гайчура, л.п. Волчьей, л.п. Самары – *Лозовенька*, она же *Лозоватка* (хронологически более ранний вариант, чем современная форма *Лозовенька*) и *Лозова(я)*; варианты названия притока Гайчура, л.п. Волчьей, л.п. Самары – *Лозовенька* и *Лозоватка* и др.

Как уже отмечалось выше, *еньк*-гидронимия во всей своей массе сохраняет до нашего времени свой адекватный характер в отличие от *оват*-гидронимии, в составе которой имеется много *nomina attributiva*. В наших материалах зарегистрировано лишь два случая структурной субстантивации гидронима *Крутенька* (род. пад. – *Крутеньки*, предл. – по *Крутеньке*) – в бассейнах Мокрой Московки (лев. приток Днепра) и Жеребца (прав. приток Конки, л.п. Днепра).

СУФФИКС *-еньк-* В ГИДРОНИМИИ ВОСТОЧНОЙ УКРАИНЫ

- безотносительные (абсолютные) формы
- безотносительные формы, имеющие синхронические или диахронические варианты без суффикса *-еньк-*
- ◆ релятивно-атрибутивные формы
- областной центр
- районный центр

- ¹ Т.П. Ломтев. Белорусский язык. – Изд-во МГУ, 1951. – С. 67.
- ² Настоящая статья в известной степени продолжает опубликованное ранее исследование о суффиксе *-оват-* в топонимии Украины (см. *Onomastica XVIII*, 1973. – С. 99-152), т.к. рассматриваемые в данных работах суффиксы имеют не только много общего в своем территориальном распространении, но как топонимобразующие средства обнаруживают целый ряд признаков изофункционального характера.
- ³ В.В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.-Л., Учпедгиз, 1947. – С. 237.
- ⁴ В.В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – С. 240.
- ⁵ Последние четыре топонима – названия озер в бывшем Кинбурнском соляном округе (см. А. Скальковский. Соляная промышленность в Новороссийском крае (1715-1847). – Журнал Министерства внутренних дел. – Часть XXV. – Кн. 1-2, 1849. – С. 162-163).
- ⁶ Мы хотим еще раз оговориться: речь идет лишь о формальном тождестве, т.к. в смысловой структуре современных *еньк-*топонимов (если только это не названия притоков), как уже писалось выше, суффикс *-еньк-* – “нулевая” семантическая единица.
- ⁷ А.П. Пронштейн. Земля Донская в XVIII веке. – Изд-во Ростовского университета, 1961. – С. 65.
- ⁸ А.П. Пронштейн. Земля Донская в XVIII веке. – С. 50. См. еще: П.П. Сахаров. Материалы из истории колонизации и быта земли донских казаков в XVIII в. – Сборник Областного Войска Донского статистического комитета. – Вып. X. – Новочеркасск, 1910. – С. 107-108.
- ⁹ А.П. Пронштейн. Земля Донская в XVIII веке. – С. 52 (со ссылкой на газету “Донские ведомости”, 1867. – № 47).
- ¹⁰ Составленная на основании этой переписи “Ведомость” опубликована К.В. Марковым в XIII выпуске “Сборника Областного Войска Донского статистического комитета” (Новочеркасск, 1915. – С. 42) в статье “Крестьяне на Дону”.
- ¹¹ Знаком ~ отмечаются потенциально возможные в апеллятивном словаре украинского языка образования, знаком ÷ – соответствия лишь формального плана при смысловом различии структур (типа: ойконим *Вовкувате* // апеллятив *вовкуватий* “неплодимый”).
- ¹² Последний тип расподобления хорошо известен в лимнонимии, ср. названия рядом расположенных озер *Гусарева* и *Гусаревенькое* (Эварницкий. Вольности запорожских казаков. – С. 180); в бывш. Кинбурнском соляном округе: *Дубовое* и *Дубовенькое*, *Сапетное* и *Сапетненькие* (2), *Черное* и *Черненькое*, *Бузовое* и *Бузовенькое* (К.А. Скальковский. Соляная промышленность в Новороссийском крае (1715-1847). – С. 162-163). Интересно, что все приведенные здесь лимнонимы с суффиксом *-оват-* (*Скальковатый*, *Гречковатое*, *Грицковатое*, *Ожиноватое*, *Солонцеватое*, *Якорцоватое*, *Камышеватое*, *Осиноватое*) таких бессуффиксных пар не

имеют. Полного основания считать, что при контактном расподоблении одноосновных лимнонимов посредством *-еньк-* последний выступает только как “чистое” средство выражения деминутивности, у нас нет, т.к. в этом же районе находятся озера, безотносительные названия которых являются тополексемами (ср. *Трактировенькое, Бескоровенькое, Григоватенькое*). Конфронтация одноосновных названий близлежащих объектов в известной мере возвращает суффиксу сглаженное при безотносительном употреблении значение деминутивности, однако и здесь более актуальной является его топониморазличительная функция.

- ¹³ Об этом хорошо свидетельствует и наличие у целой трети безотносительных названий с суффиксом *-еньк-* диахронических и особенно синхронических бессуффиксных вариантов (см. 3-ю графу таблицы).

---

* Onomastica. – XXIII. – Wrocław-Kraków, 1978. – S. 121-131.

КОНОТАТИВНА ОНОМАСТИЧНА ЛЕКСИКА

Завершення процесу формування топонімів¹, перетворення їх в “ідеальний знак” географічного об’єкта часто характеризується розривом мотивуючого зв’язку між ними та відповідними апелюваннями чи іншими іменами, на базі яких склалися ті або інші назви. Проте у багатьох випадках спостерігаються подальші семантичні зміни власних імен (ВІ), зв’язані з розвитком у них здатності виступати своєрідними топонімічними (resp. антропонімічними) метафорами з метою створення мовної експресії. Йдеться про “конотативне сприймання” ВІ², про вторинні емоціонально-експресивні та змістові нашарування на їх власне топонімічні значення, що супроводжують частіше і звичне для нас нейтральне “денотативне” вживання цих ВІ.

Метафоризацію ВІ слід розмежовувати від уживання їх як загальних назв – апелюванняції, зв’язаної з повною зміною їх понятійного змісту. В ономастичній літературі є випадки подібного недиференційованого підходу до цих категорій слів, коли всі вони характеризуються одним терміном, наприклад, топономи, до розряду яких відносять усі слова відтопонімічного походження, що дали “своє ім” я предметам та явищам позагеографічного середовища вживання”³, наприклад: *Аркадія, Даунінг-стріт, Сіті*, назва літературного гуртка “*Арзамас*”, *каолін, маренго, гавана* (сигара), *коньяк* і навіть похідні слова типу *альяскіт, астраханка, канарейка* тощо.

Розглядуваний різновид ВІ на відміну від денотативних ВІ, які є носіями власне топонімічного та антропонімічного значень, ми пропонуємо називати конотативними топонімами (resp. антропонімами). Конотативні топоніми (КТ) не фіксуються жодним топонімічним довідником, мало їх в тлумачних словниках російської та української мов. Проте потреба в лексикографічному описі конотативної ономастичної лексики відчувається давно. Ще Д.І. Фонвізін висловлював думку про необхідність включення до тлумачних словників власних імен (антропонімів), що мають переносні значення:

“Імена: *Філя, Федора*, звичайно, до словника нашого занесені бути повинні, але не як власні; а як імена, що вживаються в метафоричному значенні. Бажано було б, щоб уміщені були власні імена, які мають метафоричне значення, особливо, які прославилися в історії як *чеснотами*, так і *пороками*”⁴. Всі конотативні антропоніми, наведені Д.І. Фонвізіним, належать діячам античної історії: *Нерон* (ім'я якого містить у собі ідею “лютого тирана”), *Тит* (“государя милосердного”), *Сардананал* (“тирана сластолюбного”) та ін.

Конотативні ономастичні лексеми є одним з яскравих засобів метафоричної образності, деякі з них стали крилатими. Саме ці широко відомі конотативні ВІ епізодично вводяться до популярних довідників⁵.

Усі КТ можна розподілити на дві категорії: узуальні, тобто широкоживані, та оказіональні, переносне значення яких лише рідкісна (найчастіше - одинична) реалізація експресивних можливостей даного ВІ. У свою чергу узуальні КТ можуть мати інтралінгвальний та інтралінгвальний характер. Унаслідок тривалого та всезростаючого процесу культурного обміну між народами склався численний фонд міжнародних топонімічних лексем з переносним значенням, який постійно поповнюється. Онама, що входять до його складу, належать до різних епох і територій. Процес інтернаціоналізації конотативних топонімів, розширення кола мов, що засвоїли їх, сам по собі цікавий об'єкт діяхронічного дослідження, як, зрештою, і формування особливого шару експресивної лексики, що складається з КТ, у тій чи іншій мові. У цій галузі історичної ономастики поки що зроблено надто мало.

Узвичаєність семантики узуальних КТ інтралінгвального типу іноді спричинюється до стирання їх власне топонімічних значень. Наприклад, конотативний топонім *Аркадія* “щаслива країна”, “безтурботне життя” давно втратив у багатьох мовах своє значення як географічна назва (топонімічний фон) – “центральна гориста частина Пелопоннесу”, яке відтворюється лише у певних контекстах, наприклад, при сполученні даної лексики з іншим топонімом, що не має відповідної конотації. Пор. “Отнюдь не Аравией – *Аркадией* пах Тот кофе...” (М. Цветаєва).

До міжнародного складу КТ входять онама *Бастілія, Вавілон*⁶, *Ватерлоо, Везувій, Геркулесові (Гераклові) стовпи (стовби), Ельдорадо, Итака, Ієрихон, Каносса, Канни, Карфаген, Клондайк, Китайська стіна, Монблан, Мекка, Мюнхен, Олімп, Панама, Пірл-Харбор, Рубікон, Седан, Швейцарія* та ін. Наведемо кілька прикладів, які ілюструють їх уживання в російській мові: “...У каждого из нас – своя *Итака*” (Е. Межелайтіс);

“Иерихон” футбольных трибун” (назва статті Ю.М. Костинського, надрукованої у журналі “Русская речь”, 1968, 6); “Киевская Помпея” (стаття в газеті “Советская культура”, 1972 р.); *Монблан* – “щось величезне, гігантське нагромодження чогось”: “*Монблан* вооружений” (назва замітки у газеті “Правда” від 14. IV 1976 р.); “важкодоступна мета”: “В их (героїв притчі. – С.О.) почти неуязвимой разумности улавливается беспомощность перед лицом обычных явлений жизни, а простая человеческая любовь оказывается труднодоступным *Монбланом*” (“Литературная газета” від 28.VIII 1976 р.)⁷.

У цьому плані цікавий, останнім часом широко відомий, топонім *Уотергейт*⁸ – спочатку назва готелю, де знаходилася штабквартира демократичної партії США, а потім топонімічна метафора із значенням “політичний шпіонаж”. Нині вже часто пишуть про “скандал навколо *“уотергейта”*”, про “учасників *“Уотергейта”*” (див., наприклад, газету “Правда” від 22.VII 1977 р.) і навіть про нові Уотергейти, наприклад, *сеульський Уотергейт* – “шпіонаж американських конгресменів на користь південнокорейської розвідки” (там же), *британський Уотергейт* (“Правда” від 13.VIII 1977 р.) тощо.

Показовим також є топонім *Клондайк* – синонім багатства та достатку. Азовське море називають “*рибним Клондайком*”, нафтоносні райони на Алясці – “*чорним Клондайком*”, Норвегію – “нафтовим *Клондайком*”. Пор. ще: “А возьмите Азию. Это же целый *Клондайк* шахматных дарований!” (“Литературная газета” від 22.I 1975 р.); “Италия – это *Клондайк* голосов и мелодий” (з передачі московського радіо від 23 грудня 1975 р.)⁹.

Узуальні КТ інтралінгвального характеру за широтою вживання бувають двох типів: загальнонаціональні, тобто широко відомі у літературному і діалектному слововживанні, та локальні, що зустрічаються у розмовній мові жителів лише певної території.

Прикладами КТ першого типу можуть бути назви: *Магнитка*, *Магнитострой* “те, що потребує максимальної віддачі сил, трудового піднесення”: “У каждого поколения есть своя *Магнитка*” (із звернення О. Стаханова, І. Гудова, П. Кривоноса, М. Виноградової, О. Бусигіна до будівників КамАЗу); “За *Магнитострой* литературы” (назва журналу, який видавався у 30-і роки); “Наш пароль – *Магнитострой*” – гасло на паровозі з ешелоном комсомольців-цілінників (з документального телефільму “Наша біографія. Рік 1954-й”)¹⁰; *Камчатка* “задні ряди”: “Сидящие в *Камчатке* пользовались некоторыми привилегиями...” (М. Помяловський); *Миргород* “духовний застій, бездуховність”. Пор. у статті С. Ліснівського “Атомный *Миргород* и

мир человека”: “Несколькими годами раньше Сергей Есенин писал о “Железном *Миргороде*” буржуазного прогресса с его изнуряющими, обесчеловечивающими факторами” (“Литературная газета” від 9.IV 1969 р.); *Соловки* “надто віддалене місце, місце заслання”; *Ходынка* “метушня, штовханина, стовпище”; *Тматорокань* “далеке глухе місце”: “Собрать бы нехитрый багаж. И в *Тматаракань* без возврата” (І. Кашежева); “Кончит и получит направление в *Тьму-Таракань* какую-нибудь” (А. Кулешов). В останньому випадку конотація топоніма підкреслена штучним розщепленням його на дві мнимо значущі частини. Особливо відчутна негативна конотація топоніма *Тматорокань*, уживаного в переносному значенні “віддалене, глухе місце у провінції”, у тих випадках, коли його відносять до географічних об’єктів за межами нашої країни, наприклад: “Мера предосторожности: вдруг физиономия, встреченная в Лэнгли, всплывет перед глазами бывшего туриста где-нибудь в *Тьматаракани*” (кореспонденція Г. Герасимова “Чего я не увидел в ЦРУ”).

Специфічними національними топонімічними метафорами є, наприклад, назва лондонської вулиці *Грив-стріт*, що знаходилася у XVIII ст. на північ від Сіті (синонім нетрів, населених знедоленими людьми) (див.: “Литературная Россия” від 21.V 1976 р.); англ. Piltown “підробка, обман” (спершу – “місце, де при розкопках були знайдені факти фальсифікації археологічного матеріалу”); польський ойконім – назва села *Мацейовиці* (у значенні “поразка, крах, провал”), поблизу якого в 1794 р. було розбито Косцюшка¹¹.

У мові кубинців семантичним еквівалентом інтерлінгвальних КТ *Седан*, *Піріл-Харбор* та інтралінгвального *Мацейовиці*, об’єднаних спільним значенням “остаточна поразка”, виступає географічна назва *Плайя-Хирон*. Наприклад: “Ф. Кастро остановился далее на событиях в Анголе: историческая победа народа этой страны, сказал он, стала для империализма африканским *Плайя-Хирон*” (“Известия” від 21. IV 1971 р.).

Іноді спостерігаються цікаві факти незалежної появи посттопонімічних значень у одного й того ж ВІ у різних мовних середовищах. Так, у російській мові XIX ст. були вже добре відомі такі переносні значення топоніма *Сибір*, як “місце заслання” та “каторжний труд”. Це була узуальна інтралінгвальна лексема з широким діапазоном уживання. Проте появу образу “чорного Сибіру” (“noire Sibérie”) у французького поета Шарля Бодлера у його “Пісні після полудня” (1860 р.)¹² аж ніяк не можна пов’язувати з наявністю відповідного КТ у російській мові даного періоду. У Бодлера це безперечний оказіоналізм.

Узуальні КТ, як і апелювати, можуть застарівати: частина з них у наш час може сприйматися у переносному значенні лише представниками старшого покоління, інші як топонімічні метафори можуть зовсім забутись. Наприклад, сучасному слововживанню вже не властивий КТ *Амур* – синонім широко відомих *Соловкіє*¹³, який зустрічається у російській діалектній мові XIX – початку XX ст.: “На *амуру* загонили его”; “Ну, ушел в *амуры*”¹⁴. Сліди вживання топоніма *Амур* у переносному значенні “віддалене місце” подекуди зберігаються у топонімії. *Амурами* в минулому іноді називали далекі кутки, околиці населених пунктів. Відомі два таких випадки: *Амур* – неофіційна назва одного з лівобережних районів Дніпропетровська (знаменно, що інша віддалена околиця Дніпропетровська ще в 30-40-і рр. називалася *Камчаткою*) та *Амур* – куток с. Уманське Ясиноватського р-ну Донецької обл., десемантизовану назву якого інформанти нині пов’язують з нібито “амурними справами” його жителів.

Як застарілий КТ сприймається й лексема *Перекоп*, зрідка вживана у 20-30-і рр. у переносних значеннях “міцні спорудження” або “те, що необхідно зробити, незважаючи на труднощі”: “До станции Волочаевка белые создали второй, дальневосточный *Перекоп*” (К. Паустовський); “...Це тривога над вугільним краєм Чорні крила простерла. Йде бій. *Перекоп* ми шахтарський здолаєм, як здолали колись бойовий” (В. Сосюра).

Локально прив’язаних узуальних КТ мало. Вони поширені у розмовному чи діалектному мовленні окремих територіальних зон. Так, сучасним жителям Донбасу добре відоме метафоричне вживання топоніма *Хацанетівка* (так до 1958 р. називалося місто Вуглегірськ) у значенні “захолустя”. Узагальненими назвами нетрів у Донбасі та Північному Приазов’ї до революції були топоніми *Шанхай*, *Темерник*, *Касперівка* (які у своєму переносному значенні часто ототожнювалися з численними *Нахаловками* та *Собачовками*). Ці факти зафіксовані у художній та краєзнавчій літературі.

Оказіональне вживання топонімів у переносному значенні відзначається в усному мовленні, так і (особливо часто) в мові художніх творів та публіцистики, наприклад: *Арарат* – “щось величезне”: “Большая, неси по векам – *Араратам* Сквозь неба потопа ковчегом – ковшом!” (В. Маяковський); *Байконур* – “момент найвищої готовності до чогось”: “Как сложится в этих условиях судьба Сергея Сергеевича? Я вывел своего героя на его личный *Байконур*. Будет ли дан “старт” и произойдет ли взлет – предсказывать не берусь” (“Литературная газета” від 17.XII 1975 р.); *Полінезія* – “захолустя” (пор. *Тмутарокань*): “Мне

всегда казалось, что в ней мало крестьянского, а впрочем, что знали мы в нашей *Полинезии о крестьянах?*..." (Д. Бабель); *Помпей* – "щось, що залишилося, не набуло втілення у практичній діяльності": "И сколько еще таких педагогических *Помпей*, погребенных под обломками недолговечной и недальновидной памяти, отыщется ("Комсомольская правда" від 21.X 1976 р.); *Флоренція* – "квіти, весна": "Целая радуга - в каждом случайном звуке, И на морозе *Флоренцией* пахнет вдруг" (М. Цветаева); *Шлиссельбург* – "місце ув'язнення, в'язниця" (оказіональний еквівалент узуальної топонімічної метафори *Бастілія* "в'язниця"): "Пенише был как бы *Шлиссельбургом* португальских революционеров" ("Правда" від 9.III 1976 р.); *Шираз* – "троянда, її колір, аромат тощб": "А на балконе... Ах! а с балкона... Вроде ожога... Вроде поклона... Вроде *Шираза* Щечного – тссс.... Кажется - розу Поднял флейтист?" (М. Цветаева) та ін.

Серед оказіональних КТ особливу групу складають імена, що вживаються з присвійним займенником *свій*. Так, про *свій Тулон* мріяв князь Андрій Болконський. Пор. ще: "Писать. Писать. Писать.... Ценой каких угодно Усилий. Исчерпав хоть тысячу страниц, Найти сокровище. Свой мир. *Свою Голконду*" (П. Антокольский); "У каждого есть *свое Болдино*" (назва замітки у газеті "Вечерний Донецк" від 2.X 1976 р.); "Не раз выходил Блок на берега *своей "Непрядвы"*, небольшой речки Лутони..." ("Огонек", 1977, 33, с. 21).

Деякі КТ можуть знову повертатися у топонімію, називаючи нові географічні об'єкти. При цьому в одних випадках спостерігається збереження у них відповідної конотації, в інших – її втрата.

Особливу групу складають КТ, об'єднані спільним значенням "надто віддалене місце": *Соловки, Камчатка, Сахалін* та ін. Назва *Соловки* широко відома як у власне топонімічному, так і в переносному значеннях. Так у просторіччі називають Соловецький монастир на одному з острівців Соловецького архіпелагу в Білому морі (він же Соловець)¹⁵.

Про конотацію топоніма *Соловки* вже йшлося вище. Це вторинне співзначення зумовило неофіційну номінацію багатьох нових об'єктів, найчастіше - віддалених кутків: *Соловками*, наприклад, називають один з районів Донецька та куток с. Федорівки Великоновоселківського р-ну Донецької обл. Особливо високою частотою у топонімії тієї ж Донецької області характеризується назва *Сахалін*. Так називається ділянка непридатної для обробітку землі на північ від с. Новожеланне (Червоноармійського р-ну); куток с. Іванівки (Слов'янського р-ну; неофіційна назва вулиці ім. М. Пархоменка, яка знаходиться у

віддаленій частині села); частина м. Слов'яногорська Слов'янського р-ну); куток с. Первомайське (того ж р-ну); частина селища, що входить до складу м. Дмитрова (того ж р-ну); куток с. Свирідівки (Червоноармійського р-ну) та ін. *Камчаткою* неофіційно називається один з кутків на околиці міста Дружковки Донецької обл. Верхня частина однієї коси біля Шаганського та Алібейського озер (у гирлі р. Хаджі-дере між Дністром і Дунаєм) також називалася *Камчаткою* (тоді як інша її частина – *Сибіром*)¹⁶. Вище вже йшлося про КТ *Камчатка, Амур*, які проникли у топонімію Дніпропетровщини і Донбасу. Інші назви цього ряду одиничні. Наприклад, *Куба* – назва найвіддаленішої частині с. Спасько-Михайлівка Олександрівського р-ну Донецької обл. та *Уссурі* – неофіційна назва с. Багаті Плоті Тербунського р-ну Липецької обл. (за свідченням інформантів, цей пункт мешканці с. Кирейки назвали так через його віддаленість).

Останні два випадки, зважаючи на їх унікальність, мабуть, слід кваліфікувати як КТ оказіонального типу, що зазнали вторинної топонімізації у новому топонімічному оточенні. Отже, повертатися у топонімію можуть як узуальні КТ (*Соловки, Камчатка* та ін.), так і ті топонімічні лексеми, у семантиці яких процеси метафоризації та вторинної топонімізації не були розділені якимось значним часовим інтервалом або навіть відбулися одночасно. Наведемо ще кілька прикладів вторинної топонімізації географічних назв, уживаних у переносному значенні. Село Миколаївка колишньої Криворізької волості Бахмутського повіту Катеринославської губернії у другій половині ХІХ ст. мало ще неофіційну назву *Сибір*: сюди на неродючі землі поблизу с. Добропілля поміщик Бахметєв виселяв покараних селян із свого харківського маєтку¹⁷.

У топонімії дореволюційного Донбасу широко відбився вже згадуваний КТ *Шанхай*¹⁸. Деякі з таких назв зберігаються й тепер. *Шанхаєм*, наприклад, до недавнього часу називалася порівняно невелика територія, забудована старими будинками, у Петровському р-ні Донецька. Про живучість цього КТ свідчить такий факт. Новий район м. Новгородівки Донецької обл. у період його заселення також був охрещений *Шанхаєм* (надто вже невпорядженим та непривабливим був він спочатку). Згодом негативна конотація в його неофіційній назві зникла. Зміна реалії спричинилася до деєтіологізації топоніма, і тепер мало хто з інформантів може пояснити цей парадокс – *Шанхай* як назва досить упорядкованого району в сучасному місті. Дослідники ономастичної лексики виділяють і в антропонімії “фонд стійких лексичних одиниць, що мають широкі сугестивно-асоціативні

можливості”¹⁹. Крім назв персонажів літературних творів та історичних діячів, які здебільшого належать до міжнародного фонду конотативних антропонімів (частина з них уже зазнала апелятивізації)²⁰, сюди належить і значний шар інтралінгвальних конотативних антропонімів позалітературного походження, що фіксуються словниками діалектної лексики та фразеології. Наприклад, рос. *Агафон* – “простак”, “дурень”, *Акулина* – “про неприємну жінку”, *Алеша, Алеха* – “хвалько, брехун”, *Артюха* – хвацька людина, головоріз”²¹, *Вавило* – “рослий, але незграбний хлопець”²²; *Гаврик* – “простак, роззява, дурень”²³, *Дадон* – “незграбна людина” (від імені царя Дадона – героя казок)²⁴, *Фекла*, укр. *Ганка* – “про малокультурну, неосвічену жінку” тощо.

Чимало антропонімів могло набути негативної конотації у стійких фразеологічних контекстах. Відриваючись від них і функціонуючи як самостійна лексема, особове ім'я, проте, продовжує утримувати колишню сугестивність. Пор., наприклад, з одного боку: “Пошло на свете плохо, указчиком *Аноха*”; “*Аноха Аноху* да впряг в соху”; “*Вакул* всех надул” тощо, з другого – відповідні конотативні антропоніми *Аноха, Вакул* тощо. Про експресивно-семантичні нашарування в рос. імені *Сидор*, які розвинулися у складі фразеологізмів, писав В.М. Мокієнко²⁵.

Експресивні можливості антропонімів, пов'язані з їх конотацією, часто використовують письменники. Наприклад: “Этакий *Тимоха* (тобто простак. – *Є. О.*) ты” (І.С. Тургенев); “Пусть потрясут *Ванюху* и *Петруху* (тобто російський народ. – *Є. О.*), превосходно будет” (І. Бабель). З іншою конотацією форми *Петруха* у російській народній мові знайомить нас В. Распутін у повісті “Прощание с Матерой”²⁶.

З погляду територіально-темпоральної характеристики конотативні антропоніми (КА) можна розподілити на три групи: 1. міжмовні (або інтерлінгвальні) КА (*Аполон, Дон-Жуан, Магеллан, Прометей, Каїн, Ескулап* та ін.); 2. інтралінгвальні КА: а) інтралінгвальні КА, які реалізуються в межах літературної чи всієї національної мови, а також близькоспоріднених мов протягом довгого часу (*Пимен, Митрофан, Обломов*) або певного історичного періоду (*Фріц*); б) інтралінгвальні КА також певного історичного періоду, але з обмеженою позалітературною сферою вживання, які в сучасній мові не існують або ж, втративши конотацію, зберігаються як апелятиви (пор. рос. *разгильдяй*, похідне від тюркського особового імені *Уразильди*, яке набуло у мові росіян негативної конотації)²⁷; в) сучасні інтралінгвальні КА з широким діапазоном позалітературного вживання (*Гаврик, Ганка, Фекла* тощо); г) сучасні інтралінгвальні КА з обмеженням

діапазоном позалітературного вживання (рос. *Алеша, Артюха, Тимоха, Петруха* тощо); 3. оказіональні КА. Наприклад, *парнасская Варюшка* – у листі О.С. Пушкіна до П.А. Вяземського (приблизно 25 січня 1829 р.)²⁸.

Як уже зазначалося, конотативна ономастична лексика лише спорадично відбивається у різних словниках (особливо це стосується топонімів); часто зустрічаються випадки неправильного вживання окремих лексем, не завжди виразного їх розуміння. Спостерігаються вагання в їх графічному оформленні (велика чи мала буква, наявність чи відсутність лапок) тощо. Очевидно, назріла необхідність у створенні довідника, в якому були б зібрані та витлумачені різні факти вживання власних імен (перш за все топонімів та антропонімів) у переносному значенні.

ПОСИЛАННЯ

- ¹ Відомий французький ономаст А. Доза писав, що “семантичне життя топонімів припиняється з моменту їх утворення” (А. Dauzat. *La toponymie française*. Paris, 1946, p. 13).
- ² Див.: В.Д. Беленькая. Топонимы в составе лексической системы языка. Изд-во МГУ, 1969, с. 89.
- ³ Див.: Д.С. Мгеладзе, Н.П. Колесников. Слова топонимического происхождения (топонимы) в русском языке. Изд-во Тбилисск. ун-та, 1965, с. 7.
- ⁴ Д.И. Фонвизин. Собрание сочинений в 2-х томах, т. 1. М.-Л., 1959, с. 255.
- ⁵ Див., наприклад: В. Коптілов. У світі крилатих слів. К., 1976.
- ⁶ У переносному значенні цей топонім уживає ще Аввакум у своєму “Житиї”: “Кому охота венчатца, не по што ходить в Персиду, а то дома *Вавилон*”.
- ⁷ Цей КТ має ланцюжок оказіональних відповідників (ОКТ): *Арапат* - у В. Маяковського, *Еверест* (“Пусть сегодня высота “*Эвереста*” моего питомца едва заметна...” - “Комсомольская правда” від 19.XI 1976 р.), *Альпи* (“...Видел глыбы, горы, *Альпы* мусора на больших и маленьких улицах Парижа” - “Известия” від 26.VI 1968 р.; цікавий випадок використання ОКТ при градації) тощо.
- ⁸ У газетних текстах відзначені такі варіанти графічної передачі цього топоніма, вживаного у переносному значенні: *Уотергейт*, “*Уотергейт*” та “*уотергейт*”.
- ⁹ Як повний синонім інтерлінгвального КТ *Клондайк* останнім часом набув поширення інтралінгвальний КТ *Донбас*. У Молдавії є колгосп під назвою “*Фруктовый Донбас*” (“Правда” від 24.VII 1970 р.), Вінницьку та Хмельницьку області називають *цукровим Донбасом*, Чернігівщину - *картопляним Донбасом*; *газовим Донбасом* називають Шебелинські газові

промисли.

- ¹⁰ Подібної конотації починає набувати новий топонім *БАМ* (часто у сполученні з присвійним займенником - *наш БАМ*).
- ¹¹ Див.: В.Д. Беленькая. Знач. праця, с. 94.
- ¹² Див.: Шарль Бодлер. Цветы зла. М., 1970, с. 95, 360. У перекладі Елліс це місце звучить так: "Твой свет, твой жар целят меня, Я знаю счастье в этом мире! В моей безрадостной Сибири Ты – вспышка яркого огня!"
- ¹³ Про сприймання у минулому *Амуру* як віддаленого місця заслання свідчить і репліка з п'єси (1881 р.) Марка Ярона – переробки комедії О.С. Грибоедова "Горе от ума". Розгніваний Фамусов погрожує дочці: "В Тобольск сошлю, в Иркутск... Нет, дальше, на Амур!" ("Литературная Россия" від 25.XII 1977 р.)
- ¹⁴ Словарь русских народных говоров, вып. 1. Л., 1965, с. 252. Цікаво, що словник реєструє і дальший семантичний розвиток цього КТ – "біда, нещастя; нестерпні умови; погане життя". Пор. аналогічне семантичне зрушення у зазначеному загальнопоширеному узуальному КТ *Сибір*: "місце заслання" > "нестерпний, каторжний труд".
- ¹⁵ Про походження топоніма *Соловки* див. замітку Н. Подольської під рубрикою "Откуда это пошло" ("Литературная Россия" від 25.III 1977 р.). Заснований у 1437 р. Соловецький монастир (форма *Соловки* реєструється з початку XVII ст.) понад три сторіччя – із середини XVI і майже до кінця XIX ст. - був одним з найвіддаленіших і найнестерпніших для арештантів місць ув'язнення, а для ченців він лишався місцем заслання і на початку XX ст. (докладно про це див. у книзі: М. Колчин. Сельные и заключенные в острог Соловецкого монастыря в XVI-XIX вв. Исторический очерк. М., 1908, с. 157-158).
- ¹⁶ Див.: А. Скальковский. Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. II. Хозяйственная статистика Новороссийского края. Одесса, 1853, с. 488, 495. Пор. ще *Сибір* -- рукав Дніпра нижче гирла Тетерева (див.: П.Л. Маштаков. Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913, с. 49).
- ¹⁷ Див.: Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии, т. II. Бахмутский уезд. Екатеринослав, 1886, с. 54.
- ¹⁸ Спорадично вторинна топонімізація конотативного топоніма *Шанхай* зустрічається на інших територіях. Так, наприклад, неофіційно називається один з кутків Липецька (через те, що тут безладно розташовані будинки).
- ¹⁹ В.Н. Михайлов. О некоторых особенностях семантики и источниках экспрессии собственных имен, употребляемых в русском языке. - В кн.: Друга республіканська ономастична нарада (Тези). К., 1962, с. 111.
- ²⁰ Наприклад, *Сократ* – "мудрець", *Дон-Жуан* – "ловелас", *Квазімодо* – "потвіра" тощо.
- ²¹ Словарь русских народных говоров, вып. 1, с. 201, 227, 234, 261, 279.
- ²² Знач. праця, вып. 4, 1969, с. 8.
- ²³ Знач. праця, вып. 6, 1970, с. 85.
- ²⁴ Знач. праця, вып. 7, 1972, с. 264.

²⁵ Див.: В.М. Мокиенко. Драть как сидорову козу // Русская речь, 1977, 1, с. 98.

²⁶ “Все станут читать и завидовать *Петрухе* – Никите Алексичу Зотову. При рождении его действительно назвали и записали Никитой, а при жизни за простоватость, разгильдяйство и никчемность перекрестили в *Петруху*. Теперь никто уже и не помнит, что он Никита, родная мать и та называла его *Петрухой*, да и сам он только в мечтах, когда его награждали и возносили как человека особенного, прославленного, тайком доставал и ставил в строку свое имя, а в каждодневном своем житье-бытье обходился *Петрухой*”. Цей випадок цікавий тим, що конотативний антропонім-прізвисько, втративши мотивацію та переставши виконувати характерологічну функцію, насправді стає головним іменем людини.

²⁷ Докладніше про це див.: Є.С. Отин. К этимологии слова разгильдяй. – В кн.: Этимологические исследования по русскому языку, вып. VII. Изд-во МГУ, 1972, с. 166-168.

²⁸ Тут, проте, міг бути і натяк на ім'я “красуні” з популярного у 10-і роки минулого сторіччя “Опасного соседа” В. Пушкіна.

---

* Мовознавство. 1978. – № 6, с. 47-53.

ЭКСПРЕССИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Давно замечено, что собственные имена – топонимы и антропонимы – способны развивать вторичные переносные значения. Обогащаясь новой семантикой, они составляют особый разряд коннотативной ономастической лексики, социально и территориально варьируемый и исторически изменчивый. Д.К. Зеленин полагал, что к метафоризации собственных имен приводит действие двух важнейших факторов – фонетического и исторического (Зеленин, 1903). В первом случае происходит сближение “на основании созвучия” собственного имени с апеллятивной лексемой. Благодаря этому в народном языке возникают коннотативные онимы с окраской чаще всего пейоративного плана (например, *Елеся, Емеля, Улита* – под влиянием *елесить* “лстить”, *мельница, улитка*). Воздействие исторического фактора происходило, когда собственное имя “попадало в историю” в самом широком смысле этого слова” (Зеленин, 1903, 24-25). Это, пожалуй, один из наиболее частых путей возникновения коннотативных собственных имен, особенно в недрах народной разговорной речи. Превращение в высокочастотные узуальные ономастические лексемы с переносным значением нередко приводит их на грань апеллиативации, к размытию их проприальных свойств, как это случилось, например, с именем короля *Стефана Батория* (в русской передаче – *Абатура*). Последний вариант имени еще функционирует как собственное имя в текстах некоторых памятников русского языка; ср. в “Пискаревском летописце” (по рукописи первой четверти XVII в.): приходил король литовский *Оботур Стефан* ко Пскову (Материалы по истории СССР), но в диалектной речи оно сохранилось уже только как нарицательное существительное со значением “упрямый человек” (*абату́р, абáтур, оботу́р, обóтур, абату́ра, батура́, бату́ра*) (Чернышев, 1935, 393). Промежуточное

состояние данного имени (статус коннотативного антропонима), по-видимому, давно было утрачено русским языком. В.И. Чернышев замечает, что ареал этого имени “соответствует русской территории времен Ивана Грозного, с которым столкнулся Стефан Баторий в войне и мире. Это великорусский центр в области между городами: Москва, Рязань, Кострома, Вологда, Ярославль, Тверь... Любопытно и показательное отсутствие слова *абатур* в области самого Пскова и ближайших к нему областях Смоленска и Новгорода. Здесь *Абатур* был слишком хорошо известен как живое историческое лицо и поэтому не мог перейти в отвлеченное нарицательное имя, представляющее носителя известного качества (упрямства). С другой стороны оценили Абаттура в Белоруссии, которая видела возвращение его войск после неудачного похода: он – много обещавший, но не исполнивший обещаний хвостун, пустомеля” (Чернышев, 1935, 395-396). Влияние исторического фактора на появление “топонимических метафор” иллюстрирует и следующий пример. После известного процесса 1892 г., вскрывшего крупные махинации при строительстве канала, соединившего Тихий и Атлантический океаны через территорию Панамы, топоним Панама во всех языках мира получил значение “афера, крупная махинация”¹.

Переосмысление собственного имени, переход его в экспрессивное слово нарицательного значения в отдельных случаях предопределялись и его фонетическим значением – “экспрессивно-смысловыми потенциями, заложенными в звуковом облике слова” (Виноградов, 1954, 14). По наблюдениям В.В. Виноградова, негативную коннотацию на восточнославянской языковой почве получает целый ряд канонических личных имен со звуком *ф* или его субститутами *х*, *хв* (возможно, и *п*): *Фофан* из *Феофан*, *Фефела* из *Феофила*, *Фаля* из *Фалалей*, *Фетюк* из *Феотих*, *Агафон*, *Ховронья* из *Февронья*, *Олух* из *Елевферий* и т. д. (Виноградов, 1954, 15-16; Виноградов, 1977, 286-287). Например: – Заботы! – кривит губки Риточка. – У кого их нет? Просто неорганизованная *фефела*! Она и в институте была такой же (Л. Наумов). Ср. переосмысление антропонимов со звуком *ф* в русских паремических контекстах: Достают невесту собою, а ино и *Фомяю*; *Фома* не купит ума, своего продаст; Один сынище, да и тот *Фомище*; Не только людей, что *Фома* да *Фаддей*; Посади *Фому* на первое место – и неловко ему, и узко, и тесно; Не только гостей и праздника, что *Фома* с женой; *Федора*, да черт ей рад; Велика *Федора*, да дура и др.² Ср. еще редкое употребление имени *Филипп* в значении “недалекий человек” (“Что ты *Филиппом* прикидываешься!”) и т. д.

У Б.М. Ляпунова, еще в 30-е годы обратившего внимание на “фактор воздействия звукового комплекса... личных собственных имен на психику говорящего”, наличие более узких звуков в окончании имен *Алексей, Елисей, Дмитрий* и т.д. вызывало представление об “изворотливости” и хитрости их носителей (в противоположность таким именам, как *Иван, Феофан*), а имена *Антоний, Епифаний* и под. – “впечатление чего-то более длинного, худого, тонкого, чем их восточнославянские переделки *Антон, Епифан*” (Ляпунов, 1935, 255).

В наше время это наблюдение Б.М. Ляпунова было подтверждено В.В. Левицким, установившим на материале русского, украинского, молдавского и др. языков – следующую закономерность: “Передняя позиция и верхний подъем языка (признаки русской фонемы [и]– *Е. О.*) символизируют понятие “маленький”, задние гласные ассоциируются с понятием “большой”, верхние задние – с понятием “неприятный”³.

Нюансы фонетического значения антропонимов, безусловно, учитываются писателями при выборе имен персонажей. Ср. основное на том же признаке (“узкий” – “широкий” звук) контрастирование имен *Антип* и *Марфа* в рассказе В. Шукшина “Одни”, усиленное авторскими характеристиками: *Антип* – “сухой маленький” романтик и мечтатель, ценящий в людях “душевную чуткость и доброту”; *Марфа* – “грозная, большая” его “могучая половина” и т. д. Вероятно, фоноэстетический фактор способствовал пейоризации таких украинских личных имен, как *Хома, Хівря, Химка, Феська, Федя (Федь), Педора, Гапка* и т.д. (конечно, наряду с другими причинами, скажем, с выходом их за пределы обычных паремических контекстов). Ср. у Остапа Вишни: Коли ви такий уже *Хома*, то “*хоміше*” од вас і на світі вже нема; в украинских пословицах и поговорках: *Леська* та *Хвеська* хоч якого дзвона перегудуть!; Дурна *Хвеська*; У кого ж язик довший, як не у *Хвеськи*; Тільки й рідні, що в Києві *Химка*!; Дурного *Кирила* і *Химка* побила; Се *Химка* хазяйка (т. е. неопрятная); Оце *захималась* (от *Химка*; т. е. плохо, неаккуратно повязала голову платком); Не будь *Хомою*, на те ярмарок (ср. вариант: Не зівай, *Химко*, – на те ярмарок); І ззаду знать, що *Хомою* звать; У мене *Хома* – й добра нема; На безлюдді і *Хома* – пан; На бідного *Хому* і дерево пада; От і крути, *Хомо*, головою! (о разине); На безлюдді і *Хома* чоловік, а *Гапка* ще й люди; Чоловік – не *Гапка*; Велика *Педора*, та дурна; Хто з ким, а я з своєю *Педорою*; Масти *Федя* медом, а *Федь* усе *Федем* (об упрямом человеке) и др. Как синоним коннотативных антропонимов *Химка* и *Феська* в буковинских говорах может выступать и собственное имя *Марфа* – “сплетница, лентяйка” (Матеріали, 1978,

60). Исследование фонетического значения узуальных личных имен как в отдельных восточнославянских языках, так и в межкультурном аспекте поможет объяснить пока только интуитивно улавливаемые тенденции в их экспрессивно-образном употреблении. Особенно плодотворным представляется этот подход к изучению личных имен в стилистической ономастике.

В каждом из восточнославянских языков исторически сложились во многом совпадающие группы коннотативных антропонимов, однако часть таких образований характеризуется территориально ограниченным употреблением. “В каждом населенном пункте, – пишет П.П. Чучка, – по традиции различают имена авторитетные и неавторитетные ...Так, например, собственные имена *Vасіл', Олѣкса, Га́фа, Полѣн'а*, распространенные почти на всей территории Закарпатья, на Ужгородщине считаются неавторитетными и потому детям не даются. Местные крестьяне объясняют, что эти имена не здешние, а верховинские или даже польские. На Межгорщине таким неавторитетным именем считается *Вѣкла*. В отдельных селах *Вѣкла* употребляется как своеобразный апеллатив со значением “тупоумная и к тому же ленивая женщина (ср. восточноукр. Гапка)” (Чучка, 1970, 50). Справедливо считая “историческую знаменательность” наиболее объективным фактором, способствующим приобретению собственным именем новых – отонимных значений, Б.М. Ляпунов видит здесь постоянное воздействие “недоступных нашему наблюдению явлений обыденной жизни”, что приводит к переосмыслению таких имен, влияет на их экспрессивную окрашенность, однако причины этих процессов подчас скрыты “во тьме многочисленных обстоятельств обыденной жизни масс” (Ляпунов, 1935, 256). Ниже (см. таблицу) приводится перечень коннотативно окрашенных антропонимов, составленный на основании словарей, исследований по ономастике, наблюдений автора; рассмотрены также функции собственных имен в пословицах и поговорках. При этом учитывается, что область употребления антропонимов, выступающих в экспрессивно-характерологической функции, – живая разговорная речь, диалектная среда, просторечие.

На конкретном примере коннотативного антропонима *Петруха* можно показать функции таких слов в живой разговорной речи. Оценочный характер имени делает его полупрозвищем, способным стереть, вытеснить истинное имя. Очень тонко это было подмечено В. Распутиным: Все станут читать и завидовать *Петрухе* – *Никите Алексеичу Зотову*. При рождении его действительно назвали и записали *Никитой*, а при жизни за простоватость, разгильдяйство и

Таблица

"Хвастун, бахвал, пустослов"	рус. бел.	<i>Емеля; Андрэй.</i>
"Спричудами"	рус.	<i>Алеха (Алеша) Бесконвоиный</i>
"Неопрятный человек, неряха"	рус. укр.	<i>Акулина; Алена; Ероха (от Ерофэй); Улита; Солоха; Хоэра, Хоэря (Хоэронья < Феэронья); Химка; Гапка; Кулина.</i>
"Разухабистый человек, головорез"	рус.	<i>Артюха</i>
"Недалекый человек, простак, глупец, простофиля, болван"	рус. укр.	<i>Агафон; Аноха (Аноху стронть); Гаерик; Емеля; Ерема; Елоп, Елуп, Елуфим (вероятно, из Епол с метатезой: Епол > Елоп); Кирюха; Мирошка (см. Даль, 1957, 665: "Прикидываться Мирошкой", т. е. дурачком); Тереха; Пантюха (ср.: Вон в той избе живет пантюха такой, неграмотный. - СРНГ, 373), Пантюша; Федора; Фекла; Филя; Ваньзя; Омелько ("Дурный, як Омелко" и др.); Педора; Векла.</i>
"Неуклюжий, нескладный, нерасторопный человек"	рус. укр. бел.	<i>Акуля, Акулина, Окуля; Вавило; Дадон, Додон (от имени героя народных сказок); Кипря (очевидно, от Киприан, как Купря от Куприян); Солоха; Ненила; Солоха; Солоній; Хіэря; Міхайла.</i>
"Человек огромного роста"	рус.	<i>Адам, Адам Адамом (фразеол.).</i>
"Оборванец"	рус.	<i>Артюшка.</i>
"Задира"	рус.	<i>Афонька; Ероха.</i>
"Плут, обманщик, пройдоха"	рус.	<i>Вакул; Гаерик.</i>
"Лищемер, угодливый человек"	рус. укр. бел.	<i>Ананья (Даль, 1957, 591: "В людях Ананья, дома каналья"); Ілля ("В людях Ілля, а вдома свиня"); Ананья.</i>
"Человек, мнящий из себя важную персону"	рус.	<i>Епол (из Епол, Епл); Иван⁴.</i>
"Человек сомнительного поведения, проходимец"	рус.	<i>Егор.</i>
"Разиня, ротозей"	рус. укр.	<i>Емеля, Хоэра; Солоній, Солоха.</i>
"Неудачник"	рус. укр.	<i>Афоня; Макар; Хома, Химка; Макар; Хіэря.</i>

"Лентяй(ка), бездельник (нища)"	рус. укр.	<i>Филон;</i> <i>Марфа.</i>
"Слшком простой и добрый человек"	рус.	<i>Еноха.</i> От старого русского имени <i>Енох</i> (от него же форма <i>Аноха</i>); возможно и от <i>Онуфрий</i> .
"Малосильный человек"	рус.	<i>Еруслан</i> (от имени героя народных сказок; вероятно, вначале с иронией).
"Болтливый человек"	рус. укр.	<i>Емеля;</i> <i>Феська, Хвеська; Марфа.</i>
"Товарищ, собрат"	рус.	<i>Кондрат.</i>
"Дружок, собутыльник"	рус. укр.	<i>Керя</i> (одна из производных форм от имени <i>Кирилл</i> ; ср.: <i>Киря, Кера</i>); <i>Керя.</i>
"Человек, отличающийся дурными качествами; неприятный, злой человек"	рус. укр. бел.	<i>Сазон; Кузьма, Кузька; Касьян;</i> <i>Демид; Кузьма; Пархим; Супрунада;</i> <i>Кузьма.</i>
"Упрямый человек"	бел.	<i>Хадоска.</i>
"Простой человек"	рус. укр.	<i>Иван;</i> <i>Иван; Гриць; Марійка.</i>
"Забывчивый человек"	укр.	<i>Феська.</i>
"Беззаботный весельчак"	бел.	<i>Юрка.</i>
"Разумный, достойный человек"	рус. бел.	<i>Марья</i> ("Не у всякого жена <i>Марья</i> , кому бог даст". - Даль, 1957, 367); <i>Саўка.</i>

никчемность перекрестили в *Петруху*. Теперь никто уже и не помнил, что он *Никита*, родная мать и та называла *Петрухой*, да и сам он только в мечтах, когда его награждали и возносили как человека особенного, прославленного, тайком доставал и ставил в строку свое законное имя, а в каждодневном своем житье-бытье обходился *Петрухой* ("Прощание с Матерой"). С аналогичным превращением прозвища во второе имя, реально функционирующее в данной социальной микросреде, сталкиваемся и в рассказе В. Шукшина "Алеша Бесконвойный": "Его и звали-то не *Алеша*, он был *Костя Валков*, но все в деревне звали его *Алешей Бесконвойным*. А звали его так вот за что: за редкую в наши дни безответственность, неуправляемость". В дальнейшем герой рассказа называется уже только *Алешей* и лишь спорадическое присоединение отрицательного определения возвращает почти нейтрализованному имени его первичную коннотацию (ср. в прямой речи: – Вот весь день будет баней заниматься, Бесконвойный он и есть... *Алеша*).

От случаев самостоятельного употребления коннотативных антропонимов отграничивается их использование в составе паремий, где они воспринимаются сквозь призму предложения с общепринятым традиционным значением. Относительно пословиц и поговорок М.В. Карпенко заметила, что “этот жанр народного творчества, где есть имена, но нет персонажей, пока остается для ономаста во многих отношениях загадочным” (Карпенко, 1978, 173). Паремии могли быть той “питательной средой”, в которой развивались отонимные значения собственных имен (не исключается, конечно, и обратное: собственные имена проникали в паремии благодаря наличию у них таких значений, как было, вероятно, с антропонимами *Фома* и *Ерема*; эти процессы могли накладываться друг на друга). Впоследствии, утрачивая связь с паремией и функционируя самостоятельно, антропонимные компоненты пословиц и поговорок постепенно теряли смысловую связь с паремическими контекстами, сберегая, однако, приобретенную в них экспрессию и дополнительные семантические наслоения. Такой путь могли пройти русские коннотативные антропонимы *Алена* (из сочетания *Грязная Алена*); *Алеха* (*Алеха сельский*, *Алеха Бесконвойный*); *Марина* (ср. *суетная Марина* – так на Дону называют расторопных, проворных женщин (СРДГ, 2, 130); *Аноха* (ср.: *Аноха Аноху* да впряг в соху; *Время плохо*: стал указчиком *Аноха* и др.); *Вакул* (*Вакул* всех надул); *Тюха*, *Матюха*, *Пантюха* (ср.: *Тюха*, *Пантюха* да колупай с братом; *Тюха* да *Матюха* да колупай с братом); *Сидор*, *Макар* (ср. поговорки о бедном *Макаре*); *Фома* и *Ерема* – широко используемое в восточнославянской фразеологии обозначение людей, не пользующихся уважением. “*Ерема* и *Фома*, – писал А.Н. Пыпин, – представляемые теперь на лубочных изображениях, олицетворяли для русской фантазии глупость и нелепость; песня об их похождениях целиком перешла в пословицы...” (Пыпин, 1857, 301).

Носителем богатых экспрессивно-смысловых оттенков в паремических контекстах выступает одно из самых распространенных восточнославянских имен *Иван*⁶. «В старой русской деревне имя *Иван* носили 16-25% всех крестьян – каждый пятый был *Иваном*» (Никонов, 1974, 12). Имя *Иван* довольно часто встречается в пословицах, поговорках, загадках и других фольклорных микротекстах. Здесь нашли отражение коннотации, определяемые, с одной стороны, языковой, мифологической, фольклорной традицией, самой формой пословицы, а с другой – нравственными и социальными представлениями, народным мировоззрением.

Анализ восточнославянских паремий показал, что доантропонимное значение личного имени *Иван* в прямо характеризующей функции нигде не реализуется. Поэтому ошибочно мнение М.Н. Макарова, что “имя *Иоанн*, как благодать, по его смыслу с самых незапамятных времен было или, лучше сказать, жило между нами...” (Макаров, 1846, 95). Ведь “связь имени собственного с понятием, заключенным в породившем его аппеллятиве, стремится к нулю” (Суперанская, 1970, 10), а для простого народа в имени *Иван* такая связь вообще не осознавалась.

Это имя в восточнославянских пословицах и поговорках встречается в разнообразных формах и сочетаниях: рус. *Иван, Иоанн, Ивашка, Ивашко, Ванька, Ваня, Иванушка, Иван Петрович, Иван Иванович, Иванович*; укр. *Іван, Івась, Іванко, Іванка, Йван, Іванихо*; бел. *Іван, Івась, Іванка, Івашка, Іванец, Ванька, Ян, Яны* (мн. ч.), *Янка, Янук, Янучок, Яська* и др.

Некоторые формы имени *Иван* используются для указания на возраст, например, укр. Чого *Івась* не навчиться, того й *Іван* не буде знати; ср. аналогичное значение формы *Иван* в других пословицах: Годуй мене до *Івана* (до совершеннолетия), а я з тебе зроблю пана; бел. І падрос і вырас *Янучок*, а *Янкам* не стаў (Янкоўскі, 1962, 296) и т. д. Различные формы имени могут указывать на социальную “возвышенность” или “сниженность” лица, его национальную принадлежность: Нет имен супротив *Иван*; Наш Пахом с Москвой знаком. Он и *Ивашка*, да не промашка; Млад, да *Иван*, стар, да *иванька* (СРНГ, 12, 57) и т. д. Эту “стилистику” вариантов имени *Иван* хорошо чувствуют писатели и широко используют в своих произведениях. Ср. противопоставление *Иван* – *Ванька* у В. Шукшина: Это *Иван* вон: ни с кем не спорил, а взял и рассчитал, что свинья будет ходить с одним глазом. И как точно рассчитал! – Электрику очень нравился расчет тракториста. – Это же надо так рассчитать. Вот же и *Ванька!* *Иван-краем* назвал свою родную землю (Ивановскую область) поэт В. Смирнов⁷.

В реальных условиях бытования пословиц характеризующая функция личного имени обычно осуществляется комплексом косвенных характеристик, традиционно связанных с антропонимом, причем только по ситуации употребления можно судить о том, какая из этих характеристик в данном случае является главной. Вообще же *Иван* в восточнославянских паремиях прежде всего – бедняк, голь перекатная: рус. Щеголь *Ивашка*: что ни год, то рубашка; укр. Не перший раз *Іван* бідний и т. д. Показательна в этом отношении русская пословица: Был я когда-то *Пахомычем*, а теперь и *Иванычем* не зовут. В свете сказанного

становится понятной и пословица *Ивач* плох и в чае, записанная В.И. Далем. В ней содержится намек на *Иван-чай*, или копорский чай, как называют в народе траву кипрей. Листья этой травы подмешивались к чаю или же употреблялись вместо него. *Иван-чай*, напиток бедняков и простолудинов, был подделкой под чай, “фальшивым” чаем. Интересно, что в украинском языке для выражения понятия “фальшь” употребляется выражение *Хоминий чай* (Укр. нар. приказка, 1936, 363).

Во многих пословицах рядом с именем *Иван* употребляется имя *Марья*: *Иван* в дуду играет, а *Марья* с голоду помирает; *Иван* был в Орде, а *Марья* вести рассказывает; *Иван Марья* не слушается; сам приказывать горазд и т. д.; ср. название цветка *Иван-да-Марья*. Повидимому, наличие большого числа древних текстов, посвященных Ивану и Марье, их архаический характер и связь с очень распространенными, берущими начало в язычестве обрядами превратили эту пару в традиционную фольклорную формулу.

Таким образом, в восточнославянских пословицах и поговорках имя *Иван* развивает многообразные “отономастические” значения, выступает в различных косвенно характеризующих функциях. Его употребление в русских, украинских и белорусских поговорках обнаруживает исключительную близость, что объясняется как общностью происхождения фольклорных микротекстов, так и длительным взаимодействием культур восточнославянских народов.

Характерологические возможности антропонимов, их яркая экспрессивная окрашенность нередко используются в художественных и публицистических произведениях. В украинской литературе к коннотативным антропонимам как к одному из лексических средств создания комического эффекта обращались, например, Г. Квитка-Основьяненко и И. Котляревский. Употребляя такие личные имена, как *Химка*, *Хіверя*, *Солоха* и т. д. Г. Квитка-Основьяненко продолжал традиции использования коннотативных антропонимов в косвенно характеризующей функции, присущие народному творчеству (Скорик, 1958, 22-23). В «Энеиде» И. Котляревского находим интересный случай “перекодировки” имени *Невтес* посредством украинского *Охрім* (из *Ефрем*):

Невтесом всі його дразнили,
По-нашому ж то званьє *Охрім*.

“Пример этого рода, – пишет О.П. Плющ, – единственный на всю поэму. Комичное впечатление вызывается неожиданным сопоставлением якобы иноязычного *Невтес* с украинским простонародным *Охрім* (побочная ассоциация *Невтес* – бранное

“неотеса”. – Плющ, 1959, 62). Пожалуй, нельзя только согласиться с утверждением, что *Охрім* здесь выступает как “псевдозквивалентное украинское соответствие” *Невтесу*. Именно коннотация простонародного антропонима *Охрім* и позволила И. Котляревскому сблизить эти два имени.

Отрицательную коннотацию в производных формах имени *Пантелей* – *Пантюха*, *Пантюша*, безусловно, принял во внимание А.Г. Архангельский, написавший в свое время стихи про Пантюшу, ремесленника от литературы:

Иные бьют баклуши,
Пантюша прет в верхи.
Открылся у *Пантюши*
Талант писать стихи.
Пяток своих творений
Наскреб едва-едва,
Решил, что он-де – гений,
Есенин номер два.

Образ бесхитростного и непритязательного человека, довольствующегося своей небогатой событиями жизнью, рисует в стихотворении “Добрый *Филя*” Н. Рубцов:

Я запомнил, как диво,
Тот лесной хуторок,
Задремавший счастливо
Меж звериных дорог...
Там в избе деревянной,
Без претензий и льгот,
Так, без газа, без ванной,
Добрый *Филя* живет.
Филя любит скотину,
Ест любую еду,
Филя ходит в долину,
Филя дует в дуду!
Мир такой справедливый,
Даже нечего крыть...
– *Филя!* Что молчаливый?
– А о чем говорить?

Кроме рассмотренных узуальных коннотативных антропонимов, в речевой практике не единичны случаи необычного использования личных имен или их производных форм с характерологическими целями, отражающие субъективную оценку

антропонима, возникшую на основе личного опыта говорящего. Редкий коннотативный антропоним *Алик* находим в репликах Веры из пьесы А. Вампилова “Утиная охота”:

Вера. Смотри, *алик*, я найду себе другого.

Саянин. Слушай, что ты всех так называешь?

Вера. Как, *алик*?

Саянин. Да вот *аликами*. Все у тебя *алики*. Это как понимать?

Примечательно, что данное личное имя в тексте пьесы орфографически “неустойчиво” – автор пишет его с большой и строчной буквы, графически выражая едва уловимые оттенки его переносного употребления в живой речи. Этим именем Вера обозначает людей “своего” круга – потребителей и прожигателей жизни.

Иногда личное имя, способное употребляться в характеризующей функции, привлекает писателя или журналиста не своим означением, а экспрессивной окраской. В фельетоне Ю. Алексеева “*Ерема* на пушке”, опубликованном в газете “Правда”, неоднократно обыгрываются имена *Фома* и *Ерема*, но ни одно из позднее развившихся в них значений здесь не реализовано. Автору фельетона важно было наделить отрицательных персонажей “отрицательными” именами, и к этому как нельзя лучше подошли имена *Ерема* и *Фома*, имеющие традицию использования в пейоративном плане. Дальнейшее изучение состава и функций коннотативных антропонимов в восточнославянских языках позволит выявить новые особенности их функционирования в разговорной речи и приемы употребления как своеобразного стилистического средства в языке художественной литературы.

СНОСКИ

- ¹ В русском языке начала нашего века существовало даже производное от него существительное *панамист* “мошенник” (Кандауров, 1910, 101).
- ² Все русские и украинские пословицы и поговорки см.: Даль, 1957; Укр. нар. приказка, 1936.
- ³ Левицкий В.В. Чи існує універсальний звуко символізм? – Мовознавство, 1971, № 1, с.33.
- ⁴ Ср.: Строить из себя *Ивана*, т. е. важничать (Сл. фраз. Сиб., с. 181; СРНГ, вып. 12, с. 53), а также отантропонимные производные: *иванить* – “превозносить самого себя” (Сам себя *иванит*, быдто хто-то я), *иваниться* – “модничать, форсить” и “задаваться, превозносить себя, ломаться” (СРНГ, вып. 12, с. 53, 55).
- ⁵ В. Даль, приведя поговорку “Наш Касьян на что ни взглянет, все вянет”, делает замечание: “Имя это считается немилостивым, недобрим” (Даль,

1957, 59).

- ⁶Часть раздела, посвященная имени *Иван*, написана совместно с В.М. Калининным.
- ⁷Экспрессия этого названия была отмечена В. Боковым: "Талантливость молодого поэта даже в том, что *Ивановскую область*, центр текстильной промышленности, он назвал *Иван-краем*" (Литературная Россия, 1973, 10 дек., с. 4).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зеленин Д.К.* Этимологические заметки: Лич. собств. имена в функции нарицат. в русском нар. яз. – Филол. зап. Воронеж. 1903, вып.4/5. С. 21-27.
2. *Виноградов В.В.* Из истории русской лексики и фразеологии. – Докл. и сообщ. / Ин-т языкознания АН СССР, 1954, № 6, с. 3-22.
3. *Виноградов В.В.* Избранные труды: Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
4. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. – М.: Гослитиздат, 1957. – 991 с.
5. *Кандауров П.* Панамский канал. Его история и совр. положение. – Журнал М-ва путей сообщения, 1910, кн. 3, с. 98-102.
6. *Карпенко М.В.* Ономастика в художественной литературе. – В кн.: Ономастика: Пробл. и метод.: Материалы к XIII Междунар. ономаст. конгр. М.: Наука, 1978, с. 169-188.
7. *Ляпунов Б.М.* О некоторых примерах образования имен нарицательного значения из первоначальных имен собственных личных в славянских языках. – В кн.: Академия наук СССР академику Н.Я. Марру. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1935. с. 247-261.
8. *Макаров М.Н.* Опыт русского простонародного словотолковника. – Спб., 1846. – 232 с.
9. *Матеріали* до словника буковинських говірок. - Чернівці: Вид-во Чернів. ун-ту, 1978. – Вип. 5. 99 с.
10. *Никонов В.А.* Имя и общество. – М.: Наука, 1974. – 278 с.
11. *Плющ П.П.* Мовні засоби гумору в "Енеїді" І. Котляревського. – К.: Вид-во Київ. Ун-ту, 1959. - 68 с.
12. *Лытин А.Н.* Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. – Спб., 1857. - 360 с.
13. *Скорик О.С.* Емоційно-забарвлена лексика в творах Г.Ф. Квіткі-Основ'яненка як один із засобів гумору. – Укр. мова в школі, 1958, № 6, с. 20-23.
14. *Суперанская А.В.* Языковые и внеязыковые ассоциации собственных имен. – В кн.: Антропонимика. М.: Наука, 1970.
15. *Чернышев В.И.* "Темные" слова в русском языке. – В кн.: Академия наук СССР академику Н.Я. Марру. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935, с. 393-407.
16. *Чучка П.П.* Антропонімія Закарпаття. – Ужгород: Вид-во Ужгор. ун-ту. 1970. – 103 с.

17. Янкоўскі Ф.М. Беларускія прыказкі, прымаўкі: Фразеалагізмы. – 2-е выд., дап. - Мінск: Выд-ва АН БССР, 1962. - 556 с.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

СРГНО – Словарь русских говоров Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1979.

СРДГ – Словарь русских донских говоров: В 3-х т. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1975-1976.

- * Проблемы сопоставительной стилистики восточнославянских языков. Киев. «Наукова думка», 1981, с. 132-144.

Нинель Витальевна Максимова (1931 – 1998)

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН В РАССКАЗАХ В.М. ГАРШИНА*

Одним из элементов мастерства писателя является его умение использовать в художественно-образительных целях собственные имена, прежде всего имена персонажей – поэтические онимы, или поэтонимы. Мир собственных имен в произведениях В.М. Гаршина еще не стал объектом изучения поэтической ономастики. Ономастикон его психологических рассказов 70-80-х годов во многом адекватен реальному ономастикону этого времени, поэтому можно говорить об «ономастическом реализме» писателя. Это позволяет использовать материал его произведений для изучения особенностей функционирования собственных имен и разнообразия их формул, сочетания с сопутствующими словами, их эмоционально-экспрессивных и референтных коннотаций, этикетных норм их употребления в русском языке последней четверти XIX века. В русской ономастике уже имеются исследования, посвященные антропонимной вариативности в реальной речевой коммуникации, которые выполнены на материале языка художественной литературы конца XIX и первой четверти XX века (в этом отношении достоверным источником для Т.Ф. Шумариной послужил язык прозы и драматургии И.С. Тургенева, для Т.Д. Сусловой – языковой массив тетралогии В.Г. Катаева «Волны Черного моря»)¹. С другой стороны, сама организация онимного пространства произведений В.М. Гаршина – плод творческого преобразования реальной онимической системы, индивидуально-авторская модель выбора и функционирования онимов в качестве поэтических имен. У талантливого писателя-реалиста онимия его произведений всегда представляет нам (но только в художественном преломлении) живые процессы, протекавшие в реальном онимическом пространстве его времени. Это одна из граней многомерной художественной картины мира, невнимание к которой оборачивается существенными потерями.

В статье рассматриваются средства и способы номинации

персонажей в четырех произведениях В.М. Гаршина, три из которых – реалистические рассказы («Четыре дня», 1877; «Происшествие», 1878; и «Из воспоминаний рядового Иванова», 1882), а одно («Attalea grisea», 1879) представляет собой фантастическую новеллу со своеобразной системой средств онимной и безонимной номинации.

Рассказы «Четыре дня» и «Из воспоминаний рядового Иванова» связаны между собой не только тематически (картины русско-турецкой войны 1877-78 гг.), но и тем, что имеют общего главного героя, от лица которого ведется повествование. Это «рядовой из вольноопределяющихся Иванов», в недавнем прошлом студент. Такая же «рядовая» русская фамилия его становится поэтонимом, реализуя в художественном тексте некоторые из богатого потенциала своих «созначений» референтные коннотации и эмоционально-экспрессивные оттенки. Набор собственных имен в рассказе невелик: *Иванов*, ефрейтор *Яковлев*, *Петр Иванович* (лазаретный офицер) и *Сидоров* («молоденький солдат первой роты»). Фамилия *Сидоров* упоминается один раз и первой – в самом начале рассказа и служит своеобразным «музыкальным ключом», определяющим весь «звукоряд» небольшого онимного пространства рассказа, состоящего из привычных русских фамилий и такой же двусоставной формулы (имя *Петр* + отчество в аллегровой народно-разговорной форме *Иваныч*). Антропоним *Сидоров* не только предопределяет тональность всего антропонимного ряда, но и перекликается с фамилией главного героя – *Иванов*, образуя с ней отдельный синонимический ряд. В речевом узусе обе эти фамилии связаны, нередко употребляются вместе – в составе широко известной антропонимной формулы «Иванов, Петров, Сидоров», выступающей как условное обозначение группы людей (чаще русской национальности). Данная антропонимная формула сложилась, по видимому, к началу XX века. Во второй половине XIX века с антропонимом *Иванов* для условно-обобщенного, символического обозначения группы лиц русской национальности могли сочетаться и другие высокочастотные в тогдашнем антропонимиконе фамилии, привычная сейчас антропонимная триада еще не сложилась. Сравните, например: «Оставалось, впрочем, в запасе одно утешение: Ивановы и Гавриловы – люди бесцветные, индифферентные, а он заведомый либерал» (М.Е. Салтыков-Щедрин. Старческое горе, или Непредвиденные последствия заблуждений ума). Или: «...Федя живо представил меня дочери, Нине Михайловне Поповой, потом Лизе и еще полдюжине Ивановых, Петровых, Никитиных и т.д.» (С.Надсон. Дневник 1876 г.). Таким же онимом, тяготеющим к фамилии *Иванов*,

уже в это время была фамилия *Сидоров*, которая вместе с *Петров* выдержала конкуренцию с другими такими же «обычными» фамилиями, объединившись в современную устойчивую антропонимную группу. Поэтому фамилия главного героя находится в дистактной корреляции с одним из своих частых антропонимных спутников. Поэтонимы *Сидоров* и *Иванов* – это, по сути, части рассредоточенного в тексте устойчивого словосочетания *Иванов-Сидоров* или его продленного трехкомпонентного варианта *Иванов-Петров-Сидоров*. Компоненты этой антропонимной формулы – *Иванов* и *Сидоров* каждый в отдельности развили в русском языке референтные коннотации «человек из народа», т.е. стали атропонимами – символами. Особенно сильной такая коннотация была у фамилии *Иванов*. Это подтверждается и отношением современников В.М. Гаршина к названию пьесы А.П. Чехова «Иванов», напечатанной спустя двенадцать лет после публикации рассказа «Четыре дня», – А.Н. Лескова («название обобщающее, самое родовое»), артистов театра Корша, известного русского адвоката С.А. Андреевского, видевших в этом названии символическое значение. «Рядовой из вольноопределяющихся» *Иванов* (несмотря на то, что он в конце рассказа, при обращении к нему ефрейтора Яковлева, называется «барин Иванов») поставлен в один ряд с другой жертвой войны – *Сидоровым*, alter ego которого он, в сущности, является. «Солдатик» *Сидоров* и «барин *Иванов*» сближены и уравниены не только общностью своей роли и судьбы, но и своими символическими фамилиями, исполняющими в художественной речи повествователя хоть и скрытую, но весьма ощутимую суггестивную функцию.

В рассказе «Из воспоминаний рядового Иванова» эта фамилия воспринимается уже по-иному. Она входит здесь в гораздо большее онимное пространство, а также нередко заменяется другими антропонимными формулами имени, которые появляются в зависимости от изменяющихся ситуаций общения. Этот номинационный ряд состоит из таких антропонимов и антропонимных формул имени, употребляемых самостоятельно или в сопровождении так называемых «титულных» слов или терминов: *рядовой Иванов* (только в заголовке рассказа), *барин Иванов* (в обращении к нему денщика ротного командира), *господин Иванов* (в обращении ротного командира, в обстановке дружеской встречи; другой раз – без фамилии: «господин студент»), *Владимир Михайлыч* (в устах ефрейтора Федорова, солдат, и единожды – расположенного к нему ротного командира), *Михайлыч* (в обращении солдат) и только *Иванов* – в речи раздраженного

штабс-капитана Венцеля, когда герой заступился за избиваемого солдата. Примечательно, что бесгитупное обращение *Иванов* в ходе доверительной беседы с ним симпатизирующего недавнему студенту ротного командира показалось последнему слишком официальным, и он тут же спрашивается об имени и отчестве собеседника: «Ведь я, Иванов ... позвольте имя и отчество? – Владимир Михайлыч. – Владимир Михайлыч. Ладно ... Ведь я беспутная голова был смолоду». При такой богатой палитре антропонимной номинации главного героя рассказа фамилия *Иванов* воспринимается уже не как характеристическое (коннотативное) собственное имя, а как оним, наделенный экспрессией подчеркнута официального или нейтрального обращения (как нейтральное обращение употребляет эту фамилию прапорщик Стебельков). Референтная коннотация «мало чем примечательный типично русский человек, просто русский» присутствует в ней только в заголовке рассказа, усиленная сопутствующим титульным словом-термином («рядовой Иванов»).

Примечательно, что в другом рассказе – «Пронсшествие» В.М. Гаршин своего героя наделяет подобной типизирующей формулой имени – *Иван Иванович*, обладающей в русском языке референтной коннотацией «всякий мужчина (преимущественно русской национальности)». Она проходит через весь рассказ и только в одном месте заменяется другой, состоящей из имени и такой же «демократической» фамилии – *Иван Никитин* (подпись в письме к Надежде Николаевне). *Иван Иванович* – один из тех, кто в русской литературе прошлого века именовались «маленькими людьми», и это подчеркнута также атропонимной формулой его имени, широко распространенной в реальном русском антропонимиконе прошлого века. О принадлежности персонажа к неимущим слоям общества и «обыкновенности» свидетельствует и сам автор: «собой он был ни дурен, ни хорош», «бедный, но благородный человек».

В целом поэтонимы рассматриваемых рассказов очень близки к реальным антропонимам и топонимам, отражают те процессы формообразования и употребления, которые были характерны для речевой коммуникации и онимной номинации последней четверти XIX века (аллегривые формы имен и отчеств *Михайлыч*, *Василь Карпыч*, *Платоныч*, *Николаич* – при непринужденно-доверительном общении или в сказовой манере повествования; использование различных сопроводительных терминов при фамилиях: *дядя Житков*, *барин Иванов* и т.д.). Кроме уже отмеченных собственных имен и их антропонимных формул, это типично русские фамилии *Федоров*, *Житков*, *Карпов*, *Заикин*,

Стебельков, Лютиков, Матюшкин, Лукин, Черноглазов, Тимофеев, Львов и др. и только одна немецкая – *Венцель* (командир стрелковой роты в рассказе «Из воспоминаний рядового Иванова»).

В.М. Гаршинным подмечена склонность простых русских людей (в данном случае солдат) переосмысливать и переименовывать непонятные имена и фамилии иностранцев, сближая их с русскими общеупотребительными словами в духе «народной этимологии». Фамилию *Венцель* солдаты переделывают в *Немцев*, наделяя ее отрицательной коннотацией: « – Кто живодер, дядя? – спрашиваю я. – Немцев, штабс-капитан. Нонче он дежурный, сзади идет. Лучше идти, а то так отработает ... Места живого не оставит». Те же солдаты, вчерашние крестьяне, идущие в Болгарию воевать с турками, переделывают непонятное им выражение (по сути, для них описательный топоним) «болгарская земля» в «бухарскую землю» – благодаря паронимическому сближению с хорошо знакомым названием *Бухара* и производным от него прилагательным:

« – А что, Владимир Михайлыч, скоро ли в бухарскую землю придем?

Я думал сначала, что ослышался, но когда он повторил вопрос, ответил, что бухарская земля за двумя морями, что до нее тысячи верст и что вряд ли мы когда-нибудь попадем туда.

– Нет, Михайлыч, вы не так теперь говорите. Мне писарь сказывал. Перейдем, говорит, через Дунай, тут сейчас и будет бухарская земля.

– Так не бухарская – болгарская, – воскликнул я.

– Ну, бургарская, бухарская, как там ее по-вашему; не все одно, что ли?

И он замолчал, видимо не довольный» (Из воспоминаний рядового Иванова). Топонимия онимного пространства рассказов сплошь реальна: *Текуч*, *Берлад*, *Александрия*, *Дунай*, *Амур* и др. При этом В.М. Гаршин искусно варьирует некоторые из географических имен за счет бытующих в народной речи их словообразовательных вариантов с присущей им экспрессией. Так, *Ходынское поле* под Москвой, получившее свое название по речке Ходынке (левому притоку Москва-реки), в прошлом – место народных гуляний и «военных упражнений», в другом месте рассказа «Из воспоминаний рядового Иванова» именуется разговорной формой *Ходынка*, известной уже в русском языке конца XVIII века (она встречается, например, в «Записках» Андрея Болотова). Уроженец Владимирской губернии ефрейтор Федоров, «с детства побывавший в Петербурге», называет

его *Питером*. Эта усеченная форма топонима широко бытовала в русской народной речи XIX ст., в свою очередь образовавшись от промежуточной гипохористической формы топонима *Санктпитер*. Последний, сейчас уже забытый, вариант названия столицы России сохранился, например, в тексте старинной песни «Во селе, селе Покровском...», приписываемой императрице Елизавете Петровне (1750-е годы): «Приезжал ко мне детинка из Санктпитера сюда».

Не все в онимном пространстве рассказов В.М. Гаршина может быть адекватно воспринято современным читателем. Некоторые сохраняющиеся в наше время онимы с референтными коннотациями уже утратили связь с реалиями, обозначениями (названиями) которых они были в прошлом веке. Это касается, например, собственного имени *Эльдорадо*, выступающего в рассказе «Происшествие» как обобщенное имя трактиров, которые посещала «со своими знакомыми» Надежда Николаевна: «...также бываю в разных Эльдорадо и Пале-де-Кристалль». Почему трактир носил такое экстравагантное имя? Дело в том, что это название легендарной страны в Южной Америке, где, по преданию, индейцы спрятали от испанских конкистадоров свои сказочные сокровища, во многих европейских языках, в том числе в русском, превратилось в коннотативный оним (коннотоним) с целым пучком значений: «край благоденствия», «земной рай», «счастье», «несметное богатство» и др. Этот ставший популярным в России во второй половине XIX – начале XX вв. коннотативный оним, благодаря своим суггестивным возможностям, стал широко использоваться в качестве «завлекательного» названия разных «питейных заведений» и мест развлечения.

«Эльдорадо» В.М. Гаршина поэтому следует рассматривать как онимический историзм. В связи с этим представляют интерес свидетельства и некоторых других писателей и мемуаристов. У А.Н. Островского в пьесе «Старый друг лучше новых двух» – в реплике купца: «А какие планы? Планы у меня вот какие: перво-наперво в Марьину рощу съездить засветло; а оттуда по дороге в Эльдораду». У М.Е. Салтыкова-Щедрина в «Современной истории»: «И вот сижу однажды в «Эльдорадо», в сторонке, пью пиво...». О ресторане «Эльдорадо» сообщается и в его рассказе «Круглый год». Об интересном случае переосмысления этого названия в духе «народной этимологии» свидетельствует Н. Луначарская-Розанель: «Через дорогу, на месте нынешнего университета, тогда была деревушка. В начале ее расположилась пивная Корнеева и Горшанова, а над калитками почти всех садиков, окружавших бревенчатые избы, красовались грубо

намалеванные вывески: «Волна», «Свидание друзей», а на одной была нарисована сине-зеленой краской елка и надпись гласила: «Ель да рада», оказалось, что переосмысленное «Эльдорадо» (Луначарская-Розанель Н. Память сердца. М., 1965, с.92). Такому переосмыслению непонятного, но манящего иностранного слова, повсеместно используемого в рекламных целях, безусловно способствовал существовавший обычай украшать вход в трактиры елками (отсюда произошло забытое уже название кабака *Иван Елкин*). Название «Эльдорадо» в 50-е годы XIX в. носил и сад в Москве. Количество примеров можно умножить. Все это свидетельствует о том, что В.М. Гаршин был точен в передаче разных именовании, входивших в онимическое пространство его времени.

У части коннотативных онимов на базе их референтных коннотаций развиваются новые основные значения, отражающие новые реалии. Одно и то же слово может пребывать в двух состояниях: как коннотативный оним и как утративший прежнюю референтную (понятийную) коннотацию новый апеллатив. У одних лиц такая связь с первичным онимом еще не утрачена, и они такой апеллатив выделяют кавычками, для других это уже «чистое» нарицательное имя, не мотивированное ни омонимичным коннотонимом, ни, тем более, первичным онимом. С таким случаем полной деонимизации коннотативного собственного имени мы встречаемся в рассказе В.М. Гаршина «Из воспоминаний рядового Иванова». Венцель, разгневанный заступничеством Иванова за солдата, предупреждает его: «Слушайте, Иванов, не делайте этого никогда. Если б на моем месте был какой-нибудь бурбон, вроде Шурова или Тимофеева, вы бы дорого заплатили за вашу шутку». Апеллатив *бурбон* употреблен здесь в значении «выслужившийся из солдат офицер» и в настоящее время является историзмом. Часто это были служаки, слепо и рьяно выполнявшие уставные требования, отличавшиеся недалекостью и грубым отношением к подчиненным. О таких их качествах свидетельствуют и другие писатели, современники В.М. Гаршина. Так, известный русский общественный деятель Л.Ф. Пантелеев (1840-1919) в своей книге «Из воспоминаний прошлого» (1908 г.) пишет об одном из них: «Он был военный, с виду лет под сорок, а на погонах имелась только одна звездочка (то есть прапорщик). «Значит, из бурбонов, – подумал я (и не ошибся), – ничего хорошего ждать нельзя». Однако он оказался человеком сдержанным и вежливым». Это значение деонимического апеллатива развилось на основе ранее появившегося слова с референтной коннотацией «грубый, невежественный человек;

поборник отсталого образа жизни» (ср. у А.П. Чехова в пьесе «Медведь»: «Вы мужик! Грубый медведь! Бурбон! Монстр!»), которое, в свою очередь, восходит к первичному ониму *Бурбон*, обозначающему предстателей королевской династии Бурбонов во Франции, Испании и Королевстве обеих Сицилий, прославившихся реакционностью взглядов и бесцеремонностью поведения. Вероятно, еще как коннотативный (аллюзийный) антропоним (несмотря на строчную букву), употребил его И.С. Тургенев в рассказе «Петушков», сопроводив авторскими оценочными словами «так называемый» и поместив в кавычки, которыми, как известно, отмечается употребление слова в условном, или несобственном, смысле: «Он принадлежал к числу так называемых «бурбонов», то есть выслужившихся солдат, на тридцатом году учился грамоте и говорил с трудом, частью вследствие одышки, частью от неспособности уразуметь собственную мысль». В отличие от И.С. Тургенева, В.М. Гаршин, очевидно, уже осмысливал «бурбон» как жаргонное апеллативное слово, полностью утратившее семантическую и деривационную связь как с коннотативным онимом *Бурбон* (у Тургенева – «бурбон»), так и с первичным антропонимом.

Большим своеобразием отличается номинация персонажей в рассказе «*Attalea princeps*». В поэтической ономастике различаются три основных типа номинации литературных персонажей: собственно антропонимная (или прямая), непрямая и безонимная номинация. Номинационное пространство художественного произведения, как правило, характеризуется наличием (в разных соотношениях) всех этих типов именования, хотя встречаются произведения с одно- и двутипным номинационными рядами.

Персонажи лирико-философского рассказа «*Attalea princeps*» (образы-символы) имеют не антропонимную, а апеллативную форму выражения. В рассказе представлено два типа номинации персонажей – безонимная и непрямая. Второстепенные персонажи, играющие вспомогательную сюжетную роль, обозначены способом безонимной номинации – при помощи нарицательных имен. Некоторые из них имеют вариативный номинационный ряд: *директор – ботаник, приезжий – бразильянец, древовидный папоротник – папоротник*; другие представлены единичными словами: *кактус, корица, цикада*, а также словосочетаниями: *саговая пальма, маленькая травка*.

Непрямая номинация представлена в обозначении литературного персонажа посредством определенного ряда апеллативных наименований, самое частотное из которых приобретает некоторые свойства собственного имени, превращаясь в поэтоним. В

данном рассказе это имеет место при назывании главного его персонажа – выращенной в оранжерее бразильской пальмы. Ее номинационный ряд (в скобках частота употребления в тексте): *Attalea princeps* (3, причем, один раз в заглавии, т.е. в роли библионима), *Attalea* (14), *пальма* (17), *дерево* (7). Кроме того, она имеет скрытое от читателя «настоящее имя», написанное «сажей на белой дощечке, прибитой к стволу пальмы». Поэтому первое имя, навязанное как бы ей «директором» (носителем авторитарного начала), воспринимается как чуждое, искусственное, добавочное, а скрытое, не названное, так и оставшееся неизвестным имя – как сущностное и «родное». Часто повторяющаяся в тексте первая часть ботанического термина *Attalea* приобретает признаки литературного имени (поэтонима). Этому способствует также отсутствие в нем лексического значения (в отличие от апеллятивов «пальма» и «дерево», входящих с ним в один номинационный ряд). Оно фонетически и морфологически освоено в авторском тексте: устранено зияние (-ea → -'ея), появляются русские флексии косвенных падежей (родительного – *Attale'у*, дательного – *Attale'e* и винительного -*Attale'ю*).

Смешанная номинация главного персонажа (непрямая и безонимная) формирует его четырехчленный номинационный ряд, представленный в 41 употреблении. Он начинается в заглавии рассказа с полного ботанического термина *Attalea princeps* (еще два раза употребленного затем в речи «директора»), поясняемого следующим за ним апеллятивом «пальма». Затем уже впервые появляется начальная часть полного термина с опущенным прилагательным, однако еще не ставшая собственным именем, только представленная читателю. Зона ее активного употребления (повышенной функциональной значимости) – полная драматизма середина рассказа. Именно здесь происходит онимизация этого компонента ботанического термина, а сам персонаж как бы преодолевает свою прежнюю – «ботаническую» ипостась, обретая новое Имя (на фоне других безымянных «ботанических» персонажей, характеризруемых автором как «заключенные растения», – кактуса, корицы, цикады и др.). Номинационный ряд заканчивается апеллятивами: *дерево – пальма – дерево – пальма – пальма*. Гибель главного персонажа сопровождается потерей его Имени.

СНОСКИ

¹ Шумарина Т.Ф. Антропонимическая вариативность в речевой коммуникации (на материале произведений И.С. Тургенева). – Автореферат диссертации...

канд. филол. наук. – Одесса, 1985; Сулова Т.Д. Антропонимы в тетралогии В.П. Катаева «Волны Черного моря» (Антропонимические модели и их функционирование). – Автореферат диссертации... канд. филол. наук. – Одесса, 1986.

---

*Восточноукраинский лингвистический сборник. Выпуск четвертый. Донецк. «Донеччина», 1998, с. 156-164.

** Статья написана в соавторстве с Нинелью Витальевной Максимовой.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭРГОНИМИИ

Особая область номинации, связанная с деловыми объединениями людей в производственной, научной, политической, культурной, спортивной и других сферах, обслуживается собственными именами, которые суммарно обозначаются термином “эргоним” (< греч. *έρων* ‘дело, труд, деятельность’ и *ὄνομα* ‘имя’). Все эргонимы, входящие в русское ономастическое пространство, составляют русскую эргонимию. Русские эргонимы изучены крайне слабо. Ввиду многообразия видов обозначаемых ими объектов, целесообразно остановиться на истории становления, ономаσιολογических, лексико-семантических и структурных особенностях только некоторых разрядов эргонимной лексики, связанной с производственно-экономической деятельностью человека.

I

Тот слой эргонимии, который составляют названия акционерно-паевых и промышленных предприятий, начал формироваться со второй половины XIX в. в связи с бурным развитием капитализма в России. Несмотря на пестроту наименований и неупорядоченность номинационных процессов в этой области русского ономастического пространства, можно, однако, проследить определенные тенденции в использовании русских и иноязычных лексем в качестве эргонимов, в частоте их онимизации и характере связи с денотатом, а также в структурно-грамматическом оформлении эргонимов привлеченного нами к рассмотрению раннего среза (многие из анализируемых онимов относятся к началу нашего века)¹. Эргонимы данного периода можно разделить на несколько групп.

Прежде всего это названия, образовавшиеся благодаря трансонимизации фамилий владельцев промышленных предприятий (антропоним > эргоним), которые могли сочетаться с терминами

родства - *братья, сын*, со словом *наследники*, например: “Валентин Ефимов” (ао)², “Роговцев и Свежко” (т-во), “Братья Нобель” (т-во), “Боссэ” (з), “Братья Бромлей” (о), “Вестингауз” (з), “Ф. Швабе” (ф), “М.Я. Белямин” (з), “Братья Бух” (ф), “Нордотрем и Павлов” (з), “Петр Барский” (фр), “Брандт” (фр), “Наследники Красильниковы” (нф), “Сурков и Шергольд” (т-во), “Ф.Р. Ильс и сын” (судостроительная верфь), “Габай” (табачная фабрика) и т.д. Для названий торговых домов типичными были словосочетания последней разновидности, ср. “Е.С. Трындына и сыновья”, “Соколов А. и сын” и мн. др. В наименованиях фирм, товариществ, фабрик нередко присутствовало также графическое сокращение К°, в устной речи произносимое как слово *компания*: “Д. Виноградов, А. Устрицев и К°”, “Фридрих Крон и К°”, “Шапошников и К°”, “Сиу и К°” и т.д.³ Однако в телеграфных вариантах эргонимов этот графический эквивалент слова произносился как “ко” и включался в название без соединительного союза: Кретонко – акционерное общество “Крейтон В. и К°”, Элько – вместо “Лангензипен Р.Л. и К°” (алфавитное название начальной буквы антропонима + ко = К°) и др.

Нередко эргонимом становился топоним – хороним, ойконим, гидроним, иногда ороним, указывающие на местонахождение промышленного предприятия, правления акционерного общества или товарищества, например: “Саблина” – картонная фабрика на железнодорожной станции Саблино, “Седанка” – пивоваренный завод на разъезде Седанка (Усурийская жел. дорога). Такого происхождения эргонимы “Молосковицы” (з), “Вольнь” (з, ф), “Березина” (ф), “Подолия” (ф), “Волга” (ф), “Амур” (т-во), “Зея” (з), “Скоморошки” (т-во), “Восток” (з), “Ока” (о), “Баку” (т-во), “Кавказ” (з, ф), “Урал” (фр), “Акасай” (ао), “Сормово” (ао), “Двина” (ф, о), “Белый Ручей” (ф), “Печера” (тд), “Кубино” (з), “Мга” (з), очевидно, “Митридат” (название мельницы в Керчи; ср. название горы Митридат) и др.

Значительная часть эргонимов этого периода указывает на характер деятельности предприятия, выпускаемую им продукцию. Информация об этом чаще всего содержится в лексическом значении апеллятива, испытавшего онимизацию: “Градус” (ф., производящая измерительные приборы), “Жесть” (ао), “Мазут” (о), “Пивовар” (т-во), “Хвоя” (з., приготовление соснового экстракта и масла), “Галеника” (з., производство галеневых препаратов), “Ректификат” (т-во, виноградный спирт, водка, ликеры), “Электрон” (ф), “Белый Металл” (ф железной посуды), “Свет” (т-во, лампы и фонари), “Монтер” (т-во), “Хлопок” (ао), “Нефть” (т-во), “Петроль” (о), “Электрическая Сила”

(ао), “Керамика” (т-во), “Керамик” (з), “Гранит” (ао), “Пахарь” (ао), “Кровля” (синдикат, производство кровельного железа), “Печать” (типография), “Хромо” (бумажнокрасильная ф. в Петербурге), “Кожевни” (современный з.) и др. В ряде эргонимов отразились или утраченные современным русским языком слова, или какие-то значения слов, как, например, в наименовании акционерного пароходного общества “Самолет”. В.И. Даль это слово толкует как “разного рода устройство, которому приписывается быстрое движение от себя” (М., 1935. Т. IV, с. 136).

Особую подгруппу составляют эргонимы, представляющие производные слова, мотивированные иноязычными апеллятивами: “Пианоро” (ф. роялей и пианино), “Фармакон” (ао, з, производство фармацевтической и химической продукции), “Карбоник” (ао, производство жидкой углекислоты), “Арборит” (ф., вырабатывающая фанеру и изделия из нее; лат. arbor ‘дерево’) и т.д.

Наряду с полной формой эргонима мог функционировать и его адресный или телеграфный вариант, выступающий в двух видах – как аббревиатурное сокращение словосочетания и как одиночное “ключевое” слово, условно представляющее полное описательное наименование предприятия. Например, “Нестромат” – адресный вариант названия завода несгораемых строительных материалов, “Брабромлей” – общество механических заводов в Москве, “Катушки” – телеграфное соответствие названия катушечной фабрики и т.д. Некоторые адресные (телеграфные) варианты эргонимов аббревиатурного типа расширили сферу использования, проникая в разговорную речь и в деловые документы, как это случилось, например, с названиями крупнейших в дореволюционной России синдикатов, содержащих начальный компонент прод- (прода-): “Продуголь” (ср. полное наименование “Общество для торговли минеральным топливом Донецкого бассейна”; организовано в 1904 г.), “Продвагон” (Общество для торговли изделиями русских вагоностроительных заводов”, 1904г.), “Продамет” или “Продамета” (“Общество для продажи изделий русских металлургических заводов”, 1902 г.) и “Продаруд” (“Общество для продажи руд Юга России”, 1908 г.). Подобное расширение сферы употребления испытал, очевидно, и вышеуказанный эргоним “Нестромат”. Известны случаи, когда адресный вариант обладал большей информативностью, чем общеупотребительный эргоним, например, “Фотопобеда” вм. “товарищество “Победа” (имело фабрику фотопластинок в Москве), или даже отличался от него, как, например, “Логос” – телеграфный эквивалент эргонима “Слово”, относившегося

к акционерному обществу печатного и писчебумажного дела в России.

В эргонимии дореволюционной России существовали названия, которые не прямо, а косвенно характеризовали производственный профиль предприятий. К ним можно отнести наименования молочного товарищества в Омске “Пастер”, табачных фабрик “Оттоман” в Петербурге (ср. в связи с этим название существовавшего в 1912 г. в Курске табачного магазина “Босфор”, тоже вызывающее ассоциацию с турецким табаком) и “Ява” в Москве, типографии “Гуттенберг”, фабрики “Саламандра”, производившей несгораемые кассы и шкафы (саламандра у средневековых алхимиков - символ огня), фабрики оберточной бумаги “Папирус”, игрушечной мастерской “Детское воспитание” (Москва). В разряд косвенно характеризующих эргонимов следует включать и трансонимизированные названия стран или их частей, где был особенно развит тот или иной вид производственной деятельности человека. Поэтому кожевному заводу присваивалось в этом смысле “говорящее” имя “Колумбия”, а многочисленные акционерные общества и заводы, производившие пиво, в своих названиях часто имели хороним *Бавария*. Например, “Бавария” – адресный вариант описательного эргонима “Российско-Баварское пивоваренное общество” в Петербурге, а также название заводов в Костроме, Великом Устюге, Омске, Новороссийске и в других городах. Ср. еще собственные имена дореволюционных пивоваренных заводов: “Новая Бавария”, “Южная Бавария”, “Новая Южная Бавария”, “Северная Бавария”, “Восточная Бавария”, “Приазовская Бавария”, “Сумская Бавария”, “Елецкая Бавария”, а также семантически одноплановые с ними эргонимы “Чехия”, “Богемия”, “Ливония” (во Владивостоке), “Курлянд” (Гомск), “Пильзен” (Иркутск).

Особую группу эргонимов составляют имена, которые можно охарактеризовать как чисто условные обозначения предприятий, не содержащие информации о производственной направленности последних. В дореволюционной эргонимии таких условно закрепленных за промышленным объектом имен было довольно много. Мотивы их присвоения в настоящее время часто уже неясны (выбор слова мог определяться его общеязыковыми положительными коннотациями, а при повторах немаловажную роль могла играть и “эргонимическая мода”). При внимательном рассмотрении таких имен можно обнаружить некоторые отличия как по частоте употребления (количеству их носителей), так и по отношению к объектам определенного производственного профиля. Неоднократно, например, в качестве эргонимов использовались лексемы: “Надежда” (это

название носили винокуренный и пивоваренный заводы, спичечная фабрика и табачно-махорочная фабрика, котельная мастерская, компания и фирма), “Прогресс”, “Труд”, “Унион” (т.е. союз; зарегистрировано шесть носителей этого эргонима), “Звезда” (один раз отмечен и эргоним “Астра”), “Феникс”, “Энергия”, “Работник”, “Атлас” и др. Среди товариществ по производству спичек и самих спичечных фабрик существовала группа объектов с названиями, так сказать, “огненно-светового” плана – “Луна”, “Заря”, “Звезда”, “Свет”, “Солнце”, “Блеск”, “Этна”, “Везувий”, “Прогресс-Вулкан”, “Молния” (наряду с неассоциативными именами “Дружина”, “Надежда”, “Виктория” и т.д.); среди названий типографий и товариществ издательского дела – эргонимы-символы с общим значением ‘просвещение, прогресс’: “Южная Заря”, “Колокол” (типография в Петербурге), “Родник”, “Прогресс”, “Эпоха”.

В начале XX века в роли наименований промышленных объединений и предприятий нередко использовались слова, обозначающие совместный труд: “Соучастники”, “Сотрудник”, “Товарищи по бурению”, “Братство” и т.д. Особняком стоит название механического завода “Социалист”.

Из неповторяющихся эргонимов “условного” типа отметим еще “Мир”, “Успех”, “Святополк”, “Русь”, “Прометей”, “Меркурий”, “Ауто”, “Империл”, “Экономия”, “Луч”, “Якорь”, “Порядок”, “Оборот”, “Виктория”, “Молот”, “Радуга”, “Новь”, “Каскад”, “Меридиан”, “Дукат” (табачная фабрика в Москве) и др. Случайность и условность выбора апеллятивной или онимической лексемы в качестве эргонима промышленной сферы номинации нередко приводили к разительным несоответствиям между апеллятивным или первичным проприальным значением слова и характером обозначаемого им объекта, их ономаσιологической несочетаемости. Такая “дисгармония” между эргонимом и его референтом особенно заметна в следующих примерах: скобяная фабрика “Феникс”, фабрика папиросных гильз “Триумф”, спичечная фабрика “Самсон”, прачечная “Радий”, цинковальный завод “Славянин” и два пивоваренных завода с названием “Славия”, водочный завод “Экспресс”.

Небольшую группу (из двух названий) составляют метафорические наименования “Русский Провиданс” и “Русский Валлорб”. Первое из них (название акционерного общества и завода на юге России) содержит в своем составе транскрипционный вариант названия города в США, одного из крупных промышленных центров, а второе, относящееся к небольшому металлургическому заводу вблизи

Петербурга (хозяевами которого были швейцарцы), – первенесенный топоним (из Швейцарии).

Уникальный вид мотивации имел место при образовании эргонима “Треугольник”, вначале относившегося к возникшему в 1860 г. “Товариществу российско-американской резиновой мануфактуры” (ТРАРМ), а с 1908 г. – к принадлежавшему ему заводу, который получил такое название оттого, что его фабричная марка имела вид треугольника. Название “Треугольник” носили раньше и магазины по продаже галош (один из них, например, в 1901 г. был в Воронеже).

В рассматриваемый период существовала своеобразная группа эргонимов рекламного, “завлекательного” характера, функциональное назначение которых – убедить потребителя в высоком качестве выпускаемой продукции. Именно поэтому фабрики папиросных гильз получают “привлекательные” имена “Сюрприз” и “Триумф”, фабрика сапожных колодок – “Идеал”, кондитерские фабрики – “Прима”, “Реноме”, “Эсперанс”, “Восторг”, “Орианда”, пивоваренный завод – “Вена” и “Франция” и т.д. Психологический “прагматизм” подобных экстравагантных названий очевиден. Эту разновидность названий можно назвать поэтому суггестивными эргонимами.

Некоторые из эргонимов являются памятными (мемориальными) именами. Они присваивались различным предприятиям и деловым объединениям в честь кого-либо или в память о чем-то (народе, стране, религии и т.д.). Такими, например, были названия: ювелирной мастерской “Эдуард” (хотя здесь возможна и другая причина номинации: “красивое” имя выполняло суггестивную функцию, так как импонировало богатым заказчикам золотых и серебряных изделий), товарищества по подрядному бурению “Арарат”, нефтяных промыслов в бывшем Бакинском уезде – “Армения”, “Россия”, “Исламия” и т.д.

Наряду с рассмотренными выше типами имен в дореволюционной эргонимии было немало описательных эргонимов, прямо указывающих на характер производства и, часто, на его местоположение: “Товарищество Прохоровской трехгорной мануфактуры”, “Восточное общество товарных складов”, “Товарищество цепного пароходства по реке Свири”, “Омская артель портных”, “Товарищество художественной печати”, “Невская фабрика обоев” и т.д. Некоторые из них могли иметь сокращенные адресные варианты: “Северная мануфактура” вм. “Северная ткацкая мануфактура”, “Новопрядка” вм. “Новая Бумагопрядильня”, “Трехгорная мануфактура” (позднее этот сокращенный вариант

эргонима в разговорной речи подвергся универбации, изменившись в “Трехгорку”) и др.

II

подавляющее большинство приведенных выше эргонимов после Октябрьской революции исчезло. Заметно меняется узус названия в данной области ономастического пространства. Появляются новые типы названий, переосмысливаются старые эргономические лексемы (например, “Звезда”, “Заря”). В первые десятилетия существования Советского государства в эргонимии возникает представительная группа собственных имен идеологического характера, символизирующих социальные перемены в жизни народа. Большую роль в этом процессе “идеологизации” новой эргонимии играет онимический адъектив *красный* (-ая, -ое, -ые) с символическим значением ‘революционной, советский’ в двусловных наименованиях, где определяемыми словами выступают как новые, так и старые компоненты имени. В Москве и Ленинграде, например, появляются новые названия заводов и фабрик – “Красный пролетарий”, “Красная Роза”, “Красный путиловец”, “Красное знамя”, “Красный ткач”, тепловая станция “Красный Октябрь”, кондитерская фабрика “Красный Октябрь”, в Московской области – фабрика “Красный Восток”, в Ленинградской обл. и в Ленинграде – заводы “Красный тигель”, “Красный выборжец”, в Горьковской – завод “Красное Сормово”, в Ивановской – “Красная Талка” (река Талка – место маевок иваново-вознесенских ткачей), в Днепропетровске – завод “Красный Профинтерн”, Ленинградский завод резиновых изделий “Треугольник” становится “Красным треугольником” и т.д.

Явственную идеологическую направленность обнаруживают и такие новые эргонимы, как “Серп и молот” (эргонимическая лексема “Молот” до революции была еще лишена коннотации), “Парижская коммуна”, “Баррикады”, “Маяк революции” (г. Пенза), “Буревестник”, “Пролетарский труд”, “Большевик”, “Большевичка”, “Пролетарская победа”, “Рот фронт”, “Новая заря”, “Свобода”, “Власть труда” (фанерный завод в Пензенской обл.), спичечная фабрика “Ревпуть” (г. Злынка, Брянская обл.) и др.

Большое распространение получают названия, построенные по модели “завод или фабрика (нередко в сочетании с оттопонимическим прилагательным или с другим эргонимом) имени N”, например: завод “Динамо” имени С.М. Кирова, завод “Электросила” имени С.М.

Кирова, Невский завод имени В.И. Ленина и мн. др. В редких случаях предьменной компонент бывает выражен эргонимом: “Трехгорная мануфактура” имени Ф.Э. Дзержинского. Такие имена – качественно новое явление в русской эргонимии. Данная модель получает дальнейшее развитие за счет расширения состава второго – мемориального компонента, вводимого словоформой *имени*: оставаясь в массе своих реализаций антропонимическим, он в то же время приобретает способность выражаться другими эргонимами и хоронимами, нередко выступающими в виде словесных групп, а также апеллятивной словесной группой, как, например: завод автоматических линий имени 50-летия СССР, Вологодский льнокомбинат имени 50-летия ВЛКСМ, Усть-Каменогорский титано-магниеый комбинат имени 50-летия Октябрьской революции. Изредка наблюдается утрата словоформы *имени*, приводящая к структурно-функциональной самостоятельности следующего за ней антропонима (абразивный завод “Ильич” в Ленинграде). При этом сохраняются и получают дальнейшее развитие некоторые старые типы названий промышленных предприятий - прежде всего те, в которых содержится прямая или косвенная (через слово-символ) информация о местонахождении предприятия или характере его продукции: станкоинструментальные заводы “Фрезер” и “Станколит”, завод холодильного оборудования “Компрессор”, производственные объединения “Кинескоп”, “Виброприбор”, “Азот”, предприятия легкой промышленности “Обувь”, “Одежда”, “Скорострел”, парфюмерные фабрики “Северное сияние”, “Алые паруса” (в Ленинграде и Николаеве), фирма грамзаписи “Мелодия”, “Победит” (завод изделий из твердых сплавов в г. Орджоникидзе), фабрика “Пианино” (Калининская обл.) и т.д.

Большое распространение среди наименований промышленных предприятий получают аббревирированные имена: “Ревпуть”, Уралвагонзавод, “Уралобувь” (фабрика в Свердловске), Моссельпром, “Электросталь”, “Запорожсталь”, “Днепроспецсталь”, “Днепрострой”, “Дальстрой”, “Москинап” (Московский завод киноаппаратуры) и т.д., пришедшие на смену старым адресным вариантам эргонимов. Процесс “уплотнения”, “компрессии” эргонима не прекращается и в этом его состоянии, что приводит иногда к усечению конечного компонента, например: Уральский машиностроительный завод → Уралмашзавод → “Уралмаш” (последний, усеченный, вариант эргонима входит затем в состав более позднего названия в г. Орске - “Южуралмаш”).

В промышленной эргонимии широкое распространение получают аббревиатуры инициального типа (акронимы): АМО, МАЗ,

ЛАЗ, ВАЗ, ГАЗ, ЗИЛ, ЗИС, ЗИМ, ЗИУ, УАЗ (названия автомобильных заводов), АМЗ (Алапаевский металлургический завод), АРЗ (Александровский радиозавод), ВАЗ (Волховский алюминиевый завод), НЛМЗ (Ново-Липецкий металлургический завод) и мн. др. В ряде случаев появлению таких акронимов способствовал процесс “обратной” трансонимизации: описательный эргоним → аббревиатурный прагматоним (словесный товарный знак) → аббревиатурный эргоним. Например, автомобильный завод имени И.А. Лихачева → “ЗИЛ” (марка его автомобиля) → ЗИЛ (эргоним) и т.д. Известны случаи, когда инициальная аббревиатура существует только как словесный товарный знак, мотивированный эргонимом в сложносокращенной форме, например, РСМ (в маркировке комбайнов) из *Ростсельмаш*, сокращения полного наименования Ростовского завода сельскохозяйственного машиностроения, УЗТМ (Уральский завод тяжелого машиностроения) и т.д.

Особенно распространены в наше время эргонимы словесно-слогового типа с повторяющимися компонентами *-строй (-строй-), -сталь, -пром, -маш, -сель-, -хим-, глав-, центр-, запсиб-* и др.: “Юждизельмаш”, “Ростсельмаш”, “Уралкалий”, “Химволокно”, “Главмосстрой”, “Вологдасельстрой”, “Днепростальконструкция”, “Запсибзолото” и др. При этом нередко бывает так, что подобный сложносокращенный эргоним или полностью вытесняет исходное словосочетание, которое перестает использоваться не только в склонной к компрессии устной речи, но и в официальной, деловой документации, в языке газет; или же в момент своего появления он вовсе не имеет более раннего и адекватного по смыслу описательного прототипа – он как бы сразу создается из готовых блоков, которые в сочетании и составляют формально-смысловую структуру эргонима (например, названия заводов “Азовсталь”, “Амурсталь”, Минмонтажспецстрой и т.д.).

Подобного рода эргонимические образования нередко, к сожалению, принимают облик многокомпонентных труднопроизносимых слов: “Черноморнефтегазпром”, “Центрнефтехимстрой”, “Череповецметаллургхимстрой”, “Укрэнерготехкомплект-поставка”, “Энергостроймонтажсвязь”, “Росглававтотракторснабсбыт”, “Приморремрыбфлот”, “Росглавлегснабсбытсырье”, “Главвостоккрыбосудострой”, “Каспбурнефтегазпром” и др. Появление таких неуклюжих эргонимических монстров связано с неоправданным стремлением их создателей внести в эргоним максимум информации о денотате. С

другой стороны, русской эргонимии известны образцы очень “емкой” универбации в виде сложносокращенного слова, например, ТЭЖЭ. Этот широко известный в довоенные годы эргоним состоит из названий двух букв, с которых начиналась запись второго и пятого слов описательного эргонима *Государственный трест высшей парфюмерии жировой и костеобрабатывающей промышленности*. При создании эргонимов инициального типа следует избегать не только неблагозвучных многосоставных соединений морфем, но и омонимичных буквенных аббревиатур вроде КЭМЗ (Калужский, Кемеровский и Киевский электромеханические заводы), ПДЗ (Пензенский дизельный и Первоуральский динасовый заводы) и т.д. Известны также аббревиатуры смешанного типа, состоящие из инициального эргонима, распространенного одним или несколькими слогами, представляющими собой начальные части слов, например, название производственного объединения “БелавтоМАЗ” (ср. эргоним МАЗ – Минский автомобильный завод).

Эргонимов-аббревиатур в дореволюционное время и в первые годы после революции было еще сравнительно мало. Укажем на наиболее известные: ДЮМО (Донецко-юрьевское металлургическое общество), КОПИКУЗ (Общество Кузнечных каменноугольных копей), РБВЗ (Русско-Балтийский вагонный завод), РОПИТ (Российское общество пароходства и торговли), ТММЗ (Товарищество Московских металлургических заводов), отмеченные выше ТРАРМ, судостроительное общество “Руссуд” (т.е. русские суда) и нек. др. В первые послереволюционные годы: *Викжедор* (Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников), *Викжель* (Всероссийский исполнительный комитет Железнодорожного профессионального союза) и др. Кроме того, стало больше самих разновидностей аббревиатурных эргонимов. Например, появились совершенно новые эргонимы, компонентами которых выступают определенные элементы той части полного названия, которая следует после словоформы *имени* (последняя тоже аббревируется). Нередко в аббревиатурный эргоним включается меморативная часть. Ср. ЭВИ – электро-механический завод имени Владимира Ильича (Москва), ЗИЛ – завод имени В.И. Ленина (Горький) и завод имени И.А. Лихачева (Москва), ЗИУ – завод имени М.С. Урицкого (Энгельс) и т.д. Реже сложносокращенный вариант эргонима создается на базе названия неописательного типа и находящегося при нем термина-индикатора: ЗКО – завод “Красный Октябрь” (Вологда), ЗОР – завод имени Октябрьской революции (Уфа) и т.д., а иногда и без термина, из одного

эргонима. Например, в разговорной речи населения Луганска бытует эргоним “ОР” (произносится: о́р), представляющий собой буквенную аббревиатуру полного названия Луганского тепловозостроительного завода имени Октябрьской революции.

Так же, как и в других разрядах собственных имен, в эргонимии происходят естественные (в отличие от рассмотренных выше фактов аббревиации) процессы универбации – “сведения внешней синтагмы имени к внутренней”⁴: вместо многословных описательных эргонимов *Днепропетровский металлургический завод имени Ф.Э. Дзержинского*, *Днепропетровский металлургический завод имени Г.И. Петровского*, *Магнитогорский металлургический комбинат имени В.И. Ленина*, *Одесское объединение тяжелого машиностроения имени Январского восстания*, *Днепропетровская швейная фабрика имени М.М. Володарского* и др. в разговорной речи функционируют однословные названия “Дзержинка”, “Петровка”, “Магнитка”, “Январка”, “Володарка”, широко проникающие также в язык газет и других средств массовой информации. Ср. еще разговорный вариант эргонима Институт скорой помощи имени Склифосовского – *Склиф*: “Тогда преступники буквально на ступеньках *Склифа* расстреляли двоих молодых людей...” [газ. “Труд”, 1999, 26 июня]. Примечательно, что опорным словом такой эргонимной универбации нередко выступает коммеморативный элемент. Эти формы могут быть названы эргонимичными гипокористиками, так же как “Шарик” из названия московского завода “Шарикоподшипник”, “Лампочка” (из “Московский электроламповый завод”) и т.д.

Сравнивая русскую эргонимию сферы промышленного производства в дореволюционный и советский периоды, можно отметить в ней целый ряд качественных сдвигов. Остались в прошлом некоторые типы названий, например, онимизированные антропонимы (личные имена и фамилии владельцев промышленных предприятий), наименования с компонентом “и К^о”, адресные (телеграфные) разновидности собственных имен. Значительно уменьшилась продуктивность других типов, например, трансонимизированных топонимов (“Ока”, “Митридат” и др.). Из сферы эргонимии вышли очень многие лексемы (“Бавария”, “Ливония”, “Феникс”, “Солнце”, “Луна”, “Петроль”, “Пахарь”, “Родник”, “Новь”, “Триумф” и т.д.). В настоящее время в данном секторе ономастического пространства, по сути, уже стали невозможны отмеченные выше случаи ономасиологической несовместимости (прачечная “Радий”). С другой стороны,

определенные изменения произошли на данном участке номинации и в эргонимии советского периода. Еще большее развитие получили аббревиатурные имена. Разнообразнее стали мемориальные компоненты эргонимов.

СНОСКИ

- ¹ Из источников, откуда они взяты, назовем только два важнейших: Список фабрик и заводов Российской империи со включением Сибири, Средней Азии и Кавказа (СПб., 1912); Список фабрик, заводов и других промышленных предприятий Тульской губернии. Тула, 1919.
- ² Условные обозначения вида предприятия: з – завод, ф – фабрика, фр – фирма, о – общество, ао – акционерное общество, нф – нефтяной промысел, тд – торговый дом, т-во – товарищество, т – типография, м – мастерские.
- ³ По-видимому, окказиональным следует считать употребление сокращения С^Н (т.е. сын) после фамилии владельца предприятия, которое может иметь при себе вынесенные вверх флексии косвенных падежей, а также несогласованные определения в форме существительного или местоимения, что мы находим в “Антисексусе” А. Платонова: “Беркман, Шотлуа и С^Н”; “Желаю новой промышленности, так блестяще организованной гг. Беркман, Шотлуа и С^{НОМ}, мирового процветания”; “Приборы гг. Беркмана, Шотлуа и С^{НА}...”; “Аппараты гг. Беркмана, Шотлуа и сына последнего”; “Моя дочь предложила мне основать институт Перманентной Юности имени гг. Беркмана, Шотлуа и сына его” и т.д. (“Новый мир”, 1989, № 9, с. 172-173, 191).
- ⁴ См. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978, с. 154.

-
- * Материалы к серии “Народы и культуры”. Вып. XXV. Ономастика. Книга 1. Часть 1. Имя и культура. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М., 1993, с. 110-123.

ОРОНІМІЯ ПІВДЕННО-СХІДНОЇ УКРАЇНИ

Піднесення й успіхи української ономастики за останні десятиліття значною мірою були пов'язані з таким її дуже важливим розділом, як топоніміка. Проте не всі підрозділи науки про географічні імена однаковою мірою розроблялись ономатологами. Так, зокрема, зовсім не зібрана і не вивчена оронімія південно-східної України, більша частина якої припадає на Північне Приазов'я, де поряд з назвами, що склалися на основі української та російської мов, чимало і таких, які потребують іншої лінгвістичної інтерпретації.

Неслов'янська оронімія позитивного рельєфу на території південно-східної України (Донецька та частково Запорізька області) в основному представлена тюркськими назвами, що виникли не раніше кінця XVIII ст., коли у Північне Приазов'я переселилися кримські греки-білінгви. Більш ранні оронімічні тюркізми тут поодинокі. Широковідомим є приазовський оронім *Саур-Могила*, що позначає узвишшя недалеко від міста Сніжного Шахтарського р-ну Донецької області. Ще одна *Саур (Савур)-Могила* знаходиться у Токмацькому р-ні Запорізької обл. на схід від с. Новопрокопівки. Про першу говориться в історичній пісні «Втеча трьох братів з міста Азова, з турецької неволі», у різних редакціях якої представлено кілька варіантів ороніма (у дужках наводиться дата запису): «До *Саури* могили перебуває, Там на *Сауру* могилу снисхожає», «Только козацкая голова на *Сауръ* могили пробуває» (1805 р.)³; «До *Савор-могили* прибував, Од голоду, ран знемогав, Під *Савор-могилою* спочивав» (1804 р.; так само і в запису 1876 р.); «До *Осавур-могили* прибуває, На *Осавур-могилу* зіходжає» (1854 р.; так само і в запису 1886 р.); «Найменшого брата голова полягла на *Савур-могили* (1850-1860 рр.; так само в записках 1857-1860, 1873, 1875, 1904, 1908, 1916, 1930, 1946); «Да вже ж ті два брати до *Савір-могили* доїжджали», «*Савір-могилу* величає»; «*Савір-могило*, будь мені рідна мати» (1863) тощо. У першому випадку має місце переосмислення початкового компонента ороніма як прикметника

жіночого роду, тимчасом як в інших прикладах спостерігаються фонетичні модифікації іменника з неясною семантикою; четвертий різновид назви (протягом майже ста років найчастотніший у багатьох редакціях) став нормативним. *Савур-могила* згадується в історичній пісні «Смерть Морозенка» (або «Ой Морозе, Морозенку»), а також у козацькій історичній пісні «Ой не знав козак, та не знав Супрун», в одному з варіантів якої вона переінакшена на *Самар-могилу*⁴.

Акад. А. Кримський власне ім'я *Савур* етимологізував на антропонімічному ґрунті, витлумачуючи його як дериват власного імені *Савва* (за аналогією до *Мишура*, *Сашура* тощо). Аналогічну думку висловлює і К.К. Цілуйко⁵.

Із наведених варіантів первинною слід вважати форму *Саур*. У лексемах *Савур*, *Осавур* і *Савір* маємо вставне *ў* (в), як у словах типу *кавун*, *павук*, *тивон* (з д.рус. *тиунь*)⁶. В основі топонімічного компонента *Саур* лежить тюркський географічний термін *саур*, що означав степовий курган із згладженою верхівкою округлої форми. Його споконвічне значення – «круп коня». «Географічний аналог» цієї частини тіла тварин, за свідченням Г.К. Конкашпаєва, поширений і в оронії Казахстану⁷, а також відображений в окремих географічних назвах центральної Росії, напр.: озеро *Большие Саурки* недалеко від Касимова Рязанської обл.⁸ Нами було висловлене припущення про зв'язок з цим, колись більш поширеним у приазовській топонімії, елементом літописного гідроніма *Сюурлій* (з відтопонімічного прикметника *Саурли з секундарним кінцевим й; пор. *казначей* < *казначи*, *Топчій* < *топчи* «гармаш»⁹, *Алій* < *Алі*¹⁰ та ін.).

Складений топонім *Саур-могила* виник у мовленні слов'янського населення Північного Приазов'я, що осмислило його першу частину як пропріальну лексему. Як і гідронім *Москва-ріка*, він являє собою лексикалізоване атрибутивне словосполучення з топонімічною прикладкою. Двоосновні географічні назви, що складаються з іменників без сполучного голосного (наприклад, *Вишняр-могила*, *Мендзил-могила*, *Калугер-махла*, *Мечкар-валаг* та ін.), І. Дуриданов схильний кваліфікувати як такі, що зазнали турецького впливу (назв типу *Домузорман*, *Салханері* тощо)¹¹. Але подібні структури можуть з'явитися у слов'янській топонімії і незалежно від тюркських форм (пор. ойконіми *Конь-Колодезь*, *Олень-Колодезь* у басейні Дону), хоча, звичайно, на окремих територіях тюркські топонімічні ізафети можуть відіграти роль катализатора в активізації деяких явищ у процесі топонімоутворення і в слов'янському мовному середовищі. На території південно-східної України, де, на відміну від Болгарії, не було сильного і тривалого впливу

тюркських мов на слов'янське мовлення і відбувалося лише запозичення окремих тюркських онімів, такий вплив цілком виключається. В українській оронімії Північного Приазов'я відомі апозитивні утворення типу *Ведмідь-могила* (Дн – ВлнТ), *Бик-могила* (Зп; біля с. Стародубівка), *Бабá-могила* (Дн – ВлкЮ); *Зуй-гора* (Дн – ША) та ін.

На наш погляд, *Саур* (*Савур*)-*могила* є таким же топонімічним плеоназмом, як і літописне *Понт-море*¹², греко-татарська контамінована назва у середньовічному Криму – *Вриси-Чешме* (*Врисіне-Чешме*)¹³, тюрксько-адизький гідронім *Супс* (у басейні Кубані)¹⁴ або назва болота на південний схід від озера Ільмень – *Невий Мох* (фін. *peva* «болото» і друс. *мох* із тим же значенням)¹⁵, перша частина якого перетворилась у визначення (пор. *Саура могила* у запису 1805 р.).

Цікаві факти передачі у російському тексті середньоазіатських гідронімів *Аму-Дар'я* і *Сыр-Дар'я* зустрічаються в «Показаніях об експедиции князя черкасского Хаджи Нефеса Алтына Усейнова, Федора Емельянова и Михаила Белотелкина» (1717 р.), у реляції посланника Флорія Беневені та у додатках до неї (1722, 1725 pp.): «...А та де река Карагачь вышла изъ *Дарьи-р'ѣки*», «есть ли в *реке Аму*, или, как по-здешнему именуют, Амудерия, золото и сколь много онаго достать можно», «по *Аму-реке* до самого моря», «по *Сыр-реке* (по здешнему Сырдерья)» тощо¹⁶. Якщо *Аму-ріка* і *Сыр-ріка* є напівкальками (для тюркського географічного терміна, запозиченого з іранських мов із значенням «ріка», «безодня», що відбулося, наприклад, у гідронімі *Дар'я* у басейнах Дону і Кубані, підібраний російський еквівалент), то у плеонастичному виразі *Дар'я-ріка* ми маємо повний аналог для ороніма *Са(є)ур-могила*. Однак смислова «надлишковість» у ньому виявляється лише в діахронії. У період створення складеного топоніма *Саур-могила* його перша частина, очевидно, була вже лексично непроникною і сприймалась як власне ім'я. Цьому могла сприяти та обставина, що його апелятивний двійник, який проник у мовлення слов'янського населення Приазов'я, спеціалізувався для позначення іншої реалії.

Проблематично з тюркським географічним термином *саур* ми пов'язуємо і, очевидно, фонетично викривлений оронім *Зуріла* (<*Саурла < *Саурли*). На сучасній топографічній карті (50-і роки) це степова могила на захід від с. Приморське, недалеко від берега річки Зеленої, що впадає в Азовське море (Дн – ПЗп). Зареєстрований і плуральний різновид ороніма – *сопки З'ур'іли* (запис 1963 р.): Місцева населення пов'язує оронім з особовим ім'ям, а самі сопки (їх три) вважає скіфськими могилами.

Очевидно, тюркського (або монгольського) походження і назва

гори *Чалба* у районі с. Успенки (Дн – А), серед жителів якого були киргизи і калмики. Поки що важко співвіднести даний оронім з якимось апелятивом чи онімною одиницею цих мов (пор., проте, тур. *чолла* «низький», кримськотат. *чолла* «неповороткий, незгарбний»). Можливо, пагорб був названий так через свою незначну висоту, незважаючи на те, що місцеве населення називає його «гороку», або цей оронім відантропонімного (відпризв'євського) походження – залишок колишньої повної назви *Чолла оба. Безумовно тюркського походження оронім *Манич*, що позначає могилу на схід від с. Миколаївки Запорізької обл. (це район верхньої Берди – вище впадіння у неї струмка Каратюк, – де є й інші тюркські назви). Цей оронім тотожний гідроніму *Манич* (басейн Дону), який В.А. Никонов етимологізує на основі тюрк. *манач* «гіркий»¹⁷. Могила свою назву могла отримати від якогось водного джерела або колодязя з гірко-солonoю водою, хоча, звичайно, можливі й інші ономазіологічні джерела¹⁸. На користь першого припущення говорить оронім *Суват* – назва могили на північ від с. Приморське, поблизу ріки Зеленої, що впадає в Азовське море (на топографічній карті 50-х років у перекрученій формі *Сувач*). В урумських говорах Приазов'я *су(в)ат* – «водопій»¹⁹. Можливо, тут мав місце пропуск географічного терміна (*оба, тубе* тощо).

До цієї групи оронімів-тюркізмів належать також назви могил у Запорізькій області: *Токмак* (найбільш рання фіксація його у документах 1774 р.), *Корсак* (як назва сопки у верхів'ї річки Корсак вперше зустрічається у рукописному атласі А. Вільбрахта 1786 р.) та *Бельмак* (*Бельмак-Могила*), а також два ороніми в урочищі Кам'яні Могили – *Бесташ* «п'ять каменів» (іноді він відноситься до всього урочища; відомі його варіанти: *могила Кам. Бесташ* і *Бесташ-гори*) і *Каратиш* «чорний зуб» (починаючи з 1746 р. у документах фіксується лише як назва струмка в басейні Берди; оронім відновлений на основі гідроніма)²⁰.

В оронімі *Бельмак* виділяється дієслівна основа *böl-* «розділяти» та кипчацько-половецький суфікс *-māk (-mak)*. Ця найвища у Запорізькій області могила колись правила за межовий знак, оскільки у даному районі в середині XVIII ст. проходив російсько-турецький кордон²¹. Щодо оронімів *Корсак* і *Токмак*, то вони, як і оронім *Суват* (*Сувач*), найімовірніше, контактного походження: могили розташовані біля одноіменних річок. Попередня наша етимологія ороніма *Токмак* (дієслівний корінь *tok-* «підніматись (про пляжку)», поширений суфіксом *-mak*) підтверджувалась тлумаченням територіально близького гідроніма *Юшанли* на основі ногайського прикметника *шанълы*

«курний» та числівника *уш* «три»²². Але, певно, імовірніший тут зв'язок з тюркською назвою долини, тому *Юшанли* – «полинова» (пор. друс. *evshanь*). Випадіння з топонімічного контексту такої важливої ланки змушує уважніше поставитись до етимології О.С. Стрижака, який співвідносив гідронім *Токмак* з тюркським словом *täkmaq* «лити»²³. Дієслівний корінь *ток-* «лити» відомий кримсько-татарській мові, але у гідронімі *Токмак* відбилась не форма інфінітива, як вважає вчений (таких прикладів тюркська топонімія начебто не знає), а віддієслівний дериват (назва дії) з тим же суфіксом *-мак*.

Головний шар неслов'янської оронімії південно-східної України складають назви, що утворилися на основі урумських та, меншою мірою, румейських діалектів кримських греків, які ще у кінці XVIII – початку XIX ст. заснували на південно-східній околиці великої Катеринославської губернії цілий ряд поселень (тепер це місто Маріуполь, а також села і робітничі селища Першотравневого, Володарського, Великоновоселківського, Волноваського, Старобешівського і Тельманівського р-нів Донецької обл.)²⁴. Важливе місце серед них займають ороніми, до складу яких входить географічні терміни, або ті, що виникли завдяки онімізації останніх. В оронімії приазовських греків (далі ОПГ) знайшли відображення такі географічні апелятиви: 1) *Оба* (*уба, аба, ова, овба, туба*) «могила». В останньому варіанті приголосний [т] походить або від грецького артикля в гібридних тюрксько-румейських утвореннях (наприклад, *Мега Туба* тощо), або ж є продуктом контамінації термінів *оба* і *тубе*, що семантично нейтралізувалися; 2) *Тубе* (*тобе, тюбе*) «горб, узвишся»; 3) *Хая* «скеля», варіант *тхая* (у словосполученнях, де [т] – з артикля; пор. *Чапнава-т-хая* з антропонімічним визначником терміна); 4) *Джан* «гора, гірка».

Переважаючим типом оронімів кримсько-грецького походження є атрибутивні словосполучення з географічним терміном (ГТ) у ролі означуваної частини. У функції детермінатива у них виступають прикметники (П), іменники (у топонімічних ізафетах) – власні (ІВ, серед них: А – антропоніми і Т – топоніми) і загальні імена (ІЗ), етніми (Е), інші визначальні та дієслівно-іменні словосполучення (ВС та ДІС). Ороніми наводяться у тому написанні й у тій звуковій формі, в яких вони зареєстровані на топографічних картах і у живому мовленні інформантів, більшість яких вже перейшла на російську та українську мови (звідси такі сліди їх фонетичного впливу, як акання, редукція голосних, «укання», епентеза тощо)²⁵.

1) *Структура ГТ. Чапохма* (Дн-П; топ.). Таку назву мають дві

степові могили на узбережжі Азовського моря. В основі ороніма лежить урумський географічний апелятив *чапо́хма* «жовта глина». Назву *Чапохома* має також балка, л. п. Раковатої, п. п. Кальміуса. В селищі Сартана (ВТККГ; топ.). Так спочатку іменувалось і село Федорівка Тельманівського р-ну (експ.). Нами відмічений поки що єдиний випадок онімізації ГТ *хая* «скеля» у демінутивній формі *Хаячих* (Дн-С), яка на плані земель Великої Каракуби 1875р. представлена як *Хая-чих* (Кам'яна скеля) (ДДА, фонд. 156, од. зб. 19).

2) **Структура П + ГТ.** 1. *Берлю-оба* (або *Чорна*) «вовча могила» (тюрк. (*бөрү* «вовк»)) (МУ, 126; Дн – Влд); 2. *Бору ова* «крейдяна могила» (Дн – Пр; експ.); пор. ще балка *Борну Тарама* (вона ж *Крейдяна*) у р-ні с. Старий Комарь (Дн – Влк; експ.); 3. *Бабахли оба* (Дн – Т; експ.) від *бабах* «байбак»; пор. ще балка *Бабахли Тарама* (Дн – С; експ.); 4. *Балтамури уба* (Дн – Влд; експ.) від *балтамур* «медовий корінь» (місцева назва лакричника, або солодки). Пор. гідронім *Балтамур* (басейн Мокрої Волновахи, п. п. Кальміуса). Мабуть, та сама реалія знайшла відображення у назві *Солодкий курган* (на схід від верхів'я балки Калинової, п. п. Кринки, у р-ні с. Успенки) (Дн – А; ВТККГ); 5. *Хара-оба* (ВТККГ), *Хара-уба*, або *Чорна могила* (Дн – Влк; експ.); 6. *Кара-оба* (Дн – Влк; топ.); 7. *Харовба*, або *Чорна могила* (Дн – С; ДДА); 8. *Харуба* (Дн – М; експ.). Останні чотири ороніми мають означення *кара* «чорний»; 9. **Хаяли-оба* (Дн – Влк); оронім відновлюється на основі назви балки (л. п. Мокрих Ялів, л. п. Вовчої, л. п. Самари), поданої на ВТККГ у перехрещеній формі *Халихуба* (з алегровим скороченням *хая* → *ха*, вставним *х* та ГТ в «укаючій» огласовці)²⁶. Але назва може походити і від **Халин оба* (> *хуба*), де урум. *халин* – «товстий», тоді **халин оба* – «товста могила» (див. нижче *Шишма*); 10. *Хирмизи джан* (*д'ж'ан*) (або *Червона гірка*) (Дн – Влк; експ.). В урумській говірці с. Новий Комарь, біля якого знаходиться цей пагорб, *хирмизи* означає «червоний».

3) **Структура ІН+ГТ.** 1. *Алчи-оба* (Дн – Влк; топ.). Урумське *алд'жи* – «покупець», *алмауа* – «купувати; отримувати; брати» (с. Старобешеве); 2. *Армахая* (ВТККГ), *Армахайа* (МУ, 74) (Дн – Мр), від *Арман хая* (урум. *арман* «тік, місце молотьби»)²⁷; 3. *Арт оба* (ВТККГ), *Арту оба* (Дн – Влк; експ.). Біля с. Старомлинівки (Дн – Влк) є також балка *Арту Тарама*. Детермінатив – кримсько-татар. *арт* «задній бік»; 4. *Базар ова* (Дн – Пр; експ.); 5. *Дермен оба* (Дн – Влк; експ.); 6. *Термен оба* (Дн – С; топ.), *Термен тобе* (експ.). *Термен* (*дермен*) – «млин». Гідронім *Дермен-Дере* зафіксований у Криму (СГУ, 168); 7. *Солдат оба* (Дн – Влк; ВТККГ); 8. *Таштобе* (Дн – С; експ.), тобто «кам'яна могила»;

9. *Чумак (Чумаку) туба* (Дн – Влд; експ.); 10. *Огюз-оба* (Дн – Влк; ВТККГ) з урумським визначником терміна *огуз* «віл, бик». Шостий і восьмий ороніми – греко-слов'янські гібридні імена.

4) **Структура ІС (-А) + ГТ.** Антропонічними визначниками терміна можуть бути як урумські, румейські, так і слов'янські особові імена. 1. *Амал оба* (Дн – Влк; топ.); 2. *Горгор уба* (Дн – Мр; експ.), *Горгор-Григорій*, пор. назву балки *Горгор Ольген (Горгорольген)*, тобто «Григорій помер», у басейні Кальміуса; 3. *Дангалах оба* (Дн – С; експ.); 4. *Запал тубе* (Дн – С; експ.); 5. *Зор тау* (Дн – С; експ.): До третього типу назв оронім *Зортау* зараховується проблематично, оскільки в урумських говорах антропонім *Зор* не зберігся (можливо, це було прізвисько місцевого грека). Як апелював він відомий у говірці с. Старобешеве із значенням «сила»; пор. ще *зорна* «ледве-ледве, через силу», *зорблян* «важко», *бекзор* «важко, тяжко, трудно» (експ.). У цій же говірці *таўлих* означає «ліс, лісиста місцевість». На «Плане земель селений Бешева, Стылы и Большой Каракубы Бешевской и Игнатьевской волостей, Мариупольского уезда, Екатеринославской губернии» (1875 р.) у басейні Мокрої Волновахи (п. п. Кальміуса) позначена також балка *Зор-Куртак* (ДДА, фонд 156, од. зб. 2), назва якої, очевидно, являє собою складений антропонім (*зор* «сила, сильний» і *куртак*; в останньому представлена тюркська іменна основа *курт* «вовк», «черв'як», поширена малопродуктивним суфіксом *-ак*, що має зменшувальне значення); 6. *Їлаух тобе* (Дн – С; експ.). Як групове прізвисько елемент *Їлаух* відомий серед населення с. Старобешеве (відповідна йому апелювативна лексема має значення «плачливий»); 7. *Курчин оба* (Дн – Влк; ВТККГ); 8. *Мирзо уба* (Дн – Влк; експ.); 9. *Прохорів уба* (Дн – Влд; експ.); 10. *Тудор оба* (Дн – Влд; експ.); 11. *Тулуба-оба* (Дн – П; МУ, 134, 159) – курган у р-ні с. Ялти. Поблизу с. Мангуш є балка *Тулубой* (басейн р. Мокра Білосарайка) (СГУ, 574); 12. *Топал тубе* (Дн – С; експ.); урум. *топал* «кульгавий»; 13. *Хамуш оба* (Дн – Т; експ.); 14. *Чолпан оба* (Дн – С; експ.). Прозвище *Чолпанов* відоме серед жителів грецької національності с. Старобешеве; 15. *Шахман хая* (російський дублет – *Гора Любви*) (Дн – С; експ.); 16. *Яллах туба* (Дн – Влд; експ.); 17. *Яллах-оба* (Дн – Влк; ВТККГ); пор. урум. антропонім *Д'ж'аллах* (с. Старобешеве).

5) **Структура Е+ГТ.** 1. *Кабардин оба* (Дн – Влк; експ.); 2. *Циганка уба* (Дн – Влд; експ.). На топографічній карті (М. 1:50000) і ще раніше, на ВТККГ, оронім представлений з випущеним ГТ: *Циганка*. Перед нами один із шляхів виникнення оронімів «циганок» в топонімії південної України. Інший північнопричорноморський оронім *Циганка* В.В.

Лобода пояснює метафорою-онімізацією апелювати із значенням «велика товста голка для шиття»²⁸. Більш імовірним видається розгляд його як деривата з групи поміна attributiva (примарна назва *Циганська* → секундарна форма *Циганка*). Аналогом кримсько-грецького ороніма *Циганка уба* може бути назва яру *Крупчатка-Хулах* (л. п. Мокрої Волиновахи, п. п. Кальміуса) (ДДА, на плані 1875 р.).

6) Структура Ю (-Т)+ГТ. 1. *Стиль-Оба* (Дн – С; ДДА). Компонент *Стиль* бере початок від назви с. Стили Старобешівського р-ну Донецької обл. (діахронні варіанти: *Стиля, Стела*); 2) *Принц-оба* (Дн – Влк; топ.), іменник-визначення, мабуть, якомсь опосередковано пов'язаний з назвою хутора *Принц* (*Принцфельд, Прицфельд*), що знаходився на території Тельманівського р-ну (сучасне с. Григорівка)²⁹.

7) Структура ОС (П+ГТ)+ГТ. *Ілхегерек оба* (Дн – Влк; ВТККГ). Як назва урочища детерминатив має самостійне значення «місце випасу табунних коней» (*ілхі егерек*). Пор. інші кримсько-грецькі топоніми, що містять ці частини: балка *Ілхи тарам* у басейні *Кальміуса* (Дн – С; експ.) та *Хочхар егерек* (експ.).

8) Структура Ю (-Т) + Ю (П + ГТ). *Яргин-Хара-Аба* (Дн – С; топ.); пор. пов'язану з цим оронімом назву грецького поселення *Аргинь* (або *Хара-Хоба*)³⁰.

9) Структура ДС + ГТ. 1. *Таш-Чихирган-Оба* (Дн – Влк; топ.). Перший, дієслівно-іменний, компонент, найімовірніше, має значення «камінь виймали, діставали».

В урумському (Старобешеве) *чигармага* – «витягувати», тобто початкова форма ороніма – *Таш Чихарган оба*³¹; 2. *Ат чапхан оба* (Дн – С; експ.) «кінь скакав» (*чапмауа* «скакати», *чапхин* «швидкий»). Біля цього пагорба (тепер уже не існуючого) у Старобешевому під час свята врожаю – панаіра в старовину влаштовувались скачки.

10) Структура ДК + ГТ. *Емьрълген тубе* (Дн – С; експ.) «могила, що зруйнувалась». Дублети ороніма: *Ново-Катеринівський кар'єр, Лиса гора* (експ.).

11) Структури: а) ДС з еліптованим ГТ і б) ДС, що не мало означуваного ГТ і зазнало онімізації за зразком першої структури. До них належать: 1. *Ачалан* (Дн – Т; топ.). Форма *Ачалан* – результат руйнування первісного ДС *Ат чапхан*; 2. *Малхазган* (Дн – Т; ВТККГ; топ.). Поряд з пагорбом – балка *Малхазган* (або *Берлю*) (ВТККГ); 3. *Малхазган* (Дн – Т; топ.) «худобу копали» (поблизу був скотомогильник); урум. *хазма* «копати». На жаль, важко сказати, котрі з наведених оронімів є утвореннями типу а або б.

Пропуск ГТ в окремих випадках призводив до того, що на

топографічні карти потрапляли ороніми, представлені лише першим – визначальним компонентом. У такому усіченому вигляді вони існували у живому мовленні як алономи³². Так, на топографічних картах 30-40-х рр. ХХ ст. поблизу с. Чермалик (сучасна територія м. Маріуполь) позначена могила *Шишма*, назва якої бере початок від кримсько-татарського апелятива, що складається з дієслівної основи *şuş* «пухлина», поширеної суфіксом *-ma*, за допомогою якого утворюються назви якості³³. Тобто *шишма* – «товстий». У говірці с. Великоновоселківки *шишме* – «запахати». Пор. назву *Товста Могила*, що відноситься до одного із найбільш значних узвиш Донбасу у р-ні м. Дебальцеве (Дн – Ар)³⁴. Пор. ще *Бабах* (Дн – Т; топ.), *Харгалих* (Дн – Мр; ВТККГ), яке, очевидно, походить від урум. *харуа* «ворона» + *-лих* (*-лик*) з локативним значенням (місце воронячих гніздувань?); 3. *Хара Костянтин* (Дн – СТ; ВТККГ) «чорний Костянтин»³⁵; 4. *Хашабаш* (Дн – СТ; ВТККГ). Антропонім (прізвисько) складається з *хаш* «брова», «з великими бровами» і *баш* «голова». Саме цим пояснюється наявність варіантів у джерелах для назви одного і того самого узвишся на правому березі Кальміуса, вище місця впадіння у нього Кальчика: примарної форми *Дранг-оба* (Дн – Т; МУ, 126) і секундарної *могила Дранг* (ВТККГ). Незважаючи на те, що карта-трюхверстка відноситься до 60-х років минулого століття, тобто принаймні на сорок років «старша» від опису Маріупольського повіту, саме в останньому зафіксовано форму ороніма із загадковим визначником ГТ, що існувала у живому мовленні цього періоду. Він може бути перекрученням якогось грецького чи навіть німецького особового імені (у колишній Каранській волості Маріупольського повіту поряд з греками проживали і німці-колоністи), але може являти собою унікальний німецько-урумський гібрид з прикметником *drang* «вузький, тісний, стиснутий, щільний»³⁶.

Певно, до цієї групи імен слід віднести ороніми *Майор* і *Капітан*. Це дві розташовані неподалік одна від одної могили у Великоновоселківському р-ні Донецької обл., назви яких виявляють ономасіологічний зв'язок. Мабуть, одна з них послужила зразком для другої. Найімовірніше, первісним був оронім *Майор* (пор. ойконім *Майорське* у сусідньому Великоновоселківському р-ні). Внаслідок дестіологізації цих власних імен важко встановити мотиви первинної їх номінації і напрямку топонімоутворюючого імпульсу, однак як робочі гіпотези можна прийняти такі схеми: 1. *Майор оба → *Капітан оба = *Майор, Капітан*; 2. *Майор* (структура а) → *Капітан* (структура б) = *Майор, Капітан*.

Дослідники діалектів приазовських греків відзначали

взаємопроникнення тюркських та румейських елементів на всіх рівнях мови, особливо у лексиці. За підрахунками А.О. Білецького, «максимальна кількість тюркізмів» виявляється «в іменах (іменниках та прикметниках), менше – в дієсловах (на 314 дієслів харалотського говору 35% дієслів з тюркськими основами), ще менше – у незмінюваних частинах мови»³⁷.

Грецизми (точніше – румеїзми) урумських сіл поки що зібрані і вивчені недостатньо. На топонімічному матеріалі такий вплив простежується лише в окремих і не завжди беззаперечних випадках. Наприклад, *Плетіташ* – назва балки у басейні Сухої Волновахи на «Плане земель селений Бешева, Стылы и Большой Каракубы Бешевской и Игнатьевской волостей, Мариупольского уезда, Екатеринославской губернии» (ДДА, фонд 156, од. зб. 2), а також стара назва поля біля с. Старобешевого (Дн – С; експ.), в якому визначник терміна (*таш* «камінь») співвідноситься з румейським прикметником *платіс* «широкий, плоский». Пор. ще у краснополянській говірці *ту платія* «площа», *Котіну платія* «червона площа» і назву мокрої балки біля Стили – *Платіс Тарама* (експ.). Топонім *Плетіташ* (*Плятіташ*) відноситься до території, заселеної урумами та румеями, що є сусідами, тому визначити тут напрям запозичення дуже важко. Незаперечним тюркським включенням у румейське географічне ім'я є ГТ *чухур* «яма, ковбана» у складному омонімі *Лельме ту чухур*, тобто «ленива яма». Це округла впадина на північ від с. Красна Поляна (Дн – Влк; словник Л.В. Хавалиць, 1979 р.). Пор. уживання цього слова як аплетива у місцевій говірці: *Крим'іга н'іс чухур* «я упав у яму». Ороніми, що належать до території, де знаходяться села з румейськомовним населенням, у структурному відношенні являють собою атрибутивні словосполучення з означуванням ГТ тюркського походження, що мають при собі румейський визначник. Іноді між ними спостерігається включення артикля або його залишків (*-т-, -ту-, -та-*), а також неясного походження звука *н* (можливо, слід зруйнованої тюркської флексії родового відмінка?). Наприклад: 1. *Бібіші-т-хая* (Дн – С; експ.), тобто «голубина скеля»; 2. **Кремаста-та-хая* (Дн – С; ДДА). Оронім реконструюється на основі зафіксованої на «плані землі» 1910 р. омонімічної назви балки у пониззі Мокрої Волновахи (п. п. Кальміуса). *Кремаста* «висяча» (скеля) + *-та-*, форма артикля *ту*, вживана з іменниками у множині (пор. у словнику Л.В. Хавалиць *ту купур – та купурйа* «міст – мости», *ту клокса* «квочка» – *та клоксис*, *ту ялі* «вікно, скло» – *та ялія* та ін.); 3. *Мега туба* (Дн – Влд; експ.), тобто «велика могила»; 5. *Мега-т-хая* (Дн – Влд; експ.); 6. *Чуфут та убайда*, тобто

«єврейські пагорби»; урум. *чуфут* «єврей». Оронім відноситься до двох пагорбів біля с. Красна Поляна (словник Л.В. Хавалиць, 1979 р.), між якими раніше жили поселенці євреї. Тюркський ГТ представлений у формі множини з артиклем (*ту уба – та убайда*); *Котню-та-хая*, тобто «червона скеля, червоний камінь» (рум. *котіну* «червоний» (Дн – ТВлд; експ.); 8. *Крідас туба* (Дн – Влд; експ.); 9. *Маф хая* (Дн – С)³⁸; 10. *Сартуvas оба* (Дн – Влк; ВТККГ); 11. *Циганоснуба* (Дн – Мр; експ.); 12. *Чаннаvas-т-хая*, *Чаннаvas хая* (Дн – Влд; експ.); 13. *Шенкустиснуба* (Дн – Мр; експ.) та ін. В 10 і 12 прикладах визначники тюркського ГТ антропонімічного походження, в 11 – утворені від етноніма. Решта випадків потребує розшифровки їх семантичного змісту. Неясна і поява н перед ГТ в оронімах *Циганоснуба* і *Шенкустиснуба*.

В умовах «нової двомовності»³⁹ – урумсько-російської (української) та румейсько-російської (української) на відміну від старої – румейсько-тюркської, що існувала в Криму і спершу після переселення у Приазов'я, в топонімії багатьох грецьких сіл склалися гібридні тюрксько-слов'янські, а іноді навіть тюрксько-румейсько-слов'янські утворення. Наприклад, *Під куше* – назва місця на закругленні річки Кашлагач у с. Велика Новосілка (Дн – Влк; експ.; урум. *куше, коше* «куток») ⁴⁰. Такими, очевидно, є ороніми *Дюр-Маяк* (Дн – Т; ВТККГ; топ.) і *Заплатито уба* (Дн – Мр; експ.). В останній назві інформанти відзначають українську форму наказового способу (*заплати*) та ГТ. Елемент *-то-* може бути залишком румейського артикля *ту*, який нерідко вводився у кримсько-грецькі топоніми атрибутивного типу. Звичайно, визначник терміна тут міг бути й іншого походження, але завдяки його демотивації і народній етимології, встановити первісну семантику терміна неможливо. У першій частині назви могили *Дюр-Маяк*, що знаходиться на південному заході від с. Старогнатівки, можливо, відбився урумський числівник *дорт* «чотири». Поблизу *Дюр-Маяка* знаходяться й інші узвишся з тюркськими назвами – *Ачпан* і *Малхазган*. Оронімічний термін *маяк* «підвищення, з якого подавався знак про наближення ворога» в минулому був відомий на території південно-східної України, зокрема зустрічається у слов'янській топонімії цього регіону: могила *Маяк* недалеко від Камишної (л. п. Деркула, л. п. Сіверського Дінця) (ВТККГ), кургани *Маяк Самотужен* і *Маяк Клиновий* (ВТККГ) біля балки Клинової (п. п. Харцизької, басейн Крипки, п. п. Міуса), с. *Маяки* на правому березі Сіверського Дінця у Слов'янському р-ні Донецької обл.

В ОПГ є три назви курганів, що складаються з числівника та ГТ: *Беш оба* «п'ять пагорбів» біля с. Старий Комар (Дн – Влк; експ.),

*Дорт оба «чотири могили». Останній оронім у джерелах не зафіксований, не знають його й інформанти. Він реконструюється на основі ойконіма *Дортоба* – назви населеного пункту у верхів'ї балки Гончарихи (Дортосайської), л. п. Мокрих Ялів, зафіксованого уже в кінці XVIII ст. на LVII аркуші «Спеціальної карти западної частини Росії» Г. Шуберта⁴¹. Його варіанти: *Дорд-Оба* (або Новий Керменчик)⁴², *Дірдоба* – назва поля біля с. Старий Комар (Дн – Влк; експ.). Румейсько-тюркським гибридом є оронім *Тесера убайда*, тобто «чотири пагорби» (Дн – Ж; експ.); пор. аналогічні форми множини в інших тюркізмах у краснополянській говірці *ту тарамма* (степова балка), *ту тава* (сковорода) – *та тарамайда*, *та тавайда* тощо.

Чотири ороніми виникли завдяки контактному перенесенню топонімів (топонімічній метонімії). Це могили *Миткитарамма* (Дн – Влд; ВТККГ) поблизу безіменної балки (*Митки Тарамма, де тюркський ГТ має слов'янський антропонімічний визначник *Митька* у формі родового приналежності), *Когельли Тарамма* між с. Бешеве й Олександрівка (на плані землі с. Бешеве 1906 г.; ДДА, фонд 156, опис I, од. зб. 9). Від назви с. *Чердахли* (*Чердакли*) дістала своє ім'я могила *Чердакли* (Дн – Влд; МУ, 26), від гідроніма – могила *Каштагач* (Дн – Влк; ВТККГ), що знаходиться біля витoku одноіменної річки у басейні Мокрих Ялів. Контактного походження і румейська назва пагорба на схід від с. Красна Поляна – *Лухтура ту Пігав* «півниковий колодязь» (Дн – Влк; словник Л.В. Хавалиць, 1979 р.). За свідченням інформантів, із в'язкої різнокольорової глини, добутої під час риття колодязя, робили півники-свистульки. Цілковом можливо, що *Лухтор* – це місцевий антропонім (прізвисько особи, що викопала колодязь).

Неясною є семантика визначників ГТ *оба* в двох оронімах, які, певно, являють собою означальні словосполучення: *Донгоз-оба* (Дн – Влк; ВТККГ) та *Отав Самгал оба* (Дн – С; експ.). *Донгоз* може бути неправильним записом урумських слів *донгиз* «море» (могила, що знаходиться збоку Азовського моря?) і, менш імовірно, *домуз* «свиня». Перший елемент останньої назви знаходимо і в урумському (с. Старобешеве) виразі *отав ова* «пора, час сінокосу». Стосовно *Самгал* можна припустити, що це перекручена інформантом дієслівна форма *чалган* «косив»: *Отав Чалган оба (структура ДІС + ГТ); пор. назви балок в урумській оронімії (і гідронімії) Приазов'я *Хавана Чалган*, *Адаман Чалган*, *Кара Чалган* та ін.⁴³ Незрозумілою залишається й однословна назва могили *Цилібі* у верхів'ї балки Комишеватки, що впадає в Азовське море (Дн – Пр; ВТККГ). Можливо, це відантропонімічне утворення, в основі якого лежить тюркський

(урумський?) апелятив *челебі* “молодший брат чоловіка або жінки”. Первинним станом ороніма могло бути словосполучення *Челебі оба (топонімічний ізафет). Урумським і кримськотатарським словам не притаманна початкова африката *ч*. При адаптації іншомовних слів вона замінюється на *ч*. Пор. кримськотат. *чар* “цар”, *чипче* “курча” (рос. *цыпленок*); урум. *чиггене* “циган” тощо. З іншого боку, африката *ч* інколи з’являється у російському або українському мовленні урумів на місці тюркського початкового звуку *ч*, як в топонімі *Целебі* (*Цилибі*).

ПОСИЛАННЯ

- ¹ Локалізація неслов’янських оронімів південно-східної України здійснена за районами Донецької і Запорізької областей згідно з сучасним адміністративним поділом. У статті прийняті такі скорочення: Дн – Донецька область, Зп – Запорізька область. По Донецькій області: А – Амвросіївський р-н; Ар – Артемівський р-н; Влд – Володарський; Влк – Великоновоселківський; Влн – Волноваський; Мр – територія, підвладна міськраді м. Маріуполя; К – Красноармійський; М – Маріїнський; П – Першотравневий; С – Старобешевський; Т – Тельманівський; Ш – Шахтарський.
- ² У топонімічних легендах і зараз назва цього узвишся пов’язується з ім’ям якогось вигаданого *Саура*, місцем проживання якого ніби була могила. Це один із поширених типів топонімічних переказів, коли географічна назва утворюється від імені місцевого жителя чи розбійника (у нашому випадку – благородного), що жив у цій місцевості (див.: Соколова В.К. Типы восточнославянских топонимических преданий. – В кн.: Славянский фольклор. М., 1972, с. 208, 213).
- ³ Цитується за книгою: Украинские народные думы. М.: Наука, 1972.
- ⁴ Див.: Баладні пісні. К.: Муз. Україна, 1969, с. 221-222; Історичні пісні. К.: Муз. Україна, 1969, с. 221-222; Історичні пісні. К.: Муз. Україна, 1971, с. 86, 94; Козацькі пісні. К.: Муз. Україна, 1969, с. 132-133, 138-139.
- ⁵ Див.: Цілуйко К.К. Топонімія Покровського р-ну Дніпропетровської області – Мовознавство. К., 1957, т. 14.
- ⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1973. Т. 4, с. 63.
- ⁷ Див.: Конкашпаев Г.К. Словарь казахских географических названий. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963, с. 32.
- ⁸ Див.: Мурзасев З.М. Очерки топонимии. М.: Мысль, 1974, с. 165.
- ⁹ Отін Е.С. Гідроніми Східної України. К.; Донецьк: Вища школа, 1977, с. 34-36.
- ¹⁰ Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, 1979, с. 158.
- ¹¹ Дуриданов Ив. Местните названия от Ломско. София, 1952, с. 142.

- ¹² Див.: Отін Є.С. Л.Т. Масе́нко. Гідронімія Східного Поділля. К.: Наук. думка, 1979. – Мовознавство, 1980, № 4, с. 96.
- ¹³ Кеппен П.О. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. Спб., 1837, с. 161.
- ¹⁴ Складається з двох географічних термінів із значенням «вода»: тюрк. су і адиг. *пс(у)* (див.: Гулієва Л.Г. Опыт исследования гидронимии Кубани: Автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 1969, с. 17; Коков Дж. Н. Адыгейская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974, с. 259).
- ¹⁵ Попов А.И. Топонимическое изучение Восточной Европы. – Учен. зап. ЛГУ им. А.А. Жданова, 1947, № 105, вып. 2, с. 107.
- ¹⁶ Записки императорского Русского географического общества. Спб., 1853, кн. 9, с. 319, 377, 386.
- ¹⁷ Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966, с. 256.
- ¹⁸ Порівняймо слов'янський оронім *Кислий Бугор* (Артемівський р-н Донецької обл.), «смакове» визначення якого обумовлене наявністю у цьому місці покладів мідної руди (Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии. Бахмутский уезд. Екатеринослав, 1886. Т. 2, с. 355).
- ¹⁹ Цей географічний апелятив – як запозичення з турецької – відомий у говорах болгарської мови (див.: Григорян Е.А. Словарь местных географических терминов болгарского и македонского языков. Ереван, 1975, с. 212).
- ²⁰ Див.: Отин Е.С. Каталог рек Северного Приазовья. – Повідомл. Української ономастичної комісії. К., 1975, вип. 11, с. 22.
- ²¹ Див.: Отін Є.С. Гідроніми Східної України, с. 75.
- ²² Див.: там же.
- ²³ Див.: Стрижак О. С. Назви річок Запоріжжя і Херсонщини (Нижньодніпрянське Лівобережжя). К.: Наук. думка, 1967, с. 15. Дієслово *тджм'є* «лити», «сипати» є і в урумських говорах Донбасу.
- ²⁴ Див.: Отін Є.С. Гідроніми Східної України, с. 86-109.
- ²⁵ У дужках подаються відомості про розташування ороніма та умовні позначення найважливіших джерел: ВТККГ – Військово-топографічна карта Катеринославської губернії, приблизно 60-і роки ХІХ ст.; ДДА – з фондів Донецького державного архіву; СГУ – Словник гідронімів України. К.: Наук. думка, 1979; МУ – Матеріали к оцѣнке земель Екатеринославской губернии: Естественно-историческая часть. Вып. 1. Мариупольский уезд. Екатеринослав, 1904; топ. – топографічні карти 40 – 50-х рр. ХХ ст.; експ. – із матеріалів топонімічних експедицій Донецького університету, 1963-1973 рр.
- ²⁶ Про контактні назви як джерело для реконструкції незасвідчених елементів топонімічного ландшафту див.: Отин Е.С. Топонимическая метонимия (тип связи: «гидроним – ойконим»). – В кн.: Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980.
- ²⁷ Пор. ще кримський гідронім *Арманка* (л. п. Чорної, що впадає у Чорне море), в якому, напевно, відбився тюркський ГТ *орман* «ліс».
- ²⁸ Лобода В.В. Севернопричерноморская топонимия (общие и региональные

- проблеми української топонимическої системи): Докт. дис. К., 1979, с. 143.
- ²⁹ Див.: Списки населенных пунктов Донбасса. Итоги сплошной подворной переписи Донецкой губернии. Январь – февраль 1923 г. К., 1924, т. 6, с. 84; Донецька область. Адміністративно-територіальний поділ на 1 березня 1966 р. Донецьк, 1967, с. 107.
- ³⁰ Див.: Серафимов С. Крымские христиане (греки) на северных берегах Азовского моря. Екатеринослав, 1901, с. 15.
- ³¹ Менш імовірно від кримсько-татар. *чикирда* «хрустіти» (Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Спб., 1905. Т. 3. Ч. 2, с. 2058). «Каміння хрустіло» (під ногами)? Але в урумській мові значення «хрустіти» передається словом *шитирдамага* (говірка Старобешевго).
- ³² Див.: Корнилов Г.Е. Ономы в языке и речи. – В кн.: Диалекты и топонимы Поволжья. Чебоксары, 1972, вып. 1.
- ³³ Див.: Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, 1979, с. 210.
- ³⁴ Див.: Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии, т. 2, с. 6.
- ³⁵ У складі антропоніма означення *кара* могло виступати в одному із своїх численних переносних значень (див.: Добродомов И.Г. К ареальному изучению цветообозначений. – В кн.: Русский язык в Среднем Поволжье. Чебоксары, 1977, с. 31).
- ³⁶ Павловский И.Я. Немецко-русский словарь. Рига; Лейпциг, 1902, с. 334.
- ³⁷ Белецкий А.А. Результаты двуязычия в говорах румейского языка на Украине (тюркизмы румейского языка). – В кн.: Материалы конференции «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е.Д. Поливанова». Самарканд, 1964, т. 1, с. 121-122.
- Крім того, у дипломній роботі Л.В. Хавалиць, яку вона захистила у 1979 р. на кафедрі загального мовознавства та історії мови Донецького університету, наводиться велика кількість тюркізмів, уживаних у румейському мовленні жителів с. Красна Поляна (колишн. Нова Каракуба, або Гончариха) Великоновоселківського р-ну Донецької обл. Наприклад: *аджидер* «звір, чудовисько» (пор. оронім *Аджидер ова*; Дн – П; експ.), *бабах* «роззява», *бала* «дитина», *бузлук* «ожеледця», *гуля* «квіти» (*гулиць* «квіточка»), *джамал* «наряджений», *джанавар* «вовк», *джап* «гора» (пор. вище оронім *Хирмизи джап*), *ісан* «жінка», *йох* «нема», *купур* «міст», *куша* «куток», *махала* «вулиця», *сарі* «жовтий», *тарама* «балка, яруга», *туварчі* «пастух», *хабар* «новина, повідомлення», *хартус* «кавун», *хаун* «дня», *хум* «пісок», *чалеву* «грати», *чухур* «яма, ковбана» та ін.
- ³⁸ Памятники природы Донетчины: Путеводитель. Донецк, 1979, с. 55.
- ³⁹ Белецкий А.А. Знач. праця, с. 121.
- ⁴⁰ Топонімічними гібридами ми вважаємо ті власні імена, які складаються з двох і більше гетерогенних лексем. До них не входять афіксально дооформлені іншомовні назви в новому мовному оточенні, наприклад, *Челбаска* з *Челбас* (тюрк.)+рос. формант *-ка*. Останній гідронім Л.Г. Гулієва

теж зараховує до розряду «гібридних назв» (див.: Гулієва Л.Г. Зазнач. праця, с. 17).

⁴¹ Словник гідронімів України. К.: Наук. думка, 1979, с. 147.

⁴² Див.: Серафимов С. Зазнач. праця, с. 16.

⁴³ Див.: Отін Є.С. Гідроніми Східної України, с. 105.

---

*Мовознавство. 1981 г. – №3. С. 34-44.

В. И. ГРИГОРОВИЧ О ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ ПРИАЗОВСКИХ ГРЕКОВ

Многие полагают, что начало изучения языка и образа жизни греков Северного Приазовья было положено статьей Ф. Брауна “Мариупольские греки”, напечатанной во втором выпуске первого тома журнала “Живая старина” за 1890 г. Однако 16 лет до этого (в 1874 г.) в Одессе отдельным изданием вышло небольшое сочинение профессора Новороссийского университета Владимира Ивановича Григоровича (1815-1876), одного из основоположников русского славяноведения, – “Записки антиквара о поездке его на Калку и Калмиус, в Корсунскую землю и на южную побережья Днепра и Днестра и Турунчука”, в котором он основное внимание уделил “мариупольским грекам”.

В.И. Григорович посетил “берега Калки и Калмиуса... не как археолог (а ведь это были места, “память о которых сохранилась более или менее в наших летописях”, замечает он – *Е.О.*), а как антиквар” (с. 4), т.е. как знаток и собиратель старинных вещей и книг. Он побывал в одиннадцати селениях, а все его путешествие “в страну таврических переселенцев” длилось десять дней. Для того, чтобы лучше понять цель его поездки, необходимо сказать несколько слов о самой личности ученого, о его вкладе в отечественную науку. В.И. Григорович известен как крупный филолог и историк. Свою поездку на земли приазовских греков совершил он за два года до своей кончины. Интерес к Греции устойчиво определился у него с молодых лет. Будучи студентом Дерптского университета, он в течение четырех лет изучает труды древнегреческих историков и философов, а впоследствии, с 1839 г., преподает в Казанском университете греческий язык, занимаясь одновременно славянской филологией. Огромную роль в становлении В.И. Григоровича как слависта сыграло его почти трехлетнее заграничное путешествие в 1844-47 гг. по Балканам и Афонскому полуострову (Константинополь, Солунь, Афон, Македония, Болгария,

Далмация, Загреб, Черногория, Братислава, Прага – вот неполный перечень тех мест, которые посетил В.И. Григорович). По материалам научной командировки им был написан “Очерк ученого путешествия по Европейской Турции”, опубликованный в третьей книге “Ученых записок Казанского университета” в 1848г. (вторым изданием он вышел в 1877 г., уже после-его смерти). Во время своего путешествия по славянским землям ему удалось открыть и приобрести несколько древнеславянских рукописей исключительной ценности, среди которых были написанное глаголицей Мариинское евангелие (XI в.), Зографское евангелие, греческое “Житие” св. Климента, палимпсесты. Сохранилось свидетельство, что само согласие В.И. Григоровича работать в Новороссийском университете было вызвано тем, что Одесса привлекла его своей близостью к славянам и древней Византии (по словам акад. В.И. Пичеты, он был “прекрасным знатоком византийских источников”) и что, выйдя в отставку (в 1876 г.), он переселился в Елисаветград (нынешний Кировоград) с целью продолжить начатые им ранее экскурсии по изучению народов южной России (кроме поездки к грекам, В.И. Григорович в 1869 г. посетил еще болгарские колонии на юге России).

Маршрут путешествия В.И. Григоровича “на Калку и Калмиус” был такой: после посещения Бердянска он прибыл в Мариуполь, отсюда отправился в Сартану, Чермалык (Чирманли), Карань, Анадоль (Анадолку), после чего “направил путь к Калке, на берегах которой посетил Енисалу, Чердакли, Ескикрым (современный Старый Крым – Е.О.), затем обратно в Мариуполь, откуда проехал села Мангуш, Ялгу, Гурзуф”, и в станице Петровской он “простился с греками”, после чего возвратился в Бердянск, откуда пароходом ушел в Севастополь.

Главный интерес В.И. Григоровича привлекают четыре момента: этническая принадлежность “мариупольских греков”, особенности их языка, сохранившиеся произведения фольклора и “древности христианские” (церкви, иконы, церковная утварь). Им было установлено, что “мариупольские греки” этнически неоднородны. Они состоят “из двух народностей, и это заметно даже в очертаниях лиц”, – *татов*, “которые вышли из Сугдайской епархии и обитают в 12 или 15 селах” и говорят “своеобразным греческим языком”, и *базарян*, которые, “не зная по-гречески”, говорят “татарским языком” (выходцы из Херсонской епархии). По мнению автора, это подтверждается тождеством названий их сел с названиями населенных мест в Крыму между Севастополем и Тепе-Керменом. В греках-базарянах В.И. Григорович склонен видеть “потомков алан, обитавших в окрестностях

Херсона" (с. 6), т.е. древнегреческого и византийского города Херсонес. Интуиция ученого подсказала ему то, о чём сейчас говорят исследователи – о возможной связи урумов¹ с поселившимися в Крыму поздними скифами. Вместе с другими народностями (крымскими тюрками античной эпохи и периода хазарского каганата, готами, греками и др.) они сложились в особую этническую группу с греко-тюркским билингвизмом, впоследствии изменившимся в тюркское одноязычие (в отличие от двуязычных румеев, утративших знание крымскотатарского языка уже после переселения в Северное Приазовье). Примечательно, что в списках грекоправославных христиан Евпатории, Джемрека, Капсихоры и Кафы (70-е гг. XVIII в.) А.Н. Гаркавцом были обнаружены отзтнонимные имена *Алан* и *Кира Алан*², косвенно подтверждающие взгляды В.И. Григоровича. До сих пор, однако, неясно, является ли *урум* самоназванием или названием тюркоязычных греков Донецкой области, бытует ли оно в их живой речи, о чём недавно в газете "Логос" писал А.А. Белецкий³. Употреблявшееся же в XIX в. название урумов – *базаряне* происходит от второй части составного топонима *Карасу-Базар*: немало выходцев из этого крымского города (на притоке реки Салгир-Карасу) было среди тюркоязычных греков, основавших город Мариуполь (ср. историческое название одной из его частей – *Карасевка*).

Употребляемый В.И. Григоровичем этноним *там*, очевидно, не был самоназванием грекоязычных переселенцев (их автоэтнонимом), а дан был этой части народа какой-то другой этнической группой или соседним этносом. В настоящее время прежние его носители именуют себя *румьями* – от *румьюс*, *румьйс* (от новогреч. слова со значением "жители Византии"). В конце прошлого века этноним *там* по отношению к румьям употребляли также составители известной книги "Мариуполь и его окрестности" (Мариуполь, 1892). По-разному именуется в этих изданиях язык румеев: если В.И. Григорович последовательно употребляет описательное выражение "язык татов" (= "своеобразный греческий язык"), то авторы названной книги для его обозначения используют тюркское слово *яйла*. Это уже забытое название румейского языка – от тюркского *яйла* "горы в Южном Крыму" и "летнее пастбище в горах", что свидетельствует о прежнем проживании носителей этого наречия рядом с южнобережными крымскими татарами и былом греко-тюркском билингвизме румеев. По свидетельству В.В. Радлова, словом *там* в Крыму назывались и татары, жившие к северу от Судака⁴. Сам В.И. Григорович дополнительно сообщает: "Замечательно, что славян маджары (т.е.

венгры; в его орфографии: *маджіары* – Е.О.) называют *тот (маты)*". Этимология этнонима *там* неясна. Его более раннее – доэтнонимное значение В.В. Радлов толкует как "человек или люди, отбившиеся от своего племени, принужденные стать в зависимость от кого"⁵. Таким образом, *маты* – это отступники, обособившиеся, оторвавшиеся от прежнего этноса люди.

Самоназванием румеев это слово не могло быть. Они могли получить данное прозвание от тюркоязычных урумов уже в то время, когда "на новых местах обитания греко-тюркский билингвизм сменился греческим одноязычием"⁶, что привело к еще большему разъединению прежде более однородной греко-православной общины. Урумы-базаряне их языковое отчуждение отразили в доэтнонимном прозвище *там*. Нельзя согласиться с И.И. Соколовым, полагавшим, что *татами* называли сами греки ту часть румеев, которые "совершенно забывали свой язык, принимали язык господствующей народности – татарский и являлись перед лицом всего греческого народа *татами*, т. е. изменниками"⁷. Таты, по наблюдениям В.И. Григоровича, в зависимости от места проживания в Крыму и в Приазовье, имели разные оттопонимные именованья (катоиконимы). Он указывает на три таких катоиконима, или названия жителя по населенному пункту: "... в Янисале, где живут греки разных таврических сел, слышал названия *фуниотов, харахотов, капсохориотов*" (с. 13). На самом деле, их, конечно же, было больше. Уже в 80-е годы нами был записан до сих пор сохранившийся катоиконим *чердахлот*, т. е. "житель села Чердаклы" (варианты ойконима: *Чердахлы, Чердакли, Чердахлу*) – современного села Кременевки, Володарского района Донецкой области. Ср. названия сел в Крыму: *Фуна* (или *Демерджи, Демерджили*; выходцы из него были в числе переселенцев, основавших село Константинополь, Великоновоселковского района Донецкой обл., благодаря чему это село в прошлом веке называлось также *Демерджи*), *Капсихор* (основная масса выходцев из него основала село Чермалык). Катоиконим *харахоты* – от основы первой части составного топонима *Харахли-Енисала* (это село посетил В.И. Григорович) с опущенным суффиксом прилагательного *-лы* (со следом урумской фонетики *к > х*).

Очень интересны наблюдения В.И. Григоровича над языком румеев (о языке базарян-урумов он ничего не сообщает, ограничиваясь общим замечанием, что они говорят "татарским языком"). Его замечания немногочисленны, бессистемны и фрагментарны, но и в таком виде они представляют для науки определенную ценность. Автор делает ссылку на доселе малоизвестный источник – статью одного

“ученого грека” (фамилии его он не приводит), напечатанную в 1865 г. в греческом журнале “Пандора”. Автор ее “находит в этом языке татов признаки эолодорические”⁸, но, замечает В.И. Григорович, “эти признаки в нем очень слабы” и далее указывает на сходство его “с языком трапезундских греков” (с. 8).

Он констатирует, что в “языке татов” различаются два говора: *северный*, “примета которого есть употребление отрицательной частицы *δεν*, и *южный*, примета которого – употребление вместо *δεν* – *кен*, *чен* (с. 8)⁹. Последний вариант отрицательной частицы связан с другой “отличительной чертой языка татов” – “заменой перед и, е звуков х, ск, к в ш, щ и ч” (с. 6), т. е. с ассимилированным произношением мягких взрывных зубных (как в *ден*) и заднеязычных (как в *кен*) и переходом их в шипящие и свистящие, что вообще характерно для многих диалектов новогреческого языка. В.И. Григорович приводит целый ряд примеров такой ассимиляции у румеев: *шон* “снег” (ср. новогреч. *χιον*), *пши* “душа” (*ψυχη*), *врош* “дождь” (*βροχη*), *шли* “пес, собака” (*σχυλι*), *чвал* “голова”, (*χεφαλη*) и др. Ср. в современных румейских говорах: *вруши* “дождь” (с. Сартана, 1934 г.; с. Красная Поляна, 1979 г.; с. Стыла, 1983 г.; с. Раздольное, 1989 г.), *шон* “снег” (с. Красная Поляна, Стыла), *шунис* “идет снег” (с. Красная Поляна), *ичили* “собака” (с. Красная Поляна, Стыла, Раздольное), *ичилис* “собачий” (с. Стыла). Отмечен и другой фонетический вариант этого слова в сартанском говоре – *шкли*¹⁰. В говорах Стылы и Раздольного отмечается произношение *тюфаль* “голова” – с заменой небного на взрывной зубной, но без ассимиляции, которая имеется в примере В.И. Григоровича. Его внимание привлекает своеобразие звуковой формы этого слова – выпадение звука. Он делает вывод: “Фонетика... языка татов пользуется сравнительно с греческим языком и новыми законами чередования звуков, и допускает метатезис их” (с. 7). О древности перехода мягкого х в аффрикату ч, по мнению автора, свидетельствует то, что уже генуэзцы (XIII-XV вв.) крымский топоним *Херсонес* (от греческого диалектного слова со значением “полуостров”) произносили как *Черсоно* и *Цорцоно* – “согласно с фонетикой этого языка” (с. 8). Из морфологических особенностей указывается на “новое образование будущего с помощью глагола *ερχομαι* “иду” (с. 7) (ср. в современном говоре с. Красная Поляна: *эркумин* “идти, приходиться”, 1979 г.). Отмечены некоторые особенности лексики, например: *та мкра* “дети” (*микрос* “маленький”, с. Раздольное, 1989 г.)¹¹, *февоца* “прощай” (ср. современное *финумия* “до свидания”; с. Красная Поляна, 1979 г.). Его также “поражают слова древнегреческого языка, как-то *апса*, *пса*”, но он оставляет без объяснения семантическое

изменение этого наречия: если др.-греч. *αψα* “опять”, “назад”, то румейское наречие *апса* развило значение “сразу, скоро, быстро” (с. Стыла, 1983 г.).

И здесь же автор делает исключительно интересное сообщение: он пишет о присутствии в языке румеев “славянских слов с ринезмом – *гринзи* (ГР~~А~~ЗЬ), *грена* (ГР~~А~~ДА)” (с. 7). В.И. Григорович встретился в Северном Приазовье с “живыми ископаемыми” древней славянской речи – рефлексами носовых звуков, утраченных древнерусским языком еще в доисторическое время (X в.). Ему принадлежит заслуга открытия следов ринезма в южномакедонских говорах болгарского языка, о чем он впервые сообщил в 1848 г. в своем “Очерке путешествия по Европейской Турции”. Позднее наблюдения В.И. Григоровича были подтверждены трудами других ученых-славистов. Особенно значительные следы прежних носовых гласных сохранились вблизи Солуни, родины Константина (Кирилла) и Мефодия, где издревле существовало смешанное славяно-греческое население¹². Объяснить существование славянских слов с отголосками древнего ринезма в речи приазовских румеев в 70-е годы прошлого столетия можно тем, что среди их предков могли быть греки из южной Македонии, заимствовавшие в условиях греко-болгарского билингвизма из славянской речи отдельные слова со следами ринезма. В числе греков, переселившихся в Крым из Малой Азии и других мест, они перенесли эти слова спустя несколько столетий на земли Северного Приазовья уже в составе румейских говоров. Это “брызги” южнославянской диалектной речи, заброшенные далеко на север миграционными потоками тех греков, язык которых в старину контактировал с южноболгарскими диалектами. В современных румейских говорах такие слова не зарегистрированы.

В.И. Григорович предпринял попытку этимологизации на основе “языка татов” трех русских слов – *шаланда* (sic!) из *χελάνδια*, *ширинка* из др.-греч. *χερς* “рукав”, “рукавица” и *офеня* (у Григоровича – *офень*) “мелочный торговец, коробейник”. Последнее слово он выводит из румейского *αφην* “оставленный”, “отошедший”. Ни одно из этих толкований нас сегодня не может удовлетворить: *шаланда* “грузовое судно” – заимствование из французского; *ширинка* “кусок холста, отрезанный по ширине ткани”, “платок”, “передник” – исконное русское слово, встречающееся еще в тексте “Домостроя” (XVI в.), деривационно связанное с прилагательным *широкий*¹³.

Привлекает внимание и весьма ценный материал для интересующихся топонимией приазовских греков. Это прежде всего географические имена, услышанные самим автором, иногда в отличной

от их современного состояния форме, а также список названий сел, где “удержался греческий язык”, взятый из статьи “ученого грека” в журнале “Пандора”, состоящий из 14 единиц. Остановимся только на тех ойконимах, которые имеют какие-то отличия от их современной формы. Так, современному топониму *Чермалык* (с 1946 г. – село Заможное) с суффиксом существительного *-лык* у В.И. Григоровича везде соответствует форма топонимического прилагательного с суффиксом *-лы*, что свидетельствует о существовании в прошлом веке и такого варианта названия: *Чирманлы* (с. 5), *Черманлы* (с. 6) и *Черменлы* (с. 8). В списке топонимов из статьи “ученого грека” (далее – СУГ) – *Τσοῦρμαλῆ*. В звуковом составе этого географического имени, сложившегося на тюркском лексическом материале, обнаруживаются следы румейской фонетики (“языка татов”) – ассимиляция начального мягкого задненебного: *Керманлы, *Керменлы (от *керман*, *кермен* “крепость, город”; ср. крымский ойконим *Керменчик*) > *Черманлы*, *Черменлы*. Кроме того, вариант ойконима, приведенный В.И. Григоровичем, имеет исторически первичную основу *чермен-*, упростившуюся при словопроизводстве (при помощи суффикса *-лык*) и представленную в усеченном виде в более известном варианте названия села *Чермалык*. В.И. Григорович употребляет топоним *Анадолка*: “через Анадолку направил путь к Калке, на берегах которой посетил Енисалу, Чердакли, Ески-крым” (с. 5). Современное название этого села, основанного в 1826 г. понтийскими греками, – *Анадоль*. Вариант из СУГ: *Ανατολή*. В авторском тексте встречается составной ойконим *Харахли-Енисала*, в наше время уже не употребляемый. Как один из малораспространенных вариантов ойконима *Мало-Янисоль* (в XIX – нач. XX вв.: *Малая Енисала*, *Мало-Янисель*) он был записан в 1983 г. – в форме *Харахла* в селе Куйбышево (бывш. Мало-Янисоль), Володарского района, Донецкой области⁴.

В СУГ село Константинополь (Великоновоселковский р-н) называется только *Демерджи*. Во время путешествия В.И. Григоровича три названия имело село Гурзуф: *Гурзуф*, *Зеленая* и *Маджары*. Флексия множественного числа в последнем ойкониме свидетельствует о его морфологическом освоении славяноязычным населением (по типу названий сел *Свистуны*, *Броды* и т.д.). В 1963 г. нами было записано это неофициальное название села – *Маджарь* (которое, однако, употреблялось в речи жителей соседних сел). В основе его – этноним *маджар* “венгр”. Как уже отмечалось выше, этот вариант ойконима употребляет и сам В.И. Григорович (в записи *маджары*, свидетельствующей о мягком произношении аффрикаты). Село Старый

Крым в тексте книги именуется по-крымскотатарски: *Эски-крым* (его основателями были переселенцы из одноименного крымского города, бывшей столицы татарских ханов).

Интересные детали содержит и СУГ. Урумское село Улаклы (Великоновоселковский р-н) имело несколько параллельных неофициальных вариантов названия: *Жиндрень*¹⁵ и *Джемрек*¹⁶, однако “ученый грек” приводит сдвоенную запись ойконима: Ουλαχλη-Γενισολαδες, во второй части которой угадывается *Енисала*. Село Новый Керменчик в Великоновоселковском районе (сейчас – Красная Поляна), расположенное в верховье балки Гончарихи и недалеко от степной могилы Гончариха, имевшее параллельное тюркское (урумское?) название *Дортоба*, или *Дордоба* (“четыре холма”), в СУГ обозначено неточно: два синхронных варианта ойконима – тюркский и славянский (т. е. Дортоба и Гончариха) приводятся как названия разных селений. Приведен только один исторический вариант названия современного села Раздольного, Старобешевского района – *Аргин* – вместо более распространенного *Каракуба* (у С. Серафимова: *Хара-Хоба*, с. 15). И наконец, название греческого селения *Чердаклы*, *Чердахлы* (современная Кременевка, Володарского р-на) в СУГ приводится в искаженной форме: Τσαρδαυλλη (от *чардак* “верхний этаж, балкон”; дома крымского села *Чердаклы*, очевидно, отличались этой архитектурной особенностью).

Обратил внимание В.И. Григорович и на румейский фольклор, однако “предания татов” показались ему слишком “темными”; “сказки же их (масале) без исторического содержания”; “народная поэзия ограничивается свадебными песнями и мирологиями” (с. 9). Конечно же, это следствие слишком недолгого пребывания В.И. Григоровича среди “мариупольских греков” и, как он сам признается, плохой записи их фольклорной речи. В наше время А.Н. Гаркавец, исследовавший фольклорно-песенную речь урумов, установил богатое разнообразие форм урумского фольклора (масалы, или дастаны, сказки, местные юмористические рассказы, загадки, пословицы и др.)¹⁷.

Естественно, что как “антиквар” В.И. Григорович проявил большой интерес и к “древностям христианским” – церквам и церковной утвари (последняя была, по его наблюдениям, не ранее XVIII в. и “весьма грубой работы”). Его поразило, что почти в каждой церкви были древние иконы. Некоторые из них были привезены греками-переселенцами из Крыма. Например, икону святого Георгия из Георгиевского монастыря вблизи Балаклавы он характеризует как “первостепенный памятник византийского искусства”. Она

принадлежала соборной церкви святого Харлампия в Мариуполе. В этом же городе он видел другую святыню – вывезенную из Успенского скита под Балаклавой икону Панагия. “Кроме Мариуполя, – замечает он, – в каждом селе можно видеть весьма древние иконы” (с. 9). В итоге автор делает восторженное заявление: “...Судя по остаткам византийского искусства, Мариупольский округ можно еще почтить пропилеями древней христианской культуры в Тавриде” (с. 10).

В.И. Григоровичем были предприняты поиски древних рукописей. Пытаясь “открыть следы письменности Тавриды”, он в каждой церкви исследует рукописные материалы, и в Мариуполе, в церкви Рождества Богородицы, находит триодь XV в., а в церкви села Чермалык (у него – *Чирменли*), современного села Заможное, им было обнаружено рукописное евангелие, “писанное греческими буквами на турецком языке” (с. 10). Приходится только сожалеть о позднейшей утрате этих бесценных иконописных и рукописных сокровищ, которыми когда-то владели греки юго-восточной Украины. Может быть, какая-то часть этих культурных ценностей будет найдена современными местными “антикварами”?

СНОСКИ

- ¹ Превратившаяся в этноним первая часть тюркского словосочетания *урум миллет* “греческая община”.
- ² Гаркавец А.Н. Развитие структуры тюркских языков в иноязычном окружении (на материале урумского и армяно-кыпчакского языков). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – М., 1987. – С. 18.
- ³ Белецкий А.А. Говор сел и городов. – “Ягос”, 1992 г. – № 19 (34). – С. 3.
- ⁴ Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. – Т. 3, часть I. – СПб., 1905. – С. 899.
- ⁵ Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. С. 900.
- ⁶ Гаркавец А.Н. Развитие структуры тюркских языков в иноязычном окружении (на материале урумского и армяно-кыпчакского языков). – С. 18.
- ⁷ Соколов И.И. О языке греков Мариупольского и Сталинского округов. – “Язык и культура”. – Т. VI. Изд-во АН СССР. – Л., 1930. – С. 52.
- ⁸ То есть характерные для греческих говоров Эолийских островов на Тирренском море (где поселился и стал хранителем ветров старший сын Эллина – Эол, родоначальник греческого племени эолийцев).
- ⁹ Существует несколько точек зрения на членение румейских диалектов юго-восточной Украины: И.И. Соколова (5 групп), А.М. Сергиевского (3 группы) и др. Более точной А.А. Белецкий считает первую классификацию

(см. его статью в “Балканской филологии”. – Л., 1970).

- ¹⁰ Сергиевский М.В. Мариупольские греческие говоры. – Известия Академии наук СССР. VII серия. Отделение общественных наук, 1934. – С. 541.
- ¹¹ М.В. Сергиевским в сарганском говоре в начале 30-х годов было записано: *мкро* “ребенок” (*мхро*) (Указ. соч., с. 537).
- ¹² Флоринский Т.Д. Лекции по славянскому языкознанию. Ч. 2. СПб.-Киев, 1897, с. 72 (среди примеров со следами старого носового гласного приводится и *грнда*; ср. еще *месенц*, *пенток*, *йензык*, *чендо* и др.); Младенов Стефан. История на българския езък. София, 1979, с. 121.
- ¹³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – Т. IV. – М., 1973. – С. 397, 491. О происхождении слова *офеня* см.: Его же. Указ. соч., т. III. – М., 1971. – С. 174. Среди приведенных здесь этимологий точка зрения В.И. Григоровича отсутствует.
- ¹⁴ Ср. также полную форму ойконима с этим прилагательным (от *харах* “разбойник”) – *Харахла-Енисала* у протоиерея С. Серафимова (см. его “Крымские христиане (греки) на северных берегах Азовского моря”. Екатеринослав, 1901. С. 26).
- ¹⁵ Серафимов. Указ. соч., с. 26.
- ¹⁶ Материалы по общей и прикладной геологии. Вып. 122, 1926 (на карте западной окраины Донецкого каменноугольного бассейна А.А. Гапеева).
- ¹⁷ Гаркавец А.Н. Указ. соч., с. 21-22.

---

* Язык, смысл, текст. Сборник статей, посвященных памяти В.А. Корнилова. Донецк. 1994. – С. 124-132.

ХОПЁР

Это загадочное имя носит второй по величине приток Дона. Его этимология находится еще в начальной стадии разработки. А.И. Соболевский выводил гидроним из иранских слов *ху* ‘хороший’ и *перена* ‘полный’; возражая ему, И.М. Фасмер связывал название Хопер со славянским глаголом *хопити* ‘тащить’. В последнее время И.Г. Добродомовым была предложена этимология *Хопер* из тюрк. (>*köprü*) ‘мост’ (с болгарским или половецким переходом *к > х*).

Ниже излагается точка зрения на происхождение названия, основывающаяся на признании его славянских истоков.

Хопер часто упоминается в документах XV-XVII веков, связанных с Доном, – в так называемых “Донских делах”, в памятниках дипломатической переписки Московского государства с Крымом и т.д. Отличаясь сравнительной устойчивостью формы, название имеет незначительное число вариантов: *Хопор*, *Похор*, *Похорь*. Последние два, на наш взгляд, самые “перспективные” для этимологизирования названия. Мы их находим в “Хождении” Пимена в Царьград в 1389 году, где говорится о том, что во время своей поездки митрополит и его спутники миновали “и Бетюк-реку и Похорь-реку”. Указание на этот вариант имеется также в одном из “Донских дел” 1646 года. Что касается мягкости конечного согласного в варианте *Похорь*, то она, видимо, вторичного происхождения и вызвана частым в славянской гидронимии соотношением с грамматическим родом нарицательного слова *река*.

Своим происхождением современная форма *Хопёр*, по-видимому, обязана перестановке звуков (метатезе) в варианте *Похорь*, который принимается нами за исходный. Конечный слог пережившего метатезу и довольно часто встречающегося в памятниках варианта *Хопорь* (<*Похорь*) впоследствии испытывает чисто внешнее уподобление корню *-н'ор* (в духе так называемой “народной

этимологии”), в результате чего и возникает современная форма *Хопёр*. Итак: *Похорь* > *Хопор* > *Хоп'ор*. Метатеза в топонимах встречается нередко. Приведем еще один пример. Название мордовского села *Верзень* имеет в начале такой же “перевернутый” слог – этимологически правильной формой была *Ревзень* (А.И. Попов. – “Ученые записки ЛГУ”. № 105. Серия востоковедческих наук. Вып. 2, 1947).

Не менее сложен вопрос о происхождении и самой формы *Похорь*, на основе которой произошла метатеза. По-видимому, она находится в родстве с гидронимами *Пахра*, *Пахорка*, *Пехорка* в бассейне р. Москвы (первый и третий регистрирует уже “Книга Большому чертежу”). Насколько нам известно, этимологией названия *Пахра* прежде почти никто не занимался, если не считать бездоказательного включения его А. Орловым в один ряд с речными именами на *-ра* самого пестрого происхождения (А. Орлов. Происхождение русских и некоторых западноевропейских рек, городов, племен и местностей. Вельск, 1907).

Только в недавно опубликованном исследовании О.Н. Трубачева о стратиграфии ранней восточнославянской топонимии (“Мовознавство”, 1971, № 6) гидронимы *Пахра*, *Пехорка* и т.д. интерпретируются как одно из “старых образований восточнославянской топонимии” в бассейне Москвы и возводятся, так же как и окские топонимы *Пишево*, *Пишевка*, чешск. Pšov, к глагольной основе *пх* (*пхш-*). Соотношение гласных в вариантах этой основы *пах-* (*Пахра*, *Пахорка*) и *пех-* (*Пехра*, *Пехорка*) предполагает промежуточную ступень *пох-* (откуда, в акающей огласовке, *Пахра*), которая, возможно, и сохранилась в донской форме *Похор(ь)*, имевшей в качестве своей ранней предшественницы форму *Пехор(ь)*.

Эту промежуточную форму *Похра* (для московского гидронима *Пахра*) мы находим в одном из документов 1514 года: “И ночевал Камал останочную ночь на *Похре*” (Памятники дипломатических сношений Древней Руси с державами иностранными. Т. II. М., 1895). В группу ранневосточнославянских названий от корня *пх-* ‘толкать’, по-видимому, следует включить и гидроним *Хопер*. Только в отличие от своих московско-окских “родственников” он имел суффикс с флексией мужского рода (-*ърь*; ср. *Пахра* <*Пх-ърь*, по О.Н. Трубачеву).

Таким образом, в основе формы гидронима *Хопер*, принимаемой нами за исходную (*Пх-ърь), лежит славянский корень *пх-* ‘толкать’. Река *Хопер* – этот полноводный приток Дона – и сейчас имеет ровное и быстрое течение, что, возможно, и отразилось в первоначальной

семантике данного имени. Возможно, что этот признак уже вторично (после перестановки звуков в деэтимологизированном имени *Похорь*) предопределил направление самой “народной этимологии” – в сторону сближения с глаголом *переть* (откуда *Хоп'ор*). Основа *пх-* сохраняется также и в названии правого притока Савалы (притока Хопра) – реки *Пеховки* (*Пиховки*), территориально близкой к самому Хопру.

Есть некоторые основания для предположения, что название *Хопер* в прошлом могло выступать в той же форме, что и *Пахра*, то есть до метатезы существовало по крайней мере три его словообразовательных варианта: один – мужского рода (*Похор*; он-то и подвергся метатезе и впоследствии вытеснил остальные) и два – женского (*Похорь* и *Похра*). Об этом, на наш взгляд, свидетельствуют следующие факты. В прошлом веке жители низовых донских станиц (бывшего Черкасского округа), главным образом украинцы, насмешливо-пренебрежительно именовали верховых казаков, живших по реке Хопру, *пихро́й* или *пихря́ками* (В. Даль. Толковый словарь; В. Богачев. Очерки географии всевеликого Войска Донского. Новочеркасск, 1918). Форма *пихра́*, очевидно, представляет собой украинскую огласовку варианта *Похра*. Языковое чутье В.И. Даля подсказало ему поместить «бранное прозвище» *пихра* в словарную статью с производными от глагола *пихать* (*пехать*, *пёхать*). Ср. употребление этого слова в рассказе Н. Успенского «Старуха» (1858 г.) « – *Пехра*, пропади вы совсем, – забормотал дворник, направляясь к двору».

В прошлом был известен обычай давать людям прозвища по названию той местности, откуда они родом. Ср. личные имена в документах XVII-XVIII веков: Иван Бахмут (из города Бахмут, с реки Бахмут), Ивашка Сал (с реки Сал, левого притока Дона), Иван Самара и т.д., а также прозвища, ставшие современными фамилиями: Крым, Кальмус (<Кальмиус), Еланчик, Янчул, Коломак и т.д.

В связи с этим интересно сопоставить названия железнодорожной станции между Таганрогом и Ростовом – *Хопры* (населенный пункт основан переселенцами с реки Хопер, получившими поэтому у жителей соседних сел прозвище *Хопры*, перешедшее затем в топоним) и хутора *Пахры*, в настоящее время слившегося с селением Михайлюки Новоайдарского района Луганской области, среди первых жителей которого были переселенцы с реки Хопра. Вероятно, аналогичного происхождения и название селения *Херсоны* – на берегу речки Полной, левого притока Деркула, левого притока Северского Донца, которое было обозначено на топографической карте 40-х годов

XX в. Таким образом, отголоски употребления одного из вариантов старой, дOMETATEЗНОЙ, формы гидронима *Хопер (Похра)* сохраняются как в диалектном слове *пихра*, так и в названии ныне исчезнувшего хутора.

---

* Русская речь. 1973 г. – №1, с. 144-146.

ДРЕВНИЕ НАЗВАНИЯ ВОРОНЕЖСКОЙ ЗЕМЛИ

Там, где волны Острогощи
В Сосну Тихую влились...

К. Ф. Рылеев.

Петр Великий в Острогожске

Небольшой южнорусский городок Острогожск, в наши дни районный центр Воронежской области, был основан в 1652 году. Вначале это была лишь одна из крепостей Белгородской оборонительной черты на малообжитой степной окраине Московского государства. Она надежно прикрывала Россию с юга от набегов татар. Возник Острогожск, как полагают, на старом городище, и уже в 60-е годы XVII века стал центром Острогожского слободского полка, а затем и уездным городом бывшей Воронежской губернии. Его название связано с левым притоком Тихой Сосны – *Острогощей*.

В одной из грамот царя Алексея Михайловича, написанной в 1652 году, говорится о “высылке пищалей и ядер в новый Острогожский острог” (Материалы по истории г. Острогожска. Воронеж, 1886). В других источниках XVII-XVIII веков мы находим упоминание об “урочище Острогоще”, о заповедном лесе (Акты Московского государства, т. 2, СПб., 1894; Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские акты, т. 1, Воронеж, 1887). Вначале имя города, как и все древние названия городов на -ск, имело форму прилагательного и склонялось как прилагательное. Изредка оно сочеталось с утраченными впоследствии словами *город* в значении “крепость” и *острог* – “укрепление из заостренных сверху бревен, а потом и сам укрепленный таким образом стан”. В одном и том же документе (1654), относящемся к первым годам основания Острогожска, отмечаются случаи параллельного употребления названия в форме

словосочетания “в Острогжском городе” и одиночного прилагательного “в Острогжском”. Примеров склонения данного топонима по типу прилагательных в XVII веке мы находим немало: “писал... из Астрагжского” (1668), “пришел в Острогжской и стал в Острогжском” (1670) и др. Эта особенность проявляется в названиях и других казачьих городков Подонья в этот период. В одном и том же тексте нередко встречается ранняя и вторично развившаяся формы, например, *Ольшанской* и *Ольшанск* – казачье поселение вблизи Острогжска: “в Острогжском... и в Ольшанском”, “в Ольшанск” (1670) и др.

К концу XVII – началу XVIII века привычным становится название в форме существительного: “до Острогжска”, “Острогжска города старшина и казаки” (1700) и др. Прилагательное, постепенно утратившее связь со словом *город*, само становится существительным. Его суффикс (на фоне многочисленных сложившихся к этому времени названий русских городов с конечным *-(е)ск* (*Куреск* – *Курск*, *Мценск* – *Мценск*, *Брянск* – *Брянск* и т.д.) утрачивает окончания прилагательного и становится словообразовательным элементом, типичным для городских названий. В этом отличие топонима *Острогжск* от появляющихся в наши дни названий новых городов с суффиксом *-ск*: они используют его как уже сложившийся словообразовательный элемент и сразу “рождаются” на свет как имена существительные (*Ангарск*, *Волжск*, *Амурск*, *Северск* и т.п.). Название города Острогжска возникло в ту пору, когда многие подобные ему топонимы в именительном падеже осмысливались двояко – то как относительные прилагательные в полной (*Острогжский*) или краткой (*Острогжеск*) формах, то как существительные (*Острогжск*).

Гораздо труднее объяснить название речки *Острогжца*. Когда-то полноводная, Острогжца в документах нередко именуется речкой или даже рекою: “А от речки Меринка версты с 3 впала в реку Сосну речка Острогжца...” (1637); “От Острогжцы по заповедной Коротояцкой лес 2 версты 50 сажен” (1659) и т. п. Но уже с середины прошлого века река пересохла. Уменьшение значения ее в жизни местного населения привело к изменению и названия. Оно начинает восприниматься как производное, вторичное по отношению к названию города. Отсюда появление таких вариантов, как *Острогжска*, *Острогжца*, *Острогжчица* и даже *Острогжск*.

По поводу этимологии названия речки *Острогжца* высказывались разные точки зрения. Допускалась, например, связь его со словом *острог* или личным именем *Острогост* (В.А. Никонов.

Краткий топонимический словарь. М., 1966), или с предполагаемым древнерусским словом *гощь* – “место торговли”, которое затем вышло из употребления. По-видимому, правы те, кто в названиях реки видит отголосок древнейшего славянского имени (антропонима) *Острогост*. Имен с компонентом *-гост* в нецерковном именослове было немало. Большинство из них дошли до нас в составе антропонимичных (образованных от личных имен) географических названий, когда-то имевших притяжательное значение. Последние встречаются главным образом на территориях, издревле населенных славянскими племенами. В Поднепровье это ручьи и реки *Серагоща* (*Сырогоща*), *Дорогощь*, *Угоща*, *Славигощь*, *Милогощь*, *Белогощь*, *Вельгоща*, *Радогощь*, *Воегоща*, *Любегощь* (примечательно, что рядом с *Любегощей* находится другая речка – *Гостилровка*, в названии которой, возможно, содержится тот же элемент – *гост*, см.: П.Л. Маштаков. Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913). В Поочье: *Гощь*, *Легоща* (трижды), *Залегощь*, *Любогоща*, *Малогоща*, *Сологощ*, *Велегоща*, *Котогощ* (Г.П. Смолицкая. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976). Встречаются они и в топонимии русского северо-запада – *Негоща*, *Вагоща*, *Видогоща*, *Нугоща* и др. (Р.А. Агеева. Гидронимия Псковских и Новгородских земель в свете истории заселения края. М., 1973).

Заселение Подонья происходило в более позднее время – в период “угасания” антропонимов с компонентом *-гост*. Поэтому в гидронимию Дона попало лишь два притяжательных прилагательных от личных имен этого типа – *Острогоща* и *Излегоща* (левый приток Воронежа в районе его устья). Первую часть имени *Острогост* мы находим также в имени известного новгородского посадника и воеводы *Остромира*. Древнерусское прилагательное *острый* выступало еще в одном, утраченном современным русским языком, значении – “быстрый”.

Что касается другого названия на *-гоща* в этом районе Подонья – *Излегоща*, то в такой форме оно регистрируется в одной из воронежских писцовых книг 1615 г. – “на речке Излегощи” (Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские писцовые книги, т. 2, Воронеж, 1891), а также в разных географических источниках XVII-XIX веков. Другие его варианты *Излегощь*, *Злегощь*, *Зялягощ* отражены, например, в Географическо-статистическом словаре Российской империи (сост. П. Семенов, т. 5, СПб., 1885), в “Книге Большому чертежу” – “пала в Воронеж речка Злягощ”, в документе 1623 года – “сверх колодезя Зялягоща” (Книги разрядные, т. 1, СПб., 1853).

Несколько выше устья реки Излегощи, на левом берегу

Воронежа в начале XVII века возникло село *Излегощи*, оно же *Излегоща*, на современных картах – *Излегоще*. В отличие от *Острогощи*, топоним *Излегоща* не выглядит одиноким. В Поочье, например, есть речка, левый приток Зуши, с похожим названием – *Залегошь* (а на ней и село с таким же именем). Деревня *Полевая Излегоща* в 60-е годы прошлого столетия была и в Тамбовской губернии.

Объяснить происхождение названия реки *Излегоща* пока не удалось. Нельзя же считать научным, например, такое его объяснение: древнерусское слово *гощ* – “куст” (?), а *Излегоща* – это, в сущности, не что иное как стянувшееся в одно слово выражение *Из зла гоща*. Речка якобы вытекала из злого, то есть колючего, куста терновника (П. Черменский. Кто дал тебе имя? – липецкая газета “Ленинское знамя”, 19 августа 1967). Это толкование очень напоминает другое: название реки *Печегды* (Ярославская обл.) некоторые объясняют тем, что она будто бы вытекает из-под кряжистой березы, как “из-под печки” (“Правда”, 5 апреля 1969). Это ложные этимологии, малоудачные попытки объяснить истоки старинных географических имен.

В названии *Излегоща* неясна первая часть. Если это *зъл* – “злой” в предполагаемом личном имени *Зьлогостъ*, то как тогда объяснить начальное *и* в современном названии реки и соединительный гласный *е*, чередующийся с *а* в акающих южнорусских говорах? Кроме того, маловероятно объединение в одном слове экспрессивно-возвышенного компонента *-гост* и основы прилагательного с отрицательным значением. Может быть, из *Лъзегоща*, которое, в свою очередь, восходит к незасвидетельствованному имени *Лъзегост*, первая часть которого связана по происхождению с корнем *лъг-лъз-*? (Ср. древнерусск. *лъга* “облегчение”, *лъгота* (*легота*) – “свобода, удобство, облегчение, льгота”, *Легота* – крестьянское имя конца XV века и т. д.). Перед начальными *л* и *р* иногда развивался звук *и*.

Так, древнерусский географический термин *ръжавецъ* “ржавое болото, топь” в гидронимии Днепра отразился также и в форме *Иржавец*, а нарицательное слово *ръжа* в гидронимии Поочья – как *Иржа*. Сравним еще гидроним *Илбанские протоки* в бассейне Северского Донца, правого притока Дона. Это верховье реки Большой Каменки, как об этом свидетельствуют топографические карты прошлого века, начиналось недалеко от хутора *Лбы*, отсюда и *Лбанские* > *Илбанские*. Возникшая благодаря этому процессу форма *Ильзегоща*, под влиянием многочисленных в русском языке слов с приставкой *из-*, впоследствии могла претерпеть перестановку звуков, давшую

современную форму *Излегоща*. Такое явление можно наблюдать наряду с фонетическими изменениями в слове без вторично развившегося начального *и* (сравните еще: *ржавец* – *иржавец*, *льгота* – украин. диалект. *льгота* и т.д.), благодаря чему появился отраженный “Книгой Большому чертежу” вариант *Злягоц* (в якащей огласовке).

В ином звуковом виде (*лег-*) первый компонент личного имени *Льзегост* мог отразиться в названиях рек *Легоща*, *Легощ* (из *Лег-огост-ја*, *Лег-о-гост-жь* с утратой одного из одинаковых слогов внутри слова). Известны случаи параллельного употребления названий с соотносительными *гощ* и *гост*, например, *Гощ* и *Гость* (*Гостья*, *Гостичка*, *Гостижка*); *Любогоща*, *Любогощ* и *Любогостья*, *Любегостья* и др. (примеры относятся к бассейну Оки).

В одном районе с Острогоей и Излегощей есть и другой древний гидроним – *Воронеш*. Исследователи связывают его с исторически незасвидетельствованным антропонимом *Воронѣзь* (сравним: *Миронѣзь*, *Перенѣзь* – имена одного из посадников новгородского и киевского боярина XI века). Вполне вероятно, что перед нами целое “гнездо” нигде пока не зафиксированных имен дохристианского именовника (Острогость, Льзегость // Ильзегость и Воронѣзь), отраженно представленных в речных названиях одной из областей древнейшего заселения Дона. Ведь именно обращение к гидронимии псковских и новгородских земель помогло Р.А. Агеевой восстановить в историческом восточнославянском ономастиконе его выпавшие звенья – целый ряд имен типа *Любаш*, *Плещ*, *Тюня* и др. Топонимия оказывает в таких случаях добрую услугу науке об именах – антропонимике.

---

* Русская речь. 1979 г. – № 4, с. 118-122.

РЯЖСК ИЛИ РЯССК?

Для охраны южных границ Русского государства в XVI-XVII веках была учреждена сторожевая станичная служба. Были построены засечные линии и укрепленные городки, которые населяли служилые люди - стрельцы и казаки. Стрельцы несли в них «пешую», а казаки «конную службу». Уже в это время широкую известность получают селения, названия которых повторяют ранее существовавшие имена степных («польских») рек и ручьев, вблизи которых обосновывались «сторожи»: Воронеж, Лебедянь, Валуйки, Оскол, Елец и др. Одним из них был городок на юге Рязанской области, название которого на современной карте представлено в форме *Ряжск*.

Когда в последней четверти XVIII века это селение получило статус города, на его «гласном» (от *гласить*, т.е. говорить) гербе был помещен *ряж* – оборонительное сооружение в виде деревянного сруба, наполненного песком, на голубой ленте реки. Геральдические эмблемы таких гербов служат как бы иллюстрациями к топонимам, являются предметным изображением реалий, которые, по мнению местных жителей или составителей гербов, могли отразиться в названиях населенных мест. Например, в реестре городов, представленных графом Минихом в 1729 году в Военную коллегию, герб города Рыльска (в Курской области, на реке Сейм) имел описание: «на желтом поле кабанья голова» (т.е. от *рыло*, а не от названия речки *Рыло*, впадающей в Сейм); на гербе города Козлова – изображение «козла белого» (т.е. от нарицательного существительного *козел*, а не от антропонима *Козел*) и т.д. (Лакнер А.Б. Русская геральдика. М., 1990. С 189, 190).

Что же касается герба Ряжска, то перед нами весьма редкий случай изображения в геральдике не только той природной реалии, которая связана с географическим именем, – одной из рек с общим названием Ряса (Рясы), имеющих при себе уточняющие определения (Становая, Московная, Ягодная, Гущина, Раковая и др.), но и предмета,

название которого изначально имя города не мотивировало.

Первичная форма ойконима (названия населенного пункта) - *Рясск* была мотивирована другими географическими именами (или каким-то одним именем) с основой *ряс-*. Здесь, между реками Хуптой (верхняя Ока) и Рясой (бассейн Воронежа), в XVI-XVII веках существовал *Ряский волок*, проходивший через местность, носившую название *Ряское поле* (по реке Ряс). В одном из документов 1502 года так сообщается об этом старинном пути: «...А из Прановой Хупты [очевидно, *Рановой*, так как Хупта – правый приток Рановы, правого притока Оки – *Е.О.*] вверх до переволоки до Ряского поля... да переволокою Ряским полем до реки до Рясы» (цит. по: Семенов П.П. Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1873. Т. IV). Неясно только, какая из современных Ряс в конце XV – начале XVI веков служила продолжением этой «переволоки», т.е. волока. Вполне вероятно, что это была *Раковая Ряс*, правый приток самой главной из речек с названием *Ряс* – *Становой Рясы*.

На это предположение наталкивает тот факт, что в документах XVI века степь между верховьями Дона и Оки, т.е. Ряское поле, имела и другое название - *Раковые колки*. *Колками* (ед.ч. *колок*) на верхнем Дону называют кустарники или небольшие рощи, состоящие из березы или дуба (Степи Центрально-Черноземных областей. М.-Л., 1931). Вдоль Раковой Рясы протянулись эти рощицы – *Раковые колки*, а вся окрестная территория именовалась еще поэтому *Раковым полем*. Слово *поле* в это время означало также «пустошь, незаселенное место» (этимологически оно связано с *польй* «открытый, свободный, пустой»).

На Рясах в 70-е годы XVI века уже были сторожевые посты служилых казаков, которые вели наблюдение за «полем». Позднее на этой территории появляется интересующее нас селение, название которого вначале было неустойчивым. В разных источниках зафиксировано несколько его вариантов. Самыми ранними, очевидно, были определительные словосочетания: *Ряской город* - «сторожевые козаки Ряского города» (Памятники южновеликорусского наречия. М., 1990); *Ряское городище* – на речке Ягодные Рясы (Книги разрядные, по официальным оных спискам изученные... II-м отделением собственной его императорского величества канцелярии. СПб., 1853. Т. 1; 1623 г.). Нередко отмечается пропуск определяемого слова, и название селения предстает в форме топонимического прилагательного: *Ряский* (там же; 1623 г.), *Ряской*: «писать в Ряской тотчас» (Собрание материалов для изучения истории западного края Тамбовской губернии и епархии, Тамбов, 1878; 1662 г.). На базе этого прилагательного и

возникла типичная для названий населенных мест форма топонима с исходным суффиксом *-ск*: *Ряск* – «до Ряска» (там же; 1662 г.).

В документах одного времени и даже в одних и тех же текстах данный топоним может встретиться в этих трех состояниях, например: *Рязское городище*, *Рязский* и *Рязск* (там же; 1623 г.). Таким образом, ранней и исторически правильной формой ойконима была форма *Рязск* (в гиперкорректной записи гидронимной основы – *Рязск*), которая мотивировалась названием реки *Ряса* (*Рясы*).

По мнению П.П. Семенова, название селения не могло быть производным непосредственно от гидронима (вероятно, он имел в виду главную реку – Становую Рясу, протекавшую в 30 верстах от города). Река, считал он, дала название *Рязскому* (*Рязскому*) *полю*, и только последнее – *Рязску* (Семенов, указ. соч.). Однако в описании местонахождения и маршрутов передвижения «сторож» (1623 г.) прямо указывается, что одна из них, «2-я сторожа, - *Ягодные Рясы*» (Беляев И. О сторожевой и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1846. №4).

На ручье *Ягодная Ряса* и возникло *Рязское городище*, имя которого позднее изменилось в *Рязск*. Еще раньше на одной из речек с названием *Большая Ряса* (которое сейчас уже трудно локализовать; возможно, это иное, более раннее название тех же *Ягодных Ряс*) была третья «сторожа»: «3-я сторожа на Рясах на Больших» (Акты Московского государства, Т. I. Разрядный приказ. Московский стол 1571-1634. СПб., 1890; 1572 г.). Укрепленный городок, где несли свою полевую службу стрельцы и казаки, появился не в поле, а на берегу одной из речек с названием *Ряса* (*Рясы*), которое и предопределило название селения.

Произошедшее ко второй половине XVIII века ослабление первичной мотивации ойконима именем реки привело к появлению новой смысловой связи со словом *ряж*. Этому, безусловно, способствовала сохранившаяся память о том, что городок прежде выполнял оборонительную роль на южных рубежах России. Создатели его «гласного» герба механически и наивно объединили в его символике обе эти мотивации, а последняя из них повлияла на орфографию ойконима. В новом написании *Рязск* он вошел в современную топонимию. Не пришло ли время исправить эту ошибку более чем двухсотлетней давности?

Теперь о названии самой реки или, точнее, целой группы речек

с общим определяемым словом *Ряса* (*Рясы*), по которым урочище между Воронежем и Рановой было поименовано *Ряским полем*. В гидрониме *Ряса* отразился местный (народный) географический термин *ряса* «мокрое место, топь». Вероятно, первичным состоянием гидронима была форма множественного числа – *Рясы*. Так вначале называлась обширная заболоченная местность, где зарождались и протекали около десятка ручьев, от слияния которых образовался приток Воронежа с современным названием *Становая Ряса*.

Благодаря частому в топонимии контактному переносу названий без изменения их формы на сопредельные географические объекты имя урочища (заболоченной местности) *Рясы* переходит и на протекающую через него речку с притоками. Примечательно, что древнейшие фиксации гидронима донесли до нас только форму множественного числа, например: «10-я сторожа верх Ряс»; «за рекою за Доном, на усть Топкаго боярака над речкою над Рясы» (Акты Московского государства; 1571 г.; 1649 г.); «вниз до Ряс» (Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. – Т. 1. Воронежские акты. – Воронеж, 1887; 1696 г.) и др. Этот приток Воронежа в записи *Rasi* (т.е. *Рясы*) находим и на карте южной России Менгдена и Брюса (1699 г.). Зафиксирован и очень редкий вариант гидронима с уменьшительным суффиксом тоже во множественном числе: «дорога от *Рясок* усть Воронежа» (Акты Московского государства; 1751 г.).

Станичная служба и дальнейшее заселение этой «польской» окраины Русского государства – *Ряского поля* очень рано вызвали потребность в дифференцированном обозначении наиболее значительных водотоков, составляющих бассейн речки *Рясы*, носивших одинаковые имена. Так, уже в 70-е годы XVI века появляются гидронимы с уточняющими определениями: *Становые Рясы*, *Большие Рясы*; в первой четверти XVII – *Ягодные Рясы*, *Раковые Рясы* и др. Позднее, как увидим, количество таких составных гидронимов определительного типа станет еще больше. Следующим этапом в грамматическом развитии гидронима *Рясы* будет приобретение им формы единственного числа с окончанием *-а* (*Ряса*) и благодаря этому вхождение его в огромный ряд русских речных названий с таким формальным показателем. Как увидим, этому способствовало появление на берегах речек и ручьев населенных пунктов с именем *Рясы* (впоследствии осложненными уточняющими определениями), названия которых на первых порах «копировали» гидроним (например, села *Становые Рясы*, *Ягодные Рясы*, *Раковые Рясы* на речках с такими же формами названий). Произошло расподобление омонимичных

названий, относящихся к разным географическим объектам. Окончание множественного числа (вначале принадлежавшее гидрониму) остается в названиях селений, для которых оно привычно и часто в русской топонимии выполняет роль ойконимообразовательного средства (например, селения *Броды, Лбы, Колодези* и т.д.), тогда как в названиях рек оно замещается на *-а*.

В середине прошлого века на картах и в географических описаниях Рязанской губернии плюральная форма гидронима уже, по сути, отсутствует. В «Материалах по географии и статистике России», посвященных Рязанской губернии (СПб., 1860), и «Списке рек Донского бассейна» П.Л. Маштакова (Л., 1934), составленном на основе военнотопографической карты-трехверстки, приводится следующий набор *Ряс* в бассейне Становой Рясы: *Московая (Московская) Ряса, Моховая Ряса, Гущина Ряса, Раковая Ряса, Ховейная Ряса* и *Колодезная Ряса*. Другие источники содержат сведения и о других *Рясах* - *Малой* и, вероятно, *Пиковой (Николовой)*.

В объяснении нуждаются определения, вошедшие в состав вторичных описательных гидронимов. Рассмотрим их в том порядке, в каком расположены имеющие эти имена речки в бассейне Становой Рясы – от верховьев до впадения ее в Воронеж. Из всех *Ряс*, писал П.П. Семенов, «Становая принимается за главную» (Указ. соч.). Как приток Воронежа *Становые Рясы* воспринимались уже в XVI веке: «вниз по Воронежу до усть Становых Ряс» (Акты Московского государства; 1572 г.). Их название – от *стан* «местонахождение казаков» (этот корень присутствует и в слове *станция*). На месте пребывания одной из казачьих сторожевых станиц позднее возникает село (бывшего Козловского уезда) с таким же именем – *Становые Рясы*, первые упоминания о котором относятся к XVII веку (Донские дела: Русская историческая библиотека. – СПб., 1906. – Т XXIV. – Кн. 2; 1646 г.).

Самой верхней из *Ряс* был правый приток Становой Рясы, который в большинстве источников носит название *Московая Ряса* (Списки населенных мест Российской империи. Рязанская губерния. – СПб., 1862. – Вып. XXXV; Семенов. Указ. соч.; Россия. Полное географическое описание нашего отечества. – СПб., 1902. – Т. 2 и др.). Вероятно, от *Мостковая*, т.е. *Ряса*, через которую был перекинут *мост*, построены *мостки*. В живой речи труднопроизносимое *стк* упростилось в *ск* (ср. аналогичное: *стъкло* → *сткло* → *сло*). Утрата мотива номинации привела к более позднему переосмыслению этого уточняющего прилагательного и замене его близким по звучанию словом *московская*. Вариант *Московская Ряса* отмечен немногими

источниками (см.: Некрасов. Река Воронеж // Журнал Министерства внутренних дел, 1856. – Часть 20-я. – СПб., 1856; Маштаков. Указ. соч.). Этот ручей именовался еще *Малой Рясой* (Географический словарь Тамбовской губернии в конце XVIII и в начале XIX столетий. – Тамбов, 1902; 1801-1809 гг.)

Ниже Малой Рясы с правой стороны в Становую Ряску впадали Большие Рясы – параллельно употреблялось другое название *Ягодные Рясы*, по которым проходил волок и где находилась «2-я сторожа Ягодные Рясы», а впоследствии возникло самое большое количество (по сравнению с другими Рясами) населенных пунктов: деревни *Ягодная Ряска* (или *Льговка*), *Ягодная Ряска* (*Вишвка*), *Ягодное* (*Рясы*, *Львовка*, *Дикое Поле*), *Ягодные Рясы* (*Львовка тож*), *Ягодный Верх* (*Ханеевка*) и др. (Населенные места Рязанской губернии. Рязань, 1906; Списки населенных мест Российской империи. – Вып. XXXV; Материалы для географии и статистики России... Рязанская губерния). Определение *ягодные* (*ягодная*) свидетельствует о том, что в XVI веке этот ручей протекал по местности, изобиловавшей ягодами.

Притоком Ягодной Рясы была заболоченная *Моховая Ряска*. Еще ниже *Становая Ряска* принимает правый приток *Гущину Ряску*. Притяжательное прилагательное, очевидно, производно от антропонима *Гуща* (ср. современные фамилии *Гуща*, *Гущин*). Изредка этот гидроним печатался в искаженном виде *Гушина Ряска*.

Еще ниже Становая Ряска с правой стороны принимает *Раковую Ряску*. В качестве гидронима это название отмечается в источниках только со 2-й половины XIX века, но опосредованно (в названии села *Раковые Рясы*, появившемся вследствие контактного переноса названия реки на селение) намного раньше – в одном из документов 1699 года (Собрание материалов для изучения истории западного края Тамбовской губернии и епархии).

Вдоль течения этой реки в середине прошлого века были два села – *Верхние Раковые Рясы* и *Нижние Раковые Рясы*. Уточняющее определение в описательном гидрониме, очевидно, содержало информацию о том, что воды этой речки в прошлом были богаты раками, ловлей которых промышляло местное население. Как уже отмечалось, по речке Раковые Рясы получило название урочище *Раковые Колки*. В издании начала нашего века «Населенные места Рязанской губернии» (Рязань, 1906) гидроним и ойконимы представлены в измененном виде: река *Рановая Ряска*, села *Верхние Рановы Рясы* и *Нижние Рановы Рясы*.

Сейчас уже трудно определить, что это – опечатки в тексте или

реальные варианты топонимов. Если варианты, то на образование их могло оказать влияние топонимическое прилагательное *рановая (-ые)*, производное от названия соседней реки *Ранова* (прав. приток Оки). На берегах Раковой Рясы находились еще два села с описательными названиями, включающими в себя отгидронимный компонент *Рясы*: *Верхние Пиковы Рясы* и *Нижние Пиковые Рясы* (Карта Рязанской губернии 1860 г., приложенная к книге «Материалы для географии и статистики России... Рязанская губерния»). В четвертом томе «Географическо-статистического словаря» П.П. Семенова эта пара ойконимов представлена в несколько ином оформлении, позволяющем установить происхождение и значение уточняющего определения: село *Пиковые Рясы* – и рядом сельцо *Пиково* (оно же Журавинка). Ойконим *Пиковы(е) Рясы* отразил гидроним только определяемой частью своего состава (*Рясы*). Его определяющая часть (*Пиковые*) появилась независимо от названия реки и содержит, вероятно, антропонимную основу (ср. современные фамилии *Пиков*, *Пиковец*). Село с таким же названием встречается и выше по течению – на Раковых Рясах. Состав этого ойконима только частично мотивирован гидронимом (*Рясы*). Не связанная с ним определяющая часть могла быть иной: по названию церкви святого Николая село именовалось также *Николовыми Рясами* или просто *Никольским* (Списки населенных мест Российской империи. – Вып. XXXV; Населенные места Рязанской губернии). Это дает право утверждать, что соответствующих гидронимов *Пиковы(е) Рясы* и *Николовы Рясы* не было.

Ниже Раковой Рясы в Становую Рясу тоже справа впадает речка, в названии которой содержится ее отрицательная характеристика. В разных источниках засвидетельствовано несколько его вариантов: *Говенная Ряса*, *Говейная Ряса* (Семенов. Указ. соч. – с замечанием, что она протекает среди хвойных лесов), *Ховейная Ряса* (Материалы для географии и статистики России... Рязанская губерния), *Ховенка* (Карта Рязанской губернии 1860 г.; Списки населенных мест Российской империи. – Вып. XXXV. Рязанская губерния; Населенные места Рязанской губернии). Самая ранняя фиксация этого гидронима дает нам форму *Говеновка*: «в речке в Говеновке» (Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов, 1888. – Вып. XXI; 1686 г.). Сейчас невозможно установить причину столь отрицательной характеристики этого притока Становой Рясы (возможно, слабое течение и загнивающая болотная растительность). Показательно, что его берега были малозаселенными.

Недалеко от места впадения в Воронеж Становая Ряса

принимает небольшой ручей с названием *Колодезная Ряса*. В этом имени отразился народный географический термин *колодезь* «ручей, поток, небольшая речка». Колодезная Ряса имела проточную и чистую воду – в отличие, очевидно, от Рясы Говенной, или Говеновки, с застойной водой с дурным запахом.

Рассмотренная нами топонимическая ситуация в бассейне одного из сравнительно небольших притоков Воронежа дает представление о том, какие сложные и разнонаправленные ономазиологические отношения могут складываться между названиями территориально связанных географических объектов, как взаимодействовали и влияли они друг на друга, изменяя свою форму. Поэтому решение вопроса о происхождении даже одного из них требует комплексного анализа всех имен сопредельных географических объектов, содержащих общую топонимную основу (в нашем случае – изначально мотивированных гидронимом *Ряса, Рясы*). Каждое такое имя – продукт развертывания и функционирования небольшого, локально ограниченного звена региональной топонимной системы. Возникшие в нем названия не всегда в полном составе сберегаются в наши дни (благодаря поздним переименованиям или просто забвению отдельных форм). Моделирование таких звеньев помогает исследователю постичь логику когда-то существовавших живых мотивационных связей, ослабленных или разорванных в последующий период.

---

* Русская речь. 1996 г. – №2, с. 84-91.

ВАЛУЙКИ. ЛИСКИ

Название города *Валуйки* Белгородской области России часто связывают с диалектным южнорусским словом *валуй* “неповоротливый человек, лентяй” (В.А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966). Аналогичное название населенного пункта в бывшем Волоколамском уезде А.М. Селищев производил от личного имени *Валуйка*, которое, по его мнению, возникло из указанного диалектного слова (см.: А.М.: Селищев. Избранные труды. М., 1968).

Исследование белгородского топонима *Валуйки* нельзя отрывать от другого географического имени – названия левого притока *Оскола* – *Валуй*. На высоком правом берегу его недалеко от устья в конце XVI века возникло укрепление, далеко выдвинутое в “поле” для защиты окраин русского государства от набегов крымских татар и превратившееся в город *Валуйки*. Связь между названиями реки и поселения несомненна.

Водное название (гидроним) в форме *Волуй* (*Валуй*) нередко встречается в документах XVII века, хотя самое древнее упоминание его (1491) дает нам уже суффиксальное образование – существительное *Волуйка*: “межь *Волуйкою* и *Донцемъ*” (Памятники дипломатических сношений древней Руси с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Ногаями и Турцией, Т. 1. М., 1884). Изредка встречаются и другие варианты гидронима: *Валуичик*, *Валуйки* (мнж. число), река *Волуйская*, *Большой Валуй*. Речка *Валуй* имеет, в свою очередь, приток *Валуичик*, называвшийся также *Валуйцем*, *Малым Валуйцем* или *Малым Валуем*.

В названии *Волуй* (в южнорусской акающей огласовке – *Валуй*) обнаруживается форма мужского рода древнерусского прилагательного *волуи* ‘волобий, бычий’ (ср.: *волуя глава*, *волуя кожа*, *волуе стадо* и т. д.), определявшего когда-то утраченный географический термин – *ручей*, *овраг*, *колодезь* ‘небольшой водный поток’. *Волуй* и находится в той зоне бассейна реки *Дон*, где в прошлом был хорошо известен термин

колодезь, нередко выступавший в составных названиях в качестве определяемого компонента (в XVII веке среди притоков *Волюя* были, например, *Верхний колодезь* и *Мосеев колодезь*). Замена в русском языке этой краткой формы прилагательного современной формой с суффиксом *-ов-* (*воловий*) привела к тому, что гидроним *Волуй* (*Валуи*) стал восприниматься как имя существительное. Название реки *Волуй* в значении ‘воловий’ произошло, по-видимому, оттого, что на его богатых травянистой растительностью берегах пасли крупный рогатый скот и в первую очередь волов.

Гидроним *Волуй* (*Валуи*) – единственный в бассейне Дона, хотя встречается и в других речных бассейнах, например, в Поочье, где он засвидетельствован трижды: река *Валуи* (в верховье Оки), озеро *Большие Валуи* (в среднем левоборье Оки), *Волуйский верх* (в верхнем правобережном Поочье) (Г.П. Смолицкая. Гидронимия бассейна Оки. М., 1970).

С интересным фактом “расшифровки” первичного значения гидронима мы имеем дело в следующем случае: одно из сел бывшего Кромского уезда Орловской губернии, расположенное на берегу *Волюя* (левого притока Оки), носило название *Воловыи верхи* (Списки населенных мест Российской империи, СПб., 1871). Точно так же название деревни *Коровьи Верхи*, расположенной в истоках реки *Коровинки*, позволяет нам предположить, что в основе его современной формы лежит прилагательное *коровья*, а не личное имя *Коровин*, *Корова*.

На базе основы прилагательного *волов-* появились новые имена, сложившиеся в более позднее время: *Воловчик* – ручей в бассейне Олыма, правого притока Быстрой Сосны; *Воловка* – речка в бассейне Вороны, правого притока Хопра (П.Л. Маштаков. Список рек Донского бассейна. Л., 1934); овраг и верх с одинаковым именем *Воловатой*, овраг *Воловой* – все в бассейне верхней Оки (Г.П. Смолицкая. Гидронимия бассейна Оки) и т. д.

Среди названий наших речек, ручьев и оврагов встречается немало “коровьих” (только в бассейне Оки, по данным каталога Г.П. Смолицкой, их несколько десятков), “конных” (или “конских”), “кобыльих” и других. Например, приток Красивой Мечи (бассейн Дона) *Кобыленка*; *Кобылка* (в “Книге Большому Чертежу” еще *колодезь Кобылеи*) и *Жеребенюк* – оба в бассейне Быстрой Сосны; *Жеребец* – левый приток Северского Донца; овраг *Конской* – в верхнем левобережном Поочье и т. д. В этих наименованиях отразился вид деятельности огромного крестьянского населения старой России, занимавшегося скотоводством. “Воловыи” названия некоторых наших речек – лишь

незначительная часть этой представительной группы географических имен. В производной форме *Валу́йка* это название закрепилось и за населенным пунктом. В форме единственного числа слово *Волу́й* (*Валу́йка*) просуществовало долго -- оно фиксируется не только документами конца XVI, но и XVIII века. Однако уже в XVII веке появляется форма множественного числа *Валу́йки*. “Книга Большому Чертежу” регистрирует колебания в употреблении вариантов *Валу́йка* и *Валу́йки*. Иногда они могут сосуществовать в общих текстах и даже стоять рядом, как, например, в одном из документов 1710 года: “с тою почтою на *Валу́йки* [множ. число] явятца и с *Валу́йки* [единств. число] к Москве та почта... отпущена будеть” (Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. Воронеж, 1885-1886).

Появление формы множественного числа в топониме *Валу́йки* и постепенное ее закрепление в языке было вызвано хорошо известным в топонимии процессом расподобления одинаковых названий рек и населенных пунктов. Форма множественного числа характерна для русских названий населенных пунктов и мало типична для названий рек. Материалы по топонимии бассейна реки Дон дают нам множество примеров подобного расподобления однокорневых названий речек и ручьев и находящихся на их берегах сел и деревень. Приведем некоторые из них, относящиеся к верхнему течению Дона (до впадения в него реки Воронеж): река *Пані́ка* – на ней три населенных пункта с названием *Пані́ки*; ручей *Дриска* – село *Дриски*; ручей *Избище* – село *Избищи*; речка *Щигор* – город *Щигры* и т. д.

Может иметь место и “обратное” влияние формы названия сел и деревень на речные названия, которые в связи с этим приобретают не свойственное им прежде множественное число: река *Пані́ка* (правый приток Дона) – село *Пані́ки* – река *Пані́ки*; лощина *Ми́ара* (на верхнем Дону) – деревня *Ми́ары* – лощина *Ми́ары*; речка *Озерка* (в бассейне Быстрой Сосны) – деревня *Озерки* – речка *Озерки*; речка *Опочка* (в бассейне Оскола) – село *Опочки* – речка *Опочки* и т. д. “Обратное” воздействие топонима *Валу́й* на название ручья отмечается лишь в единичных случаях. Форму гидронима *Валу́йки* мы, например, находим на карте Новороссийской губернии в “Российском атласе”, изданном в 1800 году Географическим департаментом.

Если в XVII веке отношения *Валу́й-Валу́йка* отражали различия гидронима и названия населенного пункта – при более редком употреблении: *Валу́й* – *Валу́йки*, то в XVIII-XIX веках устанавливается именно этот, последний тип топонимической связи, сохранившейся в наше время.

Лиски. Так до 1965 года назывался город Георгиу-Деж в Воронежской области России. Свое название он получил от правого притока Дона – реки *Лиски* (или *Лыски*). Множественное число в наименовании города такого же происхождения, как и в рассмотренном топониме *Валуйки*. В документах 50-60-х годов прошлого века название еще встречается в форме *Лиска* (*Лыска*), а иногда уже и *Лыски*, как, например, в посвященном Воронежской губернии выпуске “Материалов для географии и статистики России”, составленном В. Михалевичем (СПб., 1862). Примерно к концу XIX века закрепляется противопоставление: река *Лиска* (*Лыска*) и название населенного пункта на ней – *Лиски* (*Лыски*).

Замечание В.А. Никонова: “Этимология *Лиски* неясна” (Краткий топонимический словарь) следует относить только к гидрониму, который отмечает еще “Книга Большому Чертежу”: “пала в Дон речка *Лиска*”, “ниже речки *Лиски*”. Как речное название *Лиска* встречается в целом ряде источников XVII-XIX веков. Его варианты: *Лыска*, *Лысочка*.

Именно варианты гидронима и названия населенного пункта с основой *Лыск-* имеют, на наш взгляд, этимологическую ценность: они прямо указывают на связь с прилагательным *лысая*, получившим – уже на топонимической стадии – суффикс имени существительного *Лысая* > *Лыска*. Это прилагательное использовалось для обозначения различных географических объектов (рек, ручьев, балок, возвышенностей и т. д.), лишенных древесного или травяного покрова. Сравните, например: балка *Лысый колодезь* – в бассейне реки Быстрой, левого притока Северского Донца; *Лысые горы* – на реке Медведице; *Лысая гора* – на берегу реки Маныч, левого притока Дона и др. В восточнославянской топонимии “лысые горы” встречаются часто (вспомним еще известную *Лысую гору* под Киевом). Среди прочих значений слова *лысина* В.И. Даль отмечает и “голое темя гор, холмов” (Толковый словарь). Такие названия встречаются и в гидронимии Днепра: *Лисогорка*, две *Лысянки*, *Лысая Гурка*, две *Лиски*, *Лыса* и др. (П.Л. Маштаков. Список рек Днепроовского бассейна. СПб., 1913); в бассейне Оки: река *Лысенка* ((она же *Лысенка*, *Лыска*), овраг *Лысой* и, почти рядом, другая река *Лысенка* (Г.П. Смолицкая. Гидронимия бассейна Оки) и т. д.

Имеется еще одно название *Лыска*, относящееся к левому притоку Чира. С XVII века оно отмечается в “Донских делах” и в других источниках, имеющих отношение к Дону. В отличие от воронежской

Лиски, нижнедонская *Лиска* не сохранила вариантов с основой *Лыск-*, но среди ее притоков имеется балка *Лысова*, а также *Гольй лог* и балка *Голая* (многие притоки *Чиры* безлесны).

Фонетическая неустойчивость основы *Лыск-* // *Лиск-* в некоторых случаях приводила к переосмыслению таких названий - к сближению их со словами *лисья*, *лиса*, *лисица*. Благодаря этому *Лысье горы* на реке Медведице становятся *Лисьими горами* (Дон и его притоки. Воронеж, 1891); *Лысая гора* недалеко от реки Байгоры (бассейн Воронежа; здесь же находится и село *Лысье Горы*) превращается в *Лисью* (Бассейн Цны, Савалы и Битюга. СПб., 1905). Точно так же название левого притока Сулы (левого притока Днепра) *Лисогорка* переосмысливается в *Лисицу* (П.Л. Маштаков. Список рек Днепровского бассейна) и т. д.

Для обозначения различных водных объектов с безлесными берегами использовались и другие определения: *нагольная* (ср. *Нагольная* – балка в бассейне Айдара, левого притока Северского Донца; река *Нагольная* имеется и среди притоков Миуса, впадающего в Азовское море), *босая* (две *Босых* балки мы находим в бассейнах Айдара и Деркула) и т. д. Во всех подобных случаях имеем дело с уже стершимися в наши дни топонимическими метафорами.

---

* Русская речь. 1977 г. – № 6, с.102-106.

АЗОВЬЕ – АЗОВЩИНА – АЗОВ

Среди морей, омывающих территорию России и Украины, есть одно, название которого образовано от имени города, расположенного на его побережье. Это – Азовское море. Город Азов (сейчас сравнительно небольшой районный центр Ростовской области) в прошлом был самым известным населенным пунктом и крепостью на берегу моря. Еще раньше, в период Киевской Руси, Азовское море называлось Сурожским, по имени известного в то время торгового центра в Крыму – города Суража. Можно привести еще один пример именованя моря по названию города на его берегу. Это Охотское море. В устье реки Охоты в XVIII в. уже существовал единственный здесь Охотский порт (он же город Охотск), откуда совершали плавание на Камчатку (Ф. Полуниин. Новый и полный географический словарь Российского государства. Часть 4. М., 1788).

Составной топоним (географическое имя) *Азовское море* в настоящее время является общелитературной формой. Известно, однако, что один и тот же топоним нередко бывает представлен в нескольких словообразовательных формах – в общепринятой, литературной, и разговорной (сравните: *Петербург* и *Питер*, *Днепропетровск* и *Днепр*, *Владивосток* и *Владик* и т. д.). Очень восприимчив к топонимическим словообразовательным новшествам язык газеты, наиболее оперативно откликающийся на различные сдвиги в словоупотреблении в области устной речи.

Азовье – Азовщина – Азов представляют собой появившиеся в последнее время варианты топонима *Азовское море*.

Как известно, названия территорий с суффиксом -j- в современном русском языке распределяются по трем словообразовательным типам, из которых два (суффиксально-префиксальные топонимические формы типа *Приднепровье*, *Заполярье*, *Подмосковье* и чисто суффиксальные образования от сложных основ

типа *Черноморье*, *Черноземье*) являются продуктивными, а третий (тоже суффиксальные названия территорий, только с нечленимыми топонимическими основами – *Ставрополье*, *Пинежье* и т.д.) – непродуктивными. Вариант *Азовье* относится к последнему, непродуктивному типу. Сравните: «Отлично трудится на *Азовье* экипаж парохода “Кривой Рог”» (“Приазовский рабочий”, 22 августа 1963, г. Мариуполь); “На *Азовье* – свое пароходство” (название статьи в газете “Социалистический Донбасс”, 4 февраля 1967); “Каков будет итог нынешней путины? Не принесет ли она *Азовью* новых бед?” (“Литературная газета”, 12 августа 1970) и т.д.

Есть основания полагать, что рассматриваемая нами “стяженная” форма топонима *Азовское море* сложилась под влиянием старых, хорошо известных в языке образований типа *Черноморье*, *Средиземноморье*: “С *Черноморья* по дорогам Пыль несется плясом” (Э. Багрицкий. Дума про Опанаса); “И торговые и военные русские, советские корабли ходили через *Средиземноморье* (“Правда”, 28 марта 1969); “Этот небольшой пароход, носящий на борту имя украинского города Червонограда, хорошо известен морякам *Азовья* и *Черноморья*” (“Азовский моряк”, 1971, № 29). Процесс аналогичного выравнивания с уже существующей в языке формой *Черноморье* совпал с хорошо известной топонимии тенденцией к “стяжению” составных топонимов в одно слово (*Павлополь* из *Павлово Поле*, *Красногоровка* из *Красная Гора* и т. д.). В этом отношении интересно употреблявшееся в довоенные годы аббревиатурное образование *Азморе*, отразившееся, в частности, и в названии тогдашней газеты моряков и рабочих бассейна Азовского моря – “Большевик Азморя”. Непосредственная близость самих географических объектов облегчила влияние суффиксальной формы *Черноморье* на “соседний” составной гидроним *Азовское море*, что привело к возникновению еще одного весьма редкого в современной топонимии образования с суффиксом -j-: *Азовье*. По своему значению это “стяженное” суффиксальное образование не всегда эквивалентно своему предшественнику – составному гидрониму *Азовское море*. В ряде случаев регистрируется употребление его вместо таких описательных оборотов, как “Азовское морское пароходство”, “моряки и работники предприятий Азовского морского пароходства” и “побережье Азовского моря” (то же Приазовье, но только в “узком” смысле этого слова). Приведем примеры из газеты “Азовский моряк”: “Открывается занавес, и с эстрады раздаются слова приветствия моряков *Азовья* труженикам Заполярья” (1966, № 25); “В мае 1918 года была сделана попытка создать флотилию и у нас на *Азовье*” (1967, № 8); “Так погиб

“Красный моряк”, бороздивший воды *Азовья* более девяноста лет” (1967, № 32). Сравним еще некоторые словосочетания с формой *Азовье*: “правофланговые *Азовья*”, “молодежные вожаки *Азовья*”, “коллективы *Азовья*”, “морские дороги *Азовья*”, “берега *Азовья*”, “рабочий класс *Азовья*”, “коммунисты *Азовья*” и другие. Наконец, в г. Мариуполе при Дворце моряков существует танцевальный ансамбль “*Азовье*”, а в 1972 году был открыт магазин с таким же названием.

Очень редким словообразовательным вариантом формы *Азовье* является производное с суффиксом *-щин(а)*, например: “Осенью я заглянул в Бердянск по дороге из Ростова, чтобы на месте узнать о последствиях беды, нежданно-негаданно навалившейся на *Азовщину*. В конце февраля и начале марта 1969 г. случился здесь невиданный замор рыбы” (“Литературная газета”, 12 августа 1970). Примечательно, что в этой же статье дважды употреблена и форма *Азовье*, что позволяет образование *Азовщина* рассматривать как окказиональный украинский вариант первой формы.

Обе формы – *Азовье*, *Азовщина* в современной топонимии выглядят весьма “экстравагантно”. Среди известных в языке названий территорий с суффиксом *-j-*, сложившихся на базе составных топонимов, очень редки производные от названий морей (*Черноморье*, *Средиземноморье*), эквиваленты с суффиксом *-щин-* для них отсутствуют.

Дальнейшим развитием формы *Азовье* является утратившее суффикс *-j-* образование *Азов*, обязанное своим появлением в речи так называемому обратному словообразованию, когда производящее слово (в данном случае – *Азовье*) начинает осмысливаться как производное от формы *Азов*. Константин Паустовский в романе “Блистающие облака” (1929 г.) пишет о “болотистых водах *Азова*”. Сравните также названия картин художника Ф. Ангелина (из приазовских греков) “Рыбацкий поселок на *Азове*” (1953 г.) и “Хутор на *Азове*” (1956 г.). Форму *Азов* следует рассматривать как вторую ступень словообразовательной эволюции интересующего нас топонима: *Азовское море* > *Азовье* > *Азов*. Если случаи обратного словообразования среди нарицательных имен существительных в современной русской речи не столь уже и редки (*щен* из *щенок*, *свин* из *свинья* и т.д., о них интересно написано в книге В.В. Лопатина “Рождение слова”, М., 1973), то проявление данной словообразовательной тенденции в топонимии нигде не отмечалось. Во всех зарегистрированных нами случаях употребления формы *Азов* она эквивалентна составному топониму *Азовское море* и лишь одному из отмеченных употреблений в данном

значении вторичного суффиксального образования *Азовье*: “Представляет практический интерес предложение о частичной переброске стока других рек в бассейн *Азова*” (“Правда”, 7 октября 1968); “С первых чисел марта и до середины декабря встречает он каждую зарю над *Азовом* на капитанском мостике”; “А душой и мыслями оставался на *Азове*, и во сне ему виделся только *Азов*” (“Правда” 26 сентября 1971; здесь употреблена и полная форма названия – *Азовское море*); “Канал *Азов – Каспий*” (“Азовский моряк, 1969, № 50; название заметки, в которой рассказывается о проекте Азово-Каспийского канала); “Много, очень много весен отшумело над седым *Азовом*” (“Азовский моряк”, 1971, № 51). Этот вариант гидронима отразился также в названии спортивного клуба “Азов” в г. Мариуполе, Донецкой области. Хотя форма *Азов* в наши дни встречается в языке местных и центральных газет, ее более широкому употреблению в профессиональной речи моряков Азовского моря мешает наличие другой омоформы, являющейся названием порта на Азовском море в устье Дона.

Неофициальное название Азовского моря – *Азов* – отнюдь не уникально по своей словообразовательной природе в современной русской речи. Мы можем назвать целую группу таких топонимов. Об одном из них мы узнаем из статьи М. Карпенко и Г. Кудряшова, опубликованной в газете “Известия”, 8 декабря 1972: “Так уж получилось: скромная степная речушка дала имя одному из крупнейших искусственных морей. Всему миру оно известно теперь как Цимлянское водохранилище. Но местные жители называют его просто и ласково – *Цимла*”. Ср. также форму *Цимла* в газете “Известия” от 10 июля 1999 г. (статья “Мертвеющее море” с подзаголовком “*Цимла* может скоро стать болотом”), выступающую как вариант описательных гидронимов *Цимлянское водохранилище* и *Цимлянское море*: “Главная потеря – резкое сокращение в *Цимле* рыбных запасов”; “Плохой рыбы теперь *Цимле* чуть ли не половина” и т.д. В статье В. Андреева “Чем *Цимла* славится” (“Правда”, 8 мая 1973) топонимическая форма *Цимла* выступает также в значении ‘цимлянская земля’ и как заместитель названия населенного пункта *Цимлянск*. Безаффиксному способу словообразования обязаны своим появлением и такие формы, как *Каспий* (< *Каспийское море*), *Волго-Балт* (< *Волго-Балтийский водный путь имени В.И. Ленина*), *Азоры* (< *Азорские острова*), *Курилы* (< *Курильские острова*), *Бермуды* (< *Бермудские острова*), *Бискай* (< *Бискайский залив*).

Усечение топонимической основы вызвано не только

регрессивным (обратным) словообразованием, вследствие чего наблюдается утрата суффиксальной части названия, им могут быть затронуты и топонимический суффиксоид (*Питер* < *Петербург*) и даже сама производящая основа. Сравним разговорный вариант топонима *Днепропетровск* – *Днепр*, *Дніпро* (укр.): “Я встретил его в Днепре”, “Ты давно из Днепра?” и т.д. Эта форма широко распространена на Украине особенно в речи телефонисток междугородных телефонных станций, отразилась она и в названии газеты “*Днепр* вечерний” (Днепропетровск).

С приведенными образованиями вторичного происхождения не следует смешивать исконные безаффиксные формы, на основе которых сложились русские оттопонимные прилагательные. Так, например, из параллельно функционирующих в современной речи топонимических форм – *Аральское море* и *Арал* (сравним названия корреспонденций в газете “Известия” 1 июля и 30 августа 1973 года: “Приглашает *Арал*”, “А теперь – по *Аралу*”) последнее образование является точным соответствием начальному – определительному слову в тюркском составном названии этого моря – *Арал Денгиз* и в русский язык попало как “обломок” этого изафетного словосочетания.

Итак, форма *Азовье* (как смысловой эквивалент составного топонима *Азовское море*), появившаяся не только в местных, но и в центральных газетах, лишена опоры на соответствующие модели словопроизводства в современном русском языке (в нем нет названий морей типа *Аралье* вместо *Аральское море* и т.д.). Если в разговорной речи обращение к “сокращенным” топонимам в какой-то мере оправдано, то столь широкое проникновение их в язык газет (особенно местных) вызывает возражения. Это относится и к употреблению новообразования *Азовье* вместо хорошо известной и правильной формы *Приазовье*. Неполитературной является и форма *Азов* в значении ‘Азовское море’ – “вторичный продукт” варианта *Азовье*, возникшего в недрах разговорной речи жителей азовского побережья. “Слабость позиции” этой формы – в омонимии с названием города *Азов*, создающей двусмысленность.

---

* Русская речь. 1976. – № 5, с. 113-117.

ИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ ЮЖНОРУССКОЙ ТОПОНИМИИ

І. ЕЛЕЦ

ЕЛЕ́Ц – город в Липецкой обл., на р. Сосне. Название впервые зафиксировано в 1146 г. в тексте Патриаршей, или Никоновской, летописи (список XVI в.): “Князь же Святославъ Ольговичъ иде в Рязань, и бысть во Мценскѣ, и въ Тулѣ, и въ Дукѣ на Дону, и въ Блцѣ, и въ Пронскѣ, и приде въ Рязань на Оку” Через город протекает приток Сосны – небольшая речка *Ельчик* (в 20-е гг. нашего века длина ее была приблизительно 20 км).

Как название города топоним *Елец* отмечается в Софийской первой и второй летописях под 1395 г. в форме *Елечь* (“чоканье”); в “Книге Большому чертежу” и во многих письменных источниках XVII в.: “выше города Ельца”, “на Сосне город Елец” и т.д. Со следом “чоканья” (неразличения *ц* и *ч* и совпадения их в звуке *ч*) название *Елец* в роли гидронима зафиксировано и в “Росписи сторожам из украинских городов от польския украины по Сосне, по Дону, по Мече и по иным речкам” (1571): “налево черезъ Блечь до усть Полны”. В этой форме названия города – *Елец* – получила отражение первичная, часто встречающаяся в южнорусских документах XVI-XVII вв. разновидность наименования реки, возле устья которой он возник. В старорусский период еще обычна омонимия названий реки и поселения на ней: “А ниже Воргла 7 верст, на Сосне, город *Елец*, а под ним пала в Сосну речка *Елец*” (“Книга Большому чертежу”), “верхъ Блца” (1592), “на рекѣ Блцѣ”, “по ове стороны Блца” (1593-1594 гг.).

В XVII в. топоним *Елец* в сочетании с предлогом *на* (*на Елец, на Ельце* и т.д.) нередко употреблялся и как обозначение урочища, объединяющего в себе как реку, так и поселение с прилегающей к нему местностью. Изредка предлог встречается и при названии населенного

пункта. Этот факт, а также этимология названия (по мнению В.А. Никонова, от народного географического термина *елец* 'еловый или дубовый лесок, дубовый кустарник') свидетельствует о том, что данное географическое имя вначале возникло как название елового леса, ельника, являвшегося каким-то природным рубежом, урочищем. Благодаря контактному переносу географического имени (топонимической метонимии) первоначальное название урочища перешло на протекающую через него речку и поселение. Топоним *Елец* находится в зоне распространения названий с суффиксом *-ец* (в части из них он входит в состав народного географического термина, перешедшего в название речки или ручья): *Студенец, Паниковец, Песковатец, Хмелинец, Репец, Талец, Воронец, Кривец, Мокрец, Лукавец, Хомутец, Ламовец, Таволжанец, Ржавец, Жерновец* и др.

Омонимия названия реки и города в ее устье постепенно устраняется к XIX в. К этому времени за названием города закрепляется старая форма *Елец*, а гидроним обновляет суффиксальную часть, изменившись в *Ельчик*. Аналогичный процесс расподобления первоначально одинаковых названий речек и расположенных поблизости поселений имел место и во многих других случаях. Ср.: вначале река и город *Орел*, теперь город *Орел* и река *Орлик*; река и город *Изюм*, затем город *Изюм* – река *Изюмец*. В самом бассейне Сосны (или Быстрой Сосны), которому принадлежит Ельчик: село *Талец* – речка *Тальчик* (в XVIII в. – *Талец*), село *Ломоватец* на речке *Ломовчик*, село *Кривец* на речке *Кривчик*. Формальному расподоблению способствовала не только тенденция к устранению омонимии названий разнохарактерных сопредельных географических объектов – реки и города, но и усиление роли населенного пункта в жизни местного населения. Имя города или села стало восприниматься как "главное" и исконное. От него затем и образуется новое суффиксальное слово с уменьшительным суффиксом *-чик*. Название *Елец* не одиноко, его носит также один из притоков реки Москвы.

ЛИТЕРАТУРА

Астраков В.И. Географический очерк Москвы-реки и ее притоков. М., 1879.

---

* Русская ономастика и ономастика России. М. "Школа-пресс", 1994, с.63-65.

ИВАН-ОЗЕРО – озеро в верховье Дона, между Тулой и Епифанью, исток р. Шат, правого притока Упы, правого притока Оки. В XVI-XVII вв. считалось, что из него вытекают две реки – Дон и Шат. Ср. в “Книге Большому чертежу” (1627): “Рѣка Донъ вытекла изъ *Иваня озера*, отъ Дѣдилова верстѣ съ 30, и потекла подѣ Епифань. Да изъ того жъ *Иваня озера* потекла рѣка Шатъ и пала въ рѣку въ Упу выше города Тулы верстѣ съ 8 и вольши”. Представление об Иван-озере как об истоке Дона повлияло на его возвеличивающее именование в казачьих песнях: *Дон Иванович*. Аналогично река Яик, переименованная в 1775 г. Екатериной II в Урал, по той же причине (берет начало в отрогах хребта Уралтау) в речи уральских казаков называется *Яик Горыныч (Горынович)* или просто *Горыныч* [1, с.29]. В объяснении нуждается первая часть топонима, тождественная с личным именем *Иван*. Употребление этого компонента после географического термина встречается крайне редко, например: “около озера *Ивана*” [2, с.22]. Форма гидронима в “Книге Большому чертежу” свидетельствует, что в своей начальной части он имел уже разрушенную (утратившую окончание среднего рода) форму притяжательного прилагательного с так наз. “йотовым суффиксом” (-je). На притяжательное значение определяющей части составного гидронима прямо указывает существование в конце XVI в. варианта названия озера, в котором прилагательное имело суффикс -ов(о): на карте России фламандского картографа Г.Меркатора, составленной в 1594 г., имеется надпись *Iwanowo Jezioro* [3]. Примечательно, что неподалеку находится и другой посессивный топоним со следом “йотового суффикса” (мягкостью конечного согласного) – название населенного пункта *Епифань* (от мужского личного имени *Епифан*).

Рядом с озером возникло поселение с омонимичным названием *Иван-Озеро* (в XIX в. имело еще вариант: село *Иваново*), появившимся благодаря переносу названия водоема на сопредельный объект – селение (топонимическая метонимия). Отмечены случаи расподобления этих названий. В некоторых источниках второй половины XIX в. названия села и озера структурно различаются: водоем *Иван-озеро* – село *Иваново*, но чаще: село *Иван-озеро* – водоем *Ивановское озеро*. В последнем случае изменилась (приобрела противоположную направленность) мотивировка номинации: название водоема производится уже от названия села как социально более важного объекта. Однако процесс

этот в дальнейшем не получил завершения, и тождественность лимнонима (названия озера) и ойконима (названия селения) сохраняется и в наши дни.

На картах России XVI в., составленных европейскими картографами, лимноним передается как с географическим термином, так и без него: *Juan ozero* (карта России Дженкинсона из атласа "Spiegel der Werelt" П.Гейнса. Антверпен, 1583); *Ivan* (карта России С.Мюнстера из латинского издания "Космографии", 1559); *Ioanis* (на карте З.Герберштейна, 1546). Рядом с этим латинизированным вариантом русского личного имени находится надпись *Tanais fontes* 'источник, начало Танаиса' (Дона).

На некоторых картах XVI в. у истока Дона помещено другое название, в состав которого входил народный географический термин *плота*. Так, на карте С.Мюнстера из его "Космографии" 1544 г., а также на карте России Антония Вида (оттиск 1570 г. с карты, составленной в 1537 г.) обозначено озеро *Ploitho*; надпись *Ploco lago* (лат. *lacus* 'озеро, пруд') имеется на карте юго-западной России Я.Гастальдо 1562 г. Возможно, это было какое-то другое (более раннее?) название Иван-озера или водоема вместе с вытекавшим из него через заболоченный овраг ручьем, дававшим в старину начало Дону. Слово *плота* и сейчас в южнорусских народных говорах имеет значения 'лог', 'овраг' и 'болото' [4, с.44]. В настоящее время истоком Дона считается овраг Урванка. Между ним и Иван-озером еще в начале нашего века существовала слабо заболоченная равнина [5, с.19].

ЛИТЕРАТУРА

1. Малеча Н.М. Сборник словарных статей территориального диалекта уральских казаков. Уральск, 1960.
2. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.VI. Ч.4. Тульская губерния. СПб., 1852.
3. Кордт В. Материалы по истории русской картографии. Вып.1. Киев, 1899.
4. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.
5. Позднышев В. Верховья реки Дона в Тульской губернии. Тула, 1903.

---

* Русская ономастика и ономастика России. М. "Школа-пресс", 1994, с.92-94.

ЛИВНЫ – город, районный центр Орловской области. Точное описание местности, где расположен город, дает уроженец его С.Н.Булгаков: “Ливны – небольшой (12 тыс.) город Орловской губернии, расположенный на высоком берегу р.Сосны со впадающей в нее речкой Ливенкой” (Булгаков С.Н. Моя родина). Об основании города сообщается в указе царя Федора Иоанновича от 1 марта 1586 г., где он еще не имеет собственного имени: “А быти на Ливнах город ставити воеводе князю Володимеру Колцову Мосальскому”.

Первично – название реки (гидроним), которое вначале имело форму им.пад.мн.ч. – *Ливны*. Этот вариант гидронима впервые зафиксирован в документе 1571 г.: “на Соснѣ усть Ливень”. Во второй половине XVI в. существовала уже Усть-Ливенская сторожа, одна из 73 “сторож” на южноукраинских рубежах. Неоднократно отмечается этот вариант названия и в памятниках письменности XVII в. Множественное число гидронима вызвано тем, что левый приток Быстрой Сосны воспринимался вначале как состоящий из двух водотоков – *Ливны Полевой* и *Ливны Лесной*, которая “пала блиско города в полевую Ливну, а полевая Ливна пала в Сосну под городом под Ливнами” (“Книга Большому чертежу”).

По-видимому, в конце XVI – начале XVII в. еще было нечетким представление о том, какая из Ливен – главная река, а какая – ее приток. Об этом свидетельствует тот факт, что в другом месте “Книги Большому чертежу” главной рекой, впадающей в Сосну, называется уже *Лесная Ливна*: “... а вытекли Ливны: Лесная – ис Красного лесу, а Полевая Ливна... от Любовши и пала в Лесную под Ливнами” (т.е. г.Ливны). Примечательно, что и в этом источнике название реки тоже приводится во множественном числе: “речка Ливны”. В форме единственного числа гидроним, общий для всей реки, встречается крайне редко, например: “на Ливну” (1625).

Названия водотоков, слившихся в одну речку севернее г.Ливны, отличались определениями – *Лесная Ливна* и *Полевая Ливна* (аналогично тому, как в XVI в. именовались в верховье реки *Воронеж* его два разветвления – *Воронеж Польный*, или *Польский*, и *Воронеж Лесной*). Позднее *Полевая Ливна* стала называться *Ливной Горной* (сейчас – *Горная Ливенка*). Эта речка протекает по возвышенной равнине, а береговые возвышенности у жителей Орловской губернии еще в прошлом веке носили название гор.

Эта же особенность рельефа местности предопределила и

происхождение названия реки: она впадает слева в Сосну, а левый берег Сосны – возвышенный. Гидроним содержит усложненный корень *лив-* (от *лить*), представленный во многих словах литературного и диалектного языка: *ливень*, *ливня* (наречие), *лива* ‘низкое топкое, заливаемое водой место’, *ливинка* ‘низкое заливаемое место среди кустов’, *ливка* ‘лука во время оттепели’, *ливня* ‘топкое место на берегу’, *ливый* ‘пологий, сточный’, ‘отлогий, покатый’ и др. Гидроним *Ливна* по происхождению является кратким прилагательным, первичное значение которого могло быть как ‘сточная’ (протекающая по местности с пологим спуском, ср. вариант названия *Горная Ливна*), так и ‘многоводная, имеющая постоянное течение’.

Имя города, основанного в том месте, где еще раньше существовала “Усть-Ливенская сторожа”, повторило название реки в его первоначальной форме множ. числа – *Ливны*. Омонимия названий города и реки в дальнейшем устраняется благодаря их структурному распадению. Уже в XIX в. гидроним принимает форму *Ливенка* (соответственно: *Лесная Ливенка*, *Полевая Ливенка*), свидетельствующую о произошедшем изменении его мотивировки в связи с выходом из употребления в диалектной речи прилагательного *ливна(я)*. Он начинает осмысливаться как производный от названия г. *Ливны*. Отмечены и редкие случаи вторичного влияния нового гидронима *Ливенка* на форму названия поселения- благодаря переносу названия город именуется так же, как и река: слобода *Ливенка*. В “Воронежской памятной книжке” на 1856 г. зарегистрирована форма названия города *Ливенск*. Однако самым устойчивым и наиболее употребительным на протяжении XVII-XX вв. остается название города *Ливны*, полностью отразившее старый гидроним, своей формой множественного числа указывавший вначале на природную особенность объекта – слившиеся две речки с одинаковым названием *Ливна*.

---

* Русская ономастика и ономастика России. М. “Школа-пресс”, 1994, с. 118-120.

ДОН, – а, м. Река в Европейской части России. Впадает в Таганрогский залив Азовского моря. На территории Украины находится значительная часть бассейна его главного притока – Северского Донца (Харьковская, Донецкая, Луганская области). Древнейшие названия Дона обнаруживают индоиранскую (арийскую) природу. На два “скифских” названия реки указывает Плиний Старший (Plinius Maior, 23 или 24-79 гг.) в 6-й книге своей “Естественной истории”: Sinus и Silis [Silas]: Tanaim ipsum Scythe Sinum vocant “сам Танаис скифы называют Sinu” [1, с.54]. Академик О.Н. Трубачев Sinu-выводит из *Sindu- (ср.др.-инд. sindhu- “река”) и связывает гидроним Sinus с индоарийским (синдоарийским) субстратом в топонимии Северного Приазовья [там же]. Создателями названия были “праиндийцы на Украине”. *Sindu- идентично также “самоназванию племени *Σινδοί*”, которое обитало в античную эпоху на северо-восточном побережье Азовского моря. “Изменению формы *Sindu- > *Sinu- при записи Плинием, – полагает он, – могло способствовать сходство с лат. sinus “залив”. О.Н. Трубачевым поддержана гипотеза Ф.И. Бруна о связи гидронима [1363 г.] *Синья Вода* с Доном. Комментируя сообщение о битве Витгольда Ольгерда с татарами в 1363 г. у реки с названием *Синья Вода*, Брун идентифицирует ее с Доном, “поелику современные (этому событию – *Е.О.*) немецкие анналисты ... говоря о славной победе, одержанной Дмитрием Ивановичем при сей реке в 1380 году, ее-то именно называют Синєю Водою: «Eodom anno Ruteni et Tartari habuerunt conflictum simul prope “Bluewater” Ruteni prevaluerunt» [«В этом же году русские и татары имели столкновение недалеко от “Синей воды”, русские оказались сильнее»] [2, с.394-395]. Это атрибутивное название XIV в. рассматривается О.Н. Трубачевым как народно-этимологическое продолжение синдоарийского топонима *Sinu- < *Sindu- [1, с.54]. В связи с этим возникает ряд вопросов: 1) Не является ли *Синий Дон* в “Слове о полку Игореве” (ср.: “**Всядемъ, братіе, на свои вѣрзья конони да поздримъ синего Дону**”) отражением имевшей место в древнеиндийском языке лексической контаминации двух гидронимов – *Синей Воды* и *Дона*? 2) Существовала ли в древности какая-то связь между *Синей Водой* (Доном), его возможным вариантом – *Синим Доном* и *Синим морем*, встречающимся еще в некоторых памятниках XVI-XVIII вв. [3, с.145] названием Азовского моря, учитывая, что в античную эпоху и в средние века оно рассматривалось как часть

нижнего Дона, его разлившийся Лиман? 3) Всегда ли (во всех четырех случаях употребления в тексте) *синее море* “Слова о полку Игореве” можно рассматривать как апеллятивное сочетание с постоянным эпитетом, а не как собственное имя – название моря? Однозначно ответить на эти вопросы сейчас трудно.

Silas (Σῖλας, Σῖλας) О.Н. Трубочевым рассматривается как “вариант названия Дона” у Плиния. Им обнаружена аналогичная гидронимная пара на севере Индии: река Σῖλλας, Σῖλιας, Σῖλας вблизи другой реки – Sindhu-. “Название реки поставлено в связь с др.-инд. silā “камень”. Исключительно индийское silā объясняет и Σῖλας “Дон”, выступающий в паре с *Sindu- подобно Sindhu-: Σῖλας в Индии” [1, с.60].

Геродот (между 490 и 480 – около 425 до н.э.) реку Дон именует Μαῖτης [Herod, IV, 45]. Корневая часть этого гидронима соотносится с греч. μάτα, μήτηρ “мать”, и.-е. *māiā. Это географическое имя отразило господствовавшее в античную эпоху представление об Азовском море как об огромном экстуарии Дона, впадающем в Черное море через Керченский пролив, т.е. как о “матери Понта” [4, с. 95-99].

Гидроним *Донъ* встречается уже в древнейших памятниках русской письменности. В летописных текстах и в “Слове о полку Игореве” *Доном* или *Доном Великим* именуется также Северский Донец [5, с. 121; 6, с. 288]. Название *Дон* всеми исследователями соотносится со скифо-сарматской основой dān- (*don-*). В языке «Авесты» *dānu-* “река”, в осетинском (непосредственном потомке скифского языка) апеллятив *dān [don]* имеет значение “вода, река” Появление этого гидронима связано с длительным пребыванием (около тысячи лет) ираноязычных скифо-сарматских племен на территории южной России и в Северном Причерноморье. Представляет собой архаичный тип речного имени топонимизированный апеллятив с общим значением “река, вода”. В осетинской гидронимии Северного Кавказа семантически прозрачный географический термин *дан* нередко представлен в сочетании с уточняющими определениями (например, *Гардан* “теплая вода” и т.д.).

А.И. Соболевским была предложена этимология (не получившая признания): *Дон* – сокращенная форма гидронима *Данави* – из *Danu-avi* “овечья река” или “река-овца” [7, с.253]. Многие видят в гидрониме *Дон* позднее отражение и.-е. основы *danu-“течь”, связывая его с названиями *Днепр*, *Днестр* (*дн < дън*). В сочинениях древнегреческих историков Геродота и Страбона (Vв, до н.э. и I в. до н.э. – I в. н.э.) река Дон называется *Танаис* (Ταναῖς). Названия *Танаис* и *Тана* носила и греческая колония в устье Дона. Последний вариант ойконима, по-видимому, более ранний. Появился он благодаря переносу названия

реки на возникший в ее дельте населенный пункт. Окончание *-ā* непосредственно присоединено к скифо-сарматского корню, что характерно для архаичных названий многих европейских рек. Как название Дона форма *Tana* (например, в латинской надписи *Tanna f. altri Don f.*, т.е. “река Тана, иначе река Дон”) встречается весьма редко. Она помещена на карте России И. Магина из итальянского издания “Географии” Птолемея 1596 г (все латинские названия Дона взяты с карт, изданных В. Кордтом, см.: 8). Поселение в устье Дона с названием *La tana* находим на некоторых европейских картах даже в XVI в., например, на карте Я. Гастальдо “*Moschovia nova tabula*” 1548 г. *Tanaus* – более поздняя форма гидронима, аффиксальное распространение более раннего корневого имени *Tana*. А.И. Соболевский гидроним *Tanaus* объясняет как переделку греками формы *Tanavi*, в которой глухое начальное *t* на месте исконного *δ* появилось в диалектах скифского языка [9, с.10]. Вышеуказанный ойконим античной эпохи европейские картографы XVI в. уже относили к турецкой крепости Азов. Он имеет итальянский артикль, что свидетельствует о том, что составитель карты пользовался более ранним итальянским источником.

Гораздо чаще форма *Tanaus* в европейской картографии XVI–XVII вв. выступает в качестве названия реки. Как однословная надпись она не отмечена ни на одной карте в собрании В. Кордта – ей всегда сопутствует название *Дон*, связанное с ней при помощи различных поясняющих слов: *nunc* “теперь”, *vulgo* “обычно”, *hodie* “теперь”, *sine* “пусть”, *vel* “или”, *olim* “прежде, встарь”. Например: *Tanais fluvius nunc Don* (карта России Антония Вида, примерно 1537 г., с оттиска 1570 г.), *Tanais vulgo Don fluvie* (карта России И. Магина, 1600 г.), *Tanais fl. hodie Don* (карта России С. Нейгебауэра, 1612 г.), *Tanais nunc Don Flu* (карта России Гесселя Герритса, 1614 г.), *Tanais sine Don fl.* (карта России И. Массы, 1633 г.), *Tanais vulgo Don flu* (карта “Польша” Г. де Боплана, примерно 1651 г.), *Tanais nunc Don* (карта Южной России Менгдена и Брюса, 1699 г.). Реже наблюдается обратный порядок подачи этих двух гидронимов в общей надписи: *fl. Don Ruthenice* (т.е. “по-русски”, связь с рутенами, племенем в Аквитании, здесь невозможна), *Tanais* (на карте России Герберштейна 1546 г., из латинского издания “Записок о Московии” 1556 г.), *Don vel Tanais fl.* (карта России Дженкинсона из атласа “*Spiegelhel der Welt*” П. Гейнса, Антверпен, 1583 г.), *Donow vel tanais flu* (карта России Дженкинсона, 1583 г.). На некоторых картах надпись *Tanais fl.* (или *flu*), т.е. “река (*flumen*) Танаис”, помещается в низовье Дона, а *Don fl.* (или *flu*) – в верховье. В таком отношении находятся надписи на карте России Себ. Мюнстера из его

“Космографии” 1544 г. (*Tanais fl.* и *Don fl.*) и на карте России Г. Меркатора 1694 г. (*Tanais flu* – в низовье и *Don flu olim Tanais flu*, т.е. “река Дон, прежде Танаис”, – в верховье). Своеобразно обозначение Дона на карте Южной России Г. Меркатора 1595 г.: описательное название *Don flu olim Tanais* относится к его верховью, тогда как остальная часть реки поименована как *Don flu*.

Античное название *Tanais* в XV-XVI вв. было общеизвестным и широко употребительным в Западной Европе. В это время Европа только привыкала к современному гидрониму *Дон*, который воспринимался как “туземное” название. Об этом свидетельствует польский автор начала XVI в. Матвей Меховский. В своем “Трактате о двух Сарматиях” (Татарии и Московии), напечатанном в 1517 г., он употребляет оба гидронима, но при этом указывает на местный, или “татарский”, характер последнего – в отличие от западноевропейского, восходящего к античной традиции названия *Tanais*: *Thanaim Thartatri Don appellanti* “Танаис татары называют Доном” [10, с.61]. Подобное восприятие этих гидронимов было присуще и просвещенным людям в самой России этого времени. Сравните у А.М. Курбского в его “Истории о великом князе Московском”: “Танаис по Римски (т.е. в сочинениях античных писателей и по-западноевропейски – *Е.О.*), а по Руску Дон” [11, с.13, приписка на поле рукописи Румянцевского музея]. Параллельное употребление этих двух гидронимов – книжного (античного) и живого, народного, отмечается даже в начале XVIII в. в письмах на родину проживавших в России иностранцев, например, в письме посла Ритворта к государственному секретарю Харли из Москвы от 14 марта 1705 г. (в переводе): “на реке Дон или Танаис” [12, с.36]. На некоторых картах из собрания В. Кордта мы находим уже только одно – современное название реки – *Donflu* (например, на картах России Дженкинсона 1598 и 1601 гг.).

В народно-поэтической речи широкое распространение получило устойчивое словосочетание *тихий Дон*. Например: “... в тихой Дон бросать”, “со тиха Дона” [13, с.193-194]. “У нас из окна вот и тихой Дон почти через косу к нам подошел...” [14, с.200]. Ср. еще у П.И. Мельникова (Андрея Печерского) в романе “На горах”: “В степной глуши, на верховьях тихого Дона, вдали от больших дорог и людских селений стоит село Луповицы”. Сейчас уже трудно установить, каким было первоначальное значение этого “сросшегося” с гидронимом определения (настолько тесно с ним соединившегося, что во многих случаях оно печатается с прописной буквы – *Тихий Дон*) – “имеющий спокойное течение” или “мирный” Дон. Вероятнее всего, первое.

Например, в пьесе Е. Замятина “Блоха” (в обращении царя к атаману Платову): “Бери ты эту самую мудрую шкатулку, а в шкатулке – бриллиантовый орех, а в орехе – блоха, и кати себе на Тихий Дон”. Так мог вначале именоваться средний участок Дона, который из-за его мелководности и малопригодности к судоходству в XIX – начале XX в. именовался еще *Мертвым Доном*. Прилагательное *мертвый* в народных говорах имеет еще значение “неподвижный, ленивый”, а применительно к речному течению – “медленный, тихий, спокойный”. Когда название постепенно распространилось на всю реку, произошло обогащение его смысла – в нем появилось добавочное значение “мирный” (река, протекающая по землям казачьей вольницы, где царят мир и согласие). С другой стороны, в списке Ундольского и в историческом первом списке “Задонщины” (конец XIV в.) река Дон, наоборот, именуется “быстрой”: “у быстрого Дону”, “на быстрый Дон”. Определение это, скорее всего, – постоянный эпитет, перенесенный в текст памятника из народно-поэтической речи, где реки, речки, реченьки – всегда “быстрые”. Один из участков Дона, а именно – между станицей Усть-Медведицкой и Калачом еще в первой четверти XX в. носил составное название *Казачий Дон*, т.е. заселенный преимущественно казаками [15, с.125].

В некоторых казачьих песнях Дон называется *Дунаем* с вариантами: *Вздунай, Раздунай, Гор-Дунай, Дуни-най-най* и др., возникшими благодаря “распеву” поэтического эквивалента названия реки, вследствие чего произошло появления ряда “дефектных” форм, которые ритмизируют песенную строку. Например: “Близко Дона, Близко Дона, Близко тихого Дуная” [16, с.73]; “Дунай, Дунай, быстрая река” [17, с.55]; “Да вздунай най дунана, вздунай Дунай...” (там же, с.2, 42, 58-59). Здесь проявилась древняя традиция восточных славян метафорически называть этим собственным именем некоторые реки, уже имеющие имена (ср. еще в плаче Ярославны из “Слова о полку Игореве”: “полечю, рече, зегзицею по Дүнаевн, омочю беврянь рүкавь в Каляѣ рѣцѣ”), или какие-либо потоки и разливы воды. Слово *дунай* известно и как народный географический термин. Возникший благодаря переходу гидронима в имя нарицательное, которое, в свою очередь, нередко превращалось в новые географические имена (часть которых позднее получило суффиксы *-ец, -чик* и *-ка* с уменьшительным значением). Отсюда “дунайская” гидронимия в бассейнах Днепра, Оки, Дона и Камы. Только на Украине имеется три *Дуная*, два *Дунайца* и одна *Дунайка* [18, с.188]. В верховье левого притока Северского Донца – реки Айдара во время экспедиции в 1967 г было записано название

его левого притока – степной балки *Дунайчик* (село Шустик, Белгород, обл.). Все гидронимы с основой *дунай* (Дунай, Дунаец, Дунайчик, Дунайка) в бассейне Оки принадлежат ее среднему течению [19, с.163,166,181, 184].

В фольклорных текстах встречается также двухсоставная антропонимная формула “личное имя + отчество”, где в качестве “имени” выступает сам гидроним, а уважительного (мелиоративного) отчества – *Иванович*. Иногда этой формуле сопутствует определение *тихий*: “Как у нас было на тихом Дону Ивановиче” [17, с.8]. “Антропоморфный” гидроним *Дон Иванович (тихий Дон Иванович)* употребляется в текстах “исторических” и “поэтических” повестей первой половины XVII в. о взятии Азова и осадном сидении в нем, например: “на усть столповыя реки Дону Ивановича”; “прости нас, государь наш тихой Дон Иванович”; “на Дону на Ивановиче”; “на тихом Дону на Ивановиче” и др.[20, с.51, 153, 189, 190]. О происхождении антропонимного компонента *Иванович* существует народная легенда, связанная с ошибочным представлением о том, что “будто бы Дон истекает из Иван-озера, почему в народном языке он именуется “Ивановичем” [21, с.4]. В настоящее время принято считать истоком Дона речку *Урванку*. До экспедиции А. Тилло в 1895 г., целью которой было установление и исследование источников главнейших рек Европейской России, истоком Дона считалось *Иван-озеро* (материалы экспедиции были опубликованы в Москве в 1902 г.). Из Иван-озера вытекает приток Упы – река Шат (бассейн Оки). Легенда сообщает о “старике Иване, имевшем двух сыновей, Шата Ивановича и Дона Ивановича, из которых первый, за свою непочтительность, был обречен отцом на вечное шатание и впадение в Упу, а второй, наоборот, за почтительность – на свободное, широкое течение – и превращение в великую реку” [21, с.4]. В другом этиологическом рассказе о происхождении Дона, записанном в 1850 г в селе Бороздино Веневского уезда Тульской губернии, сообщается: “Были два сына у озера Ивана: старшего звали Доном, а младшего Шатом <...> *Дон Иванович* был храбр и разумен ...” [22, с.468].

Топоним *Дон* уже в памятниках XVI-XVII вв. встречается и как название большой исторической области – Земли Войска Донского. Например, в одном из документов 1623 г.: “а был де он в казаках на Дону”. В современном языке это значение топонима *Дон* уже устарело. Кроме того, топоним *Дон* испытал также переход в другой разряд собственных имен (трансонимизацию). В языке документов XVII-XVIII вв. отмечается употребление его как антропонима (прозвища). Его

получали те, кто жил на Дону, приходил с Дона, посещал Донщину. Известна также современная отпрзвищная фамилия *Дон* (встречается, например, у жителей Донецка, Днепропетровска, в ряде других населенных пунктов юго-восточной Украины). Кроме того, зафиксирована апеллятивная этого топонима: “Якийсь *дон* кашу міша в казанах ложкою”, где *дон* – “донской казак” [23, с.421].

ЛИТЕРАТУРА

1. Трубачев О.Н. О скифах и их языке // Вопросы языкознания. – 1976. – №4.
2. Брун Ф.К. О поселениях итальянских в Газарии. Топографические и исторические заметки // Труды I археологического съезда в Москве. – 1869. – Т.2. – М., 1871.
3. Словарь-справочник “Слова о полку Игореве”. Сост. В.Л. Виноградова. – Вып. 5. – М.: Наука, 1978.
4. Отин Е.С., Борисова Л.П., Першина К.В. Пробные статьи к “Историко-этимологическому словарю географических названий юго-восточной Украины” / Актуальные вопросы теории языка и ономастической номинации / Сборник научных статей. – Донецк: ДонГУ, 1993. – 187 с.
5. Полное собрание русских летописей. – Т. 1. Лаврентьевская летопись. – СПб., 1846.
6. Полное собрание русских летописей. – Т. 2. – СПб., 1843.
7. Соболевский А.И. Русско-скифские этюды // Известия Отделения русского языка и словесности. – Т.27. – Л., 1924.
8. Кордт В. Материалы по истории русской картографии. – Вып. 1. – Киев, 1899.
9. Соболевский А.И. Несколько местных названий Воронежского края // Известия Воронежского краеведческого общества. – № 10-12. – Воронеж, 1926.
10. Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1936.
11. Курбский А.М. История о великом князе Московском // Сочинения князя Курбского. Т. I – СПб., 1914. (Русская историческая библиотека, т.31).
12. Елагин С. История русского флота. Период Азовский. Приложения. Ч.1. – СПб., 1864.
13. Русские народные сказки казаков-некрасовцев / Собраны Ф. В. Тумилевичем. – Ростов-на Дону, 1958.
14. Сборник Областного войска Донского статистического комитета. – Вып. 6. – Новочеркасск, 1906 (письмо донского полковника Н. Астахова, 1798 г.).
15. Миртов А.В. Донской словарь. – Ростов-на Дону, 1929.
16. Песни донских казаков / Составил Н.Н. Голубинцев. – М., 1911.
17. Донские казацьи песни / Собрал и издал А. Пивоваров. – Новочеркасск, 1885.

18. Словник гідронімів України. – К.: Наукова думка, 1979. -780 с.
19. Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки. – М.: Наука, 1976. – 402 с.
20. Орлов А.С. Исторические и поэтические повести об Азове (взятие 1637 г. и осадное сиденье 1641 г.). Тексты. – М., 1906.
21. Позднышев В. Верховья реки Дона в Тульской губернии. – Тула, 1903.
22. Библиотека русского фольклора. Народная проза. – М.: Советская Россия, 1992. – 606 с.
23. Грінченко Б.Д. Словарь української мови. – Т 1. – К., 1907. – 494 с.

V. СЕВЕРСКИЙ ДОНЕЦ

СЕВЕРСКИЙ ДОНЕЦ, – ого, -а, м. Самый крупный правый приток Дона. По мнению академика Б.А. Рыбакова, участок среднего и нижнего течения Северского Донца, а также современный Дон от его дельты (“гирл”) до устья Донца в XVII в. именовался *Доном* или *Доном Великим* [1, с.10]. Представления о том, что является главной рекой, а что ее притоком, в XII в. отличались от современных. Академик О.Н. Трубачев допускает, что в связи с “распространением салтовской культуры на этот регион аланское, осетинское *don* “вода” применялось в течение какого-то времени недифференцировано, и к Дону, и к Донцу”, и *Великим* этот приток нынешнего Дона был назван потому, что “великое, как правило, знаменует направление миграции, экспансии” обживавших Поле северян – “от Малого Донца до Великаго Дону” [2, с.22]. “К Дону Великому”, т.е. среднему течению нынешнего Донца, преследовал хана Кончака князь Игорь Святославич (“*Кончакъ ему слѣдъ правитъ къ Дону Великому*”), и где-то здесь, “*на рецѣ на Каялѣ у Дону Великаго*” произошла в 1185 г. битва русских с половцами. Просто *Доном* именуется современный Северский Донец и в некоторых летописных текстах (например, в Московском летописном своде конца XV в., под 1105, 1114 и 1116 гг.). У *Дона*, или *Дона Великаго* (здесь *великий* – “большой”), имелись притоки, названия которых образовались от этой же основы при помощи суффикса *-ец* с уменьшительным значением. Ср. аналогичные формы в донской гидронимии: *Хопрец* – рукав Хопра, *Изюмец* – приток Изюма, *Торец* – приток Тора и т.д. Об одном из таких Донцов, притоков Дона Великаго в его верхнем течении, сообщается в “Слове о полку Игореве”: далеко ушедший в половецкую степь Игорь “*мыслию поля мѣрнѣть отъ Великаго Дону до Малого Донца*”, т.е. до какого-то притока Северского Донца в его верховье. По мнению Б.А. Рыбакова, это был правый приток Северского Донца речка Уды (Уда), где в эпоху “Слова” находилось одно из поселений северян с названием

Донец, повторившим гидроним (сейчас это часть территории Харькова). Деминутивное значение формы *Донец* было подчеркнуто прилагательным *малый*. В своем верховье Северский Донец разветвляется на несколько небольших речек и ручьев, одинаково названных *Донцами*, но с разными уточняющими определениями: *Сажной*, или *Саженой Донец*, в “Книге Большому чертежу” 1627 г. и в других документах начала XVII в.; в XIX – XX вв. *Саженский Донец*, т.е. “узкий, шириной в сажень”; *Липовый Донец* в “Книге Большому чертежу”: “речка Донец Липовой” (в некоторых документах XIX в. – *Липовский Донец*). Был еще *Валуиченин Донец*, который тянулся в сторону города Валуйки. Все эти Донцы в Патриаршей, или Никоновской, летописи под 1566 г. именуется “верховскими Донцами” [3, с.399]. В прошлом географические объекты нередко служили ориентирами, хорошо известными названиями которых мотивировались возникающие топонимы – имена рек и их сторон. Например, по свидетельству “Статейного списка похода в Азов боярина и воеводы Алексея Семеновича Шеина” (1697 г.), правобережье Северского Донца в XVII в. именовалось *валуйской стороной*, а левобережье – *азовской стороной* реки [4; с.146]. Одним их “верховских Донцов” был *Донец Северский*. Самая ранняя фиксация этого гидронима относится к началу XVI в. (1515 г.): “**повыше Ёвверского Донца**” [5, с.141]. В материалах XVII в. зарегистрированы случаи употребления гидронима *Северский Донец* как названия одного из “второстепенных” источников, питающих реку в ее верховье, например: “**межь Ёвверскаго и Важного Донца**” [6, с.60, раздел “Источники”]. В одном из документов 1637 г. приводится целая триада “верховских” *Донцов*: “а большая Муравская сакма лежит верх Липоваго и Сажного Донца и верх Донца Северскаго” [7, с.10]. Последний *Донец* своим течением протянулся в сторону *Северской земли*, или *Северы*. Очевидно, по этой же причине получила название *Северец* также одна из речек в бассейне Сожи, левого притока Днепра. И наоборот, приток Сейма – *Семица Донецкая* (бассейн Десны, притока Днепра) получил свое определение оттого, что начинался недалеко от верховьев Донца.

В восточнославянской гидронимии отсутствуют названия крупных рек с уменьшительным суффиксом *-ец*. Поэтому *Донец* следует рассматривать как производную уменьшительную форму не от современного гидронима *Дон*, а от *Дона* древнерусской эпохи, в среднем и нижнем течении получившего определение *Великий*. Гидронимы на *-ец* в бассейне современного Дона всегда относятся к небольшим водным артериям, что нельзя сказать о широком и полноводном

Северском Донце в месте его слияния с Доном. Заселение бассейна реки в XVI-XVII вв. в юго-восточном направлении (к Азовскому морю) привело к тому, что прежнее локально ограниченное название одного из “верховских Донцов” – *Донца Северского* постепенно перемещалось вниз по его течению и вытесняло прежние его наименования *Дон* и *Дон Великий*. Этому сопутствовало и активное заселение в данное время земель по нынешнему Дону, который стал восприниматься как главная река бассейна. Благодаря этому форма *Донец* позднее вступила в новую мотивационную связь с гидронимом *Дон*, относящимся к современному объекту этого собственного имени.

С XV в. отмечается употребление гидронима без определяющей части, значение которой в гидрониме, ставшем названием всей реки (от верховьев до устья), постепенно демотивируется. В “Книге Большому чертежу” приводятся обе формы – полная, т.е. описательная, и сокращенная (*Северский Донец* и *Донец*). Только один раз в источниках нам встретился вариант названия *Донецкий колодезь* (в документе 1691 г.) с нетипичным употреблением народного географического термина *колодезь* “ручей, речка” по отношению к большой реке [8]. Но этот гидроним относится к харьковской зоне течения Северского Донца, где он менее полноводный и где в XVII-XVIII вв. изобиловали составные названия его притоков с данным термином (ср. речки и ручьи *Белый Колодезь*, *Синий Колодезь*, *Разрытый Колодезь*, *Лозовой Колодезь* и др.). В документах XVI-XVIII вв. (например, в Лебедевской летописи под 1559 г. и др.) нередко отмечается также вариант *Сиверский Донец*, например: “перешли Сиверский Донец” (1671 г.) и т.д.

Начиная со 2-й половины XVII в. в памятниках письменности засвидетельствована искаженная форма гидронима – *Северный Донец*, сохранившаяся до нашего времени (встречается в разговорной речи). Она появилась благодаря “народной этимологии”, ставшей возможной после забвения былой связи гидронима с историко-географическим понятием и названием *Северская земля*, *Севера* (обширная территория в бассейнах Сейма и Десны), уже в XVIII в. переставшими употребляться в источниках. Вследствие этого произошла замена семантически неясного прилагательного *северский* на привычное и близкое по звучанию слово (пароним) *северный*. Ошибочная форма *Северный Донец* получила широкое распространение уже в XVIII в. и особенно в XIX – первой половине XX в. – в языке художественной литературы, прессы, в научных публикациях и различных картографических материалах (например, на военно-топографической карте-трехверстке, составленной в середине прошлого века военными топографами

Генерального штаба). В наше время, начиная с 60-х, благодаря усилиям ученых и краеведов, постепенно восстановилось употребление исторически правильной формы *Северский Донец*. Сейчас она стала нормативной.

В античную эпоху Северский Донец у древнегреческих авторов – *Гиргис* (Геродот, кн. “Истории” – “Мельпомена”; как приток Танаиса, т.е. Дона). В латинском издании (1556 г.) книги немецкого дипломата З. Герберштейна, побывавшего в России в 1517 и 1526 гг., (на русском языке) [9] помещена карта России, где Северский Донец именуется как *Minor Tanais vel Donecz*, т.е. “Малый Танаис, или Донец” Примерно так же обозначен Донец и на карте России С. Нейгебауэра, 1612 г.: *Donez sive Tanais Minor* [10]. Надпись *Minor Tanais* или *Tanais minor* находим на карте юго-восточной России С. Монстера (1559 г.), на карте России И. Магина (1596 г.). Прилагательное *Sewerski* впервые появляется на карте южной России Г. Меркатора, изданной в 1595 г. При этом данное определение в многословном латинском названии относится не к славянскому, а к античному гидрониму *Tanaic*: *Donetz id est minor Tanais Sewerski cognomine quod in Sewera oriatur* (“Донец, т.е. малый Танаис Северский, названный так потому, что в Севере начинается”). Однако на карте России Г. Меркатора, изданной в 1694 г., надпись становится уже короче и более точной. Оба гидронима – славянский и искусственный греко-латинский (принятый в европейской картографии XVI-XVII вв.) приводятся на ней одновременно (между ними – соединительный союз), но славянская форма поставлена на первое место: *Donez Sewerski flu. et Tanais minor* (“река Донец Северский и Малый Танаис”). На карту южной России И. Масси 1633 г. нанесен только славянский гидроним (в искаженном виде): *Serensci Donetz fl.* (в верховье надпись: *Donetz reca*).

На картах Г. де Боплана находим передачи только одиночного названия: *Donice R.* (карта “Польша”, середина XVII в.) и *Doniec R.* (карта Украины 1660 г.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идриси 1154 г. // Краткие сообщения Института материальной культуры. – № 43. – 1952; 1а. Его же. Дон и Донец в “Слове о полку Игореве” // Научные доклады высшей школы. Исторические науки, 1958, №1.
2. Трубачев О.Н. К истокам Руси (наблюдения лингвиста). – М., 1993. – 68 с.
3. Полное собрание русских летописей. Т. XII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновскою, летописью. -СПб., 1901.

4. Записки Одесского общества истории и древностей. Т.VII. – Одесса, 1868.
5. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Ногаями и Турцией. – Т.2. – М., 1895.
6. Беляев И.В. О сторожевой и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. – М., 1846 (раздел “Источники”).
7. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ. – Харьков, 1890.
8. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отделение 1. Краткий обзор епархии и монастыри. – Харьков, 1859.
9. Герберштейн З. Записки о московитских делах. – СПб., 1908.
10. Кордт В. Материалы по истории русской картографии. Вып. 1. – Киев, 1899 (все латинские названия Донца взяты с карт этого издания).

---

* Восточноукраинский лингвистический сборник. Выпуск первый. – Донецк: ДонГУ, 1994. – С.55-62.

ИЗ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДОНСКОЙ ГИДРОНИМИИ

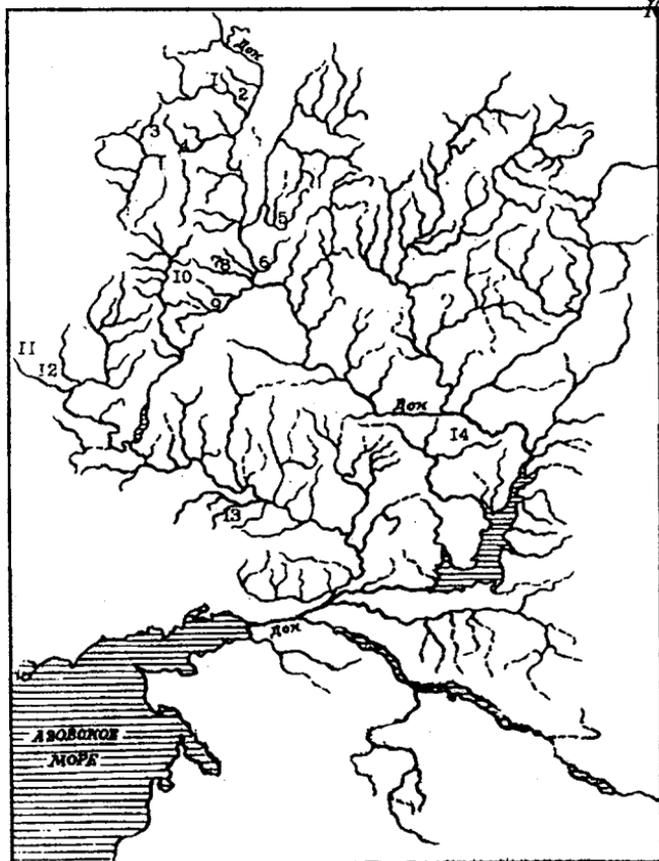
(имена с исходом *-ань*: Лебедянь, Пгань, Форостань,
Холань, Лугань, Потудань, Усмань и др.)

Названия с исходом *-ань*, которые до сих пор исследовались в работах по восточнославянской гидронимии, принадлежат преимущественно бассейнам Днепра и Южного Буга (59; 19; 65). Слабо изучены гидронимы на *-ань*, находящиеся восточнее и северо-восточнее ареала Правобережной Украины, – в бассейнах Дона и Оки, где их несколько десятков. В “Обратном словаре гидронимов бассейна Оки” Г.П. Смолицкой содержится 52 названия и их вариантов с исходом *-ань*, часть которых семантически прозрачна: *Разнозвань, Прорвань, Аржань, Березань, Хрипань, Листань, Сухань, Мечань* (ср. донской гидроним *Меча*), *Ольшань* и др.; более двух десятков из них имеют неясные основы, благодаря чему конечный сегмент *-ань* не может однозначно определяться как топоформат: *Волвань, Сегоднянь, Рыдань, Хазань, Кельмань, Лушпань, Высторань, Бестань* и др. (52, с.72-73). Среди днепровских гидронимов на *-ань*, по наблюдениям О.Н.Трубачева, славянских образований немного (*Любань, Березань* и др.), остальные “обнаруживают смешанное происхождение” – тюркское, иранское и др., при этом славянский суффикс *-ань* может расширять неславянскую,

например, тюркскую основу (*Ташань*), что свидетельствует о его высокой топонимичности (59, с.231). Анализируя гидронимы с суффиксальным *-н-* в бассейне нижней Десны, А.П.Корепанова, вслед за Топоровым и О.Н.Трубачевым, топонимы на *-ань* рассматривает как “параллельные образования к названиям на *-ень*”. По ее мнению, факт распространения названий на *-ань* на “крайних территориях Украины (север, запад)” и отсутствие их на юге и востоке (точнее сказать – малочисленность, ср. гидроним *Лугань* в бассейне Северского Донца) “свидетельствует о местах древнего заселения именно по большим рекам (например, Южный Буг и значительная в прошлом р.Трубеж)” (19, с.48). З.В. Рубцовой составлена карта, содержащая данные о “топонимической плотности” размещения более четырехсот (404) различных по происхождению ойконимов с финалями *-ань* и *-ень*. На этой карте “заметно выделяются четыре изолированных ареала (0,5% и выше) плотности финали *-ань*, *-ани*: запад Украинского Полесья, низовья Южного Буга и Днепра, Воронежская и Архангельская области” (43,с.134). Таким образом, названия с исходом на *-ань*, принадлежащие к так называемым “малым типам” топонимов, рассеяны по всему восточнославянскому топонимическому пространству.

В донской гидронимии нами отмечено более десятка таких названий, большинство из них относится к верхнему Дону. С учетом форм, восстановленных на основе контактных ойконимов (о реконструкции утраченных и незасвидетельствованных в источниках гидронимов или их вариантов по контактным ойконимам см.: 34, с.117-118) мы имеем следующий список донских гидронимов на *-ань* (восстановленные структуры помечены звездочкой): р.*Жерихань*, р.*Лебедянь, р.*Ольшань*, р.*Потудань*, р.*Птань*, р.*Усмань*, р.*Форостань* (*Хворостань*), оз.*Котлубань* (ниже устья Медведицы), р.*Лопань*, р.*Рогань*, р.*Лугань*, р.*Холань* (последние четыре принадлежат бассейну Северского Донца). Большинство из них являются славянскими гидронимами позднего образования, о чем свидетельствует лексическая прозрачность основы или наличие соответствующего географического апеллатива. Последнее относится к двум гидронимам – *Лопань* и *Котлубань*. Первый из них является названием левого притока р.Уды в бассейне Северского Донца, возникшим на базе местного географического термина *лопань* “колодец на топи, на болоте” (30, с.347) (характерный случай “очагового” зарождения потапонима с последующим распространением на всю реку). Данный географический термин, по-видимому, отразился и в названии *Лопань* в бассейне Камы.

Недалеко от него находится другой гидроним с той же основой *лоп-*, но с иным суффиксом *-в(а)* – *Лопва* (21, с.189). Этимология географического термина, ставшего гидронимом, прозрачна – “источник, образовавшийся на месте, где земля “лопнула”, пропустив воду “. В лимнониме *Котлубань* онимизировался один из вариантов гидрографического термина со значением “низменное место в пойме реки; всякое углубление, заполненное водой “.

Карта 1.

Размещение гидронимов с исходом *-ань* в бассейне Дона (значение цифр см. в конце статьи).

Рассмотрим сначала гидронимы на *-ань* неславянского происхождения. Среди левых притоков Воронежа в его низовье находится *Усмань*. В документах XVI-XVII вв отмечается несколько вариантов гидронима – *Усман*, *Усмань* и *Усмонь*: “с Усмана”, “на место глаголемое Усман”, “к Усману”, “на усть Усмана” (35, с.92-94, 1914 г.); варианты мужского и женского рода в XVI в. употреблялись синхронно и нередко в одном и том же тексте: “от Михайла от Ивашова с Усмана пять верст” и “бог донес до Усмани поздраву” (35, с.90, 1514 г.), “пала в Воронеж речка Усман” и рядом “выше Усмани” (18, с.83) и т.д. Вариант *Усмонь* (с гиперизмом *-онь* в заударном слогe) нередок в XVII в. как название реки и селения при ней (15, с.759, 1639 г.; 1, с.213, 1648 г.). В некоторых воронежских писцовых книгах начала XVII в. зафиксировано искусственное присоединение к основе гидронимов иноязычного суффикса *-ия*: “к реке Усмонии”, “вверх по Усмонии” (22, с.22, 25, 1615 г.).

Происхождение гидронима *Усмань* связывают с индо-иранским апеллятивом *асман* “камень” (32, с.439), восходящим к и.-е. **asm-* (<**ak̑* – “острый”). Затруднение вызывает объяснение перехода начального *a-* в *y-*. Иранизм *asman* при заимствовании мог испытать двоякую – фонетическую и грамматическую адаптацию. Чуждое славянам начальное *a-* в древности было заменено звуком *o-* (ср. многочисленные примеры в древнерусском языке: *Онисим*, *олтарь*, *олебастр*, *олебард*, *олмаз*, *онафема* и др). Так, видимо, возник самый древний нигде не засвидетельствованный вариант мужского рода *Осман. Под влиянием множества славянских названий рек (потамонимов) женского рода и самого географического термина *река* (*речка*), а также близлежащих верхнедонских гидронимов на *-ань* (*Форостань*, *Лебедянь*, *Птань* и др.) (см. карту) гидроним *Осман получает женский род *Османь. Ауслат *-ань* стал восприниматься как славянский суффикс, отличительной чертой которого является его частая ударность в географических именах. На этом этапе развития формы гидронима могли сосуществовать два его акцентных варианта: старый – *Османь и новый – *Осмáнь (с псевдосуффиксальным ударным исходом). Именно в последнем варианте сложились условия для изменения произношения начального *o-* в первоударном слогe сначала в *o'*, а потом и в *y-* (по типу *опять* > *упать* и т.д.; 1а, с.65). Развившееся таким путем начальное безударное *y-* впоследствии – благодаря параллельному употреблению обоих вариантов – проникает в акцентный вариант *Османь*, изменив его в *Усмань*. Этот процесс затронул и вариант мужского рода *Осман

> *Усман*. Из этих вариантов в настоящее время сохранился только второй. Усиление лабилизации начального *о-*, появившегося на месте этимологического неславянского *а-*, очевидно, произошло еще в древнерусский период, до развития аканья в южнорусской (рязанской) диалектной области. После XII-XIII вв. описанная фонетическая эволюция иранского субстратного топонима *Асман в этом регионе произойти уже не могла. Неубедительна с ономаσιологической точки зрения попытка связать географическое имя *Усмань* с архаичным апеллятивом *усма* “выделанная кожа” (14, с.127).

В названии правого притока Оскола – реки *Холань* финаль *-ань* соотносится с суффиксом *-ок* в имени находящегося рядом с *Холанью* другого (правого) притока Оскола – реки *Холок*, более крупной, чем *Холань*, что исключает предположение, что *Холок* – гидронимный деминутив. Гидронимы с основой *хол-* известны и в бассейне Оки. Один из них – курский гидроним *Холча* (в бассейне Жиздры, л.п. Оки в ее верховье), который А.И.Ященко объясняет из тюрк. *хол* “пустой” и *ча* “речка” (64, с.99). В документах XVII в., начиная с “Книги Большому чертежу”, обе эти реки нередко упоминаются одновременно. При этом *Холок* (вариант – *Холка*, ж.р.) часто называется первым, что, по-видимому, свидетельствует как о большей величине обозначенного им объекта (это подтверждается картографически), так и о том, что это базовый оним в словообразовательной парадигме *Холок*>*Холань*. Ср.: “речка Холка и Холань”, “от речки от Холки и Холани” (18, с.69), “верх ... Холка и Холани” (24, с.7, 1637 г.), “верхъ Холка и Холани” (3, с.60, 1623 г.) и др.

Гидроним *Холок* может этимологизироваться как на славянской, так и на тюркской почве. Структура гидронима полностью совпадает с древнерусским апеллятивом *холокъ*, *холокый* “холостой”, праформу которого *хоікъ сближают (как заимствование) с готским *halks* “пустой, скудный, бедный”, отмечая родство с *пахолок*, *холоп*, *холост* (в русских диалектах: “нежилой (о доме)”, “не махровый (о цветах)”, “коротко остриженный”), церк.-слав. *нехлакая* “беременная”, рус. *холостить*, укр. *холостати* “лущить толчением”, *холить* “чистить” и др. (57, с.1383; 60, с.254, 257-258). Все эти слова объединяются общим значением “отсутствие чего-либо”. Таким образом, *холок* по происхождению мог быть кратким прилагательным, которое топонимизировалось после эллипса определявшегося им гидрографического термина мужского рода. Очевидно, им было слово *колодезь* “речка, ручей”. *Холок* находится в той области Придонецья, где особенно обильно в

гидронимии XVI-XVIII вв. отразился данный народный географический термин (34а, с.124).

Сейчас уже невозможно восстановить реалию, отсутствие которой было обозначено в семантике еще не испытавшего деэтимологизацию и деэтимологизацию гидронима. В реке могло не быть рыбы, ее русло пересыхало в межень, на ее берегах отсутствовал или был незначителен растительный покров и т.д. Например, в донской и окской гидронимиях присутствует группа названий, отразивших такую природную особенность, как отсутствие древесной и травяной растительности. Кроме названий типа *Гольй Колодезь*, *Гольй Карамыш*, балка *Голая* и т.д., имеются и такие, которые об этой реалии сообщают иносказательно. Среди притоков Деркула и Айдара (бассейн Северского Донца) отмечены две балки с названием *Босая* (33, с.162; 28, с.60,65). [Интересная, хотя и территориально отдаленная топонимическая параллель: возле села Берестовка Володимирского р-на Ровенской области Украины находится земельный участок *Босе поле*, название которого информанты связывают с его неурожайностью (38, с.40)]. В бассейне Зуши (верхнее Поочье) два оврага с названием *Бритый*, недалеко от них – овраг *Стрижиной* (51, с.61). Если вернуться в бассейн Оскола, то и здесь мы найдем его левый приток с похожим названием – *Бритай*. Этот гидроним на рукописной карте Азовской губернии 1782 г. представлен в форме женского рода – р.*Бритая* (согласование в роде с гидрографическим термином *река, речка*) (7). Застывшая в современном гидрониме форма мужского рода объясняется, очевидно, пропуском термина *колодезь*, как *Булавин Колодезь* (бассейн Миуса) > р.*Булавин, Харьков колодезь* > р.*Харьков* (34 а, с.121-127) и т.д. Рассматривая гидроним *Холок* в контексте всех этих имен, часть которых соседствует с ним или находится сравнительно близко от него, можно предположить, что первичное имя *Холокъ* на постапеллятивной стадии существования еще сохраняло впоследствии утраченное значение “лишенный береговой растительности, с безлесыми берегами, с берегами без травяного покрова”. Недалеко от устьев Холка и Холани находится другой приток Оскола – лог *Стригун*. Гидроним *Стригань* зафиксирован и в среднем правобережном Поочье (51, с.181). Ср. еще диалектизм *холост* “коротко остриженный”, о котором уже шла речь.

Название *Холокъ-колодезь* могло появиться и как свидетельство того, что в воде этой речки отсутствовала ихтиофауна. Идея бесплодности, отсутствия чего-л., неполноты получает выражение и в целом ряде названий водных объектов с общеславянской основой **jalov-*, например: украинские гидронимы *Яловица*, *Ялова*, *Яловий* (49а, с.639).

Менее вероятными представляются тюркские этимологии. Самая простая: основу гидронима составляет фонетический вариант гидрографического термина *кол* – *хол*, известного в языке крымских татар как апеллятив со значением ‘рука человека’ (40, т.2, с.570; т.8, с.1707). Учитывая известную способность тюркских народных географических апеллятивов развивать терминологические значения на базе метафорического употребления названий частей тела человека и животных, можно допустить, что первичная топонимная основа *хол*-, впоследствии осложненная славянским суффиксом, имела значение “приток реки”. Кстати, тот же гидрографический термин (*кол*) отразился во второй части названия реки, принимающей Холок, - реки *Оскол*. Еще менее вероятно, что в гидрониме *Холок* содержится морфологически адаптированный славянами (посредством псевдосуффиксального завершения основы: *-ук>-ок*) тюркский гидрографический термин *олук* (*oluk*). Это слово в ряде современных тюркских языков имеет множество значений: “желоб, желобок” (ног., тат., баш., чув. и др.), “выдолбленное дерево”, “корыто, ясли в хлеве” (ног., тат., баш., чув. и др.), “канал” (тур. диал), “ручей”, “река”, “русло” (тур. диал.), “проток” (каракалпак.) и др. “Определенная часть значений *олук*... связана со “стволом”: “выдолбленное дерево”, “колода (для водопоя или кормления скота)” ... “корыто” (45, с.451). Семантическими параллелями к нему могут служить славянские термины, испытавшие гидронимизацию в бассейнах Дона и Оки, *желобок>Желобок* и *труба > Трубеж*. Ср. в документе 1492 г.: “А ту, господине, логовину копать нашъ старецъ бывшой Мартемьянъ Саламыковъ, трубою пропускать воду с наволока” (2, с.14). Начальное *х* могло появиться еще на тюркской почве как протетический *h* (*г, х*), характерный для западных групп тюркских языков, в частности, огузской (63, с.182). Огузские черты, как известно, были свойственны и языку кыпчаков, или половцев, кочевавших в XI-XIII вв. в Приосколье. Тюркизм *олук* со значением “желоб” проник и в некоторые русские говоры: “С крыши вода бежала по олуку” (49, с.192).

Если верна первая (древнеславянская) этимология гидронима *Холок*, то *-ань* в названии *Холань*, относящемся к ближайшему гидрообъекту, по-видимому, является более поздним славянским суффиксом, нарастившим на мотивирующую гидронимную основу с суффиксами “группы *-к-*” – *Холок* и *Холка*. Усекающий основу суффикс *-ань*, возможно, имел утраченное затем значение места, и семантика первичного топонима была: “территория вокруг Холка, Прихолочье”. Это название вначале возникло как название местности, территории

(хороним), а затем, благодаря контактному переносу географического имени, стало гидронимом.

В современной микротопонимии Подонья зарегистрировано несколько названий с суффиксом *-ань*, имеющих не стертое локальное значение. Например, название двух “концов” (микромонимом ⁶⁴) деревни Волоотово Лебедянского района Липецкой области, записанных в начале 70-х годов студентами Липецкого пединститута по анкете, составленной доцентом В.А.Корниловым: *Углянь* (объяснение информанта: “место в углу”), *Киришань* (очевидно, от *Кириша* <*Кирилл*, имени жителя). В середине XVII в. недалеко от села Волоотово, расположенного в 10 верстах от Лебедяни, в устье Красивой Мечи, в отвершке реки Битюг, л.п. Дона, существовала деревня *Черепянь* (*Черепань*, или Рыбий Яр) (54, с.70, 1664 г.; 42, с.412; 56, с.140). Изначальное значение этого топонима: “место, где находят черепа, или усыпанное раковинами морских организмов, ракушечником” (слово *черепа* в диалектах употребляется также в значении “раковина”; ср. *черепок* “обломок разбитой посуды”).

В связи с вышесказанным становится понятными направления номинационных процессов при образовании топонима *Лебедянь*. Сейчас это название города в Липецкой области. В тексте “Книги Большому чертежу” топоним *Лебедянь* употребляется еще как наименование притока Дона выше р.Быстрой Сосны (которая здесь названа Быстрой Мечей): “... пала в Дон речка Лебедянь”; “а ниже Лебедяни пала в Дон река Быстрая Меча” (18, с.78). Уже в XVII в. потамоним *Лебедянь* развивает вторично суффиксированный вариант *Лебедянка*: “усть речки Лебедянки”, “от речки Лебедянки” (из писцово́й книги 1627-28 гг.; 62, с.97), сохранившийся до конца XIX в. (42, с.12). В начале нашего века произошла полная замена старого потамонима новыми именами. Краевед П.Черменский указывает на два таких новых наименования: рч.*Ключи* и рч.*Городенка* (последнее имя Лебедянь получила после построения на ней города Лебедяни). Кроме того, название *Лебедянь* в XVII в. зафиксировано как лимноним: “с озера Лебедяни” (25, с.13; 26, с.154). Исходным пунктом топонимической иррадиации в локально ограниченной микросистеме: потамоним *Лебедянь* – ойконим *Лебедянь* – лимноним *Лебедянь*, очевидно, был составной описательный лимноним *Лебединое озеро*, свидетельство о котором имеется в одной из грамот второй половины XVII в., обнаруженной в архиве Лебедянского уездного суда, где содержится описание местности вокруг поселения, ставшего затем городом Лебедянью: “к западу леса ж да озеро Лебединое большое” (17а, с.10).

Первичный топоним *Лебедянь* сложился на основе первой – адъективной части описательного лимнонима как название местности, территории вокруг *Лебединого озера*. Процесс универбации осуществился при помощи суффикса *-ань*, обладавшего локальным словообразовательным значением. Впоследствии, благодаря нескольким разнонаправленным ассоциациям по смежности, появляются вторичные метонимические имена других классов – лимноним *Лебедянь* (возникший в результате “возвратного” замещения описательного лимнонима ранее мотивированным им однословным хоронимом, изменившим объект номинации), ойконим *Лебедянь* (источником иррадиации в этом случае могли быть как хороним, так и название реки) и потамоним *Лебедянь*, который структурно (с помощью суффикса *-ка*) расподабливается с омонимичным ойконимом. Изменение посредством суффиксов (с деминутивным или относительным значениями) потамонимов при наличии тождественных контактных ойконимов – одно из проявлений идентифицирующей функции топонимов при взаимодействии омонимичных названий, относящихся к разным полям ономастического пространства.

Название *Плющань* в настоящее время имеет урочище в междуречье Быстрой Сосны и Варгола. Возможно, такой же была и первичная форма гидронима *Плющанка* (л.п. Дона между Студенцом и Хмелинцем) (55, с.72; 6, с.87). Аналогичная связь ойконима *Ольшань* и гидронима *Ольшанка* (3, с.51, 1643 г. ;10) свидетельствует, скорее всего, об изначальности первой топонимной структуры. В группу донских гидронимов с семантически прозрачными славянскими основами с суффиксом *-ань* входят названия: *Рогань* – рч., л.п. Уды, л.п. Северского Донца (от *рог* “меандра реки”, “овраг”, “место слияния рек”; 30, с.482), *Жерихань* – ручей в бассейне Быстрой Сосны, на нем в прошлом веке было сельцо *Жерихань* (55а, с.153; 5, с.236; 37, с.205). Возможно, от *жерех* “рыба семейства карповых”. Как хороним – название пространства, которое мотивировалось апеллятивом *луг* “заливная пойменная долина, используемая под пастбище и сенокос”, возникло имя правого притока Северского Донца в его среднем течении – *Лугань*. Топоним *Лугань* зафиксирован еще как название погоста в бывшем Мещовском уезде Калужской губернии на реке Серепе, и как название села в бывшем Севском уезде Орловской губернии, на реке Усоже (8, с.99), где он тоже мог пройти в своем развитии через более раннюю хоронимную стадию. Нельзя согласиться с В.А.Никоновым, определяющим первичную семантику гидронима *Лугань* как “луговая” (32, с.242). Носителем такого значения могло быть только топонимное прилагательное.

Аналогичная передвижка топонима (хороним > гидроним) могла иметь место и при образовании гидронимов *Птань* и *Хворостань*. Первый из них – название левого притока Красивой Мечи, п.п. Дона. Фиксируется в документах со второй половины XVII в. Основу гидронима составляет корень *път-* (<*рѣта ‘птица’; ср. др.-рус. и диал. *потка*). Так была названа местность, отличавшаяся обилием птичьих гнездовий. Второе название относится к левому притоку верхнего Дона, который в “Книге Большому чертежу” значится как *Форосан(ь)*: “пала в Дон река Форосан”, “протоку Форосани 50 верст” (18, с.83). В документах XVII-XIX вв. отмечаются многочисленные варианты этого гидронима: *Форостань* (23, с.363, 1673 г.; 9, с.437); *Форосань*, *Форасань*, *Фаросань* (25, с.442, 1682 г.; 20, с.200, 1670 г.; 27, с.87,89, 1672 г.; 22, с.239, 1629; 36, с.69, 1623 г.); *Фарсань* (27, с.87, 1687 г.); *Фарасанка* (27, с.96, 1687 г.); *Хворостань* (4, с.60, 81; 55, с.9-10; 5, с.178; 38, с.34) и *Хворостанка* (31, с.148). Вариант *Хворостань* А.И.Соболевский выводил из *Хоросань*, видя в начальном слоге *хо-* элемент, генетически общий (из. др.- иран. ху ‘хорошо’) с *хо-* в топонимах *Хонер*, *Хорол* и др. (53, с.12). Воронежский историк и краевед В.Загоровский этимологизировал данный гидроним на основе одного из редких его вариантов – *Форосан(ь)*. “Позже, - пишет он, - слово Форосань перешло в Хворостань...” Так якобы было названо вначале место стоянки “иноземных купцов” неподалеку от городища, раскопанного археологами у хутора Титчиха. “Слово “форос”, “форосан” встречается в греческом и некоторых восточных языках. Одно из значений слова “форос” в греческом языке – рынок, торг” (16, с.20). Очень бегло коснулась этимологии *Хворостань* Н.П.Гринкова, правильно связавшая гидроним со словом *хворост* (14, с.124). Но ее объяснение – типичный образец топонимических этимологий 40-50-х годов, характеризующихся прямой отсылкой к апеллятиву без рассмотрения истории формирования топонима, ономаσιологических истоков, мотивированности, развития смысловой структуры и ее формального выражения. Первичным образованием среди вариантных форм гидронима следует считать *Хворостань*, мотивированную диалектным словом *хворост* ‘лоза’, скупо отразившимся и в топонимии других территорий, например, в Поочье (50, с.96; 51, с.39). Остальные варианты имеют вторично развившийся начальный звук *ф* на месте искомого *хв*. Ср. *форос*, *фос* вместо *хворост*, *хвост* и т.д. (1а, с.125).

Конечно, с увеличением числа метонимических гидронимов и ойконимов типа *Лебедянь*, *Птань* и т.д. происходила “гидронимизация” и “ойконимизация” суффикса *-ань*, превращение его в универсальный

топоформант. Он перестает использоваться только для образования первичных названий территорий, урочищ – хоронимов, отражающих признак, названный мотивирующим словом. Однако отделить первичные – отхоронимные гидронимы и ойконимы от вторичных – образованных при отсутствии переноса имени с помощью суффикса *-ань*, развившего особое топонимообразовательное значение, в настоящее время крайне трудно, а нередко и вовсе невозможно.

Одним из загадочных донских топонимов на *-ань* является название правого притока Дона ниже устья Воронежа – *Потудань*. С XVI в. этот гидроним в различных документах отразился в пяти вариантах. Самая древняя форма – *Потудонь* зафиксирована в разрядной книге 1475-1598 гг., под 1569 годом: “видел верх Котла и Потудони сентября в 7 день многих людей” (41, с.234). Эту форму гидронима находим и в “Книге Большому чертежу” (“от речки Потудони”), и в ряде памятников XVII в. (18, с.67). Редко встречается ее вариант мужского рода – *Потудон*: “А речка Потудон пала в Дон”, “ниже Потудона” (18, с.67). Попал он и в некоторые статистические и краеведческие издания XIX в. (55, с.X; 58, 12).

В “Росписи казачьих городков” XVII в., опубликованной А.А.Зиминым, отмечена нигде больше не встретившаяся форма гидронима *Потудей*: “От Потудей реки до Тихие Сосны 20 верст” (17, с.227). Наконец, в XIX в. появляется широко распространившаяся современная форма *Потудань* с очень редким вариантом мужского рода *Потудан* (55, с.X).

Есть основания считать, что изначальная форма топонима представлена вариантом *Потудонь*, испытывавшим со стороны других топонимов на *-ань* выравнивание по аналогии. *Потудань* как раз находится недалеко от других географических названий на *-ань* (см. карту), да и в самом ее бассейне имеется такой же гидроним – *Прудань* (31, с.163: на с.164 этого источника р.Прудань именуется речкой *Пруд*). Самая ранняя по времени фиксации в документах форма *Потудань* вначале была, вероятнее всего, наименованием местности по правую сторону Дона выше впадения в него Тихой Сосны. Это было название отделенной течением Дона территории, находившейся “по ту сторону Дона”. Сейчас уже трудно установить мотивы, этиологию названия – по отношению к чему данная местность воспринималась как противоположенная на противоположном берегу Дона. Экстралингвистические причины появления хоронима – в особенностях заселения края, направлении миграционных потоков в степном пространстве, которое соседствовало с обширной территорией

известного уже с XIV в. Червленого яра, в освоении которого активное участие принимали славяне.

Первичной формой хоронима было префиксально-суффиксальное слово *Потудонье, производящей базой которого являлось словосочетание *по ту сторону Дона*. Ср. еще донской географический термин *обдонье* ‘местность, примыкающая к Дону’: “Левобережное обдонье”; “Сперва селились по Дону, обдонья заселялись” (48, с.24). В отличие от *обдонья*, восстановленный нами апеллятив *потудонье, очевидно, имел более узкое значение ‘местность на противоположном берегу Дона’. Маловероятно, что в основе топонима *Потудань* (его современной формы) заключено только наречие *потуда* (*потудова*, *потуды*): во-первых, потому, что пока еще нигде не зарегистрировано ни одного отадвербиального гидронима или хоронима и, во-вторых, длительное употребление (на протяжении XVI-XIX вв.) формы с конечным слогом *-донь* (*-дон*) исключает предположение об аффиксальном морфе (*-он*), так как гласный в суффиксе *-ань* в донской гидронимии всегда ударный.

Благодаря контактному переносу названия (хороним>гидроним) форма *Потудонье* транstopонимизируется с отсечением суффикса *-j-* и родовой флексии, превратившись в речное название женского рода, типичное для русских потамонимов. Весьма примечательно, что в этом же районе Подонья, в верховье Тихой Сосны, в XVIIв. аналогичным путем появляется другой гидроним – *Верхососень*. Так называлось в первой половине XVII в. урочище в верховье Тихой Сосны, вблизи другого урочища – *Сосенских раздоров*: “по Верхососенью”, “к реке Валуйке в Верхососень от раздоров на 15 верстах” (24, с. 4,8, 1637 г.). Так же, как и *Потудонь*, гидроним *Верхососень* образовался путем усечения основы производящего хоронима – названия урочища *Верхососень*: “в Короченском уезде на реке Верхососени” (61, с.136, 1686 г.). “Задокументированная” история гидронима *Верхососень*, относящегося к ближайшему от Потудони объекту, демонстрирует нам реально существующий аналог образования речного имени, подтверждающий возможность такого же пути развития и для усеченного названия *Потудонь*, в котором позже, к XIX веку, благодаря аттракции произошло замещение финали *-онь* (из *-онье*) суффиксом *-ань*. Возможность такого пути развития промежуточной формы гидронима *Потудонь* подтверждает и название притока Мокрой Таболы (верховья Дона) – *Старосель* (11). Очевидно, из *Староселье (ойконим или название урочища).

Все сказанное свидетельствует о гетерогенном характере исхода

-ань в донской гидронимии. В одной группе названий конечное -ань выступает как суффиксальный топоформант, присоединенный к славянской именной апеллятивной и, реже, онимной основе: *Лугань, Птань, Хворостань, Рогань, Жерихань, Лебедянь* (на других территориях встречаются гидронимы и с другими производящими основами, например, глагольной – в названии речки *Незнань* в бывшем Каширском уезде Тульской губернии (44, с.52). В другой группе он входит в состав онимизированного географического апеллятива (*Лопань*). Вряде названий он возникает на месте рифмоидных закрытых конечных слогов благодаря аттракции со стороны других топонимов на -ань, что привело к появлению псевдосуффикса -ань (например, *Усмань, Потудань*). Возможны были случаи присоединения топоформанта -ань к другой потапонимной основе. Так мог быть образован топоним *Холань*, вначале употреблявшийся как название территории, местности: к гидрониму *Холок* присоединился усекающий его основу суффикс -ань, синонимичный суффиксу -j-(e). Образовавшееся название *Холань* на хоронимной стадии его употребления имело значение 'местность, прилегающая к реке Холок, Прихолочье'. Последовавший перенос на смежный объект привел к образованию гидронима.

Разумеется, при образовании топонимов на -ань участвовали и другие виды топонимической метонимии, например: хороним на -ань > ойконим на -ань > гидроним на -ань; хороним на -ань > гидроним на -ань > ойконим на -ань; гидроним на -ань > ойконим на -ань; ойконим на -ань > гидроним на -ань и др. При анализе таких одноисходных топонимов всегда нужно учитывать возможность их разноприродного происхождения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты Московского государства. Т.2. – СПб., 1894.
- 1а. Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. Ч.1. – М.: Учпедгиз, 1949.
2. Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Собрал и издал А.Федотов-Чеховский. Т1. – К., 1860.
3. Беляев И.Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. – М., 1846 (раздел "Источники").
4. Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т. XIII. Часть 2. Воронежская губерния. – СПб., 1850.

5. Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып.1. Губернии Центральной земледельческой области. – Спб., 1860.
6. Высоцкий Н. Гидрогеологический очерк Задонского уезда Воронежской губернии (с геологической картой) // Известия Геологического комитета. Т. XIII. – Спб., 1895.
7. Генеральная карта, представляющая Азовскую губернию 1782 г. Рукопись // ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 20 136.
8. Географическо-статистический словарь Российской Империи. Т.3. – Спб., 1867.
9. Географическо-статистический словарь Российской Империи. Т.5. – Спб., 1885.
10. Геологическая карта Бобровского уезда Воронежской губернии Ф. Брусницина. 1890 г. Масштаб: в англ. дюйме 10 верст. Приложение к статье Брусницина “Гидрогеологический очерк Бобровского уезда Воронежской губернии” (отдельный оттиск из “Горного журнала” за сентябрь 1893 г.).
11. Геометрический генеральный план города Епифани и его уезда 1785 г. // ЦГАДА, ф. 1356, ед. хр. 53/6111.
12. Города Воронежской губернии, их история и современное состояние, с кратким очерком по всей Воронежской губернии / Составили действительные члены Воронежского статистического комитета А. М. Веселовский и Н. В. Воскресенский. – Воронеж, 1876.
13. Города и селения Тульской губернии в 1857 году. – Спб., 1858.
14. Гринкова Н. П. Из материалов по топонимике населенных мест Воронежской области // Мовознавство. Т. XIV, – К., 1957.
15. Донские дела. – Русская историческая библиотека. Т. XVIII, кн. 1, Спб., 1898.
16. Загоровский В. А. Как возникли названия городов и сел Воронежской области. – Воронеж, 1966.
17. Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Вып. 21. – М., 1959.
18. Книга Большому чертежу. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
19. Корепанова А. П. Словотворчі типи гідронімів басейну нижньої Десни. – К.: Наук. думка, 1969.
20. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. документов. Т. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1954.
21. Материалы для географии и статистики, собранные офицерами Генерального штаба. Пермская губерния. Ч. 1 / Сост. Х. Мозель – Спб., 1864.
22. Материалы для истории Воронежской и соседних губерний.

- Воронежские писцовые книги. Т.2. – Воронеж, 1891.
23. Материалы для истории Воронежской и соседних губерний, состоящие из царских грамот и других актов XVII и XVIII столетий. Изданные М.Де-Пуле.Кн.1. – Воронеж, 1861.
  24. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI-XVIII ст., собр. в разных архивах и ред.Д.И.Багалеем. Т.2. – Харьков, 1890.
  25. Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. Изд. Л.Б.Вейнберг. Вып. I-IX. – Воронеж, 1885-1886 (в одном томе, пагинация сквозная).
  26. Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские акты. Т.1. – Воронеж, 1887.
  27. Материалы по истории монашества на Дону. – М., 1902.
  28. Маштаков П.Л. Список рек Донского бассейна. – Л., 1934.
  29. Мельниченко Г.Г. Краткий ярославский областной словарь, объединяющий материалы ранее составленных словарей (1820-1956 гг.). – Ярославль, 1961.
  30. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984.
  31. Населенные места Воронежской губернии: Справочная книга. – Воронеж: Издание воронеж. губерн.земства, 1900.
  32. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. – М.: Мысль, 1966.
  33. Общая геологическая карта Европейской части СССР. Лист 61-й. Северная и северо-восточная часть листа (Старобельск). – Л.: Издание Геолог.комитета, 1928.
  34. Отин Е.С. Топонимическая метонимия (вид связи “гидроним-ойконим”) // Перспективы развития славянской ономастики. – М.: Наука, 1980.
  - 34а. Отин Е.С. Харьков // Русская речь. – 1991. – №2.
  35. Памятники дипломатических отношений Древней Руси с державами иностранными. Памятники дипломатических отношений Московского государства с крымскою и ногайскою ордами и Турцией. Т.2. – Сборник императорского Русского исторического общества. Т.95. – Спб., 1895.
  36. Памятники южновеликорусского наречия. Таможенные книги. – М.: Наука, 1982.
  37. Природа Орловского края. – Орел, 1925.
  38. Прохоров В.А. Вся Воронежская земля. Краткий историко-топонимический словарь. – Воронеж, 1973.

39. Пура Я.О. Походження назв територіальних мікрооб'єктів Рівенщини. Т.1. – Рівне, 1990.
40. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т.2. – Спб., 1899.
41. Разрядная книга 1475-1598 гг. – М., 1966.
42. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т.2. Среднерусская черноземная область. – Спб., 1902.
43. Рубцова З.В. Топонимическая финаль *-нь* на восточнославянской территории (синхронное состояние) // Перспективы развития славянской ономастики. – М.: Наука, 1980.
44. Сахаров И. Памятники Тульской губернии // Записки Отделения русской и славянской археологии императорского Археологического общества. Т.1. – Спб., 1851 (Отделение второе: Археологическое обозрение русской земли).
45. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). – М.: Наука, 1974.
46. Словарь русских народных говоров. Т.2. – М.; Л.: Наука, 1966.
47. Словарь русских народных говоров. Вып.17. – Л.: Наука, 1981.
48. Словарь русских народных говоров. Вып.22. – Л.: Наука, 1987.
49. Словарь русских народных говоров. Вып.23. – Л.: Наука, 1987.
- 49 а. Словник гідронімів України. – К.: Наук.думка, 1979.
50. Смолицкая Г.П. Речки-деревья // Русская речь . –1969. – №1.
51. Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки (Список рек и озер). – М.: Наука, 1976.
52. Смолицкая Г.П. Обратный словарь гидронимов бассейна Оки. II. Академия наук СССР. Институт русского языка. – М., 1988.
53. Соболевский А.И. Несколько местных названий Воронежского края // Известия Воронежского краеведческого общества. 1927, № 3-5 (март-май).
54. Собрание материалов для истории западного края Тамбовской губернии и епархии. – Тамбов, 1876.
55. Списки населенных мест Российской Империи. IX. Воронежская губерния. Списки населенных мест по сведениям 1859 г. – Спб., 1865.
- 55а. Списки населенных мест Российской Империи. XXIX. Орловская губерния. Списки населенных мест по сведениям 1866 г. – Спб., 1871.
56. Списки населенных мест Российской Империи. XLII. Тамбовская губерния. Списки населенных мест по сведениям 1862 г. – Спб., 1866.
57. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т.3. – Спб., 1903.
58. Статистическая карта Воронежской губернии (Приложение к "Памятной

книжке Воронежской губернии на 1870-1871 гг”). – Воронеж, 1871.

59. Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины. – М.: Наука, 1969.
60. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.IV. – М.: Прогресс, 1973.
61. Царские грамоты на Корочу воеводам и челобитные корочан царям. Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. –М., 1859 (Отдел II : Материалы отечест.).
62. Черменский П. Город Лебедянь и его уезд в XVII в. (к трехсотлетию г.Лебедяни). – Спб., 1913.
63. Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. – Л.: Наука, 1970.
64. Ященко А.И. Языковая принадлежность топонимии и микротопонимии Курской области // Топонимия центральной России.-М.: Мысль, 1974.
65. Baliş M. Formanty *-ańь, -ańja, -ańja* w języku ukraińskim.-Slavia orientalis, v.XVIII. №1, Warszawa,1969.

Цифровые обозначения гидронимов с исходом на *-ańь* на карте бассейна Дона:

1. Птаńь, 2. Лебедяńь, 3. Жерихаńь, 4. *Плющаńь, 5. Усмаńь, 6. Хворостаńь,
7. Потудаńь, 8. Прудаńь, 9.*Ольшаńь, 10. Холаńь, 11. Рогаńь, 12. Лопаńь,
13. Лугаńь, 14. Котлубаńь.

---

* Язык, стиль, культура. Сборник научных трудов. Донецк. ДонГУ, 1992, с.6-22.

VI. АЗОВСКОЕ МОРЕ

Коренное население восточного Приазовья античной эпохи – инды и меоты называли его *Темарунда*, о чем сообщается, например, в 6-й книге “Естественной истории” Плиния Старшего (23 или 24-79 гг.): *Tanaım ipsum Scythae Sinum vocant Moeotim Temarundam, quo significant matrem maris* “сам Танаис скифы называют Sinu, (a) Меотиду – *Temarunda*, что (на их языке) означает “мать моря” (Nat.hist. VI.20). “Загадочное *Temarunda* “Азовское море”, - пишет по этому поводу акад. О.Н.Трубачев, - получает при этом объяснение как сложение, целая именная фраза * *tem-agun-da* “кормилица Черного моря” (*mater maris*). Последний компонент восходит к и.-е. *dhē – “кормить (грудью)” (1).

Другие античные авторы (Геродот) приводят еще одно название моря – *Μαιήτις*, *Μαιώτις*, этимологически связанное с греч. *ματα* “мать-кормилица”. “Традиция определять *Μαιώτις* “Азовское море” как *μητηρ τοῦ Πόντου* “мать Понта” (Herod, IV. 86), проходящая через всю античность ... заслуживает доверия” (2). В указанных названиях античного времени отразилось представление об Азовском море как о разлившемся лимане Дона, непосредственно через Босфорский пролив впадающем в Черное море – “питающем” его своей пресной водой.

М Фасмер греч.пелагоним Μαῖωτις, Μαῖητις (ионийское) связывает с иран. maɣavant – (ж. -vaiti) “где совершаются случки” (3). И еще ранее Л. Лопатинским была предложена адыгейская этимология: из адыг. meɪ “вонь” и jaɲe “болото, тина, лужа” (4), не получившая, впрочем, поддержки.

Название моря, бытовавшее у римских авторов: Palus Meotus “меотийское болото, озеро” (от этнонима *меоты*, названия древних обитателей северо-восточного побережья Азовского моря, остатков индоарийцев, ушедших на юго-восток). Как калька с латинского это название еще встречается в документах XVII века, например, в “Истории о приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань лета от создания мира 7185 и от рождения Христова 1677 г.”, написанной очевидцем этого похода: “Азов бо есть град салтана турецкаго на берегу рѣки Дона у *езера Меотскаго* стоящий ...” (5). Кальку *Езеро Меотицкое* употребляет и С. Величко. Он сообщает, что Петр I и его брат Иоанн Алексеевич предприняли поход на Азов оттого, что могли “видѣти отверзтіе себѣ зъ Езера Меотицкаго въ Эвксинопонтъ двери” (6).

Название *Меотическое море* сбереглось в книжной и научной речи до XVIII в. (его, например, употреблял М.В. Ломоносов, наряду с *Азовское море*).

В XV-XVII вв. генуэзцы и крымские татары именовали Азовское море “морем чебаков, или лещей”: *Mar(e) delle Zabache* (8), *Чабак денгизи* или *Балык денгизи* “рыбное море”.

Современное название моря, по-видимому, является калькой (буквальным переводом) крымско-татарского гидронима *Азав денгизи* “Азовское море”, имевшего изафетную структуру с определяющей частью – ойконимом *Азав*. Кстати, северо-восточный ветер, дующий с берегов Азовского моря и города Азова, крымскими татарами в прошлом веке назывался *азав яли*, где *азав* “азовский” и *яли* “берег”. Среди анимонимов – названий ветров в разных языках имеются такие, которые мотивируются топонимами. В северном Приазовье, например, *бахмут* – холодный северо-западный ветер, дувший в сторону Нижнего Дона со стороны уездного города бывшей Екатеринославской губ. Бахмута (9). Крымские татары и турки называли море по имени города-крепости в устье Дона на месте древнего Танаиса. В XIV-XV вв. Тану (Танаис) называли *Азаком* многие восточные авторы (10).

Крымскотатарскому варианту ойконима *Азав* в турецком языке соответствовала форма *Азак*. Это “фонетическая разновидность общетюркской основы *айак*”, имевшей древние исконные значения

“нога” и “конец”. Кроме того, она издавна служила для обозначения “системы пространственных и отчасти временных координат, происходящих от названий частей тела” (11). Ср. его антоним *баш* “начало” из *баш* “голова” (12). В качестве географического термина *азак* и его варианты *адак*, *айак* отмечены со значением “устье реки, ее конец, низовье” (13). В крымскотатарской форме ойконима *Азав* И.Г. Добродомов видит отражение кыпчакского апеллятива *азу* (14).

Город *Азак*, или *Азав*, получил свое имя благодаря топонимизации омонимичного географического апеллятива со значением “низовье реки”. Так вначале могла быть обозначена территория, урочище в устье Дона, название которой позднее, благодаря переносу по смежности имен географических объектов (топонимической метонимии), перешло на крепость, замыкающую вход в устье Дона (с 1471 г. – турецкая крепость *Азак*) и имевшую для Турции в XV-XVII вв. большое стратегическое значение. В тексте уже упомянутой “Истории о приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань лета ...” 1677 г. топоним *Азак* неоднократно употребляется наряду с формой *Азов* (15). Конечное *-ав* в крымскотатарской форме *Азав* (*Азу*) в процессе позднего морфологического освоения славянами этого топонима изменилось в *-ов*. Таким образом, *Азов* – одно из псевдосуффиксальных образований, появившихся в славянской речи благодаря структурной адаптации тюркской формы *Азав*.

Функционирование в русском языке XIV-XVII вв. двух вариантов ойконима – раннего *Азов*, *Озов* (из крымскотатарского *Азав* < кыпч. *Азу*) и более позднего – османского (турецкого) *Азак* (в русской передаче часто *Озак* – со следом фонетической адаптации начального *а-*) привело к образованию соответствующих вариантов названия самого моря: *Азовское* (*Озовское*) и *Азачское* (*Озачское*) море. Оба эти варианта, например, зафиксированы в разных списках “Хождения Игнатия Смольянина в Царьград и Палестину в 1389-1394 гг.”, представляющих самую раннюю фиксацию в русской речи этого топонима: “И проидохом устие *Озачьского* (соответственно: *Азовского*) моря”, т.е. Керченский пролив, “и взидохом на великое море”, т.е. в Черное море (16).

Некоторые восточные авторы этого времени именуют Азовское море *Франским морем*. Так, персидский писатель Абд-ар-раззак Самарканди (1413-1482) сообщает: “Они (царевичи и эмиры Тимура – Е.О.) опустошили и ограбили эту область (улус черкесский – *Е.О.*) до берегов Франского моря, называемого морем Азакским” (17). Это название объяснить трудно: германские племена франков жили в III веке

по нижнему и среднему течению Рейна, а образованное ими Франкское государство (после завоевания Галлии) просуществовало до середины IX в. Возможно, для восточных авторов этот пелагоним был мотивирован названием этого государства (в составе которого была вся Западная Европа и часть Центральной). В таком случае перед нами макротопоним – ориентир, аналогичный более позднему названию – *Азакское (Азачское) море*.

Пелагоним *Азовское море* был мотивирован ойконимом *Азов*. Его ономастическая параллель: в XIII-XIV вв. Черное море называлось *Сурожским морем* – по имени крымского города *Сурожа* (совр. Судак), одного из важных торговых центров средневековья. В Воскресенской летописи, под 1319 г.: “на усть реки Дону, идеже течет в море Сурожское” (косвенное указание на существовавшее представление об Азовском море как о разлившемся лимане Дона, устье которого – Керченский пролив).

В 1977 г. О.Новицкой в Приазовском районе Запорожской области была записана народная легенда, объясняющая происхождение названия Азовского моря на основе женского имени Аза. Так звали одну из дочерей старого рыбака (второй его дочерью была Золотокосая Пещанка). Однажды Аза сидела на крутом берегу, поднялся “сильный вітер-буран”, волны подмыли берег, и Аза упала в море и утонула. Вместе с ней утонула и ее сестра, кинувшаяся ее спасать. “З того часу і море наше почали називати Азовським, бо ж утопилася в ньому красуна Аза” (18).

С начала века фиксируются однословные сокращенные варианты топонима – словосочетания *Азовское море* – *Азов* и *Азовье*. В стихотворении М. Волошина “Гроза” (1918 г.): “То землю древнюю тревожа вечным зовом, Обида вещая раскинула крыло Над гневным Сурожем и пенистым *Азовом*”. Образовавшийся в разговорной речи гидроним *Азов* уже мотивируется первичным описательным названием моря, которое было образовано от ойконима, омонимичного образовавшемуся гидрониму (*Азов*₁ > *Азовское море* > *Азов*₂). Форма *Азов* как название моря в последние десятилетия распространилась в языке газет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трубачев О.Н. О синдах и их языке // Вопросы языкознания. 1976. – №4. – с.54.
2. Трубачев О.Н. Указ. соч., с.51.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.1. М., 1964. С.63.
4. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. XXI.

Тифлис, 1896, с.77.

5. Записки Одесского общества истории и древностей. Т.8.Одесса, 1872, с.479.
6. Величко С. Сказание о войне козацкой з поляками Т.III. , К., 1926, с.272.
7. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. "Наука". Л., 1971, с.165.
8. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т.1. СПб., 1893, с.563.
9. Словарь русских народных говоров. Выпуск второй. "Наука". М.-Л., 1966, с.156.
10. Барбаро и Контарини о России, с.165.
11. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). "Наука". М., 1974, с.104.
12. Там же.
13. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. "Мысль". М., 1984, с.39.
14. Вопросы языкознания, 1974, №4, с.114.
15. Записки Одесского общества истории и древностей. Т.8. , с.487-488.
16. Палестинский сборник. Т.XIV, вып. 3. СПб., 1887, с.5.
17. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды.Т.2. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузеном и обработанные А.А.Ромаскевичем и С.Волным .М.-Л., 1941, с.181.
18. Савур-могила. Легенды та перекази Нижньої Наддніпрянщини. "Дніпро". К., 1990, с.171-172.

---

* Актуальные вопросы теории языка и ономастической номинации. Сборник научных статей. Донецк. ДонГУ, 1993, с.95-99.

VII. ОБОЯНЬ

ОБОЯНЬ, -и,ж. Город, районный центр в Курской области России. Названия его жителей: *обоянец, обоянка, обоянцы*. Основан как крепость в 1639 г. на месте прежнего селения - *Обоянского городища*, находившегося между небольшим притоком Псла речкой Обоянь и Крутым бояраком. Здесь после молебна и водосвятия несколько сот "боярских детей" во главе с воеводой И.Колтовским "обложили два города" с тремя воротами и шестью башнями.

В 1993 г. записаны две версии о происхождении названия города, бытующие среди местного населения. Первая – легендарная: от словосочетания с мужским именем *Ян* "оба Яна" (якобы город основали два брата с таким именем); вторая – научная: от прежнего названия речки, которое позже было расширено суффиксом *-ка* (*Обоянь*>*Обоянка*). Об историческом прошлом города говорят и

названия соседних селений: Стрелецкое, Пушкарское, Казацкое.

В основе топонима лежит редкое славянское неканоническое имя *Боян* (вероятно, от *боянь* 'боягуз', ср. *бояние* 'боязнь' в текстах XI в.; есть мнение, что в древнерусском языке существовало слово *боянь* со значением 'воин', ср. *бой*). Его нельзя смешивать с другим старинным антропонимом *Баянь*, образованным от нарицательного существительного *баянь* 'чародей' (ср. другие слова с этой основой: *баяти* 'ворожить, говорить', *баяние* 'колдовство').

Форма *Боянь* свидетельствует, что перед нами топонимизированное краткое прилагательное с йотовым суффиксом принадлежности мужского рода, в современном языке утраченным. Вначале оно относилось к слову *город* 'укрепленное поселение' (*Боянь город), которое позднее было опущено. Так же, как и в первичных описательных названиях этого типа – *Володимерь город*, *Ярославль город*, *Епифань-город* (ср. личное имя *Епифан*) и т.д., утративших ставший избыточным определяемый географический термин (отсюда современные топонимы *Владимир*, *Ярославль*, *Епифань* – город в Тульской области), не попавшее в дошедшие до нас документы название укрепленного селения *Боянь город* после пропуска слова *город* (отголосок его сохранился в названии урочища *Обоянское городище*, где *городище* могло иметь значение не только 'остатки прежнего города, крепости', но и 'укрепленное поселение') стало осмысливаться как существительное женского рода.

Начальное *о-* в нем (в южнорусском произношении: *а-*) не префикс, а приставной звук (протеза), встречающийся во многих диалектных словах. Например: *алимон* 'лимон' (так, кстати, говорят и в Тульской области), *орепейник* 'репейник', *авторник*, *адвор*, *алипа* и др. Ср. также топонимы с приставными *о-* и *а-*: *Амченск* – устарелое произношение названия города *Мценск*¹; *Осеред* или *Асеред* (левый приток Дона), *Остожинка* – улица в Москве, *Остоженка* – речка в бассейне Москвы-реки и др. Название улицы в "Холстомере" Л.Толстого еще представлено без приставного *о-*: " – На Стожинку! – Это была квартира его любовницы. И мы полетели". Видимо, неправы те, кто видит в начальном звуке этого географического имени остаток предлога *о-* со значением 'около' в словосочетании *о стогах*, на базе которого будто бы сложился топоним.

Современная пара – названия города и речки (*Обоянь-Обоянка*) возникла вследствие расподобления одинаковых топонимов: селение ("город") *Обоянь* и речка *Обоянь*. Гидроним образовался благодаря переносу названия укрепленного селения на протекающий рядом ручей.

Это один из случаев частого в топонимии переноса названий на сопредельные объекты без изменения формы имени. Менее вероятно обратное направление переноса – названия притока Псла на селение: *Обоянь колодезь (где *колодезь* ‘небольшой поток воды, ручей, источник’) > речка *Обоянь* > селение (“город”) *Обоянь*, хотя этот тип переноса названий встречается нередко.

СНОСКИ

¹ З.В. Рубцова (Москва) любезно мне сообщила (в письме от 28 сентября 1998 г.), что, по данным ее анкет (1976-1991 гг.), формы *Амченск* (наряду с *Мченск*), *амчане*, *амченские* (жители) “до сих пор живы в речи коренных сельских жителей старшего поколения в Мценском и окружающих его районах”.

---

* Восточноукраинский лингвистический сборник. Выпуск второй. Донецк. “Донеччина”, 1996, с.107-108.

II. ИСТОРИЯ И ЭТИМОЛОГИЯ СЛОВ

ИЗ ИСТОРИИ ЧАСТИЦ

До сих пор в научной литературе нет еще сколько-нибудь обстоятельного исследования проблемы происхождения частиц, и нам приходится довольствоваться отдельными разрозненными и часто весьма противоречивыми высказываниями языковедов относительно происхождения той или иной частицы. Поэтому работы, имеющие ограниченную цель, – исследовать генезис и семантическое развитие отдельных частиц, могут сыграть положительную роль при определении общих тенденций в сложном процессе формирования этой категории служебных слов.

В настоящей статье мы остановимся на происхождении только двух модальных частиц – *д е с к а т ь* и *м о л*, указывающих на передачу говорящим чужой речи. Обе они – результат преобразования находившихся во вводной позиции глаголов говорения. Впервые обратил внимание на эту группу частиц И. Желтов в 1864 г.¹ Однако статья И. Желтова вызывает больше интерес только как первая (и, можно сказать, – с тех пор единственная) попытка выяснить происхождение и функции в современном ему языке частиц *д е*, *м о л* и *д е с к а т ь*, так как автор, почти не обосновывая своих выводов, стремился лишь «по возможности содействовать раскрытию значения упомянутых частиц, придающих речи особенную живость».

Из-за недостатка места в данной статье мы не касаемся вопроса о происхождении частицы *д е*, что должно явиться темой отдельного исследования. Кроме того, в нашу задачу не входит рассмотрение развития модальных значений и стилистической роли указанных частиц в русском языке.

Частица *д е с к а т ь*

Вопроса о генезисе этой частицы бегло касаются многие исследователи. Но как во многом, что говорится о частицах, так и здесь

нет единого мнения: относительно появления частицы **дескать** высказано несколько точек зрения. Первым, кто заинтересовался составом этой частицы, был И. Желтов, который полагал, что она «сложена» из **де** и **скасть**, вторая же половина слова «есть не что иное, как сжатая форма глагола **сказать**, поставленная вместо повелительного наклонения». М. Изюмов частицу **дескать** расчленяет на **де-скасть**, считая второй элемент **скасть** сокращением инфинитива **сказать**». ² Той же точки зрения придерживался и Я.К. Грот, определивший в справочном филологическом указателе к «Спорным вопросам русского правописания» **дескать** как «сокращенный плеоназм» вместо **де-сказать**. ³ Этот же взгляд на генезис частицы **дескать** разделяют Э. Бернекер ⁴, М. Фасмер ⁵, нашел он отражение и в академической «Грамматике русского языка» ⁶, в исторической справке к статье о частице **дескать** в «Словаре современного русского литературного языка» ⁷, в работах некоторых советских лингвистов. ⁸

Иного взгляда придерживался А.А. Шахматов, считавший, что **дескать** «возникло, по-видимому, вместо **де скажет**, причем **скажет** равносильно **говорит** (ср. отсюда обл. **скаже**, **сказ**, **ска** и **скасть**)», ⁹ то есть второй элемент сложения **скасть** – разрушенная личная форма глагола **скажет**. Это же мнение разделяет Л.А. Булаховский ¹⁰ и другие лингвисты. Точка зрения акад. В.В. Виноградова на происхождение частицы **дескать** в первом издании его книги о современном русском языке не была еще высказана однозначно: **дескать** он определяет с исторической точки зрения как «скрещение двух синонимов» – **дей** и **сказать** или **скажет** ¹¹, то есть он допускал оба пути формирования данной частицы. Но уже в книге «Русский язык» В. В. Виноградов говорит более определенно: **дескать** из **де** и **сказать**. ¹²

И, наконец, существует еще одно предположение относительно происхождения интересующей нас частицы, высказанное, в частности, Ю.Г. Скибой: **дескать** возникло из целого выражения «дело **сказать**». ¹³

Никто из авторов перечисленных выше гипотез, кроме акад. А.А. Шахматова, не подкрепляет своих предположений фактическими материалами из памятников, не обосновывает их свидетельствами народных говоров. А если привлечь ряд данных, имеющих в памятниках и диалектных записях, то выяснится несколько иная картина возникновения частицы **дескать**, чем та, которая представлена в вышеприведенных суждениях.

У большинства лингвистов нет разногласий в определении характера первого элемента частицы. Это получившая широкое распространение уже с XV века модальная частица **де**. ¹⁴ Она широко

представлена в памятниках деловой письменности из различных областей Руси, более или менее полно отразивших особенности разговорной речи. Расхождения во взглядах касаются главным образом второго элемента частицы: что это – стяженная форма инфинитива или глагола **скажет**? Авторы второй и третьей гипотез считают, что деформация второго элемента частицы произошла уже после того, как возникли предполагаемые плеонастические сочетания **де-сказать** и **де-скажет**.

Вторая точка зрения на происхождение частицы **дескать** представляется нам малоубедительной, так как среди вводных слов, указывающих на источник высказывания или сообщения, не зарегистрированы слова, соотносимые с инфинитивом. Этому противоречит сама природа инфинитива – «общей» глагольной формы (В. Богородицкий), не содержащей никакого указания на лицо, которому принадлежит пересказываемая речь. А именно это является важнейшей функцией данной категории вводных слов, пока они не деформировались в модальные частицы, утратившие самостоятельное лексическое значение. Также непригодны для выполнения этой функции в составе чужой речи предполагаемые И. Желтовым и Ю. Скибой вводные словосочетания **де-сказать** (где **сказать** – повелительное наклонение) и **дело сказать**. Более убедительной следует считать гипотезу А.А. Шахматова, который **скасть** выводит из полнозначного глагола **скажет**, сократившегося в результате быстрого выговора, но и эта точка зрения нуждается в конкретизации и должна быть подтверждена фактами.

2

Наряду с частицей **де**, уже с XV века ставшей основным лексико-синтаксическим средством передачи чужой речи, в языке памятников встречаются и другие вводные слова, выполняющие ту же функцию (**рече**, **реку**, **рекши**, **глаголет**, **сказывает**, **сказывают**, **молвил**, **молвит**, **молыт** и др.). Нередко в памятниках XV-XVII вв. наблюдается совмещение в рамках общего контекста различных вводных слов и частиц, сопровождающих передачу чужой речи. Ср. например, в отрывке из Софийской второй летописи (1475 г.): **Мнози, рече, у нас мастери, но ни един избрися на Русь... И хитрости ради его Аристотелем зваху его, рече Семнон: да сказывают еще и Турьской ден царь звал его, что во Цареграде сидит, того ради; а там церковь сказывал в Венеции святого Марка велми чудну и хорошу, да ворота Венецийскии деланы, сказывает, его же дела...**

По памятникам XV-XVII вв. можно проследить довольно широкое употребление во вводной позиции личных форм глагола **сказать** (**сказывать**), которые, благодаря быстрому произношению и ослаблению их лексического значения, в разговорной речи могли легко разрушаться, стягиваясь в разнообразные *allegro*-формы. Результатом фонетического превращения этого глагола и является скудно зафиксированное в некоторых памятниках XVII века частичное слово **скать**. Например, в статейном списке о посольстве Ф. Елчина в Даданскую землю (1639 - 1640 гг.), написанном его холопом:¹⁵ 1. **И оне нам сказали: летописи, скать, ꙗ нас нет...** (213); 2. **А монастырь во имя пречистыя богородицы Одегитрея, а тако нам разводꙋ не дали, которой во имя богородицы-веть, скать, одна богородица** (329). Акад. Д.С. Лихачев, характеризуя язык статейных списков XVI-XVII вв., отмечает обилие в них прямой речи: «Через эту прямую речь входили в письменность элементы разговорного, живого и непринужденного языка своего времени, непосредственной устной интонации».¹⁶ Таким элементом непринужденной разговорной речи и является отмеченная выше частица **скать**. Ср. еще в одном из ранних списков «Повести о Михаиле Потоке»:¹⁷ «**Что зговорят князи и бояры і все киевляна: Нигде, скать, тако не слыхоно, не токмо видено, чтоб живы да ложилася с мертвыми**». Примечательно, что в остальных двух списках, представляющих собой более поздние варианты записи того же фольклорного текста, только несколько литературно обработанного, частица **скать** переписчиком опущена. Первый же список (из бывшей императорской публичной библиотеки) интересен тем, что, как пишет в «Примечании» к повести В.Ф. Миллер, «сохранил памятник народной словесности без книжных поправок»; возможно, допускает он, что повесть была записана «либо по памяти, либо с «пословесной» передачи былин».¹⁸

В наше время употребление частицы **скать** в живой речи зарегистрировано в 1940 г. П.Я. Черных в нижненейском говоре (в Макарьевском р-не нынешней Костромской обл.): 1. **Мы окружоны, скать, капиталистичким странам**; 2. **Нам пламенный привет, што мы, скать, их подготавлили**; 3. **Он, скать, охраняет**.¹⁹ Как аналог **скать** представляет интерес встречающееся в южновеликорусских говорах частичное слово **гвать** (стяженная форма глагола **говорять**): ...Ну, **гвать**, слава богу, **воля, гвать**, **вышла!**...²⁰

Принимая во внимание данные говоров, можно предположить, что первое время стяженная форма 3-го лица ед. ч. **скать** могла употребляться в роли смыслового эквивалента полной формы **скажет**

(сказывает), как **ску** – скажу (сказываю), **ски** – скажи (повелит. накл.) и т. д.²¹

Подчиняясь общей фонетической тенденции северновеликорусских говоров, конечное -т' в 3-м лице отвердевает. Например: 1. Он **скат** хорошо, я **ску** худо. Мало кто **скат**...²²; 2. А он **скат**: «Вот у нас была дочка одинака...»²³; 3. А они и раздумались: «До утра, **скат**, прожить так и батюшко и вси узнают, донесут».²⁴ В северо-западных говорах, а также в говорах крайнего севера (например, поморская группа) наблюдается отпадение конечного -т в форме 3-го л. ед. ч. глаголов первого спряжения. Allegro-форма 3-го л. ед. ч. **скат** также утрачивает показатель лица – конечное -т, отсюда возникает встречающееся и в ряде современных северновеликорусских говоров частичное слово **ска**, широко употребляющееся не только во вводной позиции, но и как обобщенный эквивалентный заменитель полных (личных) форм глагола **сказать**. Богатый фактический материал по такому употреблению **ска** представлен в сборнике северных сказок Н.Е. Ончукова (особый интерес вызывают помещенные здесь записи акад. А.А. Шахматова, сделанные им в 1884 г. и отличающиеся скрупулезной точностью в воспроизведении черт олонецких говоров). Отмечает это явление и А.Б. Шапиро в «Очерках по синтаксису русских народных говоров».²⁵ Ср., например: 1. Она **ска**: «Батюшка, где меня взял отвези меня, говорит, уже» (Н. Е. Ончуков, № 49); 2. И она, как камень в руки попал, старику **ска**: «И поживем мы теперь, **ска**, на этом месте» (Там же); 3. Он и **ска**: «Что, старицек, сынок-то твой ворует?» (Там же, стр. 244); 4. Я **ска**: «Пошто ты берешь?». 5. Я **ска**: «Ишь ты не знаючи взял...». Последние два примера – из архангельского говора – взяты нами из книги А.Б. Шапиро. В приведенных примерах **ска** равнозначно личным формам глагола **говорит, сказал, говорю**. Было бы неправильно отрицать эту близость, как это делает А.Б. Шапиро, на том основании, что в говорах встречаются конструкции типа «я и говорю **ска**» (см. его «Очерки...», стр. 282-283). Перед нами обыкновенное плеонастическое сочетание, состоящее из личной формы глагола говорения и обобщенной формы **ска**²⁶. В примере № 2 **ска** проявляет даже признак глагольной переходности, что выражается в наличии при нем, как **ска з у е м о м**, косвенного дополнения **старик у**.

3

Может ли глагол **скажет**, «равносильный» глаголу **говорит** (А.А. Шахматов), измениться в частицу **скасть**? Ведь в современном языке форма **скажет** передает будущее время. Как правило,

пересказываемая чужая речь – факт, уже имевший место в прошлом или настоящем, и очень редко пересказ ее переносится в плоскость будущего. Все модальные частицы, сигнализирующие передачу чужой речи, как раз и представляют собой продукт деформации находящихся во вводной позиции глаголов говорения настоящего или прошедшего времени.

Сравним, например, ст.-сл. и др.-русск. **рече**, русск. **де, мол, grit, гыт**; укр. **мовляв**, диалектные **ка, кае**; белорусск. **ску, ку, ка**;²⁷ болгарск. **кай, ка** (от глагола **кажа** «говорить»)²⁸; польск. **peda** (<powiada); чешск. **prý** (<praví «говорит»)²⁹; словацк. **vtaј**³⁰ и т. д. Не представляет исключения в этом отношении и частичное слово **скасть**. Трудно согласиться с Е.М. Степановой, допускающей, что вводное слово («повторяющийся глагол речи») **скаже** (сокращенный вариант глагола **скажет**, ср. еще **скае, сказ**) представляет собой форму будущего простого времени.³¹

Использование форм будущего простого в значении настоящего в современном языке, как правило, связано с дополнительной экспрессивной нагрузкой глагола в предложении. Но в древнерусском языке глаголы в форме совершенного вида иногда могли иметь значение несовершенного вида³². Пережитком такого употребления и является, по-видимому, значение «говорит» в глаголе **скажет**, например, в грамоте А. Заболотного из Крыма (1502 г.): **А про Орду, государь, скажутъ, Шигъ-Ахметъ съ Тевкелемъ с Темиревымъ сыномъ да с иньми князми въ розни. А улисы, государь, кажутъ, ныне отъ него отступили...** В этой грамоте, наряду со словом **скажутъ**, во вводной позиции употребляются и другие глаголы настоящего времени – **кажутъ, сказывають**³³. Сравним еще употребление глагола настоящего времени в северных говорах: 1. Ну, и она и мужу **скажет**: «Муж мой возлюбленный, я не могу, **ска**, топериче жить...» (Ончуков, стр. 254); 2. Один то **ска**, другой другоз, а иной **скаже**: «Бросим этого молодья, мужа ее, в воду...» (Там же, стр. 254); 3. Старицек с работником сено косил, пришли люди **сказывають**: «Бог помощь, работницки! Вот, **скажут**, говорили, мужика убили в эком месте» (Там же, стр. 458) и др. Ср. еще употребление **скажут** в значении «говорят» в одной из раскольнических рукописей середины XIX века («История Выговской пустыни»):

« – Куда вы идете, спросил их Филиппов.

– **Скажут**, что Семена Денисьевича заутро повезут в Петербург, а слух есть, что еще к Самарину едут солдаты на помощь – чтоб достальных всех переимати и вывести куда указано...».³⁴

Частица **дескать** возникает в результате объединения широко

распространенной в письменной речи частицы *де* и диалектных *скать* или *скат*.³⁵ Уже язык некоторых памятников XVII века отражает такие случаи параллельного употребления *де* и *скать* в рамках общего контекста. Например, в том же статейном списке Ф. Елчина, написанном «человеком», т. е. холопом русского посла: 1. И он им откозал с кручиною: «И тово *де* у меня ниhto не ведает, што у меня на сердца; поспели б *де* вы мне говорить, как и години вышли, а и тагды, *скать*, как бог благоволит» (стр. 215); 2. И митрополит сказал: «Наше *де* царство крестил Ондрей Первозванной, а наизусть *де* я не помню сказать, давно ль царство крестилось; а се *де* наше царство после таго трижды веры теряли, да после таго опять веру исправили... А прислала, *скать*, некая праведная девица от Ерусалим, а имя ей Ненила... (стр. 218); 3. И мы *де* их распросили: как у вас ведетца. И они *де* стали сказывать: как *де* выдешь из бани да станешь платье одевать, доведетца, *скать*, рызы и клубук положить под ноги. И мы *де* о том пособоровали и подумали, видим *де*, что они к нам пришли на искушенья, и мы *де* им откозали... (стр. 218). Сравним еще у Аввакума: Жури ему: боярин-десу, одинаво умереть, хотя бы то *де* тебя, *скать*, по гузну-тому плетмити и побили... (Письмо некоему Афанасию)³⁶. Здесь налицо уже все предпосылки для слияния частиц *де* и *скать* в одном слове.

4

На реальную возможность такого слияния указывают и факты современного русского языка. В современном языке, особенно в его разговорно-непринужденном стиле, говорящий также нередко употребляет в общем контексте синонимичные модальные частицы *де*, *мол*, *дескать*. Например: «Начинаем привыкать, ко всему привыкать, *дескать*, война, и что ребята валяются – тоже, *мол*, война» (А. Серафимович). Как когда-то частицы *де* и *скать* слились в одно слово, так и в языке наших современников спорадически проявляется тенденция к объединению частиц *де* и *мол* (реже *дескать* и *мол*). Фактически возникает новая, сложная частица. Например: 1. Залазит ко мне: прости, *де мол*, последний раз так... (из речи крестьянки с. Мамлютка Сев.-Казахстанск. обл., 1954 г.); 2. Не поверил он мне: *мол де*, у вас все равно ничего не получится (Гам же, 1954 г., из выступления учителя). Сравн. еще: 1. Аркадий Петрович Гайдар как-то – в шутку, а по существу всерьез – очень хорошо сказал: когда-нибудь наши потомки будут говорить, что вот, *де мол*, жили на земле знающие, умелые люди, которые из хитрости прикинулись детскими писателями...³⁷ 2. Нам ответили: вы, *де мол*, получили не приглашение, а нечто вроде приветствия.³⁸ 3. Это, *де мол*, бесцельное трюкачество.³⁹

4. Сейчас югославское руководство упорно пытается навязать югославскому народу и членам СКЮ мысль о том, что нынешнее обострение отношений между Союзом коммунистов Югославии и всеми коммунистическими и рабочими партиями – это, *де мол*, не что иное, как продолжение событий 1948, то есть продолжение прежнего конфликта (из речи Н.С. Хрущева на 5 съезде СЕПГ 11 июля 1958 г.). 5. Президент США и его военщина использовали бы это против нас, злорадствуя, вот-де, *де мол*, Советский Союз жалуется, потому что не имеет средств, чтобы сбить наши самолеты, летающие на большой высоте (из выступления Н.С. Хрущева 28 мая 1960 г.). 6. Поражаясь превращением когда-то скромного «кредитора» в озверелого собственника, Екатерина Павловна высказала несколько замечаний о том, что в посетителе, *де мол*, ярко выражены пережитки прошлого.⁴⁰ 7. Эта невинная книжка неожиданно вызвала гневный лай врагов: *де мол*, учебник Броше и Ремезова вовсе не учебник, а самая настоящая, открытая большевистская пропаганда.⁴¹ Ср. еще довольно редкий случай слияния частиц *де мол* и *дескать* в «Соборях» Н. С. Лескова: «– Чему-с? А она тому соответствует, – заговорил протяжнее дьякон, – что дали, *де мол*, *дескать*, ему линейкой палю в руку».⁴²

5

Первые случаи проникновения частицы *дескать* в литературный язык относятся ко 2-й половине XVIII века и отмечаются в произведениях, отражающих народную речь («Анюта» М.И. Попова, «Мельник-колдун, обманщик и сват» А. Аблесимова и др.). Например: 1. **Анюта.** Матушка меня не пускает; говорит: ты, *дескать*, уж девушка-невеста, так женихи осудят... (А. Аблесимов. Мельник-колдун, обманщик и сват. 1779).⁴³ 2. **Жилица.** Да к тому ж, кажется, от всех соседей стала мне великая налога, стали говорить: «ты, *дескать*, теперь солдатка, так тебе здесь нет места... (А. Аблесимов. Счастье по жеребью. 1779).⁴⁴ Несколько раз встречается она и в комедиях, написанных Екатериной II («О время!», 1772 и «Передняя знатного боярина», 1772).⁴⁵ О том, что данная частица еще окончательно не «прижилась» в литературном языке конца XVIII – начала XIX вв., говорит наличие в нем нескольких ее вариантов – *дескать*, *дескат* (см. сноску 35) и *дискать* (например: Скажи ему поучтивее: вы, *дискать*, сударь с ума сошли. И. А. Крылов. Модная лавка. 1806).

Уже в начале XIX века частица *дескать* занимает второе место после широко распространенной в этот период частицы *де*⁴⁶; частица *де мол* в этот период встречается значительно реже, время ее широкого употребления в литературном языке – вторая половина XIX века и язык

268

наших дней (об этом см. ниже).

6

Несколько слов об акцентных вариантах частицы *дескать*. В современном русском языке эта частица выступает с ударением на первом слоге. Но наблюдения над поэтическим языком прошлого века позволяют высказать предположение, что существовал еще один акцентный вариант частицы *дескать* – с ударением на конечном слоге. Как известно, язык поэзии, благодаря своей ритмической структуре и законам рифмовки, нередко сберегает ценные свидетельства о словах со старым, отличным от современного, ударением. Случаи употребления акцентного варианта *деска́ть* мы, например, встречаем в поэзии А. С. Пушкина и И.С. Никитина.⁴⁷

1. Самозванец. Ну! Обо мне как судят в вашем стане?
Пленник. А говорят о милости твоей,

Что ты, дескать (будь не во гнев), и вор,
А молодец («Борис Годунов»).

2. Давно ль жена его у нас

Брала уют... дескать на час... (И.С. Никитин. «Кулак»).

3. Дочь надо замуж выдавать

Умно, дескать. Смотри тут в оба! (Там же).

4. Жена, его все, знаешь, поджигает:

«Делись, дескать! Твой брат-то лежебок...» (И.С. Никитин.
«Дележ»).

Из всех отмеченных вариантов «права гражданства» в современном русском языке получает форма *деска́ть*, реализующаяся в речевом потоке в двух акцентных разновидностях: *деска́ть* и *деска́ть* (д' и ска́т').

Частица *мол*

Различные точки зрения высказаны и относительно происхождения частицы *мол*. Для всех исследователей очевиден факт происхождения ее от глагола *молвити*. Расхождения во взглядах связаны с определением той формы глагола *молвити*, которая преобразовалась в частицу. Н. Греч⁴⁸, И. Давыдов⁴⁹, М. Изюмов⁵⁰ считали *мол* «сокращением» *молвил*. Этому мнению придерживается и М. Фасмер.⁵¹ Отразилось оно и в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова⁵², а также в исторической справке к статье о частице *мол* в 6-м томе «Словаря современного русского литературного языка».⁵³

Другая группа исследователей (И. Желтов⁵⁴, Н. Шляков⁵⁵, А. Шахматов⁵⁶) возводят частицу *мол* к императиву *молвь* (молви).

А. Соболевский⁵⁷, Л.А. Булаховский⁵⁸ полагают, что **мол** – результат деформации глагола **молвит** (через промежуточную ступень **молыт**).

Некоторые языковеды более осторожны в своих выводах и безоговорочно не соотносят частицу **мол** с какой-либо определенной формой глагола **молвити**. Так, А.Г. Преображенский, наряду с развитием **мол** из 3-го лица ед. ч. **молвил** («или, вернее, из **молыл**»), считает возможным и иной путь развития – «из **молвишь** или **молвить**; ср. де из **дееть**, **дееть**».⁵⁹ Акад. В. В. Виноградов допускает происхождение частицы **мол** из двух источников: из императива **молвь** и прошедшего времени **молвил**.⁶⁰ Этому же взгляда придерживаются А.И. Аникин⁶¹, Е.М. Степанова⁶² и некоторые другие исследователи.

Разногласия во мнениях о генезисе частицы **мол** и отсутствие под ними фактической базы обусловлены вполне объективными причинами – памятники древнерусского языка почти не сохраняют сколько-нибудь убедительных свидетельств, могущих пролить свет на историю данной частицы, поэтому о многом приходится говорить лишь предположительно.

2

Общеславянский корень **мъльв-** в тех или иных фонетических модификациях представлен во всех группах славянских языков. Но превращение глагола **мъльвити** в частицу происходит только в восточнославянских языках (русск. **мол**, укр. **мов**, **мовляв**, белорусск. **маўляу**). Общеславянский корень **тъльв-** восходит к индоевропейскому сочетанию из двух сонорных, звукоподражательному по своей природе (вторым элементом сочетания мог быть как **l**, так и **g**).⁶³ Значение «говорить» было в нем исконным.⁶⁴ Однако в древнерусском языке **мъльвити** выступало с более широким кругом значений. Словарь И. И. Срезневского отмечает следующие значения в глаголе **мъльвити**: «шуметь, поднимать тревогу» (*tumultuari*), «хлопотать, заботиться» и «говорить».⁶⁵ Последнее значение иллюстрируется в словаре самым большим количеством примеров из древнейших памятников древнерусского и церковнославянского языков, в современном русском языке **молвить** имеет лишь значение «говорить, сказать», а **молва** – «разговоры, слухи».⁶⁶

В разговорной речи, благодаря быстрому произношению, глагол **молвить**, как и многие другие глаголы говорения, нередко выступает в редуцированном виде. Один из исследователей южнорусских говоров В.И. Тростянский писал: «Слова «говорить» и «молвить» в 3-м лице ед. числа настоящего времени, когда передается

чужая речь, всегда сокращаются в произношении: так что получаются формы **гыртъ** и **мол(ы)тъ** или **мольть** (звук **ы** едва слышно) вместо **молвить** и **говорить**»⁶⁷.

Allegro-формы глагола **молвить** уже в XVI веке из разговорной речи нередко проникают в язык памятников. Чаще всего это формы 3 л. ед. ч. **мольт** и прош. вр. **мольт(и)**, затем инфинитив **мольть**, **молатъ** («мольтят») и др. Например: 1. И после того, государь, на четвертый день прислалъ по насъ Аппакъ князь, а **мольть** так... (1517 г.)⁶⁸; 2. ...И они и конемъ корму сена взяли, а **молатъ** так... (1512 г.)⁶⁹; 3. И мы **мольтыли**, государь, такъ... (1519 г.)⁷⁰; 4. .. Да опять царь разгодал да **мольтыл...** (из грамоты В. Грязного к Ивану IV, 1576 г.)⁷¹; 5. А клятвою тою, – дурно **мольты!** – гузну тру («Житие» Аввакума); 6. И Евфимей, чюдовский келарь, **мольтыл**: «правъ-де ты...» (Там же).

Эти и другие примеры свидетельствуют о наличии в древнерусском языке, наряду с основной **мольв-**, редуцированной основы **мол-**.

При передаче чужих высказываний личные формы глагола **молвити** нередко могли находиться во вводной позиции, что определяло еще большую редукицию их фонетического состава. «Едва слышный» звук **ы** (В.И. Тростянский) мог перейти в **ь** (**мольт**, **мольть** и т. д.), а затем и вовсе исчезнуть, в конечном итоге это приводило к унификации всех allegro-форм глагола **молвити**. На наш взгляд, частица **мол** не восходит к какой-либо определенной форме глагола **молвити**, а является результатом разрушения целого ряда allegro-форм этого глагола. Иногда в таком редуцированном виде глагол **молвити** мог выступать не только во вводной позиции, но и в роли сказуемого. Именно так следует квалифицировать употребление **мол** вместо императива **мольти** в письме царя Алексея Михайловича (1657 г.): И ты прикажи дяку Петру Арбенеу моим словом про детей боярских... да и то **мол** Петру, чтобы сам почаству их днем и ночью смотрел, таки ль все тут... да и истопничим **мол**, чтобы и у них бережно было и пьяных бы не было...⁷² Выше мы уже останавливались на подобном случае универсализации allegro-формы глагола **скажет** – **ска** для обозначения акта речи в северновеликорусских говорах, на способности ее замещать полные личные формы глагола **сказать**, когда последние выступают не только во вводной позиции, но и в роли члена предложения.

Частица **мол** сравнительно поздно проникает в язык письменности и в древнерусских текстах представлена буквально единичными примерами⁷³. Дважды зарегистрирована нами она пока только в языке полемических произведений протопопа Аввакума: 1. И

я сопотнвѣ молють: прости! овлазнился, реку, ты чернец, и в кале тинне помышляешь сокровенну быти злату и сребру. Не ведется, *моль*, тово, еже драгое каменіе полагати в г...ой заходѣ: тако и в мой греховной органѣ непристойно внити благодатному огненному уму (Послание нгумену *Сергию съ отцы и братіей*», сп. XVII в.)⁷⁴; 2. Въ выписке ты пишешь, и я таки на радостяхъ набегался по келье-той: пускай, *моль*, миленькой апостоль тово ушибѣ пса адова, давай другава (Книга обличений или Евангелие вечное, сп. XVIII в.)⁷⁵.

3

Очень скупо употребление частицы *мол* отражено в языке художественной литературы начала XIX века (в обследованных текстах XVIII века нам не встретилось ни одного случая употребления *мол*). «Словарь Академии Российской» отмечает только «в просторечии широко употребляющуюся» частицу *де*⁷⁶. В начале XIX века, по-видимому, еще резко чувствовалась принадлежность *мол* к пластам просторечной лексики – она могла употребляться в роли особого колористического средства при передаче языка «простоародья». Ср., например, в комедии И. А. Крылова «Пирог» (1801 г.):

Ванька. (...) Эй, мужичок! мужичок!

Мужик. Што-сте, болярин?

Ванька. Чья это деревня?

Мужик. Што-мыл? Чья деревня-то? Барская.

Ванька. Да какого барина?

Мужик. Какого-мыл? барина-то? Князя Венецкого.

Ванька. Так точно. Ведь это место называется Безрыбные пруды?

Мужик. Безрыбные пруды-мыл? Это-сте.

Ванька. Не приезжали ли сюда господа: двое мушин да три женщины?

Мужик. Не приезжали ли-мыл? Давно бродят по лесу.

Ванька. Да подойди сюда, скажи мне толковитее.

Мужик. Толковитее-мыл? Прощай, болярин, мне неколи.

Просторечная окраска речевой партии мужика в этом диалоге усиливается тем, что автором использован р е д у ц и р о в а н н ы й вариант частицы *мол* (*мыл*)⁷⁷.

О том, что частица *мол* в первой половине XIX в. еще не утвердилась в литературном языке, красноречиво свидетельствует факт отсутствия ее в языке А.С. Пушкина. Кроме того, для некоторых лексикографов еще в 40-е гг. прошлого века частица *мол* казалась не столько просторечным, сколько диалектным словом. Например, Ф. Шимкевич предпринимает попытку даже территориально

локализовать употребление этой частицы: «Что касается частицы *де* или *деи* (Арх. Акт. 1, под 1650 годом), то она употребляется в просторечии, когда пересказываются чужие слова по поручению или по приказанию, например, он велел тебе сказать, что я *де* тебя не слушаю. В Воронеже, в этом случае, вместо *де* употребляется *мол* (выделено нами - *Е. О.*), которое сокращено от глагола *молвил*, т. е. сказал». ⁷⁸ Однако уже со второй половины XIX века частица *мол* прочно входит в язык ряда писателей. Значительную роль в этом сыграла языковая практика писателей-демократов 50-60 гг., наметивших совершенно новый подход к литературно-художественным функциям просторечия. В язык произведений Некрасова, Решетникова, Помяловского, Никитина, Слепцова и других вливается мощная струя просторечной лексики, которая становится неотъемлемым компонентом их языкового стиля. С этого времени частица *мол* заметно вытесняет из речевого обихода частицу *де* ⁷⁹, в языке некоторых писателей по частоте употребления она стоит на первом месте. Для сопоставления частоты употребления *мол* и частиц *де* и *дескать* мы обследовали тексты некоторых писателей второй половины XIX века; приводим данные наших подсчетов из языка Ф. Решетникова, И. Никитина и В. Слепцова: у Ф. Решетникова ⁸⁰: *мол* – 26 раз, *дескать* – не отмечена, *де* – 18 раз; у И. Никитина ⁸¹: *мол* – 60 раз, *дескать* – 17 раз, *де* – 10 раз; у В. Слепцова ⁸²: *мол* – 70 раз, *дескать* – 3 раза, *де* – 3 раза. ⁸³

4

Допустимость предположения, что *allegro*-форма *мол* в древнерусском языке могла выступать в роли универсального заменителя личных форм глагола *молвити*, подтверждается и некоторыми фактами современного русского языка. Наблюдения над современным русским языком убеждают нас в том, что степень смысловой редукции в частицах, выражающих субъективную оценку чужой речи, не одинакова. Больше всего процесс «иссыхания» (В. Виноградов) затронул частицы *де* и *дескать*. Что касается частицы *мол*, то в современном русском языке она обладает большой смысловой «емкостью». Это выражается в способности ее выступать во вводной позиции в роли заместителя различных полнозначных глаголов речи. Сравним, например:

1. – Скотина, скотина, а, тоже понимает, что тяжко. Везет, везет, да оглянется. Я, мол, что ты? ай пособить? Она мордой-то вот этак (В.А. Слепцов. Ночлег). В данном примере *мол* утрачивает свойства частичного слова и выступает даже как заместитель главного члена предложения – сказуемого («говорю»).

2. А седок-то мне – тьфу!

Коли скажет: «Легче!»

Нет, мол, сел, так сиди

Да держись покрепче (И. Никитин). Мол здесь – «подумаю», «говорю себе».

3. «...Я раз гуляю,

Гляжу – нырнул мальчишка в рожь...

Э! Погоди, мол, не уйдешь!

И что же, сударь, открываю?» –

«Ну-с?»

«Он колосья воровал!

Шапчонку верхом их набрал!

На что, мол? Хлопает глазами

Да хнычет» (И. Никитин).

Первое мол – «думаю, говорю себе», второе – «спрашиваю».

4. Вон, Лягаев, возьмет линейку да две рубашки в носовой платок и идет... «Куда, мол, ты?» – «Переезжаю», – говорит (И. Гончаров, Обломов). Мол здесь – «спрашивают».

5. – Я сам-то не люблю в жестянках, для тебя это. А я больше уважаю живность. Купишь осетра этак пудика на два, на три да вспорешь, ан там икры фунтиков поболее десятка, подсолишь да с лучком... Да ежели под коньячок, ну-у, черт ты дери! – захлебнулся купец и сплюнул. Сладко сглотнули и приказчики. – Эх, Прохор Петрович! Хорошо, мол, жить на белом свете! Вот я – старик, а тыщу лет бы прожил (В. Шишков. Угрюм-река). Мол здесь употреблено в обобщенно-личном значении «говорят».

6. Елена. Как я рада, что вы поняли это! Меланья. Сразу поняла. А все-таки дай, мол, попробую, может, и куплю себе забавного барина, в мужья? Ведь вот подлая! (М. Горький. Дети солнца). Мол здесь – «говорю себе, думаю».

Частица мол может употребляться и вместо вводного слова **говорю** в тех случаях, когда говорящий повторяет свои же произнесенные ранее слова. Например:

1. – Собака и есть! – вдруг вскинул головой Савелий.

– Ну?

– Собака, мол, и есть! (М. Горький. Убежал).

2. За дверью раздался ликующий хохот.

– Выпусти! – громко попросил Гомозов.

– Что? – раздался голос солдата.

– Выпусти, мол... (М. Горький. Скуки ради).

3. – Семь раз подавали – где еще одна?

– Ей-богу, все!

– Врешь!

– Ей-богу!

– Видела я... Поддай сюда!

– Да все, мол, тут! (М. Горький. На базаре).

4. – Ну, что там – при работе покой? – Иногда покой?

– Лучше, чем у нас? Поют-то, мол, лучше? (М. Горький.

Мужик).

В том же значении «говорю», обозначая слова повествующего лица, употребляется мол при распределении реплик пересказываемого диалога (слова собеседника в таких случаях обозначаются вводным словом *говорит*). Например: 1. Да я скажу... Про вас спрашивал... «Водку пьет твой барин?» – «Пьет», мол. «Много?» – «Разно, говорю: когда больно много, когда поменьше». – «А насчет женского пола как?» – «Это, мол, нам неизвестно» (М. Горький. Несколько дней в роли редактора провинциальной газеты). 2. «Неудобный вы человек», – говорит он. «У всякого, мол, своя специальность, господин хороший!» (М. Горький. Проходимец). 3. «Зачем сюда, зашел, паренек?» – «От бугая, мол, спасаюсь». «Нет, говорит, знаем мы вас, бугаев! Это ты к снохе нашей к Олютке залез» (М. Шолохов. Поднятая целина).

* * *

Резюмируем сказанное выше. Факты подтверждают точку зрения А.А. Шахматова на происхождение второго элемента частицы *дескать* – *скасть* от глагола настоящего времени *скажет*. Частица *дескать* возникает в результате объединения в одном слове общерусской частицы *де* и частичного слова *скасть*, имевшего, по-видимому, ограниченную область распространения в русском языке, так как в памятниках (и то лишь относящихся к XVII веку) оно представлено единичными примерами. Реликты этого слова отмечаются в некоторых современных говорах. Насколько нам известно, в деловой язык московских приказов она не проникает. В древнерусском языке отмечаются лишь отдельные случаи параллельного употребления в общих контекстах *де* и *скасть*, пока еще разделенных другими словами. В результате лексикализации возникавшего в разговорной речи тавтологического словосочетания *де-скасть* и возникает интересующая нас частица, уже со второй половины XVIII века проникающая в язык некоторых произведений художественной литературы. Гипотеза А.А. Шахматова нуждается только в одной поправке: частица *де* сливается не со словом *скажет*, образуя словосочетание «*де скажет*», впоследствии

изменившееся в дескать, а с уже деформировавшимся, частичным словом **скать**.

Частица **мол** восходит к целому ряду находящихся во вводной позиции личных форм глагола **молвити**, сократившихся, благодаря быстрому произношению, в одну, общую для всех, *allegro*-форму **мол**. Эта частица, в отличие от *де* и *дескать*, до сих пор еще сохраняет смысловую связь с глаголами говорения, нередко замещая их во вводной позиции. В древнерусском языке встречается она крайне редко. Первые случаи ее употребления относятся ко второй половине XVII века (в языке некоторых произведений Аввакума). В первой половине XIX века она еще сравнительно редко проникает в литературный язык (отсутствуя, например, в языке А.С. Пушкина). Время широкого распространения частицы **мол** в литературном языке – вторая половина XIX века и язык наших дней.

СНОСКИ

- ¹ И. Желтов. Грамматические заметки (1: О пояснительных частицах: мол, де, дескать) // Филологические записки. - Воронеж, 1864. - Вып. 5. - С. 271-273.
- ² М. Изюмов. Опыт словаря русского языка сравнительно с языками индоевропейскими, в 4-х отделах. - Спб., 1880. - С. 521.
- ³ Труды Я.К. Грота. - Т. 2. Филологические разыскания. - Спб., 1899. - С. 898.
- ⁴ E. Bernker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. - Heidelberg, 1924. - С. 192.
- ⁵ Vasmer Max. Russisches etymologisches Wörterbuch. - Heidelberg, 1953. - Т. 1. - С. 332.
- ⁶ Грамматика русского языка. - Т. 1. Фонетика и морфология. - М., 1953. - С. 639.
- ⁷ Словарь современного русского литературного языка. - Т. 3. - М.: Изд-во АН СССР, 1954.
- ⁸ Д.И. Ганич. Модальные функции вводных слов в современном русском языке: Дис. канд. фил. наук. - К., 1953. - С. 86.
- ⁹ А.А. Шахматов. Синтаксис русского языка. - 2-е изд. - Л., 1941. - С. 268.
- ¹⁰ Л.А. Булаховский. Курс русского литературного языка. - Т.2: Исторический комментарий. - К., 1953. - С. 370.
- ¹¹ В. Виноградов. Современный русский язык. - Вып. 2-й. - М., 1938. - С. 557.
- ¹² В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. - М.-Л., 1947. - С. 732.
- ¹³ Г. Скиба. Частица как служебное слово в современном языке. - Черновцы, 1958. - С. 13.
- ¹⁴ И. Молотков. Сложные синтаксические конструкции для чужой речи в древнерусском языке по памятникам письменности 11-17 столетий: Дис. канд. фил. наук. - Л., 1952. - С. 169.

- ¹⁵ Путешествия русских послов 16-17 вв. Статейные списки. - М.-Л., 1954. - С. 213.
- ¹⁶ Путешествия русских послов 16-17 вв. Статейные списки. - С. 379.
- ¹⁷ Русские былины старой и новой записи. Под ред. Н.С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. - М., 1894. - С. 29.
- ¹⁸ Русские былины старой и новой записи. - С. 87.
- ¹⁹ П.Я. Черных. Нижненейский говор // Ученые записки Ярославского гос. пед. ин-та. - Вып. 4: Русское языкознание. - Ярославль, 1944. - С. 103.
- ²⁰ П.С. Кузнецов. Русская диалектология. - М., 1951. - С. 138.
- ²¹ Последняя форма, например, зарегистрирована Б. и Ю. Соколовыми в 1908—1909 гг. в северных уездах б. Новгородской губ. (см. их: Сказки и песни Белозерского края. - М., 1915. - С. 661).
- ²² Словарь областного олонецкого наречия. Собрал Г. Куликовский. - Спб., 1898. - С. 107.
- ²³ Северные сказки (Архангельская и Олонечкая гт.). Сборник Н.Е. Ончукова. - Спб., 1908. - С. 45.
- ²⁴ Северные сказки (Архангельская и Олонечкая гт.). - С. 452.
- ²⁵ А.Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров (строение предложения). - М.: Изд-во АН СССР, 1953. - С. 282-283.
- ²⁶ Такие сочетания, впрочем, встречаются и в украинских говорах, например: *А він каже ка...* (далее следует чужая речь). (см.: Н. Дурново. Хрестоматия по малорусской диалектологии. - М., 1913. - С. 45).
- ²⁷ Е.Ф. Карский. К истории звуков и форм белорусской речи. - Варшава, 1893. - С. 252.
- ²⁸ Примеры см. в кн.: С. Стойков. Българска диалектология. - София, 1955. - С. 66-87.
- ²⁹ J. Holub, F. Kopečný. Etymologický slovník jazyka českého. - Praha, 1952. - С. 298.
- ³⁰ M. Káľal. Slovenský slovník z literatúry aj nárečia. - Banská Bystrica, - 1924. - С. 780.
- ³¹ Е.М. Степанова. Способы передачи чужой речи в северных народных сказках: Дис. канд. фил. наук. М., - 1956. - С. 104.
- ³² Т.П. Ломтев. Об употреблении глагола относительно категории времени в древнерусском языке // Уч. записки МГУ. - Вып. 150. - М., 1952. - С. 219; Е.Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа. - М.: Изд-во АН СССР, 1956. - С. 392.
- ³³ Памятники дипломатических сношений с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией. - Т. 1. - Спб., 1884. - С. 416.
- ³⁴ Раскольничьи дела 18 столетия. - Т. 1. - Спб., 1861. - С. 399.
- ³⁵ Ср. вариант *дескат*, встречающийся, например, в комической опере М.И. Попова «Анвота» (1772 г.): Какой, дескат, от них нам добрым людям плод?
- ³⁶ Русская историческая библиотека. - Т. 39. Памятники истории старообрядчества 17 в. - Кн. 1. - Вып. 1. - Л., 1927. - С. 928. Буква «ять» по техническим причинам заменяется буквой е.

- ³⁷ Комсомольская правда. - 1955. - 9/3 (из ст. «Ярлычок»).
- ³⁸ А. Софронов. Анекдоты мистера Клуххонена // Огонек. - 1956. - 8/7.
- ³⁹ Комсомольская правда. - 1958. - 9/7 (из статьи «Уроки шведского турнира»).
- ⁴⁰ Альманах «Донбасс». - 1960. - № 2. - С. 161.
- ⁴¹ Литературная газета. - 1960. - 7/1.
- ⁴² Н.С. Лесков. Собрание сочинений. - Т. 4. - М., 1957. - С. 18.
- ⁴³ Цит. по кн. «Комическая опера 18 века». - М., 1913. - С. 38.
- ⁴⁴ Сочинения Аблесимова. - Спб.: Изд-во А. Смирдина, 1849. - С. 59.
- ⁴⁵ Сочинения императрицы Екатерины II. Произведения литературные. - Спб., 1893. - С. 21, 34 и 89.
- ⁴⁶ По данным «Словаря языка Пушкина» (М., 1956.), частица *де* в языке сочинений А.С. Пушкина встречается 34 раза, *дескать* - 4 раза, частицы *мол* Пушкин не употребил ни разу.
- ⁴⁸ Практическая русская грамматика, изданная Н. Гречем. - Спб., 1834. - С. 209.
- ⁴⁹ И. Давыдов. Опыт общесравнительной грамматики русского языка. - Спб., 1852. - С. 205 (§ 268).
- ⁵⁰ М. Изюмов. Опыт словаря русского языка сравнительно с языками индоевропейскими в 4-х отделах. - Спб., 1880. - С. 521.
- ⁵¹ Vasmer Max. Russisches etymologisches Wörterbuch. - С. 148.
- ⁵² Словарь русского языка / Сост. С. И. Ожегов. - М., 1952. - С. 317.
- ⁵³ Словарь современного русского литературного языка. - Т. 6. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. - Стлб. 1164.
- ⁵⁴ И. Желтов. Грамматические заметки. - С. 272.
- ⁵⁵ Н. Шляков. Статьи по славянским наречиям и русскому языку. - Вып. 2. - Варшава, 1900. - С. 57.
- ⁵⁶ А. Шахматов. Синтаксис русского языка. - 2-е изд. - Л., 1941. - С. 267-268.
- ⁵⁷ А. Соболевский. Из истории русского языка // Журнал Министерства народного просвещения. - Ч. СССІУ. - Спб., 1897. - С. 62.
- ⁵⁸ Л.А. Булаховский. Исторический комментарий... - К., 1958. - С. 410.
- ⁵⁹ А.Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. - М., 1958. - С. 548.
- ⁶⁰ В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. - М.-Л., 1947. - С. 739.
- ⁶¹ А.И. Аникин. Вводные слова и словосочетания в современном русском языке: Дис. канд. фил. наук. - М., 1953. - С. 190.
- ⁶² Е.М. Степанова. Способы передачи чужой речи в северных народных сказках. - С. 214.
- ⁶³ А.Г. Преображенский. Этимологический словарь... - С. 548.
- ⁶⁴ V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. - Praha, 1957. - С. 302.
- ⁶⁵ И.И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. - Т. 2. - Спб., 1895. - Стлб. 201-202. Ф. Миклошич в старославянском глаголе *мльвити* отмечает лишь значение *tumultuari* (Lexicon paleoslovenico - graeco

- latinum. - 1862-1865. - С. 373).

- ⁶⁶ Отголоском далекой старины является зафиксированное в прошлом веке А. Подвысоцким в архангельском говоре слово **молва**, которому он дает следующее объяснение: «Голос, звук голоса. Промышленники на о. Колгуеве о леном гусе, когда он перестает гоготать, что у него н е т м о л в ы» (Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / Сост. А. Подвысоцкий. - Спб., 1885. - С. 92.
- ⁶⁷ Сборник ОРЯС. - Т. 95. - Вып. 2. - С. 26.
- ⁶⁸ Памятники дипломатических сношений с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией. - Т. 2. - С. 440.
- ⁶⁹ Памятники дипломатических сношений с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией. - Т. 2. - Док. № 5.
- ⁷⁰ Памятники дипломатических сношений с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией. - Т. 2. - С. 631.
- ⁷¹ Послания Ивана Грозного. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. - С. 567.
- ⁷² На этот пока что единственный пример впервые указал А.И. Соболевский (см. его: «Лекции по истории русского языка». - 4-е изд. - М., 1907. - С. 149).
- ⁷³ Ср. замечание Л.А. Булаховского: «В памятниках частица **мол**, сколько знаю, не встречается...» // Исторический комментарий... - К., 1958. - С. 410.
- ⁷⁴ Памятники истории старообрядчества 17 в. - Кн. 1. - Вып. 1. - РИБ. - Т. XXXIX. - Л., 1927. - Стлб. 848.
- ⁷⁵ Памятники истории старообрядчества 17 в. - Стлб. 619.
- ⁷⁶ Словарь Академии Российской. - Ч. 2. - Спб., 1790. - С. 572.
- ⁷⁷ Такой редуцированный вариант отмечает много позже и В. Даль в 3-м томе «Толкового словаря», обозначая его посредством **мл**. Но между двумя сонантами, вероятно, улавливался какой-то неопределенный гласный элемент, напоминающий очень краткое русское **ы** или болгарский **ь**. На вариант **мл** указывает в «Этимологическом словаре русского языка» А.Г. Преображенский, замечая, что, может быть, «это единственное русское слово, где слышится **ь**» (с. 548). Редуцированный вариант частицы **мол** с таким неопределенным пазвуком между сонантами, вероятно, и был передан Крыловым в форме **мл**.
- ⁷⁸ Корислов русского языка, сравнительно со всеми главнейшими славянскими наречиями и с двадцатью четырьмя иностранными языками / Сост. Ф. Шимкевич. - Ч. 1-2. - Спб., 1842. - С. 74.
- ⁷⁹ В связи с этим представляет интерес замечание В. Даля, сделанное им в 1861 г. о частице **де**: «Частица эта ясно и коротко выражает вставные речи, и напрасно ею небрегут» (Толковый словарь живого великорусского языка. - Т. 1. - С. 437).
- ⁸⁰ Ф.М. Решетников. Избранные произведения: В 2-х т. - М.: Госиздат, 1956.

⁸¹ И.С. Никитин. Избранные сочинения. - М.-Л., 1948.

⁸² В.А. Слепцов. Сочинения в 2-х томах. - М.: Госиздат, 1957.

⁸³ Безусловно, чтобы решить вопрос о времени и условиях интенсивного «приживления» частицы **мол** в литературном языке, потребуется более подробное обследование художественных текстов 50-60 гг. во всем их стилистическом и жанровом многообразии. Данные статистических подсчетов могут сыграть в этом весьма положительную роль. Мы присоединяемся к мнению о том, что «история языка могла бы быть восстановлена, если бы у нас имелись в распоряжении не только полные словари этого языка в разные периоды его существования, но и для каждого слова была бы вычислена его частота в речевом потоке» (В.Ф. Чистяков и Б.К. Крамаренко. Опыт приложения статистического метода к языкознанию. - Вып. 1. - Краснодар, 1929. - С. 53).

Некоторые сведения о сравнительной частоте употребления частиц **дескать** и **мол** в русском литературном языке периода 1830-1900 гг. содержит книга Гарри Н. Josselson'a «Подсчет ходовых слов русского литературного языка. The Russian word count (Detroit: Wayne University Press, 1953). Согласно приведенным данным статистических подсчетов (для составления таблиц частоты употребления «ходовых слов» автор использовал произведения различных жанров, начиная с 1830 г. и до наших дней), уже в отмеченный выше период частота употребления **мол** в полтора раза превышает частоту употребления **дескать**.

---

*Ученые записки Сталинского государственного педагогического института. Выпуск VIII. Филологическая серия. Сталино (теперь Донецк), 1960, с. 226-246.

К ЭТИМОЛОГИИ ОДНОГО СЛАВЯНСКОГО ГЛАГОЛА РЕЧИ

(в связи с историей частицы *де*)

Служебные слова составляют незначительную часть словника существующих этимологических словарей русского языка, и это объясняется не столько их малой «лексичностью», сколько теми трудностями, с которыми сталкивается исследователь, пытающийся подвергнуть их историко-этимологическому анализу. Скучные крупницы сведений, которые он черпает из памятников письменности, — это часто лишь глухой отголосок когда-то активных семасиологических и словообразовательных процессов, имевших место в давно умолкнувшей живой речи и нередко лишь постулируемых в ходе исследования.

Особенно не «повезло» в этом отношении частицам, этимологизирование которых в лучшем случае сводится к точной соотнесенности с определенной формой лексически однозначного слова без должного учета собственно семасиологического аспекта, динамики смысловых переходов. При этом статичность таких этимологий в значительной степени определяется не только плохо изученной историей слов-частиц, но и невниманием к их предыстории — к характеру и потенциальным возможностям «производящего» слова, порождающим позднейшие формально-семантические перемены и приводящим к появлению частицы.

Все исследователи, как-то касавшиеся происхождения частицы *де*, указывают только на связь ее с личными формами древнерусского глагола *дѣ(я)ти* «говорить». Этим, по сути дела, и исчерпываются в настоящее время наши этимологические сведения о данном слове. Однако оно заслуживает более тщательного изучения. Во-первых, неясно, почему первая в русском языке модальная частица, служащая для передачи чужих высказываний, возникает вследствие деформации

глагола *дѣ(я)ти*, а не других глаголов речи. Во-вторых, обращает на себя внимание некоторая «экзотичность» самого значения «говорить» в древнерусском глаголе *дѣ(я)ти* и то, что именно это значение сыграло решающую роль в возникновении частицы *де*. В-третьих, до сих пор не определено, какая же личная форма глагола *дѣ(я)ти* деформировалась в частицу *де*. Рассмотрению этих вопросов и посвящается данная статья.

Модальная частица *де* появляется на месте какой-то личной формы глагола *дѣ(я)ти*, употребленной во вводной позиции. Проникновение в чужие высказывания глаголов речи из авторской части конструкции относится к глубокой древности. Происходит оно в результате взаимодействия модальных планов и лексических компонентов смежных частей конструкции – слов автора и чужой речи. Первоначальную причину этого следует усматривать в своего рода ретардации – возврате внимания и мысли говорящего в процессе передачи чужого высказывания к уже имевшему место указанию на сам факт осуществления такой передачи (примечательно, что в чужих высказываниях, имеющих постпозитивную авторскую часть, вводные слова и модальные частицы отсутствуют).

Ограниченное количество вводных слов, указывающих на передачу чужой речи, в древнейших памятниках древнерусского языка обусловлено, с одной стороны, однообразием и бедностью лексического материала, который служил для самого общего обозначения акта речи, с другой стороны, способностью далеко не всех глаголов из группы *verba dicendi* вводить чужое высказывание. Этой способностью обладала ограниченная группа слов. Из них главенствующими являются *речи* и *глаголати*¹, реже употребляются *молвити*, *говорити*, *(с)казати*, *дѣяти*, *творити* и др. Глаголы, имевшие еще дополнительную смысловую нагрузку – конкретизировать акт речи (*ответчати*, *въспросити*, *възопити*, *повѣдати*, *молити* и др.), самостоятельно чужие высказывания вводили редко – после них часто следовали глаголы, имевшие общее значение «говорить» (в аористной или причастной форме: *рече*, *рѣкущи*, *рѣкиши*, *рѣкый*, *рѣкше*, *рѣкъ*, *рѣкчи*, *глаголя*, *глаголюще* и др.). Это явление, подробно рассмотренное в диссертации А. И. Молоткова², определяется им как «двойное указание» на передачу чужой речи.

Славянские глаголы речи, сформировавшиеся на базе звукоподражательных элементов, такие, как *hovoriti*, *mlŕviti*, словацк. *vŕav(i)et'* (ср. словацк. *vŕava* «речь» и «шум»), начинают выражать понятие «говорить» в более позднюю эпоху, чем *reči* и *dě(ja)ti*³,

вследствие чего и в состав чужих высказываний они проникают позже последних. Этим объясняется и более поздняя деформация звукового состава некоторых из них, и переход их в модальные частицы. Аллегровые формы этих глаголов могли появиться лишь в тот период, когда они стали обозначать общее понятие о процессе речи и утратили способность выражать какие-либо дополнительные конкретные признаки (характеризовать речь со стороны ее звучания, слышимости и т. д.). «...Формы и значения вводных глагольных слов, указывающих или указывавших на то, что говорящий воспроизводит чужие слова, при отсутствии задерживающих условий, очень неустойчивы», – писал В. В. Виноградов⁴. Таким сдерживающим условием для лексического «обесцвечивания» названных глаголов (что является непереносимым условием перехода их в модальные частицы) и была продолжительное время их смысловая конкретность – способность обозначать речевой акт не вообще, а давать определенную характеристику процесса его осуществления (частица *мол* отмечается лишь в текстах XVII в., аллегривые формы глагола *говорить* регистрируются еще позже). В русском языке (как, впрочем, и в других славянских) в модальные частицы деформируются лишь те глаголы говорения, которые служат для самого общего обозначения процесса речи (разумеется, если такой деформации благоприятствует способность к сокращению их звукового состава). Глаголы, как-то квалифицирующие процесс речи, в силу своей смысловой конкретности не теряют лексической самостоятельности и во вводной позиции не развивают партикулярных свойств⁵. Примечательно, что первая в русском языке модальная частица *де*, указывающая на передачу чужих высказываний, в неожиданно большом количестве отразившаяся в деловой письменности XV-XVI вв., образовалась от глагола, который служил для самого общего обозначения процесса речи. Деформация находившегося во вводной позиции глагола *дѣлати* в модальную частицу в значительной степени была облегчена неустойчивостью в этом глаголе значения «говорить» – оно, как мы увидим ниже, проявлялось контекстуально и, по сути дела, было модификацией очень широкого значения «делать».

Индоевропейский корень *dhē- претерпел сложные семантические изменения. Принимая во внимание свидетельства древнейших индоевропейских языков, для него устанавливаются следующие значения: «класть, ставить, помещать» и «делать, совершать». Большинство исследователей склоняются к признанию первичным в нем значения «класть, помещать»⁶. Это подтверждается наличием именно данного значения в большинстве индоевропейских

языков, а также общим наблюдением, что индоевропейский глагол *делать* (вообще) как будто отсутствовал. Видимо, значение «делать» (вообще) развилось из более конкретного – «производить определенную работу». Ср., например, нем. *machen*, англ. *make*, родственное слав. *mazati* – первоначально «делать что-либо из глины, лепить» (и.е. **maǵ-* «мазать, лепить»).

В архаической форме славянского инфинитива *děti* сосуществуют оба «пучка» значений – «класть, ставить, прятать» и т.д. и «делать, творить, совершать». В памятниках старославянской письменности отмечается и более позднего происхождения итератив *dъяти*. Сосуществование форм *děti* и *dějati* могло быть вызвано начавшимся еще в общеславянском языке переходом нетематической основы (ср.: др.-инд. *dadhāmi*, греч. *τίθημι*, лит. (стар.) *dėmi*, *слав. *děmy*) в тематическую – на -i-: *děja*, *dějati*. Видовая корреляция могла наступить вторично: форма *děti* стала выражать меньшую степень длительности и конкретное целенаправленное действие, тогда как *dějati* – действие длительное или идею действия, реальным содержанием которого могли быть как значение «делать», так и «класть». В дальнейшем произошли разрушение видовой соотносительности и связанный с этим процесс смысловой дифференциации (*dъти* только «класть, прятать», *dъяти* только «делать, творить, совершать»).

Почему в славянских рефлексах и.е. **dhē-* развивается значение «говорить»? Попытку объяснить это предпринял еще в 1851 г. Ф. Буслаев. В статье «Эпическая поэзия» он отмечает, что «язык называет одними и теми же словами» понятия «говорить» и «делать», а также «говорить» и «думать», «говорить» и «петь» и др.⁷ Ф. Буслаев видит в этом проявление ассоциативной связи близких в представлении человека понятий, взаимный переход их: «В отдаленную старину простой здравый смысл наших предков не мог понять слова в отдельности от мысли, им выраженной, а всякое сказанное слово есть уже и поступок говорящего, то с речью соединилось понятие и о деле». Так же, полагает он, совпадают эти значения и в слове *dъяти*.

Условиями и путями развития значения «говорить» в славянском глаголе *dě(ja)ti* в начале XX в. заинтересовался Й. Зубатый. В начале исследования⁸ он склоняется к мысли о том, что отправной точкой в поисках объяснения семантического сдвига *děti* «делать»>*děti* «говорить» может явиться словосочетание типа *dieti komu jmě*, впоследствии сократившееся до одного слова благодаря пропуску *jmě*. Но в этом выражении, полагает он, значение «*dicere alicui nomen*» не было исконным; вначале оно означало «*facere alicui nomen*».

Аналогичные обороты Зубатый отмечает и в других индоевропейских языках, в том числе и древних, что дает ему основание видеть в них «остатки древней индоевропейской фразы» (ср., например, др.-инд. *papa dadhāti* «называет», букв. «создает имя»; *papa-dhāh* «создатель, творец имени» – в Ригведе и Авесте и т.д.). Возможно, в рамках оборота *dēti jьmę* и произошел семантический сдвиг в глаголе *dēti*, развившем значение «dicere» через промежуточное значение «nominare» (ср. др.-польск. *dziać*, др.-чешск. *vzdieti* «называть, именовать»). Однако сам Зубатый не считает достаточно вероятным такой путь развития значения «говорить» в *dēti* (из «определенных фраз определенного значения») и дает иное объяснение. Он полагает, что славянский глагол *dēti* – первоначально семантически «индифферентное» слово, обладающее очень широким («общим») значением «делать, совершать», – в древности нередко замещал полнозначные глаголы из группы *verba dicendi* вследствие имевшего здесь место эллипса, т. е. и в данном случае *dēti* выступал как *verbum vicarium*. Развитие значения «говорить», – пишет Зубатый, – можно представить себе следующим образом: «индифферентный глагол, который вначале был лишь запасным (*nahradným*) заменителем полнозначного глагола, становится его привычным (*užívaním*) синонимом. Приблизительно так, как греч. *αὐτός*, лат. *ipse*, становятся почти что синонимами знаменательных слов *человек*, *господин*, *маэстро* и т.д., как *Он* становится почти синонимом слова *Бог*, *Она* – синонимом «возлюбленная» и т.д.»⁹. Й. Зубатый отмечает свойство французской речи заменять полнозначный глагол говорения – при живой, непринужденной передаче чужих высказываний – «индифферентным» *fit-il*, «которое становится синонимом полнозначного *dit-il*»¹⁰. Чешск. *die* Зубатый склонен рассматривать как аналог фр. *fait-il* – оба они используются говорящим «вместо того, чтобы употребить предложения без глагола или с полнозначным глаголом»¹¹.

При всем своем остроумии гипотеза Й. Зубатого имеет один существенный недостаток – отсутствие убедительных ссылок на славянский материал, которые бы подтвердили возможность такой замены полнозначных глаголов *dicendi* семантически индифферентным *dēti*. Примеры, приводимые Зубатым, свидетельствуют о способности глаголов с широким значением «делать» к замене слов иных лексико-семантических групп (хотя в целом явление *verbum vicarium* не получило развития в славянских языках). Когда не выявлены материальные следы

этого процесса в самих славянских языках, типологические параллели из других языков малоубедительны.

В 1915 г. было напечатано обширное исследование К. Бака о глаголах речи в индоевропейских языках¹². Указав на отсутствие общих моментов в семантической истории слав. *děti* и разговорных фр. *faire* и ит. *fare* «говорить», он видит в последних «остаток прежних сложений типа «делать ответ, вопрос или восклицание», в которых пропуск прямого дополнения обусловлен соседством цитируемых слов»¹³. Мнения о том, что предпосылки к самостоятельному употреблению *dě(ja)ti* со значением «говорить» были заложены в оборотах *učinit' řeč*, в новейшее время придерживаются Й. Голуб и Ф. Копечный¹⁴.

Точка зрения К. Бака и других исследователей, предполагающих развитие значения «говорить» в романских рефлексах лат. *facere* из оборотов типа *verba facere*, вызвала возражения у Л. Шпицера¹⁵. Отмечая аналогичное употребление в немецком языке словосочетаний *macht er* вместо *sagt er*, он ищет объяснение этому факту: «Может быть, из таких оборотов, как *tu me fais des mensonges (...)*, англ. *to make a lie*, ит. *far il nome*, позднелат. *facere nomen*, фр. *faire ses exeuses* и т.д.? (...) Но я, однако, не верю, продолжает он, что *faire* «говорить» объясняется эллипсом (из чего-то вроде *verba facere*)»¹⁶. В статье приводится ряд примеров на употреблении *machte er* вместо *sagte er*.

Далее он пишет: «...*machen* первоначально обозначал жест, а затем также звук, когда озвученный жест следовал за сообщением»; *machen*, – продолжает автор, – вначале передавал «нечленораздельный звук, который не являлся собственно высказыванием (например, «гав-гав» собаки или «о!» возбужденного человека), и лишь потом возникает хорошо выраженная расчлененность, как *vale!*, *adieu!*, которые, собственно, являются междометиями», сопутствующими не только акту говорения, но и определенным действиям и поступкам»¹⁷. Употребление слова *machen* «связано с жестом, выразительностью дикции, мимикой и эмоциями» говорящего¹⁸. Так же, замечает Л. Шпицер, иногда употребляется и глагол *tun*. Все это, заключает он, легко перенести и на французский язык (в начале исследования он заявляет, что только в параллельном употреблении нем. *machen* и фр. *faire* он сможет «заострить свое чувство языка по отношению к романскому обороту речи»): *faire* – это высказывание и одновременно действие, как *adieu* *machen* и *faire ses adieux*¹⁹. Исследователь, провозгласивший взамен «грамматическому реализму» свой «с годами крепнущий иррационализм», противопоставивший позитивному изучению языка «идеалистическое исследование души»²⁰, предлагает во многом

априорное решение интересующего нас вопроса. Тождество смыслового развития нем. *machen* и *tun*, с одной стороны, и романск. *faire*, с другой стороны, Л. Шпицером не доказано. В то время как употребление романского глагола отмечается еще в позднелатинских текстах и в памятниках старофранцузского эпоса, глаголы *tun* и *machen* (со значением «говорить») в древнегерманских текстах как будто не зарегистрированы²¹. Такие *tun* и *machen*, следует думать, – специфическое образование немецкого языка. Область их лексико-синтаксических связей узка: это главным образом междометия или выражения междометного характера, сопровождаемые определенными жестами и т.д. (что, кстати, иногда возможно и в современном русском языке, ср.: «Он сделал «уф» и растянулся на траве»). Вполне допустимо, что глагол *machen*, указывавший вначале на жест (или «озвученный жест»), на различные эмоции, получавшие «нечленораздельное» звуковое оформление, выполнял ту же функцию, что и др.-инд. *kr-*, осет. *kwɔpɔn-*. Этот особый вид мимем, состоящих из звукоподражательного слова и вспомогательного глагола, В.И. Абаев называет «мимео-образительными составными глаголами», отмечая их распространенность и в других индоевропейских языках²², но впоследствии, благодаря взаимодействию глагола *machen* с разнообразными типами чужой речи, эта связь с жестом, мимическим движением или эмоцией становится все менее прямолинейной. Однако старое качество проявляется и сейчас в некотором тяготении глагола *machen* к предложениям с прямой речью, отличающейся экспрессией. Вопрос этот нуждается в более детальном изучении и не столько в сопоставительном, сколько в сравнительно-историческом плане. А пока мы должны подходить с осторожностью к предложенной Л. Шпицером романо-германской семантической параллели *machen* 'dicere' // *faire* 'dicere'.

При всей важности обращения к семантическим параллелям они не всегда дают бесспорное право на этимологическую идентификацию исследуемых фактов. Насколько нам известно, значение «говорить» развивается лишь в славянских, романских, германских и хеттских рефlekсах индоевропейского корня **dhē-*²³. Но один только факт наличия значения «говорить» в слав. *děti* и хеттск. *te-* еще не свидетельствует, что перед нами генетически общая черта, так как одинаковый результат в них мог появиться вследствие различных лексико-семантических процессов. Значение «говорить» очень легко могло возникнуть в *te-* на базе доминирующего значения «класть». Ряд индоевропейских языков демонстрирует подобную

смысловую эволюцию²⁴. Ср.: лат. *ponere* «класть, ставить» и «говорить, высказывать» (например, в обороте *ut paulo ante posui* «как я сказал несколько выше»), рум. *spun* «рассказывать, говорить» (из лат. *expono* «излагать»), буквально «выкладывать»), англ. *put* (*put out*) «выражать словами»²⁵, русск. *изложить*, *выложить* (разг.), польск. *wykładać* «излагать, объяснять» (еще в «*Kazaniach Gnieźnięskich*»: ...*Ona polskimi słowy tako wykłada...* «она по-польски так говорит»²⁶) и др.

Наиболее убедительной нам представляется гипотеза.

И. Голуба и Ф. Копечного (К. Бак, допуская развитие «говорить» из «делать» в оборотах типа *verba facere* для романских соответствий и.-е. **dhē-*, почему-то отклоняет такую возможность для слав. *dě(ja)ti*). Эту гипотезу мы постараемся обосновать главным образом фактами древнерусского языка, в недрах которого зарождается интересующая нас модальная частица. Фразеологический состав древнерусского языка довольно богат двучленными образованиями, состоящими из глаголов действия *дѣяти*, *творити*, *правити*, *чинити* и управляемых ими слов с отвлеченными значениями, в большинстве случаев отглагольного происхождения. Лексическое значение глагола в них было ослаблено, он выполнял вспомогательную роль абстрактного обозначителя действия, реальное содержание которого определялось именем. Все словосочетание осмысливалось как семантически нерасторжимое целое. Большинство таких словосочетаний впоследствии не сохранилось; многие понятия, которые в древнерусском языке передавались с помощью подобных двучленных синтаксических комплексов, впоследствии реализуются в одном слове. Ср., например: *молитву дѣяти* (Остр. св.), *ловы дѣяти* (Поуч. Влад. Мон.), *пути дѣяти* (там же), *прю дѣяти* (Феод. Печ. X. 217), *торг дѣяти* (Новг. 1-я лет., Комис. сп.), *творити постриги* (там же), *веседу творити* (Моск. лет. св. XV в.), *плач творити* (там же), *творити стоание* (там же), *пѣсны творити* (Слово о полку Игореве), *шествие творити* (Пск. 3-я лет., Строев. сп.), *игры творити* (Домострой), *молву творити* (там же) и др. Ср. еще в старославянском: 1) *свьѣтъ створиша фарисеи на Іса* (Саввина кн.); 2) *И прохождаше Іс сквозѣ грады и вси оуца и шѣствие творяше Иеруслѣмъ* (там же); 3) *Іс же отвѣтъ не створи емоу* (там же); 4) *чстыння бесѣды дѣяхоу* (Житие Мефодия, XIII в.) и др.

Словосочетания этого типа имеются и в других славянских языках (например, старочешские обороты *díky činite* «благодарим», *dieti pláč* «плакать», старопольск. *uczupić mowę* «произнести речь» и др.). Вопрос о распространении их за пределами славянской языковой

общности нуждается в дополнительных разысканиях. Но и сейчас мы располагаем сведениями, делающими вероятным предположение об индоевропейских истоках этих оборотов. Это широко распространенный в различных индоевропейских языках перифрастический оборот «имя+глагол». Кроме славянских, он отмечается в санскрите, в современном хинди²⁷, в иранских языках²⁸, в латинском и новогреческом, во многих современных западноевропейских языках. Вспомогательный глагол *делать* в рассматриваемых оборотах обладает почти безграничной семантической наполненностью – в зависимости от значения конкретизирующего его имени. Ср. др.-инд. *pama dadhāti* (пример, приводимый И. Зубатым); предпринята попытка идентифицировать лат. *credo* с др.-инд. *śrad-dhā* «доверие» и *śrad-dadhāti* «он верит, доверяет»²⁹. В современных персидском и таджикском языках имеется большая группа так называемых составных глаголов, соответствующих индоевропейской словообразовательной модели имя+вспомогательный глагол *делать* (ср. перс. *tāmam kārđān* «кончать», тадж. *нақл кардан* «рассказывать» и др.). В латинском языке: *iter facere* «идти, ехать» (ср. аналогичные образования в Ипатьевской летописи под 1193 г. и в «Поучении» Владимира Мономаха: *пѹти чинити, пѹти дѣяти*), *viūm facere* «портиться», *fugam facere* «бежать» и др. В румынском: *a face o plimbare* «гулять», *a face sgomot* «шуметь», *a face pâine* «печь хлеб» и др. В английском: *to make haste* «торопиться», *to make war* «воевать», *to make appearance* «появиться», *to make a promise* «обещать» и др. Количество таких примеров можно умножить. Возможно, что в некоторых из них глагол *делать* появился как *verbum vicarium*, однако в большинстве из них он выступает как исконный элемент, конструирующий весь оборот.

Славянские глаголы *dě(ja)ti*, *tvoriti*, *praviti* и *činiti* также принимали активное участие в образовании парафрастических глагольно-именных словосочетаний, где в роли имени-конкретизатора выступали существительные, обозначающие акт речи (назовем их *nomina dicendi*). Продуктивность этих глаголов в образовании двучленных словосочетаний данного типа в различных славянских языках была неодинакова. Только глагол *dělati*, ввиду того что у него была слабо развита способность управлять именами с отвлеченными значениями (каковыми и являлись *nomina dicendi*), во всех древнеславянских языках принимал очень слабое участие в образовании таких словосочетаний. Говоря о двучленных словосочетаниях типа *dě(ja)ti slovo* и т. д., следует, однако, иметь в виду их хронологическую неоднородность. Так, если *dě(ja)ti slovo*, *ъѣѣ* и т. д. обнаруживает не

только структурное, но, видимо, и лексическое тождество с общеславянской моделью «глагол с общим значением «делать»+nomina dicendi», сохранение в славянских языках лексико-синтаксических функций и.-с. *dhē-, то употребление в этой роли глаголов tvoriti, praviti, činiti является славянским новообразованием: живая словообразовательная модель лексически обновляется за счет синонимичных глаголов с таким же общим значением «делать». Ср. примеры словосочетаний этого рода из памятников старославянского языка и русского языка до XVII в.: «по неже оубо мнози начаша чинити повѣсть» (Зограф. кодекс, Лук., 1, 1); «начаша чинити повѣсть о извѣстныхъ въ насъ вещехъ» (Остром, ев., Лук., 1, 1); «вѣмъ во равныѣ еѣ овѣхъ же малы мыни а другыныхъ болни словесныю дѣтелью («словесным искусством», букв. «словодеянием». - Е. О.) прѣспѣвъ» (Житие Мефодия, XIII в.); «Данилъ же мудростію рѣчь створи, яко срамоту имѣемъ отъ Литвы и отъ всихъ земель...» (Ипат. лет., 1253); «А ты бы царю отъ меня рѣчь правиль...» (1484 г.)³⁰; «...А о нхъ грувости и о несправлении ноугородскомъ ни одного слова покоренного не правил» (Соф. временник, рук. XV—XVI вв.); «И тогда самому царю съ Видоромъ наченшю к папѣ часто ѣздити и в конецъ слово чинити» (Иосаф. лет., XVI в.); «И рѣша Никодиму Іуден: ты ученикъ еси его и слово о немъ твориши». И глагола къ нимъ Никодимъ: «егда игѣмонъ ученикъ есть его и слово о немъ творитъ? не поставилъ его кесарь надъ таковыми словесы» (из апокрифа XVI в.³¹); «...А недругу нашему сѣ наши мловленные рѣчи учинишь: богъ одинъ, допозна вѣри, что и мы тебѣ также учинимъ...» (нач. XVI в.)³²; «И да не долго творю слово...» (Временник дьяка Ивана Тимофеева, РИБ, т. XIII, вып. 1, с. 357); «И нача Аѳлаи повѣсти деяти о немъ...» (Ремиз. лет. по Мировичеву сп. XVII в.)³³; «Онн же тѣ абне начаша възспросы творити: что, брате, припадаа къ святому жертвовнику сему и ко святѣи дружинне сѣи?» (Киево-Печерский патерик, XV в.); «А Велого и посадникъ Олуферен и Фомица и Явило правнше слово псковское: князь Александръ изо Пскова поехалъ прочъ, а тобѣ господину своему князю великому всъ Псковъ кланяется...» (Сек. 3-й лет., Стр. сп., XVI в.); «И приехавъ во Псков, и отвѣтъ королевы на вече в посольствѣ правил» (там же); «Отвѣтъ им таковъ к своимъ господиномъ починил, что вамъ своимъ господиномъ челомъ внемъ» (там же); «...I справи рѣчи от своихъ товарищев что ему наказано» (Сказание о киевскихъ богатырях, XVII в.); «...Онъ Щекловнтый... никакого слова къ оправданію своему не учиня, казненъ смертію» (Записки Матвеева)³⁴.

Такие словосочетания не чужды и русскому языку XIX в. Ср.,

например: «Я хотел *сделать* Савельичу некоторые *вопросы...*» (А. Пушкин. Капитанская дочка); «Он поддержал разговор: «Да, хорошая стоит погода, – и тотчас *сделал* еще такие *слова*: – давно уж стоит такая, дождей совсем мало... отличное наступило время» (Н.Г. Помяловский. Мещанское счастье).

Деноминативные глагольные словосочетания, в которых в роли смыслового конкретизатора вспомогательного глагола *делать* выступают существительные из группы *nomina dicendi*, отмечаются и в других индоевропейских языках. Ср. лат. *verba facere* «говорить» (например, у Цицерона: *atenquam verbum facerem* «прежде чем я что-либо сказал»; в поговорке *verba facere mortuo* «обращаться к мертвому», т. е. тратить слова попусту и др.), ст.-фр. оборот *De ce ne fait a parler*³⁵, совр. фр. *faire un discours* «говорить» и т.д. Ср. англ. *to make a speech* «произносить речь», *to make a point* «доказать положение», «высказать мнение», например: «George Matthews, editor of the Daily Worker, made this point in a television interview in Moskow last night» («Daily Worker», 27 June 1961) и др. В новогреческом языке употребителен составной глагол $\chi\alpha(\mu)\nu\omega$ $\lambda\omicron\gamma\omicron\upsilon\varsigma$, также состоящий из вспомогательного глагола $\chi\alpha(\mu)\nu\omega$ «делать» и существительного $\lambda\omicron\gamma\omicron\upsilon\varsigma$ «слово, речь». Аналогичные обороты имеются и в языках иранской группы. Ср., например, тадж. *гуфтуғу кардан* «говорить, беседовать» (*кардан* «делать», *гуфтуғу* «разговор, беседа»), *нақл кардан* «рассказывать» (*нақл* «рассказ»); осет. *ныхас кæнын* (*ныхас* «слово», *кæнын* «делать») ³⁶. Все эти факты свидетельствуют о широком распространении во многих индоевропейских языках деноминативных глагольных словосочетаний интересующего нас типа.

Словосочетания типа *речь дѣяти* были древнейшими в лексически скудной группе *verba dicendi*. Их малочисленность уже в ранних славянских текстах свидетельствует о более раннем разрушении тех из них, которые передавали самое отвлеченное понятие о процессе речи, без его конкретизации (о причинах этого см. ниже), хотя спорадически они встречаются и в более позднюю эпоху, тем более что сама эта модель долгое время сохраняет свою продуктивность при формировании новых словосочетаний, выражающих различные модификации значения «говорить» (ср. описательные глагольно-именные обороты в современном русском языке: *делать сообщение, делать упрек, делать намек, делать заявление, делать предупреждение, делать замечание* и др.).

Значение «говорить» развивается в глагольном компоненте именно тех оборотов, которые выражали самое общее значение

«говорить» (типа *слово, речь дѣяти*). Перед нами одно из частных проявлений характерного для разговорной речи явления эллипса. В указанных оборотах складывались самые благоприятные условия для пропуска именного компонента, реальное содержание которого растворилось в «индифферентной» семантике вспомогательных глаголов *дѣяти* или *творити*, которые после пропуска имени-конкретизатора начинают выступать в функции всего синтаксического комплекса. Опущение существительных из группы *nomina dicendi* было вызвано тем, что со временем отпала необходимость в указании на то, что была сказана (букв. «сотворена», «содеяна») речь (*слово, повѣсть, глаголы* и т.д.), так как само высказывание следовало непосредственно за именем конкретизатором³⁷.

В роли смыслового конкретизатора глагола *делать* начинают выступать чужие высказывания.

В ряде индоевропейских языков, в которых отмечены глагольно-именные обороты типа *verba facere*, обнаруживаются интересные параллели этому явлению в славянских языках. Ср., например, вызванный теми же причинами эллипс дополнения *λόγους* в новогреческом глагольно-именном обороте *χα(μ)νω λογόν*, после чего вспомогательный глагол *χα(μ)νω* усваивает семантику всего словосочетания: *vai, 'αληθείαιης κανει ο' Αντρεας* (пример заимствован из статьи К. Бака). В осетинском языке вспомогательный глагол *кæнын* может выступать вместо всего глагольно-именного оборота *ныхас кæнын*, например: *abon-rajsom kœepu* (он говорит: «сегодня-завтра»)³⁸. Точно так же, по мнению К. Бака, следует объяснить и фр. *faire* «говорить»³⁹. Ср. уже в позднелатинском (как отмечает Лефшted в комментарии к «*Peregrinatio Aetheriae*»): *faciens vale sancto episcopo*⁴⁰. В памятниках старославянского (церковнославянского) и древнерусского языков со значением «говорить» чаще всего встречаются формы с йотовым элементом в основе, т. е. итеративы. В «Материалах...» И.И. Срезневского зарегистрирован только один пример (из Супрасльской рукописи) употребления формы совершенного вида глагола *дѣти* со значением «говорить». Например: «**Да** **аще** **кто**, **дѣеть**, **в** **нашу** **вѣрѹ** **стѹпнѣть**...» (Пов. вр. лет, 987 г.); «**А** **же** **дѣши**: **ты** **мон** **еси** **отець**, **а** **ты** **мон** **сынъ**» (Ипат. лет., 950 г.); «**Рѣ** **ша** **емоу**: **чьто** **са** **потнши**; **дѣеть** **онъ**: **грубою** **са** **чадью** **пърѣхъ**» (Житие Мефодия, около 1200) и т.д. (другие примеры см. в первом томе «Материалов...» И.И. Срезневского).

В текстах древнерусских памятников довольно скупо отражено употребление личных форм глагола *дѣяти* «говорить», но раннее отражение в них (с конца XIV – начала XV в.) частицы *дѣи* (более

поздний вариант – *de*) свидетельствует о широком функционировании его в области древнерусской разговорной речи.

Употребление *dě(ja)ti* «говорить» оставило следы и в других славянских языках. Ср. укр. *дейкати* «поговаривать»⁴¹, с тем же значением бел. *дзейкаць*, *дзейка* «молва»⁴². Значительно чаще, чем в древнерусском, глагол *díti* (*děti*) регистрируется в памятниках древнечешского языка⁴³ (как устаревшее слово, сохраняясь и в современном чешском языке). Глагол *dziac* «говорить» отмечается и в ряде памятников старопольского языка (например, в *Kazaniach Gnieźnińskich*), хотя в отдельных текстах того же периода (например, в *Kazaniach Świątokrzyskich*) уже явно преобладает другой глагол – *grawić*⁴⁴. По свидетельству словаря И. Карловича, еще в конце прошлого века в языке поляковков, проживавших на литовских землях, употреблялась частица *dziej* (= «*móvi*»)⁴⁵. Ср. еще словенск. *dějati*, *deti* «говорить», «сказать»⁴⁶, в.-луж. *džach*⁴⁷ и др.

В целом ряде славянских языков значение «говорить» связывается с корнем *-prav-*: польск. *grawić* «говорить», болг. *расправа* «рассказывать, объяснять», бел. *правиць* «говорить» (ср. в «Словаре белорусского наречия» И.И. Носовича: «и слухаць нечего, што ён *правиць*»), луж. *grajić* «говорить», словенск. *praviti* «рассказывать, говорить» и др.

В чакавских говорах сербскохорватского языка значение «говорить» развивается в глаголе *činiti*⁴⁸. Насколько мне известно, в других славянских языках этот глагол значения «говорить» не развивает, хотя предпосылки для такой смысловой эволюции были заложены в оборотах типа старосл. *чинити повѣсть* (Зогр. код., Остр. ев. и др.), др.-русск. *слово чинити* (Иосаф. лет.), *отвѣтъ чинити* (Пск. 3-я лет.) и др.

Употребление глагола *tvoriti* в роли *verbum dicendi* (и *cogitandi*) отмечается только в памятниках древнерусского языка⁴⁹. Ср., например: «И новгородци не вѣдяху, кдѣ князь идетъ; друзини творяху, яко на Чюдь идетъ» (Новг. 1-я лет., Синод. сп., 1256 г.); «Бѣ бо ихъ пришло, творяху, 2000 или боле...» (там же, 1229 г.); «Творять ми, како же ся уже совокупилъ с братомъ моимъ» (Ипат. лет., 1196) и др.

Итак, значение «говорить» возникает в ряде славянских глаголов с исконным значением «делать». Самым древним из этой группы глаголов следует считать *dě(ja)ti*. Развитие в нем значения «говорить», по-видимому, относится к периоду общеславянской языковой общности, когда в основном завершился процесс разрушения глагольно-именных образований, вводивших чужую речь.

Выше уже отмечалось, что в славянских языках в модальные частицы трансформируются, как правило, только те глаголы говорения, которые в общем виде обозначают процесс речи. Идеальные условия для такого перехода возникают ранее всего в семантически «индифферентном» глаголе *dě(ja)ti*, в котором даже значение «говорить» (вообще), более чем в каком-либо другом глаголе *dicendi*, было лексически неустойчивым и поэтому очень легко редуцировалось при переходе данного глагола в частицу⁵⁰.

Нет единого мнения в вопросе о том, какая форма глагола *дѣяти* изменилась в частицу *де*. И. Желтов, первый из исследователей, обративший внимание на «пояснительные» частицы *де*, *мол* и *дескать*, ограничился лишь выражением недоумения по поводу происхождения «этого небольшого словца»⁵¹. В дальнейшем относительно происхождения *де* было высказано три точки зрения. Одна группа исследователей считает, что исходной формой была форма 3-го лица единственного числа *дѣть* (А. Соболевский⁵², Л.А. Булаховский⁵³, М. Фасмер⁵⁴). Сторонники другой точки зрения объясняют образование *де* из формы 2-го лица единственного числа повелительного наклонения. «*Де* по происхождению своему, – пишет А.А. Шахматов, – является редуцированным произношением формы 2-го лица единственного повелительного *дѣй* от *дѣяти* в значении говорить»⁵⁵. Точка зрения А.А. Шахматова нашла последователей в лице А.И. Молоткова⁵⁶, А.И. Аникина⁵⁷, Л.Л. Гумецкой⁵⁸. В.В. Виноградов в книге «Современный русский язык», не отклоняя первого пути развития, все же допускал возможность образования модальной частицы *де* из формы повелительного наклонения *дей* «говори»⁵⁹, однако в своих последующих работах исходной формой называет *дѣе* «говорит»⁶⁰.

И наконец, следующая группа исследователей вопрос о генезисе частицы *де* решает в свете учения А.А. Потебни о вводных словах как «редуцированных по смыслу вводных предложениях» (Д.Н. Овсяннико-Куликовский⁶¹, А.М. Пешковский⁶² и др.). Ф.И. Буслаев, также считая частицу *де* вводным (или «слитным») предложением, возводил ее, однако, к форме 2-го лица единственного числа настоящего времени *дѣши*, «употребляемой безлично»⁶³.

Находящиеся во вводной позиции глаголы говорения первое время представляли собой не только лексические, но и формально-грамматические «слепки» с вводящих чужую речь глаголов в авторской части конструкции. Например, в памятниках старославянского и древнерусского языков чужая речь часто подключалась к словам автора

при помощи аористной формы *рече*. Ее повторением в составе чужих высказываний стало широко распространенное в книжном языке вводное слово *рече*. Этим же объясняется и проникновение из авторской речи во вводную позицию причастных форм *рекиши, рекше, рекый, глаголюще, моля* и др., «отколовшихся» от сочетаний типа *написать, рекиши..., посла, рекый..., повѣда, глаголющи...* и т.д., которыми заканчивалась авторская часть конструкции.

Если учесть это и принять во внимание малочисленность имеющихся в памятниках примеров на введение чужой речи при помощи императива (ведь в речевой практике чаще всего происходит передача уже произнесенных высказываний, тогда как императив переносит осуществление того или иного действия в плоскость будущего времени) и преобладание форм глаголов изъявительного наклонения настоящего и прошедшего времени, то предположение о том, что частица *де* - продукт деформации повелительного наклонения, придется отклонить как маловероятное. Это подтверждается и общим наблюдением, что все славянские модальные частицы, указывающие на передачу чужой речи, образовались из разрушенных глагольных форм настоящего или прошедшего времени. Являясь переносчиком авторской модальности в состав чуждого высказывания - а чаще всего это различные оттенки модальности повествовательного плана, - модальные значения частицы *де* (точнее, породившей ее глагольной формы) не должны были дисгармонизировать с модальным планом авторской речи. Ввиду того что в случаях передачи чужой речи чаще всего происходит передача высказываний лиц, находящихся вне речевого общения говорящего (пишущего) и собеседника (читателя), глагол говорения в авторской части конструкции и его формально-грамматический «двойник» в составе чуждого высказывания - впоследствии изменившееся в частицу вводное слово, как правило, стоит в форме 3-го лица единственного или множественного числа, что заставляет нас признать, что именно эта форма лежит и в основе частицы *де*.

СНОСКИ

- ¹ См.: Филин Ф.П. Лексика русского литературного языка древнерусской эпохи (по материалам летописей). // Учен. зап. ЛГПИИ им. А. И. Герцена, 1949. - Т. 80. - С. 200-204.
- ² См.: Молотков А.И. Сложные синтаксические конструкции для передачи чужой речи в древнерусском языке по памятникам письменности XI—XVII столетий: Автореф. дис... к-та фил. наук. Л., 1952.
- ³ Слово *hlaholiti*, сохраняя свою звукоподражательную природу, даже в

современном чешском языке не входит в состав глаголов говорения (хотя в древнечешском, по свидетельству словаря В. Махка, оно могло употребляться и как *verbum dicendi*): *hlaholiti* «громко звучать, звенеть», *hlahol* «звон» (колокола), «гул, гомон». Кажущийся нам метафоричным оборот из «Слова о полку Игореве»: «а галици свою речь говоряхуть» для древнерусского читателя, по-видимому, таковым не был - он еще вызывал конкретное представление о шуме, поднятом галками. Примечательно, что И.И. Срезневский этот пример помещает в ряду других, в которых глагол *говорити* имеет значение «*tumultuari, turbari*» (Материалы..., 1, 530). Последовательные этапы в семантическом развитии этого слова прослеживаются на материале польского языка: ст.-польск. *gaworzyć* «шуметь» > совр. польск. *gwarzyć* «говорить». В качестве промежуточного семантического звена между совр. польск. *gwar* «шум» и *gwarzyć* «говорить» выступает глагол *gaworzyć* «шептать» (когда речь идет о младенце). В нем уже несомненна связь с процессом говорения, но он обозначает несвязную, неясную для восприятия речь.

Уже в древнейших памятниках древнерусского и церковнославянского языков глагол *мълвити* (*мльвити*) выражает понятие «говорить» с той только разницей, что, видимо, указывал на речь, сопровождающуюся каким-либо шумом. Отголоском далекой старины является зафиксированное в прошлом веке А. Подвысоцким в архангельском говоре слово *мѡла*, которое он объясняет следующим образом: «Голос, звук голоса. Промышленники на о. Колгуеве о ленном гусе, когда он перестает гоготать, что у него нет мѡлвы» (Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия. - Спб., 1885. - С. 92).

Если даже и допустить звукоподражательную природу корня в глаголе *гѣи*, то разрушение звуковых ассоциативных связей, его, так сказать, интеллектуализация произошла очень давно. В. Георгиев, например, уже в тохарском языке устанавливает лексическое соответствие др.-болг. *рѣчь* - тох. *geki* «слово, речь» (Георгиев В. Балто-славянский и тохарский языки. // Вопросы языкознания. - 1958. - № 6. - С. 18). Впрочем, В. Махек отказывается видеть в общеславянском глаголе *гѣи* корень звукоподражательного происхождения: «Как показывает наличие аблаута *ь/e/o/ѣ*, - пишет он, - это старый «интеллектуальный» корень...» (Maček U. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957. - 435 s.).

⁴ Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. // Труды Института русского языка. - М.-Л. 1950. - 70 с.

⁵ Так, например, не трансформировались в модальные частицы русские глаголы *поведаť, рассказать, произнести, заметить, сообщить, толковать* и многие другие, выполняющие при пересказе чужой речи определенные функции. Д. Зеленин в своем «Отчете о диалектологической поездке в Вятскую губернию» («Сборник ОРЯС», 1903. - Т. XXVI. - № 2. - С. 16) отметил 15 «вятских» синонимов слова *говорить*: *балесить, балентресить, бачить, баять, калякать, перегудать, раздобырывать, расцеверивать,*

рассосуливать, судачить, талалакать, тараторить, шабаркаться, шебенкать, шшольчить. Примечательно, что из них смысловой и звуковой редукции подвергся только глагол *баять* (ср. частичные слова *бай, бат*) как выражающий самое общее значение «говорить», не осложненное никакими экспрессивно-оценочными мотивами.

⁶ Эта точка зрения высказывалась еще К.А. Коссовичем в «Филологических замечаниях», опубликованных в «Материалах для сравнительного словаря» (Т. 1. - Спб., 1854. - 509 с.). Ф. Клоге и Ф. Лутс, решая вопрос о первичности одного из указанных значений в английском глаголе *to do*, высказываются в пользу «класть» (*English etymology*. - Strassburg, 1898. - p.61). Я. Гебауэр также склонен в и.-е.* *dhē-* видеть первичное значение «класть» (*Gebauer J. Slovník staročeský*. - Т. 1. - Praha, 1903. С. 247). Решителен в своих выводах Ф. Славский: «Первичное значение «класть, ставить» > «делать» (*Sławski F. Słownik etymologiczny języka polskiego*. - Zesz. 2. - Kraków, 1953. - S. 188—189). Свообразно к решению этого вопроса подходит Й. Зубатый: значение «класть» в индоевропейских дериватах корня **dhē-* возникает благодаря замещению ими семантически конкретных глаголов «класть», «ставить», «прятать», значения которых отразились в «индифферентной» семантике производных от *dhē-* глаголов, т. е. перед нами явление *verbum vicarium* (*Zubaty J. Vyklady etymologické a lexikální(dieti, csl. d'čmu atd «dicere»*: // *Studie a články*, sv. 1, č. 1, v Praze, 1945. - S. 99).

⁷ «Отечественные записки», 1851. - Т. XXVII, июль, отдел, 2. - С. 1-2.

⁸ Zubaty J. Op. cit. - S. 90-102.

⁹ Zubaty J. Op. cit. - S.96.

¹⁰ Ibid. - S. 96.

¹¹ Ibid. - S. 97.

¹² Buck C.D. Words of speaking and saying in the Indo-European languages. // *The American Journal of philology*, 1915. - Vol. XXXVI (N 141-142).

¹³ Ibid. P. 134.

¹⁴ Holub J., Kopečný Fr. *Etymologický slovník jazyka českého*. - Praha, 1952. - S. 101.

¹⁵ Spitzer L. *Stilstudien*, 1 (Sprachstile). - München, 1928 (15: «Romanisch *facit 'er sagt'(zur Bewertung des 'schöpferischen' in der Sprache)).

¹⁶ Ibid. - S. 224.

¹⁷ Ibid. - S. 226.

¹⁸ Ibid. - S. 227.

¹⁹ Ibid. - S. 228.

²⁰ Ibid. - S. 224.

²¹ Их, например, не отметила Т. В. Строева, давшая обстоятельный обзор древнегерманских глаголов говорения в своей докторской диссертации («Модальность косвенной речи в немецком языке». Л., 1950).

- ²² См.: Абаев В.И. Мимео-изобразительные слова в осетинском языке. // Труды Института языкознания АН СССР. - Т. 6. - М., 1956.
- ²³ Hrozný F. Die Sprache der Hethiter. - Leipzig, 1916-1917. - S. 2, 7, 31-32, 61, 66 (Lief. 1); 131, 157, 187 (Lief. 2); Pedersen H. Hithitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen. - København, 1938. - § 85; Sommer F. und Falkenstein A. Die hethitisch-akkadische Bilingue des Hattušili I (Labarna II). - München, 1938. - S. 192-193.
- ²⁴ Х. Педерсен, приводя глагольные формы te-e-mi «я говорю» и te-eh-hi «я кладу, сажу», замечает, что речь идет, в сущности, об одном и том же корне, и при этом делает ссылку на слав. děja «я говорю» (Pedersen H. Op. cit., § 85).
- ²⁵ Webster's new twentieth century dictionary of the English unabridged. - New York, 1952. - p. 1378.
- ²⁶ Kazania Gnieźnięskie. - Poznań, 1953. - S. 24.
- ²⁷ Их анализу в хинди посвящена диссертация В. А. Чернышева «Отыменные глаголы в современном литературном хинди» (автореф. канд. дисс. М., 1956). Т. Е. Елизаренкова отмечает многочисленность группы деноминативных глаголов в Ригведе (см. автореферат ее кандидатской диссертации «Классы глаголов в древнеиндийском языке (Ригведа)». - М., 1955).
- ²⁸ См.: Гагкаяев К.Е. Осетинско-русские грамматические параллели. - Дзауджикау, 1953. - С. 86; Розенфельд А.З. Очерки по грамматике таджикского языка. - Вып. 1. // Материалы и исследования сложносоставных глаголов в современном таджикском литературном языке. - Душанбе, 1953. - С. 7.
- ²⁹ Walde A. Lateinsches etymologisches Wörterbuch. - Heidelberg, 1910. - S. 189. Ст.-инд. śrad-āha «вера» Й. Зубатый сравнивает с авест. zraz-da (Указ. соч., с. 101), предполагая в них «свернутом» виде древний парафрастический оборот śrāt dadhāti «верит». «...Высказывалось мнение, - пишет он, - что в «корневых детерминативах» или в «суффиксах настоящего времени» с dh следует видеть подобную связь с корнем *dhē-, т. е. отправную точку в развитии этих форм следует искать в старых оборотах, сходных с указанными санскритскими и авестийскими оборотами». Далее, говоря о сложности и нерешенности этого вопроса, Зубатый соглашается с Бругманом, «по крайней мере с осторожным его суждением, что такая догадка отчасти верна» (Указ. соч. - С. 102).
- ³⁰ Памятники дипломатических сношений с державами иностранными. - Т. 1. - Спб., 1884. - с. 42 (далее сокращенно: ПДС КНТ).
- ³¹ Напечатан в «Памятниках старинной русской литературы». - Спб., 1860.
- ³² ПДС КНТ. - Т. 2. - № 25.
- ³³ «Сибирские летописи». - Спб., 1907. - с. 348.
- ³⁴ Записки русских людей. События времен Петра Великого. - Спб., 1841. - С. 56.
- ³⁵ Словарь старофранцузского языка, приложенный к Книге для чтения по истории французского языка В. Шишмарева. - М.-Л., 1955.

- ³⁶ См.: Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. - Т. 1. - М.-Л., 1958.
- ³⁷ Примечательно, что самый факт пропуска дополнения в конструкции *facere alicui potest* в различных славянских языках обусловлен аналогичными причинами: имя-конкретизатор (*miano*, *jmě* и т. д.) опускалось потому, что за ним следовало собственное имя. Ср., например, в древнепольском памятнике «*Legenda o św. Aleksym*» (XV в.), где отмечаются обе формы - первичная (глагольно-именной оборот ²*dziać miano*+имя собственное) и более поздняя, эллиптированная («вспомогательный» глагол *dziać*+имя собственное): 1. *A w ten czas papieża miano Imocencyjus mu dziano*; 2. *Ach! krolu wieliki nasz, Coż ci dzieją Mesyjasz*. То же произошло и в словенском обороте *kačō mu pravijo*(-*kako se mu pravi* «как его звать?»). В древнерусском языке вспомогательный глагол *делати* в глагольно-именных оборотах значения «называть, именовать», насколько нам известно, не развивает (хотя сам оборот в языке имелся, ср., например: «Всеволод же велѣтъ *учинити* сынови своему... *имя Дмитръ ѿ* въ святѣмъ крещеніи, а княжее *имя учини* ему *Володимирь*...» (Ипат. лет., 1192).
- ³⁸ См.: Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. - Т. 1. - с. 580.
- ³⁹ Buck C.D. Op.cit., - p. 134.
- ⁴⁰ Цит. по: Spitzer L. *Stilstudien*, 1 (Sprachstile). - s. 224.
- ⁴¹ См.: Гринченко Б.Д. Словарь украинского языка. - Киев, 1925. - с. 408.
- ⁴² См.: Носович И.И. Словарь белорусского наречия. - Спб., 1870. - с. 133.
- ⁴³ Gebauer J. *Slovník staročeský*. - Díl 1. - Praha, 1903. - S. 246-247.
- ⁴⁴ *Vrtelwieroczyński S. Wybór tekstów staropolskich*. - Lwów, 1930.
- ⁴⁵ *Karłowicz J. Słownik grar polskich*, 1. - Kraków, 1900-1911. - s. 429.
- ⁴⁶ *Slovensko-ruski slovar*, sestavil dr. J. Kotnik. - Ljubljana, 1950. - S. 34, 37.
- ⁴⁷ *Berneker E. Slavisches etymologisches Wörterbuch*. - Heidelberg, 1924. - 192 s.
- ⁴⁸ *Słowski Fr. Słownik etymologiczny języka polskiego*, zes. 2. - Kraków, 1953. - s. 189.
- ⁴⁹ На это значение в глаголе *творити* указывают Н.Г. Чернышевский (см. его «Опыт словаря из Ипатьевской летописи». - Т. 1. - Спб., 1854. - с. 570), А.Н. Пыпин (см. его «Словарь к Новгородской первой летописи». - Т. 2. - Спб., 1856. - с. 115) и И.И. Срезневский («Материалы для словаря древнерусского языка». - Т. 3. Спб., 1903. - с. 936). Из восьми примеров, иллюстрирующих употребление *творити* в функции глагола говорения, семь в словаре Срезневского извлечены из Новгородской 1-й летописи и только один - из Ипатьевской.
- ⁵⁰ «Партикуляризации» в отдельных славянских языках подвергся также глагол *praviti* «говорить» (вообще). Ср. современную чешскую частицу *prů* «мол, дескать», ст.-польск. *pru* (до XVIII в.), словенск. *prę*.
- ⁵¹ Желтов И. Грамматические заметки. // *Филологические записки*, 1864. - Вып. 5. - с. 272.

- ⁵² См.: Соболевский А. Из истории русского языка. - ЖМНП, 1897. - Ч. CCCIV. - с. 73.
- ⁵³ См.: Булаховский. Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. - Киев, 1950. - с. 349.
- ⁵⁴ См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. - Т. 1. - М., 1964. - С. 489-490.
- ⁵⁵ Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. - 2-е изд. - Л., 1941. - с. 268.
- ⁵⁶ См.: Молотков А.И. Сложные синтаксические конструкции для передачи чужой речи в древнерусском языке по памятникам письменности XI—XVII столетий (канд. дисс.). - Л., 1952. - с. 173.
- ⁵⁷ См.: Аникин А.И. Вводные слова и их соотношения с структурно-семантическими категориями слов в современном русском языке. // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, 1958. - Т. CXXXII. - Вып. 8. - с. 17.
- ⁵⁸ См.: Гумецька Л.Л. Нарис словотворчої системи української актової мови XIX—XV ст. - Київ, 1958. - с. 283.
- ⁵⁹ Виноградов В. В. Современный русский язык. - Вып. 2. - М., 1938. - с. 557.
- ⁶⁰ См.: Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.-Л., 1947. - с. 732; Он же. О категории модальности и модальных словах в русском языке. // Труды Института русского языка. - Т. 2. - М.,-Л., 1950. - с. 70.
- ⁶¹ См.: Овсянко-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. - Спб., 1902. - с. 293.
- ⁶² См.: Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. - М., 1956. - с. 410.
- ⁶³ См.: Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. - М., 1959. - С. 383, 552.

---

*Этимологические исследования по русскому языку. Выпуск IX. Изд-во Московского университета, 1981, с. 142-167.

«ЗА СИМ ПАКИ ЗДРАВСТВУЙ!»

(ЗАЧИНЫ И КОНЦОВКИ ПИСЕМ В ХУП-ХУШ ВВ.)

Письмо, что грамоткой
    простой народ зовет,
С отсутствующими обычну
    речь ведет...
А. Сумароков

В наше время написание частного письма особой выучки от нас не требует. Мы можем начать его как угодно: со слов *здравствуй (те)* и обращения по имени или имени и отчеству, или же просто одним обращением, сопровождаемым словами *уважаемый (уважаемая)*, *дорогой* и так далее. Все зависит от характера наших отношений с адресатом, от цели письма, от принятых в той или иной среде норм этикета.

В старину же составление письма регламентировалось определенными правилами, традицией. Существовали даже специальные руководства – письмовники, с помощью которых наши предки овладевали подчас нелегким искусством писать эпистолы, или «грамотки». Особое значение придавалось их зачинам и концовкам. «Именно в этих частях, – отмечает Н.П. Панкратова, – наиболее ярко отражена закрепленная в письмовниках эпистолярная традиция» (Исследования по лингвистическому источниковедению, М., 1963). Они интересны и тем, что зачастую содержат в себе те слова, которыми мы обмениваемся сейчас при встрече и расставании (*здравствуй, здорово, здоров, будь здоров* и т.д.). Прежде они выполняли иные функции и редко выступали самостоятельно, без сопровождения других слов.

Старинные письма в их образцовом, «классическом» виде четко

разделяются на три части – зачин, «деловую» часть и заключение. Первая из них, в свою очередь, может состоять из нескольких самостоятельных формул и сообщений. Рассмотрим для примера, как построено письмо, адресованное В.В. Голицыну его женой Евдокией Ивановной. Начинается оно со слов: «Государю моему князю Василию Васильевичу женишко твоя Дунка челом бьет» (обратите внимание на частые в подобных случаях формы самоуничужения). Далее идет традиционное пожелание здоровья: «Здравствуй, государь мой, на многие лета». Здесь *здравствуй* еще не наше приветствие, оно осмысливалось только как пожелание здоровья и благополучия. Далее – просьба: «Прикажи, государь мой, писать о своем многолетнем здоровье...» И тут же оговорка: «А изволишь, государь, ведать про государнию мою матушку княгиню Татьяну Ивановну и про государя батюшка Ивана Федоровича [тещу и тестя Голицына] и про Алешенку и про Оринушку [детей его] и про меня, государь мой, изволишь памятовать, и мы июля в 29 день все, дал бог, здоровы...» (дата написания «грамотки»; указание на нее при сообщении о собственном здоровье и здоровье близких – обычная черта писем, относящихся к этому времени). Затем следует «деловая» часть грамотки, содержащая какую-либо просьбу, новость, ответ и т.д. В нашем примере просьба заключается в том, чтобы царь помолился, дабы ей, «женишке Дунке», «здорово родить» и с ним «в радости видитца», а также сообщение, что стольник Головин женился. Конец письма: «Потом тебе, государю своему, много множество челом бью» (Временник Московского Общества истории и древностей российских. М., 1851).

Деловая часть писем могла быть весьма обширной, а зачин преднамеренно свернут. Так, в письме царя Алексея Михайловича из Калязина от 11 июля 1650 года при полном отсутствии здравницы очень своеобразно сокращена (до двух слов) та часть зачина, где спрашивается о здоровье адресата (она выделена нами курсивом); «От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси стольнику нашему Афанасию Ивановичу Матюшкину. По *здорово ль...*» После этих слов сразу же начинается обширная деловая часть, посвященная соколиной охоте: «...за то спасибо, что птицами волоче промышляете с Васильем, а робят держите в руках, чтоб перед вами были вежливы...» и т.д. (Собрание писем царя Алексея Михайловича... М., 1856).

Встречаются письма без здравниц, но с пожеланием получить известие о здоровье адресата, чтобы после этого писавшему «радосну быти».

В конце и, реже, в зачинах писем нередко употреблялось

выражение *челом бить* как одна из общепринятых формул приветствия.

Внимание привлекают разнообразные здравицы в эпистолярных зачинах и концовках этого времени. Вот некоторые их образцы: «Буди, государь мой, здоров на многия лета»; «Милостивый мой государь приятель Данила Иванович, здравствуй на веки!»; «Поддай тебе, государю моему, многолетно здравствовать во всяком благом пребывании»; «здравствуй со всем своим праведным домом»; «Да здравствуй, государыня моя сестрица...» и другие.

Как видно из примеров, личные формы глагола *здравствовать* «быть здоровым» в письмах конца XVII – начала XVIII веков зачастую выступали в сопровождении других слов. Одиочное употребление этих форм – явление еще весьма редкое для данного периода. «Да здравствуй!» – так заканчивает в 1655 году свое письмо к стольнику А.И. Матюшкину царь Алексей Михайлович (Собрание писем царя Алексея Михайловича...). Это, пожалуй, один из самых ранних случаев одиочного употребления этого глагола в роли здравицы. Здесь интересна и церковнославянская по своему происхождению форма повелительного наклонения с частицей *да*, которая в наше время сочетается только с формой третьего лица этого глагола в пожелании успеха и процветания (*да здравствует.., да здравствуют...*). Близка к рассмотренному примеру и шутливая концовка в другом письме Алексея Михайловича другу его детства А.И. Матюшкину: «А потом здравствуй и не унывай, и нас не забывай!».

В первой половине XVIII века *здравствуй(те)* постепенно утрачивает длинный «хвост» сопровождавших его слов. Появляются такие зачины, как, например, в письме Т. Стрешнева А. Меншикову: «Государь мой Александр Данилович, здравствуй», хотя в иных письмах Т. Стрешнева к этому же адресату продолжают удерживаться старые виды здравиц. Сравните еще: «Василей Тимофеевич, Иван Михайлович, Михайло Иванович, здравствуйте» - это начало письма Ф.А. Головина к дьякам Посольского приказа, 1704 год; «Тетка и matka, здравствуйте!»; «Matka, здравствуй!»; «Катеринушка, друг мой, здравствуй!» – так начинаются письма Петра I к своей жене, датированные 1708, 1709 и 1711 годами. Аналогичны и их концы: «За сим здравствуй! Петр»; «За сим паки здравствуй» и т.д. (Письма русских государей и других особ царского семейства. Переписка императора Петра I с государынею Екатериною Алексеевною. М., 1861).

Во второй половине XVIII века слово *здравствуй(те)* уже закрепляется в языке как приветствие. Очень показательны в этом отношении недавно вышедшие отдельной книгой «Письма русских

писателей XVIII в.» (Л., 1980). Интересно, что только М.Н. Муравьев (1757-1807), отец двух будущих декабристов, в своих «грамотках» (первая часть которых, как правило, адресована отцу, а вторая – сестре) продолжает следовать старой эпистолярной традиции, да и то непоследовательно: «Матушка сестрица, Федосья Никитишна, желаю тебе от всего сердца, чтоб ты была здорова и довольна собою и мною»; «Матушка сестрица, желаю здравствовать» – начало письма 1777 года; «Будь здорова и довольна» – в заключительной части письма, написанного в том же году, и т.д. В конце некоторых писем мы находим характерные для М.Н. Муравьева приписки, обращенные к родственнице, жившей в его семье в качестве «компаньонки» сестры Федосии Никитичны: «Матушка Татьяна Петровна, здравствуй» или «Татьяна Петровна, здравствуй». Одна подобная приписка в конце письма 1777 года адресована и сестре.

подавляющее большинство писем, собранных в данной книге и принадлежащих другим русским писателям, начинается со слов «милостивый государь», «всемилодивейшая государыня» или с обращения по имени и отчеству.

Письмо И.И. Дмитриева к В.А. Жуковскому (август 1835 г.) начинается так: «Здравствуйте, любезнейший Василий Андреевич». Подобное обращение хорошо показывает ту роль, которую стала играть эта глагольная форма в эпистолярных текстах нового времени.

Письма без традиционной здравицы были нетипичны для грамоток XVII – начала XVIII веков. Здравницы (равно как и вопросы о состоянии здоровья адресата) являлись настолько обязательной частью писем, что их, как мы видим из примеров, нередко повторяли и в конце. В отдельных случаях они появляются в эпистолярных текстах и трижды, как, например, в письме Алексея Михайловича, посланном в 1655 году из Вязьмы членам своей семьи.

Встречаются письма, состоящие только из одного пожелания здоровья, просьбы к адресату сообщить о своем здоровье, иногда к ним добавляются скудные сведения о себе. Таковы, например, четыре письма царевича Алексея, написанные им в 1703-1709 годах, приведем их полностью: «Дарья и Варвара Михайловны, здравствуйте! Alexei»; «Дарья и Варвара Михайловны, здравствуйте! Я жив. Alexei»; «Катерина Алексеевна, Анисья Кирилловна, здравствуйте!»; «Катерина Алексеевна, здравствуйте!» (Письма русских государей и других особ царского семейства. Переписка царевича Алексея Петровича и царицы Евдокии Федоровны. М., 1862). Мы бы очень удивились, получив подобное письмо, на первый взгляд, не содержащее никаких сведений.

Однако в начало XVIII века такая эпистола являлась свидетельством особого расположения ее автора к лицам, которым тот адресует свои пожелания.

Пожелать кому-либо здоровья, провозгласить здравицу, спросить о состоянии здоровья или сообщить о своем – все это было одним из принятых требований этикета. Тому мы находим немало свидетельств в памятниках письменности. Вот как, например, описана встреча псковичей с приехавшим к ним великим князем Василием Ивановичем: «а псковичи стретоша [встретили] его за три версты от града; удариша псковичи государю своему в землю челом, и государь спросил у них здоровья, и псковичи ему молвили: ты бы, государь наш, здрав был» (Псковские летописи. М., 1955).

Пожелания здоровья и вопросы о состоянии здоровья входили в свадебный обряд, как это видно из «Домостроя», памятника XVI века: «И входит ту свекор с бояры... и сына своего целует и здоровает... да невестку свою... здоровает... и все здоровают», «да потом ходят к тещи, и теща спрашивает о здоровье» и т.д. Интересно, что здоровались раньше и при завершении какого-нибудь важного дела, например, после составления брачного договора, когда «по чину свадьбы учинити невозможно»; «и написав рядные и зарядные, меж себя здороваются».

В наставлениях Петра I о том, как обращаться с находящейся в заточении в Новодевичьем монастыре царевной Софьей, специально оговорено: «Со здоровьем посылать Степана Нарбекова или сына его, или Матюшкиных, а иных и баб и девок не посылать» (Забелин И. Домашний быт русских царич в XVI и XVII ст. М., 1901).

Таким образом, в живой и письменной речи этого времени в ходу были слова с корнем *-здоров-* (*-здрав-*). Поздравить чаще означало «пожелать здоровья». Сравните в «Путешествии стольника П.А. Толстого» (1698 г.): «...все вдруг, поздравя мне, выпили и рюмки все за почтение наше побили»; «тут конюший поздравил меня от папы» (Русский архив. М., 1888). Со старым значением глагол *здравствовать* сохраняется в пословичных текстах: «На чих кошки здравствуй, зубы болеть не станут» (В. Даль. Пословицы русского народа. М., 1957); «На всякий (каждый) чих не наздравствуешься». Со значением «приветствовать кого-либо по случаю чего-либо радостного, приятного» в XVII – начале XVIII века глагол *здравствовать* употреблялся довольно редко. Например, в «Псковской 3-й летописи», под 1610 годом: «И зазвониша во все колоколы троицкие, и пеша молебен за царя Василия и, здравствующе друг другу, целовахуся любезно» (Псковские летописи. М., 1955). В письме царевича Алексея

от 10 июля 1709 года: «Здравствуй с сею преславною викториею», то есть Полтавской победой (Письма русских государей и других особ царского семейства). Примечательно, что в приписке к этому письму Алексей в том же значении употребил глагол *поздравить*. Современный русский язык уже не знает глагола *поздравить* с общим значением «приветствовать» (не по случаю какого-нибудь события), который мы находим среди примеров в «Кратком руководстве к красноречию» М.В. Ломоносова: «...все животные встают с солнцем, некоторые и прежде восхождения пеннем оное поздравляют».

С течением времени различные формы здравниц и вопросов о здоровье собеседника, встречного или адресата, освобождаясь от дополнительного словесного окружения, превращаются в слова приветствия и прощания, которые мы употребляем сейчас. При этом когда-то тождественные по смыслу и употреблению слова *здравствуй(те)* и *будь(те) здоров(ы)* начали выполнять противоположные функции: первое стало произноситься как приветствие при встрече, а второе выражение превратилось в разговорно-просторечный синоним *до свидания*.

Итак, наблюдения над особенностями стиля и словоупотребления в документах частной переписки XVII – начала XVIII веков позволяют нам не только лучше понять нормы речевого этикета того времени, но и проследить историю тех слов, которыми мы с вами так привычно обмениваемся при встрече и расставании.

---

* Русская речь. 1981 г. - № 3, с. 102-107.

В настоящее время в профессиональной речи и в газетах можно нередко встретить это шахтерское словечко, например: “Уже в нынешнем году Николай Путра и его товарищи выдали на-гора без малого десять тысяч тонн сверхпланового угля” (“Правда”, 12 февраля 1969). Реже оборот *выдать на-гора* употребляется переносно. Ср. название статьи донецкого журналиста В. Руссова «Таланты – “на-гора”» (“Социалистический Донбасс”, 25 марта 1967). Широкую известность выражение *выдать на-гора* получило именно в советскую эпоху, когда профессия шахтера в нашей стране стала особенно почетной. В словарях XIX века его нет, в том числе и в “Горном словаре” Г. Спасского (М., 1841).

В современном русском языке значение ‘поднять на поверхность, из шахты’ закреплено за всем выражением *выдать на-гора*, а в слове *на-гора* предлог слился с существительным так, что образовал с ним наречие. Этому в первую очередь способствовала необычная для литературного языка форма именительного падежа вместо винительного (на гору).

В речи шахтеров в 20-е годы нашего века слово *гора* в значении ‘дневная поверхность шахты’ могло употребляться не только в составе наречия и в сочетании с глаголом *выдать*, но вступало в связь и с иными глаголами (работать, выехать и т.д.). В 1924-1929 годах известный собиратель донских говоров А.В. Миртов в речи потомственных горняков центрального района Донбасса наряду с выражением *выдать на-гора* записал такие: “Он работает на горах”; “Опомнился только на горах”; “Выехать на-гора”. “Поверхностные рабочие”, отмечает автор, – это те, которые не спускаются в шахту, а работают “на горах”. А.В. Миртов отметил еще одно утраченное теперь значение в слове *гора* – ‘место, где построена шахта’. Повидимому, фраза “Он работает на горах” могла просто служить

указанием на профессию шахтера (Словник донецького гірника. – «Етнографічний вісник». Кн. 10. Киев, 1932).

В речи горняков прошлого века словом *гора* мог обозначаться и сам рудник. Так, в «Горном словаре» Г. Спасского приводятся обороты *знать гору* 'иметь практические сведения о положении руд и о производстве работ' и *идти в гору* 'спускаться в рудник'. Замечание о местном пермском слове *гора* 'рудник' мы находим и в газете «Русский инвалид» (1895, № 9): «В рудниках, или, по местному названию, *в горах*, медные руды добываются, смотря по их твердости, порохострельною и кайловою работами; оторванная от месторождения руда подкатывается по деревянной дороге внутри рудников в тачках к шахте, по которой потом поднимается на поверхность вертикальным воротом в бадьях». Слово *гора* употреблено здесь в современном значении 'шахта', 'место добычи полезного ископаемого', а заимствованный из немецкого технический термин *шахта* – в значении 'отвесный колодец, шахтный ствол'. Описанный выше способ доставки руды на поверхность проясняет до некоторой степени происхождение выражения *выдать на-гора*: это означало 'поднять полезное ископаемое вверх, наружу' (ср. приведенный Г. Спасским оборот *идти в гору*, определявший движение в противоположном направлении).

Значение 'верхняя, наружная, дневная поверхность шахты' возникло в наречии *на-гора* под влиянием общеупотребительных предложных сочетаний *в гору*, *на гору*, где существительное имеет переносное значение 'верх' (вообще в славянских языках значения 'гора' и 'верх' часто связаны с одним словом: русское диалектное *в горе* 'вверху, наверху', украинское *на гору* 'вверх по склону', белорусское *гара* 'гора' и 'чердак' – конкретизация значения 'верх дома', польское *góra* 'гора', 'верх', 'чердак', чешское *vrch* 'верх', 'гора, холм' и т.д.).

Форма именительного падежа существительного *гора*, выступающая в значении винительного (на кого, что – на-гора) выдает диалектное происхождение интересующего нас наречия. В ряде говоров русского языка (главным образом в северо-западных и северных, в меньшей степени в центральных и южных областях Русского государства, где сейчас находятся среднерусские и южнорусские говоры) издавна была известна конструкция *земля пахать*, *топить байну* (баню), *косить трава* и т.д. Разрушение этой конструкции с независимым инфинитивом привело, с одной стороны, к вытеснению формы на *-а* формой винительного падежа на *-у* (вместо *косить трава* стали говорить *косить траву*), а с другой – к тому, что окончание *-а*, утратив исконное значение именительного падежа, «выдвигается как

общий показатель винительного падежа, вытесняя собой старую аккумулятивную форму на -у”, – так определяет этот процесс Ф.П. Филин в статье “Об употреблении формы именительного падежа имен женского рода на -а в значении аккумулятива” («Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка», Вып. I. М.-Л., 1947). Примеры, приводимые в работе, исключительно из северо-западных говоров: “Он идет на могила”; “Только на крыша труба провести надо”; “Мы в байна ходили” и др.

Новгородская земля была колыбелью русской горнодобывающей промышленности. Именно здесь нужды железодельного производства вызвали к жизни, особенно с эпохи Ивана Грозного, многочисленные центры добычи железных руд – в Устюжне Железопольской, Каргополе, вблизи Соловецкого монастыря, в Карелии и в других местах. С конца XVI века начинается добыча местных руд в подмосковных районах, и только в XVII веке в орбиту промышленных интересов России входит разработка богатых рудных месторождений Урала. Сейчас трудно определить, где и когда возникло наречие *на-гора* – в горнодобывающих районах средневековой Новгородской земли, перекочевав затем с новгородскими рудознатцами на новые земли, или в более позднюю эпоху на Урале (некоторые исследователи отмечают употребление формы именительного падежа в значении винительного и в ряде уральских и сибирских говоров). Определенным ориентиром может служить распространение этой диалектной черты главным образом в северо-западных говорах.

Дальнейшая судьба слова хорошо известна, Закрепившись в профессиональной речи горняков, наречие *на-гора* в наши дни претендует на общеупотребительность.

---

* Русская речь. 1969 г. – № 6.

А ВОСЕ, АВОСЬ И АВОСЬКАТЬ

“*А вове*, господине, грамота...” Начальные слова этой фразы нередко встречаются в деловой письменности XIV – начала XVI века и могут быть буквально переведены на современный русский язык как “а вот”. Сравните еще: “а вове, господине, з грамоты список (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV – начала XVI века); “*а во со* (последнее слово читалось как *сѣ*. - *Е. О.*), господине, те люди добрые перед тобою” (там же) и др. В документе XVI века читаем: “*А вове* ныне приходил к великому государю нашему от отца государя вашего посланник Анди бек...” (Памятники дипломатических и торговых сношений Руси с Персией. Т. 1. СПб., 1890).

А вове (*а во се*) в потоке разговорной речи легко теряло конечный гласный звук, превращаясь в *а вось*, а потом и в *авось*. Это слово, однако, значило совсем не то, что современное русское *авось* “может быть”. Оно продолжало выполнять ту же указательную функцию, что и породившее его словосочетание *а во се* (*а вове*). Самые ранние примеры употребления в памятниках письменности такого “указательного” *авось* относятся к началу XVI столетия. В одной из грамот этого периода мы читаем: “Был в той земли старцу Касьяну наперед меня суд с теми залешаны; да и грамота, господине, у нас на них правая; *авось*, господине, грамота перед тобою” (Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Собрал и издал А. Федотов-Чеховский. Т. 1, 1860); такое *авось* встречается в ней дважды. Или еще: “И царь мне молвил: верь ми, *авось* тебе челма, а то тебе знамя; да положил на меня челму” (Памятники дипломатических сношений с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. Т. II, СПб., 1895). В этом примере интересно проявилась синонимика словосочетаний *а вось* (вполне возможно, что оно уже слилось в слово) и *а то*: если первое

указывало на ближайший предмет, то последнее – на отдаленный (в данном случае – знамя).

Словосочетание *а вось* состояло из начинательного союза *а* (с него часто в старорусском языке начинались предложения), указательной частицы *осе* (составленной из указательного местоимения среднего рода, слившегося с древней указательной частицей *о*, которая, с этимологической точки зрения, содержится и в таких русских словах, как *вот, вон*) ; перед которой развился звук *в* (как и в словах *восемь* из *осмь*, диалектных *вострый, вобщина* – “общее дело” и т. д.). Указательная частица могла употребляться и без начинательного союза. Например: “**А князь Василен Косон побеже, и ѹгонн его Борис Тоболнн н... нача клнкати: вось и князь Василен Юрьевич**” (Устюжский летописный свод, 1436 г.). В “Сказании про храброго витезя про Бову Королевича” по списку XVII века читаем: “Почел говорить: *восья*, государыня, дары от короля Додона” (Дунаев Б.И. Библиотека старорусских повестей). Следы этой частицы обнаруживаются и в языке второй половины XVIII века, в пьесе А.П. Сумарокова “Рогоносец по воображению”: “В и ку л. А хорош граф-ат? Хавронья. Такой пригожий, преузорочной и обходительной, что *вось* тебе”.

В документах XV-XVI веков встречается также частица *асе*, состоящая из тех же компонентов – начинательного союза и указательного местоимения *се*: “*а се*, господине, наши старожилицы пред вами” (1509 г.); “*а се*, господине, грамота отца нашего перед тобою (1510 г.) и др. (Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России, Т-І, 1860). Это *асе* (или *асё*) имело значение «вот», «здесь». Известно также употребление его в роли утвердительной частицы *да*, как, например, в “Книге толкований” протопопа Аввакума: “Толко у них и вытвержено: *асе*, государь, *восе*, государь, добро, государь” (1677 г.) или в тексте одной из пословиц XVII века: “*Ась*, сударь, *вось*, сударь, здесь, сударь” (Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII-XIX столетий. СПб., 1899).

Частица *асе*, *асё* или *аси* как побудительное указание, соответствующее словам *а вот, а ну, смотри*, зарегистрирована во многих севернорусских говорах.

Итак, в период своей “молодости” словосочетание *а восе*, впоследствии слившееся в *авось* (с утратой безударного конечного *е*), выступало как указание на что-то такое, что находится недалеке. Какие же смысловые изменения произошли в нем позже, приведшие к развитию в русском языке частицы *авось* со значением “может быть”? К сожалению, памятники письменности не донесли до нас тех синтаксических

построений, в условиях которых протекал данный процесс. “Кристаллизация” этого значения происходила в живой разговорной речи, которая, как известно, в памятниках письменности отражена крайне скупо. Разнообразие контекстов и ситуаций порождало целую гамму смысловых оттенков в частице *авось*, среди которых были такие, как “вдруг” и “если”. *Авось* “вот” и *авось* “вдруг” связаны между собою тем, что данное слово произносилось (а точнее – вырывалось из уст говорящего) при внезапном появлении чего- или кого-либо или при условном допущении такого появления (ср. в современной песне: “*Вот* придет он с фронта домой И под вечер со мной повстречается”). В русских говорах имеется интересный аналог такого *авось* – это *вот* в словосочетании *не вот*, то есть “не сразу, не вдруг” [Словарь современного народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)].

Смысловое развитие частицы *авось* можно представить цепочкой приблизительно таких переходов: “вот” → “вот оно!” → “вдруг” → “если” (ср. синонимичку в современном языке: *а вдруг* он явится не вовремя // *а если* он явится не вовремя) → “может быть”. Первое значение словом *авось* уже утрачено, второе и третье сохраняются в русских говорах (в частицах *аве*, *асё*, *аси* и в выражении *не вот*, где *вот* – синоним старорусского *вось*). К XVII веку восходят первые случаи употребления уже ставшего частицей слова *авось* (или *авосе*) со значением “может быть”, например: “*Авось* попадет, что заяц в тенья” (Старинные сборники русских пословиц загадок и проч. XVII-XIX столетий).

Слово *авось* употреблялось раньше не только как частица. Становясь существительным, субстантивирясь, оно получало значение “неожиданная удача, случай”. С таким значением оно вошло в наречие *на авось*, то есть “наудачу”. Как уже отмечалось, *авось* как возглас удивления произносилось при появлении чего-то непредвиденного, как побудительно-указательное слово - что-то вроде *гляди-ка!* или диалектной частицы *вона*, тоже отместоименного происхождения (но только первоначально указывающей на отдаленный предмет). Поэтому *надеяться на авось* - это, в сущности, полагаться на случай, который здесь образно именуется *авосем*. С равным успехом на его месте могло оказаться любое из употреблявшихся в подобной ситуации слов – *аве*, *асё*, *вона* и т. д.

В языке XVIII века интересующая нас частица встречается только в современной форме *авось*. Интересной особенностью употребления является ее способность сочетаться с другими частицами, что, видимо, было связано с влиянием устной речи. Чаще всего она сливается с частицами *-таки*, *ли*, *бы* и союзом *либо*. Об употреблении слова *авось*

“иногда с придачею частиц: *ко, то, же, ну, вот, либо*; может быть, станется, сбудется, с выражением желанья и надежды” писал в своем Словаре В.И. Даль. С частицей *-таки*: “Налеткины щенята, слава богу, живы; *авось-таки* которой-нибудь удастся по матери; а мне уж едакой жены не нажить” (Новиков. Живописец). “*Авось-таки* милосливой Спас подержит над нами свою руку и даст нам еще хорошую погоду, так мы и со своим хлебешком управимся” (там же). С союзом *либо*: “*Авось-либо* он за нас вступится и секретаря уймёт...” (Новиков. Трутень); “Не тужи, красная девица, *авось-либо* дождемся и мы своей воли” (Аблесимов. Мельник-колдун, обманщик и сват); “*Авось-либо* моя Лиза к тому времени найдет себе жениха по мыслям” (Карамзин. Бедная Лиза); “*Авось-либо* я с полком к вам приеду. *Авось-либо* дослужусь до чина” (Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву). С частицей *ли*: “*Авось ли* проживем” (Письма русских писателей XVIII века). А в “Книге бесед” Аввакума (1675 г.) имеется словосочетание *авось бы*, которое точнее переводить не “если бы” (как в “Словаре русского языка XI-XVII вв.”, вып. 1), а “вот бы” (т. е. с еще не стершимся оттенком указательности): “*Авось бы* ты умерла, ведь бы им (детям. - Е. О.) жить без тебя”.

Как существительное *авось* в нашей разговорной речи употребляется намного реже, чем как частица. В такой функции это слово может развивать новые смысловые оттенки, не зарегистрированные толковыми словарями. Так, в заметке с названием «Почем нынче “авось”?» (Социалистический Донбасс, 22 сент., 1981) *авось* употребляется как синоним слов *беспечность* и *халатность*.

Существительное *авось* проникло и в устойчивые обороты речи, например: “От *авось* добра не жди”, “*Авось* до добра не доведет”, “*Авось* - дурак, с головою выдаст”, “*Авось* с небосем водились, да оба в яму ввалились” и др. (Словарь Даля).

В русских народных говорах имеется много слов, образованных на базе существительного (или субстантивированной частицы) *авось*: прилагательное *авосев* – “рассчитанный на авось” (в поговорке: *Авосевы города не горожены*), *авоська* – “удача, случай”. *Надеяться на авоську* – это то же, что и *авоськать*, то есть действовать наудачу, а поступающий так человек именуется *авосьником* или *авосьницей* (см.: Словарь русских народных говоров М.,-Л., 1965). Появлению в городском просторечии слова *авоська* “сетчатая хозяйственная сумка” посвящена статья Е.А. Левашова “Авоська” (Русская речь, 1976, №3).

---

* Русская речь. 1983 г. – № 4.

К ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА РАЗГИЛЬДЯЙ

Слово это известно лишь русскому языку. *Разгильдяй*, по определению В. Даля, “беззаботный разиня и шатун”¹. А.Г. Преображенский, избегая этимологизации слова, верно указывает на его структурное сходство с такими формами, как *растрепай*, *растегай* и т. д.²

В “Кратком этимологическом словаре русского языка” предпринята попытка истолкования загадочного *-гильдяй* на русской почве (собственно *-гильд-*, так как форманты *раз-* и *-яй*, по мнению авторов, свидетельствуют о суффиксально-префиксальном строении слова): *-гильд-* возводится к гипотетическому *гильда*, “которое в свою очередь образовано с помощью суффикса *-да* от диал. *гиль* “смута, буйство” (ср. также диал. *гил* “балагур, шутник)”³.

Еще ранее А.И. Поповым было высказано убеждение, что *разгильдяй* – апеллятивное имя, возникшее на основе “распространенного татарского личного имени *Уразгильды*, *Уразгильдей*”⁴. Настоящая заметка написана в поддержку толкования А.И. Попова, которое должно найти отражение в готовящемся фундаментальном этимологическом словаре русского языка.

Известно, что в русском языке имеется небольшая группа нарицательных имен с пейоративным значением, истоки которых уходят в антропонимию, ср. *пентюх* (<*Пантелей*), *олух* (<*Олуферий*), *фефела* (<*Феофила*) и др. Их отрицательная эмоционально-оценочная окраска определилась как “созвучием морфологического состава имени с живыми формами и элементами данной языковой системы”, так и “фонетическим строем имени, экспрессивно-смысловыми потенциями, заложенными в звуковом облике слова”⁵.

Есть основания полагать, что именно такой путь развития прошло и слово *разгильдяй* – образование со скрытой (преобразенной вследствие паронимической аттракции) антропонимичной базой. На

этот раз переосмыслению подверглось тюркское собственное имя.

В тюркской антропонимии и топонимии известное распространение получили лексикализованные словосочетания с опорным словом *гильди* (*кильди*), *кильде* (*килде*) и т. д. – “пришел, явился”. “У народов тюркского племени, - писал по этому поводу Н.И. Золотницкий, есть обычай – нарекать новорожденным детям мужского пола имена предзнаменовательные и выражать их в форме или желательной (как, например, у киргиз: *Бай-болсун* “да будет богат” и т. п.), или положительно-утвердительной, образуя последнюю через слово *кильди*: *Бай-кильди* “богатый пришел (сюда) = явился, родился” и т. п.⁶ Ср. еще: *Бай-бахты* (или *бахти*) букв. “богатый посмотрел, взглянул” (= “пришел, явился”). В выписке из межевой книги на оброчную землю и на дворовые усадьбы 1693 г.: “двор пуст Акаика *Бабахтина*”⁷. С глагольной формой *кильди* (*гильди*): “А послужил де у *Салтан Гилд-йи* мурзы Аргирского, а живет де тотъ мурза въ Перекопи” (из расспросных речей в Посольском приказе, 1646 г.); “А татарина *Доинкелду* отпустить бы вамъ изъ войска за Кубань без задержания” (из грамоты Петра I на Дон, 10 января 1697 г.). Ср. еще казахское собственное имя *Аменгельды* (<*Аменкельды* вследствие прогрессивной частичной ассимиляции), чувашские антропонимы и топонимы *Иль-гильди* “племя явилось”, “друг пришел”, *Ян-гильди(но)* “новый пришел, родился” и др.⁸ Джагатайский глагол *киль* “прибыть, явиться (сюда)” наличествует в целой группе топонимов, включенных в пространный список “Названия селений Казанского края по имени лиц”, напечатанный в качестве приложения к словарю Н.И. Золотницкого: *Гильде(ево)*, *Кильде(ево)*, *Янгильди(но)* и др. Ср. еще “обрусевшее” название татарского села *Девалекеево* (<*Дэулэткильды*, букв. “богатство пришло”)⁹, возможно патронимического происхождения¹⁰.

Особую группу таких “предзнаменовательных” имен составляют лексикализованные сочетания с прилагательным словом *ураз* (*урас*, *ырыс* и т. д.) “счастье”. Н.И. Золотницкий приводит такие “счастливые” названия (с русской суффиксальной частью): *Уразгильди(но)* букв. “счастье пришло” (чувашск. село б. Симб. губ., Буинск. у.; татарск. деревня б. Самарской губ., Ставроп. у.), *Раскильди(но)* (село б. Симб. губ., Курм. у.). Добавим к этому название села *Разгильдеевка* в б. Нижегородской области Ореховской волости, записанное во время экспедиций Н.Н. Дурново и И.Г. Голанова летом 1910 и 1913 гг. (в окружении многочисленных топонимов татарского происхождения)¹¹.

Среди тюркских антропонимов особый интерес вызывают образования типа (*У*)*Разгилдей*. Ср. имя ясачного татарина *Разгилдей Генаев* (в прошении п. Алексею Михайловичу от служилого татарина Свяжского уезда)¹², “села Макулова Уюръя мурза *Уразгилдъев* сын Семенов” (в списке с заемной кабалы свияжских служилых татар)¹³, ногайское имя (с транспозицией частей) *Келди-ураз* (“*Келди-ураз* Баатырь человек мой доброй”, 1564 г.)¹⁴. Компоненты этого типа “предзнаменательных” антропонимов могут существовать и в разобщенном виде; ср., с одной стороны, встречающиеся в русских актах фамилии *Уразов*, *Уразаев*, имена *Уразлей* (*Уразла*), *Уразка* (*Уазка*), *Уразай* (например, в грамоте на Дон Елизаветы I, 28 августа 1750 г.)¹⁵, микропоним *Ураз-язья* (“на полянку *Ураз-язью* послали ково пригоже”)¹⁶, географические названия в Татарской АССР – *Уразай* (русс. *Уразаево*), *Уразлы* и др., а с другой стороны – фамилии *Гильдий*, *Гильдиев*.

Тюркское собственное имя *Уразгильди* в русском языке подверглось двустороннему аналогическому выравниванию. Образцом для лексической аналогии послужили слова с приставкой *раз-*, имеющей экспрессивно-усилительное значение, и существительные с суффиксом *-яй*, служащие названиями лиц, “вызывающих презрение, пренебрежение”¹⁷ (*негодяй*, *скупердяй*, *кисляй*, *вихляй*, *слоняй* и т. д.). Среди них были и такие, воздействие которых протекало двусторонне – одновременно на исход и начало слова (*развихляй*, *растрепай* и др.)

Экспрессивному переосмыслению слова *разгильдяй* на начальном этапе его освоения русскими могло способствовать и живое восприятие его внутренней формы (особенно у двуязычных индивидов), хорошо сообразующейся с представлением о “беззаботном разине и шатуне”.

СНОСКИ

¹ В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV. М., ГИС, 1955, стр. 15.

² См. А.Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. II. М., ГИС, 1959, стр. 175.

³ Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., Учпедгиз, 1961, стр. 279.

⁴ А.И. Попов. Из истории лексики языков Восточной Европы. Изд-во ЛГУ, 1957, стр.35.

⁵ В.В. Виноградов. Из истории русской лексики и фразеологии. «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР», 1954, № 6, стр. 14.

- ⁶ Корневой чувашско-русский словарь, сост. Н.И. Золотницким. Казань, 1875, стр. 247.
- ⁷ Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и других соседственных губерний. Собр. С. Мельниковым, т. 1. Казань, 1859, стр. 69.
- ⁸ Корневой чувашско-русский словарь, сост. Н.И. Золотницким, стр. 249-250.
- ⁹ См. Р.Х. Субаева. К вопросу о взаимодействии тюрко-татарской и русской топонимики на территории Татарстана. Сб. «Памяти В.А. Богородицкого». - Ученые записки Казанского университета, 1959, т. 119, кн. 6.
- ¹⁰ Ср. татарское имя Сюнялейко *Девлеткеев* в прошении ц. Федору Алексеевичу от свияжских мурз (Акты..., собр. С. Мельниковым, I, стр. 69), современную киргизскую фамилию *Даветкельдиев* и др.
- ¹¹ Русский филологический вестник, 1914, т. LXXI, стр. 378.
- ¹² Акты..., собр. С. Мельниковым, т. 1, стр. 48.
- ¹³ Там же, стр. 55.
- ¹⁴ Корневой чувашско-русский словарь, сост. Н.И. Золотницким, стр. 248.
- ¹⁵ Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собр. А.А. Лишиным, т. 2, ч. 2. Новочеркасск, 1894, стр. 583.
- ¹⁶ Акты..., собр. С. Мельниковым, т. 1, стр. 17.
- ¹⁷ Грамматика русского языка, ч. 1. М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 227.

---

* Этимологические исследования по русскому языку. Выпуск VII. Изд-во Московского университета, 1972, с. 166-168.

III. ЛЕКСИКОГРАФИЯ

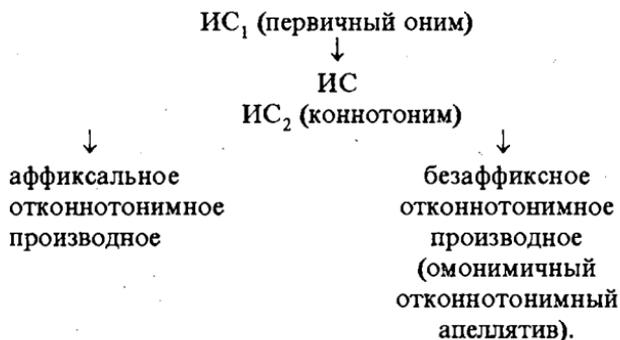
ИЗ СЛОВАРЯ КОННОТАТИВНЫХ ОНИМОВ И ОТКОННОТОНИМНЫХ АПЕЛЛЯТИВОВ

Известно, что при образовании новых слов определенную роль играют процессы деонимизации – перехода собственных имен в нарицательные. Чаще всего это происходит в тех случаях, когда апеллятивами становятся собственные имена, имевшие в прошлом референтные коннотации, или созначения, которые, усиливаясь, становятся их значениями. О полной апеллятивации коннотативных онимов (чаще – антропонимов) можно говорить только тогда, когда тот или иной коннотоним порывает связь с породившим его первичным собственным именем, еще не развившим этого созначения. Причины такого разрыва разные. Отметим только одну из них, на наш взгляд, наиболее характерную. Установлено, что присутствующий в слове конституент стилистической коннотации обладает признаком ассиметричности: большинство оценок – пейоративного, меньшинство – мелиоративного планов¹. Это же наблюдается и у коннотативных онимов (коннотонимов), добавочные смысловые оттенки которых и их стилистическая окраска чаще всего выражают неодобрительное отношение. На первом этапе семантического развития таких имен последние функционируют в речи в двух состояниях – как “чистое” собственное имя (ИС) и обогащенный поздними семантико-стилистическими “надбавками” омоним (ИС, или коннотоним), например: *Ахреян* (ИС) и *Ахреян* (ИС), *Олух* (ИС) и *Олух* (ИС), *Фаля* (ИС) и *Фаля* (ИС), *Фетюк* (ИС) и *Фетюк* (ИС)¹ и другие подобные. Негативное восприятие второго (семантически расширенного и экспрессивно окрашенного) слова иногда влияет на выбор имени при наречении человека, приводя к резкому сокращению числа номинаций к помощи этого антропонима или даже к полному отказу от него,

как это случилось, например, с личными именами *Олух, Фифа, Иуда, Филон* и др. Все реже востребуемые, они уходили на периферию именника или даже утрачивались им, оставляя после себя двойники-апеллятивы, образовавшиеся вследствие потери коррелятивной связи с малоизвестными или забытыми первичными именами: *ахреян, олух, фала, фетюк* и др. Наличие же какого-то "антропонимного ракурса" восприятия таких имен, т. е. сохранение коррелятивной пары ИС -ИС препятствует полной деонимизации коннотативного имени¹. Ср.² антропонимно-коннотонимные корреляты: *Акулина* и *Акулина*, *Езон* и *Езон*, *Хавронья* и *Хавронья* и др. Наглядно это¹ выражается в их орфографической неупорядоченности, когда один и тот же коннотоним пишется то с прописной, то со строчной буквы, выделяется в тексте с помощью кавычек или курсива.

Этимологизируя апеллятивы деонимного происхождения, следует всегда иметь в виду все сказанное выше. Этимологии деонимных апеллятивов не должны ограничиваться только прямыми отсылками к омонимичным формам собственных имен, лежащих в их основе. Должны быть реконструированы существовавшие раньше семантические связи, изменения, сдвиги и роль в этих процессах такого важного переходного звена, как коннотативный оним.

Мы предлагаем читателю несколько словарных статей из коннотационного словаря русских онимов, которые могут быть использованы при установлении этимологии русских и украинских депроприативов. Словарная статья содержит необходимую информацию об их формальной и смысловой эволюции, важнейшие вехи которой могут быть представлены следующей схемой:

Отконнотонимные производные, в отличие от деонимных дериватов, мотивирующими словами имеют онимы с развившимися референтными коннотациями.

АКУЛИНА, -ы, ж. Женское личное имя, распространенное раньше в крестьянской среде. “Даже преданная Акулина делалась в глазах ее чем-то отогретой у пазухи змеи” (Салтыков-Щедрин М.Е. Госпожа Падейкова). О социальной “привязанности” данного имени, восприятию его как простоватого уже в XIX в. см. у И.С. Тургенева (“Уездный лекарь”): “Купеческую дочь взял: семь тысяч приданого. Зовут ее Акулиной; Трифону-то подстать”. Трифон – имя персонажа рассказа, мужа Акулины, который тоже стыдится своего “простонародного” имени: “Вздумалось ей спросить меня, как мое имя, то есть не фамилия, а имя. Надо же несчастье такое, что меня Трифоном зовут”.

УКА (↓). Простая, малообразованная женщина. “Что же касается любви, то я должен тебе сказать, что жить с женщиной, которая читала Спенсера и пошла для тебя на край света, так же не интересно, как с любой Анфисой или Акулиной” (Чехов А.П. Дуэль).

УКА Плохо, небрежно одетая или повязанная женщина; неопрятная женщина. Варианты: *Акулина*, *Окулина*, *Кулина*, *Акулинка*, *Акулька*, *Акуля* (СРНГ, 1, 227; там же, вып. 23, 172; примеры не приводятся; ЯОС, 21).

□ *Акулина*. Карточная игра (СМА, 20). См. также: *Акулька*.

◇ *Завести Акулину*. Вступить в тайное общество (в речи революционно настроенных студентов Петербургского университета 60-х гг. XIX в.). “По времени стали провертываться разговоры, что хорошо бы завести Акулину (под этим словом почему-то стали понимать тайную организацию); но собственно студенческая среда так на этих разговорах и остановилась” (Пантелеев. Из воспоминаний прошлого). Антропонимный компонент этого устойчивого арготического оборота, вероятно, вначале имел созначение ‘гулящая женщина из простонародья’, как в словосочетании *завести маруху* (от *Марья*, *Марьяна*). Условное (конспиративное) созначение ‘вступить в тайное общество’ – результат дальнейшего смыслового развития этого фразеологизма.

АКУЛЬКА, -и, ж. Производная форма женского имени *Акулина* (см.). “Вот хоть бы Акулька-ключница – чем ей не житье!” (Салтыков-Щедрин М.Е. Пошехонская старина).

УКА (↓). Деревенская (крепостная) женщина. “Все что ни есть ненужного, что Акулька у нас бросает, с позволения сказать, в

помойную лохань, они его в суп! да в суп! туда его!” (Гоголь Н.В. Мертвые души).

УКА. Неопрятная, неаккуратная женщина; глупая женщина (СРНГ, 23, 173). “Вот какими акульками ходили мы” (АОС, 66).

□ *Акулька*. Карточная игра (ср. *игра в дурака, дурачка*). “В тени, под широким кленом, “бандиты” играют в “акульку”. Заправила, разумеется, Федя. Он посмеивается, подмигивает и жулит. Он никогда не остается “акулькой”: уж такой, значит, фарт” (Ропшин В. (Савинков Б.). Конь вороной); “В кухне Савельевна играла с дворником в подкидные дурачки и в акульку” Осоргин М.А. Времена). Вероятно, с этим словом связано и название игорного дома в поэме М. Булгакова “Похождение Чичикова”: “Управляющий – старый знакомый: дядя Лысый Пимен, который некогда держал “Акульку”, а теперь открыл на Тверской кафе на русскую ногу с немецкими затеями: аршадами, бальзамами и, конечно, с проститутками”. См. также: *Акулина*.

◇ 1. *Окулька-базарка*. Бранное выражение (СРНГ, 23, 173).

2. *Как акулька*. Неодобр. Некрасиво, неряшливо, неумело (одеться, повязаться, собраться и т.п.). “Абязъцъ как акулька, фсе смиюцца” (СРГМ, 20); “Ходит как акулька. Как окулина нарядилась” (ЯОС, 21).

3. *Акулькин муж*. Презрительное прозвище “фраеров” в мире блатных, воров. “Все эти “мослы” (солдаты), “баклушины”, “акулькины мужья”, все это вовсе не мир профессиональных преступников, не мир блатных. Это простые люди, столкнувшиеся с негативной силой закона, столкнувшиеся случайно, в потемках преступившие какую-то грань, вроде Акима Акимовича – типичного “фраерюги” (Шаламов В. Об одной ошибке художественной литературы).

АКУЛЯ, -и, ж. Производная форма от женского имени *Акулина* (см.). “Старуха Акуля живо тебя вымоет, а мы с чаем подождем” (Салтыков-Щедрин М.Е. Пошехонская старина).

УКА 1. Нерасторопная, неумелая женщина. “Такой акули сроду у нас в роду не была, што ни зделът, фсе ни так, как нада” (СРГМ, 20).

2. Рассеянный, нерасторопный, неумелый человек (относится к женщине и мужчине). “Эх ты, акуля, ни помниш, куда сопстинную шапку дел” (СРГМ, 20); “Он такой акуля у нас” (СРГУ-1, 26); “Ну и акуля жэ ты, тесто-то у тебя убежало” (там же).

3. О плохо, небрежно одетой или повязанной женщине (ЯОС, 21).

□ 1. *Акуля*. Название карточной игры (СРНГРМ, 31-32).

2. *Окуломать*. а) Одеть неряшливо. “Как же ты его окуломала” (СРНГ, 23, 173).

б) Обмануть (там же).

3. *Окулёмываться*. Надевать на себя много одежды, кутаться (там же).

◊ 1. *Как акуля*. Неряшливо, некрасиво, неумело (одеться, повязаться, собраться и т.п.). “Събрались как акуля и пашла” (СРГМ, 20).

2. *Окуля беспятая*. Бранное выражение (СРНГ, 23, 173).

3. *Акуля Роговна*. Шутливое выражение (ЯОС, 21).

АНИКА, -и, ж. Производная форма от мужского личного имени *Аникый*, разг. *Аникей*. “Аники, гайдука Петрова, Елдак в кунсткамеру попал...” (СНДМ, 271).

УКА (↓). Хвастун, неудачник в делах, переоценивающий свои возможности. “Под расшитыми серебряным позументом знаменами астраханцы шли в полном боевом порядке и, кося глазом на оборванных партизан, кричали: - Станишники, что усы повесили? - Наковыряли вам казачишки? - Эх вы, аники...” (Веселый А. Россия, кровью умытая).

◊ Входит в состав устойчивых словосочетаний, апеллятивный компонент которых уточняет созначение коннотативного антропонима: *Аника-воин* (о незадачливом хвастуне, выдающем себя за храбреца) и *Аника-смотрок* (записано в Ярославской губернии в середине прошлого века) - “о недальновидном человеке” (СРНГ, 1, 260). Сохраняющееся в современном языке словосочетание *Аника-воин*, по свидетельству СРЯ XVIII в. (вып. 1, 70), с созначением ‘тот, кто хвастает своей силой, хвастостью’ было известно уже в конце XVIII в.

В коннотативную онимию русского языка проникло из языка фольклора. *Аника-воин* или *воин Аника* - популярный персонаж героико-романтической народной драмы “Царь Максимилиан”: Ср.: “Поди скоро в мои белокаменны палаты, Призови ко мне древнего и храброго Анику-воина, Которого одна смерть победить может”; “Почто ты воина Анику призываешь?” (БРФ-НТ, 142, 159). Его описание: “необыкновенного роста, толстый, лицом грозный, с длинными усами и бородой, голос толстый” (там же, 131). Его облик: “необыкновенного роста, толстый, лицом грозный, с длинными усами и бородой, голос толстый” (там же, 131). Его изображение часто можно было встретить на лубочных картинках и раскрашенных металлографиях конца прошлого века (одна из них - “Сильный и славный воин Аника” помещена между 96 и 97-й страницами указанного выше издания).

АРЕД, -а, м. Имя библейского патриарха (*Йаред*), прожившего 962 года.

УКА (...). В.И. Даль высказал предположение о происхождении этого слова (на определенном этапе семантического развития

употреблявшегося как коннотативный оним) от собственного имени *Ирод*, или *Иаред*, и указал на значения: 'дряхлый старичишка, выживший из лет, заедающий чужой век; старый брюзгач, кашей, скряга; старый ведун, колдун; злой знахарь' (Даль, 1, 22).

У 1. Старый человек (СРГСУ, 1, 27; примеры отсутствуют).

2. Нечистый дух (там же; примеров нет).

3. Злой старик. "Аред-то ваш не издох ещё?" (ДС, 7; со ссылкой на "Донские областные ведомости", 1874 г., № 81).

4. Вредный, злой человек. "Зять-то мой аред, богохульник, ругается, как зачну про бога говорить" (СРГК, 1, 21).

5. Скупой, алчный человек, скряга. "Аред чистый, в крещение льду не выпросишь..."; "Разве этот аред даст в долг?" (СРНГ, 1, 272-273); "Аред, скажут, родной дочери денег пожалел..." (Мельников П.И. На горах).

6. Жадный (до работы). "Который работает много, так назовут человека работает, как аред" (СРГК, 1, 21); "Этот аред, говорят, всё ему мало, работает, ночь его не загонит" (там же).

7. Озорник, шалун. "Ребята теперь ужас... не дети, а ареды" (СРГК, 1, 21).

8. Жестокий, бессердечный человек (ЯОС, 23; примеры отсутствуют).

9. Бранное слово. "И колотили же нас тогда... ой-ой! Три недели валялся, насилиу отдох. До сих пор знатко осталось, – промолвил он, показывая на широкий рубец на правой скуле... – Отбили, ареды!.." (Мельников П.И. В лесах); "Просто у старух там было ругательство аред. "У, ты аред" (СРГК, 1, 21).

□ 1. *Аредский*. Злой, ехидный, сатанинский (Даль, 1, 22; без примеров).

2. *Аредь* (с пометой: архангельское). Сыпь; зуд, почесуха, свербеж, свороб (там же).

3. *Аредом*, нареч. Целиком, полностью. "Они всю смолу аредом взяли" (СРГК, 1, 21).

◇ 1. *Аредов век, аредовы веки*. Долгая жизнь, долголетие. "И отец и мать у него были умные; помаленьку да полегоньку аридовы веки в реке прожили, и ни в уху, ни к щуке в хайло не попали" (Салтыков-Щедрин М.Е. Премудрый пескарь).

2. *Аредом брать*. Брать напористостью, дерзостью. "Аредом всё берёт, пьяный дюжинный, всех возьмёт, характер такой в нём был" (СРГК, 1, 21).

3. *Аредом взять*: а) Пропасть напрасно. "Целое поле сворошило

жита, с землей, все аредом взяло” (там же); б) Устроить беспорядок. “Надо клуб закрыть, а то, наверше, все аредом взяли” (там же).

4. *Аредом пойти (пропасть)*. Пойти прахом, быть не на пользу. “Нажили, а аредом всё пошло, ничего не осталось” (там же).

5. *Провалиться аредом*. “Провались ты аредом” (там же).

АФОНЬКА, -и, м. Производная форма от имени *Афоня* (см. о нем ниже). “Афонька-малый, подай-ко нам полведра водки алой” (БРФНТ, 50).

УКА. Задиристый человек. “Тихонько, Афонька, не обрёпайся” (олонец. говоры) (СРНГ, 1, 294).

АФОНЯ, -и, м. Производная форма от личного имени *Афанасий*. “Подойди сюда, Афоня, – сказал царь” (Толстой А.К. Князь Серебряный).

УКА. Плохой работник; мастеровой, склонный к “левым” заработкѡм. “Я им было рубль, так они (сантехники – Е.О.) на меня, как на провокатора, посмотрели и чуть было не бегом из квартиры... Что делается, а? “Афони” денег не берут!.. (...) Не держатся “афони” – вот штука. И, уж само собой, не держат их здесь. Хотя рабочих рук, конечно же, не хватает” (“Лит. газета”, 1983 г., 19 янв.); “Афоням места нет” – название заметки в “Рабочей газете” (1990 г., 21 дек.), которая заканчивается словами: “Берут в “Сансервис” высококвалифицированных, хозяйственных, болеющих за результаты своего труда специалистов – Афоням здесь места нет”.

УКА. Недалекий простодушный и доверчивый человек. “Афоня видит и орла в выси, мечтает о жар-птице за хребтами. Но главная дума там, в Беловодье, по ту сторону белков. – Степан! А где же белые-то хребты? Со снегом-то? Ой, сбились мы с тобой.

Степан только улыбнулся. - Настоящий ты Афоня” (Шишков В.Я. Алые сугробы). Своеобразный онимный каламбур: личное имя персонажа сталкивается с вышеуказанной коннотацией омонимичного коннотативного антропонима.

□ 1. *Наафонить* (< *афонить). Сделать что-то такое, что вызывает негативную оценку. “Наафонил я, говорит, на своем веку не мало”. Он у Демидова-купца шестьдесят тысяч тяпнул” (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы).

2. Входит в состав сложных диалектных слов: а) *Маргафоня*, -и, м. Простофиля (в тверских, псковских говорах) (СРНГ, 17, 370). Первая часть слова, вероятно, была мотивирована глаголом *моргать* (или *проморгать* ‘прозевать’), т. е. *моргафоня – это нерешительный (бессмысленно глядящий – “моргающий”) Афоня; б) *Маргафонтьевна*.

Неисполнительная, ленивая женщина (в саратов. говорах) (там же). Квазиотчество, мотивированное предыдущим словом; в) *Мордофоня*, -и, м. и ж. Человек, который зазнается. “Ты чо, девка, такой мордофоней сделалась. Ты ведь знаешь, што у нас мордофонь не любят. Такой мордофоня, што не здороваесть” (СРГЗ, 209). Первая (определяющая) часть сложного слова – от *морда*: *морд-о-* (А) *фоня*. Ср. структурно-смысловой аналог *мордофиля* ‘глупец’: *морд-о-Фили* (СРГЗ, 209).

♦ *Афоня лапти мочит*. О прокисшей еде. “Ну-ка, попробуй суп. Афоня лапти не мочит? Он вчерашний, да я его в сени поставила” (СРГК, 1, 24).

АХРЕЯН, -а, м. Народно-разговорная форма канонического имени *Ефрем*. Ср. аналогичные образования: *Устьян* < *Устин*, *Митреян* < *Дмитрий*, *Аверьян* < *Аверкий*, *Васьян* < *Василий*, *Федян* < *Федор* (Чернышев, 173).

УКА Необразованный, нерасторопный простолудин (СЦРЯ, 3, 147); лентяй, неотесанный, неуклюжий, грубый, мужиковатый увалень (Даль, 2, 802), с примечанием: “пермское и вятское”). Ср. у А. Болотова (1809 г.): “Но сей ахреян не так-то скоро повернулся, как мы думали и ожидали” (ЗБ, 3, 598), у И.С. Тургенева: “Селиверст, Селиверст! Ну, распался, охреян неприличный – Селиверст!” (Разговор на большой дороге).

Референтные коннотации негативного плана в разное время и в разной социальной среде развивают и другие производные от имени *Ефрем* варианты. В тексте одной из псковских летописей (1503 г.) зафиксирована старинная разговорная форма *Опрѣмь* с бранным созначением: “...и начаша ему псковичи прозвище давати Опрѣмом и Кормихном” (ПЛ, 1, 88). Народно-разговорный вариант имени *Ахримей* от *Евфремей* (который, в свою очередь, восходит к документальной форме *Ефрем*) в орловских говорах развил созначение ‘простофиля’ (СРНГ, 1, 297). Ср. также украинский коннотативный оним *Охрім* (результат фонетической адаптации в народной речи имени *Ефрем*), имеющий созначение ‘простака, неотесанный мужик’: “Невтесом всі його дразнили, По-нашому ж то звався Охрім” (Котляревский И. Энеида).

□ *Охреянить*. Лукавить, лениться, отставать в паре: *лошадь охреянит* (Даль, 2, 802, с пометой: пермское).

♦ *Охреян охреяном* (СЦРЯ, 3, 147).

ГАМАЮН, -а, ж. МЗ. Сказочная райская птица с приятным голосом. “И идут они (степи - *Е.О.*), люди сказывают, до самых теплых морей, где живет птица Гамаюн сладкогласная...” (Тургенев И.С.

Касьян с Красивой Мечи); “Клювы острые И перья пестрые Есть у них, и крылышки, но все ж Камаюнами и Алконостами Этих птиц никак не назовешь...” (Мартынов Л. Ночные птицы).

УКМЗ (↓). Сладкоречивый человек с напевной речью; положительно характеризруемый человек (добросовестный, не допускающий в своей речи бранных слов и т.д.) (...)

□ *Гамаюн, гомоюн, гамаян*. 1. Прозвище лиц с акающей речью. “А в Михайловском-то гамаюны живут” (СРГСУ-1,3); 2. Прозвище лиц, говорящих на ином (“поющем”) диалекте. “Гамаюнами называли вятских. Опять гамаюны поприехали” (там же); 3. Трудолюбивый, прилежный человек. “День и ночь робит, настоящий гомоюн. Мужык хороший – из гамаюнов; они народ толковой” (там же);

4. *Гамаюн*. Имя сокола (XVI в.). Абсолютная трансонимизация: мифозооним > зооним. “Молодик Гамаюн, бросившись с высоты на старого косача, летевшего очень низко, ударился грудью оземь и убилися на месте” (Голстой А.К. Князь Серебряный).

ГОМОРРА, -ы, ж. МТ. В библейской мифологии один из городов (другой – *Содом*) на реке Иордан или на побережье Мертвого моря, жители которого были уничтожены небесным огнем за распутный образ жизни, кроме праведника Лота с семьей. “...Но собери самовольно Лучи в магический фокус Страсти зеркала – И палящую кару, Гибель Икара, Пожар Гоморры Получишь в отплату!” (Кузмин М. Пламень Феды); “Это было в Начале, у истоков Гоморры, Это будет в Конце” (Гряпкин Н. Песнь о великом нересте).

УКМТ Нечто невообразимое, из ряда вон выходящее; что-то вызывающее шок, потрясение. (...)

▽ 1. *Гамора*. Громкий шум (ДС, 57; примеры отсутствуют).

2. “Небесная казнь” (СРНГ, 6, 355, с пометой: Терск., Кубан., 1901 г.).

3. *Гомора (гамара, гамыра)* ‘самогон, спирт’ – в воровском жаргоне 20-х годов (БМ, 24, 26; без примеров), *гамырка* ‘вино, спирт, водка’ (там же, 25); *гомыра*: “Литры три гомыры выжрала...” (РФ, 53); *гомырка* ‘нитролак и другие химические соединения, которые пьют токсикоманы’ (в жаргоне уголовников): “Токсикоманы всё подряд сейчас пьют: клей БФ, денатурат, нитролаки всякие... “Гомырку” одним словом” (там же).

В говорах белорусского языка этот отклонотонимный апеллятив (в форме мн. ч. - *гімóры* развил еще значения ‘каприз’, ‘непослушание’, например: “Як вазьму мыхач, дык мігым айдзе гімóры дзенуцца” (ДСМ, 65).

ДОДОН, -а, м. Устарелое личное мужское имя, а также имя царя – герарусских народных сказок. “В некотором царстве, в некотором

государстве, именно в том, в котором мы живем, жил-был царь Додон. И вздумал этот царь Додон жениться” (БРФ-С2, 524). Отличительные черты Додона: простоватость, глупая доверчивость и недалёковидность. Его жена, коварная и хитрая Миритрица Кирибитьевна, родила от царя Гвидона Бову-королевича, руками которого потом и загубила Додона. В юношеской поэме А.С. Пушкина “Бова” *Дадон* – имя царя-“тирана”, которого поэт сравнивает с Наполеоном (Ахматова А. Последняя сказка Пушкина).

УКМА Недальновидный простоватый человек. (...)

▽ *Дадон*. Неуклюжий, нескладный человек (СРНГ, 7, 264); с пометой: Влад., Даль; примеры отсутствуют). С таким значением отконнотонимный апеллатив мог перейти в прозвище, на основе которого позднее сформировались современная фамилия *Додон* и производная от нее форма – фамилия *Додонов*.

ЕВПОЛ, -а, м. Просторечная (разговорная) форма редкого старого мужского имени *Евпл* греческого происхождения. “В обители граф Алексей Буланов, принявший имя Евпла, изнурял себя великими подвигами” (Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев).

УКА Напускающий на себя важность человек. (...)

▽ *Евпал*. “Пренебрежительно о человеке, мнящем из себя важную особу”, например: “Ишь Евпал какой” (ДС, 87).

ЭЗОП или *ЭЗОП*, -а, м. Первый вариант – народно-разговорная форма имени Эзоп, принадлежавшего древнегреческому баснописцу (VI-V в. до н.э.). “Еще древний Эзоп занимался таким обдумыванием, а за ним и множество других шло по его следам” (Салтыков-Щедрин М.Е. Круглый год); “Ты, смею молвить, поистине новый Эзоп баснетворец” (Шишков В. Емельян Пугачев). В легендах Эзоп (Езоп) предстает как юродивый и уродливый народный мудрец. Ср. описание внешности Эзоба в эпиграмме А.Д. Кантемира (1730 или 1731 г.): “Горбат, брюхат, шепетлив, ножечки как крюки, – Гнусно на меня смотреть...”

УКА (↓). *Езоп*. Некрасивый, безобразный (как Эзоп) человек (СРНГ, 8, 332; во владимирских и новгородских говорах, 70-е гг. XIX в.; примеры отсутствуют).

УКА *Эзоп*. Врун, болтун, обманщик (СМА, 585).

УКА (↓) Человек, вызывающий к себе негативное отношение. В XIX в. употреблялось в разговорной речи как бранное слово (его отконнотонимный синоним – *Ирод*, *ирод*). “Сам Павел Петрович почувствовал, что сострил неудачно, и заговорил о хозяйстве и о новом управляющем, который накануне приходил к нему жаловаться, что

работник Фома “дебоширничает” и от рук отбился. “Такой уж он Езоп, – сказал он между прочим, – всюду протестовал себя дурным человеком; поживет и с глупостью отойдет” (Гургенев И.С. Отцы и дети); “ – Вишь, Езоп изнеженный, – презрительно ответил Моргач, отталкивая его локтем, и оба, нагнувшись, вошли в низенькую дверь” (Гургенев И.С. Певцы); “ – Черт возьми, если б я не оторвал его, пожалуй, он бы так и убил. Много ли надо Езопу? – прошептал Иван Федорович Алеше” (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы); “Позволь и тебя спросить в таком случае: считаешь ты и меня, как Дмитрия, способным пролить кровь Езопу, ну, убить его, а?” (там же; так братья – Дмитрий и Иван называют своего отца – Федора Павловича Карамазова).

□ *Езопить*. 1. Лгать, обманывать (СМА, 585); 2. Фантазировать (там же; примеры отсутствуют).

2. *Езопина, -ы*, м. и ж. Безобразный человек (СРНГ, 8, 333; примеры отсутствуют).

3. *Езопство*. Иносказание. “Писатель не знает, в какие чернила обмакнуть перо, чтобы выразить ее (мысль – *Е.О.*), не знает, в какие ризы ее одеть, чтоб она не вышла уж чересчур доступною. Кутаек-кутаек, обматывает всевозможными околичностями и аллегориями, и, только выполнив весь, так сказать, сложный маскарадный обряд, вздохнет свободно и вымолвит: слава Богу! теперь, кажется, никто не заметит! Никто не заметит? а публика? И она тоже не заметит? Неужели есть на свете обида более кровная, нежели это нескончаемое езопство, до того вошедшее в обиход, что нередко сам езопствующий перестает сознавать себя Езопом? (Салтыков-Щедрин М.Е. Похороны).

4. *Езопствовать – из *езопствующий* (см. выше: *езопство*). Говорить иносказательно, аллегориями.

▽ 1. Глупый человек, дурак (СРНГ, 8, 332; в новгородских, тверских, ярославских говорах, 70-е гг. XIX в.; иллюстраций нет).

2. Грубый, невежественный человек (там же; в ярослав. говорах; без иллюстраций).

3. Ротозей, разиня (там же; во владимирских говорах; с примечанием: “семинарское слово”, 1910 г.; примеров нет).

МАКАР, -а, м. Мужское личное имя. “ – Возьми и моего петуха, черт с тобой! - Макар добавил пару крепких, неписанных слов, плюнул и ушел домой” (Троепольский Г. Соседи).

УКА (↓). 1. Незаконорожденный ребенок. “А приبلудного сына окрестили, назвали Макаром (всех приبلудных называли этим именем) и отдали в деревню к бездетному мужику “в дети” (Салтыков-Щедрин М.Е. Пошехонская старина).

▽ 1. Товарищ по откупу (СПП, 570; СРНГ, 17, 308; примеров нет).
2. Лицемер, плут. “Смотреть макар”, т. е. лицемерить, притворяться (СРНГ, 17, 307-308).

3. Простак, глупец. “Экой ты макар – деньги потерял!” (СРНГ, 17, 308).

4. Тот, кто занимается отхожим промыслом (там же).

5. Целовальник, кабатчик; торговец в питейном заводе (там же).

6. Завзятый рыболов. “Друг всем макар, а ухи не видал” (пословица) (там же).

◇ 1. *Слепые макары*. “О невнимательном, рассеянном человеке, который отыскивает вещь, находящуюся на виду” (там же, 308).

2. *Таким макар*. Так, таким образом, таким способом, таким манером (там же). “В телеграфе фронтовики штурмовали телеграфиста, требуя от него паровозов, а зади в дверь напирали терцы, кубанцы и так праздношатающиеся, тоже уже прослышавшие каким-то макар про трофейную обмундировку” (Веселый А. Россия, кровью умытая); “Очевидно всем и каждому, что грех поступать таким макар в лагере” (Федоров Е. Одиссея).

3. *Телячий Макар*. О человеке, не вызывающем уважения. “Я попробовал угостить его пугачевским бунтом, желая посмотреть, как он отнесется к Емельке. Коновалов забраковал Пугачева. – Ах, шельма клейменная, – ишь ты! Царским именем прикрылся и мутит... (...) Вот вроде Стеньки нет книжек? Поищи... А этого телячьего Макара брось – незанимательно. Уж лучше ты еще раз прочти, как казнили Степана...” (Горький М. Коновалов). Данное словосочетание – реминисценция известной поговорки “куда Макар телят гоняет”.

Примечание. С одним из созначений коннотативного онима *Макар* (в ряде случаев испытавшего значительную деонимизацию) связано коллективное прозвище (групповой антропоним) жителей одного из сел бывшей Рязанской губернии – *Макары*, зафиксированное в тексте народного предания первой половины XIX в. (БРФ-НП, 220), хотя здесь возможна и другая мотивация – именем одного из предков по отцовской линии (чаще деда).

Значение компонента *макар* в словосочетании *таким (каким) макар*, очевидно, вначале было близко его значению в диалектном фразеологизме *смотреть макар*. Вероятно, в первом из них слово *макар* означало ‘хитрый прием, финт’ ‘хитрость’, ‘обман’. Сейчас уже невозможно восстановить бытовавшие в разговорно-диалектной речи конструкции и словосочетания, в которых произошла апелляция коннотативного антропонима *Макар*.

ПЕТРУШКА, -и, ж. Комический персонаж русского народного кукольного представления; само представление; кукла, надеваемая на руку; народный кукольный театр в старой России. “И мимо неслась карусель молниеносных мальчишек: собиратели окурков, продавцы экстренных выпусков, счастья, целующихся свинок, патентованных пилюль для мужчин. И трескучий петрушка, и пыхающие дымом машины на колесах с сосисками и каштанами, и стада цилиндров – гуськом, как неистовые от весны слоно-автобусы” (Замятин Е. Ловец человек); «Халдеи пришли в “Блоху” и из старинного русского “действия”, и из итальянской импровизационной комедии. Их русские предки - скоморохи, Петрушка, масленичный балаганный дед, медвежий вожак...» (Замятин Е. Блоха); «...Иначе как же отличить, что вы благородного семейства, воспитанные дети и вовсе не так, как все шарманщики; не “Петрушку” же мы какого-нибудь представляем на улицах, а споем благородный романс...» (Достоевский Ф.М. Преступление и наказание).

УКА 1. Крикливый, безалаберного поведения человек. “Эх ты, Петрушка балаганный, верещишь не знамо что...” (Веселый А. Россия, кровью умытая).

2. Безответственный и ненадежный в работе человек, неумеха. “И, за счеты севши, как судьба, Ты во всем был бог, а не Петрушка” (Гряпкин Н. Степан):

УКБ Шумное, веселое и сумбурное зрелище, балаган. (...).

▽ 1. ²Неразбериха; нечто сумбурное и скандальное. Полная демотивация слова привела к формально-грамматическому и смысловому сближению этого коннотативного собственного имени (библионима) с омонимичным названием растения. Например: “ – Это что за петрушка была?” (Бабель И. Конец богадельни); “Четыре певички, четыре хорошо одетых женщины пришли жаловаться. Речь: “У нас в посредрабисе при квалификации происходит колоссальная петрушка”. Хорошо одеты, а писать грамотно не умеют” (Ильф И. Из записных книжек); “У вас тут случилась вроде как маленькая петрушка” (Паустовский К. Рождение моря).

2. Что-то несерьезное, возникшее вопреки ожиданиям. “Вот такая петрушка получилась!” (из разговорной речи, 1994 г.).

♦ *Валять петрушку*. Вести себя несерьезно, делать глупости, заниматься никчемным делом. “ – Чего мне за корысть травить тебя, – убеждала Варвара, – полно тебе петрушку валять!” (Сологуб Ф. Мелкий бес). Синоним оборота *валять ваньку*. Однако именные компоненты этих оборотов (*ванька* и *петрушка*) имеют разные денотаты. Если

первый прямо связан с детской игрушкой *ванькой-встанькой* (“неваляшкой”), то второй – с веселым народным театром Петрушки, сокращенное название которого (библионим) “Петрушка”, развившее сознание ‘шумный праздник, балаганное веселье’, испытало деонимизацию, что привело к появлению апеллиатива *петрушка* ‘состояние праздного безделья’, на правах синонима заменившего первичный именной компонент в словосочетании *валять ваньку*.

ХАВРО́НЬЯ, -ьи, ж. Народно-разговорный вариант женского имени *Февронья*, *Феврония*. Ср. у В.И. Даля: “*Хавронья*, искажен. имя *Февронья*” (Даль, IV, 556). “Лука с Хавроньей лишь только в брак вступил, В минуту зачал жить огромно и богато” (Хвостов Д.И., из эпиграммы 1799 г.); “Вот с прислугой, с скотницей Хавроньей по углам шептаться – это ваше дело” (Островский А.Н., Невежин П.М. Блажь); “На крыльце с клюкой и ухватом появлялась Хавронья, бойкая крупная баба” (Шукшин В.М. Любавины). Ср. также производные уменьшительные формы этого имени *Хавроньешка*, *Хаврошечка*: “Присваталась ко мне невеста, свет-Хавроньешка любезна” (БРФ-НТ, 330; прибаутка балаганных зазывал, 1871 г.); “Побежала Хаврошечка к коровушке...” (из русской народной сказки “Крошечка-Хаврошечка”).

УКА (↓) Простоватая, непривлекательная женщина. “Я отведу тебе в новом доме две комнаты. И, кроме того, – прищурившись и что-то соображая, Прохор добавил с коварным блеском в глазах: – кроме того, моя жена – не чета той Хавронье Хавроньевне...” (Шишков В. Угрюм-река; речь идет о персонаже, который в других местах романа именуется Февроньей Сидоровной). В настоящее время произошла уже полная апеллиативация этого коннотативного антропонима. Ср.: “Где он себе такую хавронью нашел?” (из разговорной речи, запись 1980 г.).

▽ 1. *Хавронья*. Свинья. “И из гостей домой Пришла свинья свиной, “Ну что ж, Хавронья, там ты видела такого?” - Свинью спросил пастух” (Крылов И.А. Свинья); “...Как хавронья мил и чист, Даровит – как Тредьяковской, Столько ж важен и речист” (Некрасов Н.А., из эпиграммы на Ф. Булгарина “Он у нас осьмое чудо...”, 1845 г.). М.Фасмер апеллиатив *хавронья* ‘свинья’ выводит непосредственно из древнерусского собственного имени *Ховьрония*, греч. *Φεβρωνία* (ЭСРЯ, IV, 215). Вероятнее – из зоонима *Хавронья*, в свою очередь возникшего благодаря трансонимизации – на основе уже утраченного коннотативного антропонима *Хавронья* с значением ‘непривлекательная (обычно толстая), неопрятная женщина’.

2. *Ховря*: а) Неаккуратный человек. “Растрепалась вся – ховря” (СРСГд, 2, 253). Из производной формы антропонима *Ховря*

(<Хавронья < Февронья) с гиперкорректным ударным *о* в первом слоге. Ср. в поговорке: “Отдали Хавронью за Ховрина сына” (Даль, IV, 556). Таким же путем развились в украинском языке коннотативный оним *Хіверя* и отконнотивный апеллятив *хавроня*. Оба они отмечены (со значением ‘простоватая женщина’) В.А. Чабаненко в диалектной речи Нижнего Поднепровья (СГНН, 186, 195).

б) Свиныя, хавронья (Даль, IV, 571; с пометой: бран.).

□ *Хóвряться*. Становиться *хóврєю* (см. выше), неряшливым (Даль, IV, 571; с пометой: псковское).

¹Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М., 1985. – С. 19.

ЛИТЕРАТУРА

- АОС - Архангельский областной словарь. - М., 1980. - Вып. 1.
БРФ-НП - Библиотека русского фольклора: Народная проза. — М., 1992.
БРФ-НТ - Библиотека русского фольклора: Народный театр. - М., 1991.
БРФ-С - Библиотека русского фольклора. Кн. 2: Сказки. - М., 1989.
Даль - ²Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. - СПб-М., 1980-1982. - Т. I-IV.
ДС - Миртов А.В. Донской словарь: Материалы к изучению лексики донских казаков. - Ростов-на-Дону, 1929.
ДСМ - Юрчанка Г. Дьялектны слоўнік (3 гаворах Мсціслаўшчыны). - Мінск, 1966.
ЗБ - Записки Андрея Тимофеевича Болотова. - СПб., 1872. - Т 3.
ПЛ - Псковские летописи - М.-Л., 1941. - Вып.1.
РФ - Быков В. Русская фея. - Смоленск, 1994.
СГНН - Чабаненко В.А. Словник говірок Нижньої Наддніпряни. - Запоріжжя, 1992. - Т. 4.
СПП - Иванова А.Ф. Словарь русских говоров Подмосковья. - М., 1969.
СМА - Елистратов В.С. Словарь московского арга (материалы 1980-1994 гг.). - М., 1994.
СНДД - Стихи не для дам: Русская нецензурная поэзия второй половины XIX века. - М., 1994.
СРГЗ - Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. - М., 1980.
СРГК - Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. - СПб., 1994. - Вып. 1.
СРГМ - Словарь русских народных говоров на территории Мордовской АССР. - Саранск, 1978. - А-Г.
СРГСУ - Словарь русских говоров Среднего Урала. - Свердловск, 1964. - Т 1.
СРНГ - Словарь русских народных говоров. - М.-Л., 1965. - Вып. 1; 1970. - Вып. 6; 1972. - Вып. 8; 1981. - Вып. 17; 1987. - Вып. 23.

- СРНГРМ - *Ванюшечкин В.Т.* Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. А-Н. // Материалы по русской диалектологии. - Воронеж, 1983.
- СРСГд - *Словарь русских старожильческих говоров Средней части бассейна р. Оби (дополнение).* - Томск, 1975. - Ч. 2.
- СРЯ XVIII в. - *Словарь русского языка XVIII в.* - Л., 1984. - Вып. 1.
- СЦРЯ - *Словарь церковно-славянского и русского языка.* - СПб., 1847. - Т. 3.
- Чернышев - *Чернышев В.И.* Происхождение некоторых нарицательных имен из собственных. *Омельфа, Охреян, Охрюта, Пентюх* // Язык и мышление. - М., 1935. - 3-4.
- ЭСРЯ - *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. - М., 1973. - т.4.
- ЯОС - *Ярославский областной словарь.* - Ярославль, 1981. - Вып. 1.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

З - зооним

МТ - мифотопоним

УКА - интерлингвальный узуальный коннотативный антропоним

УКА¹ - интралингвальный (встречающийся только в русском языке) узуальный коннотативный антропоним

УКАз - интралингвальный узуальный коннотативный антропоним, употребление которого территориально ограничено

УКА - интралингвальный узуальный коннотативный антропоним, употребление которого ограничено рамками к.-л. социального диалекта, арго

УКБ - интралингвальный узуальный коннотативный библионим

УКМТз - интралингвальный узуальный коннотативный мифотопоним, употребление которого территориально ограничено

УКМТ - интралингвальный узуальный коннотативный мифотопоним, употребление которого ограничено социальным диалектом, арго

□ - отконнотонимные производные

◇ - коннотативные онимы в составе устойчивых словосочетаний

∇ - деонимные апеллятивы

(↓) - утраченное коннотативным онимом сознание

(...) - отсутствие в источниках, использованных при составлении словаря, иллюстраций на употребление слова в роли коннотативного онима, лежащего в основе соответствующего деонимного апеллятива.

---

*Ономастика та етимологія. Збірник наукових праць на честь 65-річчя Ірини Михайлівни Железняк. Київ, 1997. - С. 171-186.

МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРИЮ СУБСТАНДАРТНОЙ ЛЕКСИКИ

«Я думаю, в воровском и полицейском языке есть нечто художественное. Сюда Далю не мешало бы заглянуть».

(В. Розанов. Опавшие листья)

АТУ. ТЮ и ТЮ-ТЮ. Все указанные слова – междометия. Если одиночное слово *тю* в просторечии служит для выражения досады («Тю, дуреха, я же тебе говорила!»), то в удвоенном состоянии *тю-тю* употребляется в нем как междометный глагол, указывающий на неожиданное исчезновение чего-то или кого-то (ср. в шутовском рассказе, запись 1975 г.: «Слышу по радио: «Поезд на Воркуту приходит на пятую путю». Прибежал туда, а мне говорят: «Ваш поезд на Воркуту уже тю-тю...»). У истоков этих междометных слов лежит междометие, представленное в диалектном языке и городском просторечии в разных звуковых вариантах, которое в старину использовали при травле зверей во время псовой охоты, отгоне собак или их науськивании. Например:

1) *Тю!* – при «травле дворняжкой, усь-узь» (Даль - IV, 462).

2) *Цю!* « – Пахомыч, а почему собак не привязал? – Сейчас, Акулюшка-матушка, сейчас привяжу. Цю, проклятые, опять отвязались» (из рауса «Пахомыч» – спенки для балконных зазывал; БРФ, 357).

3) *Цю! Цю-цю!* «В это время вбегает Барбос, Ваня останавливается и начинает его дразнить. *Петрушка*. Цю – цю! *Барбос*. Гав – гав! (Хватает Ваню). *Петрушка* (вторично дразнит). Цю – цю! *Барбос*. Гав – гав! (Хватает его)» (из текста народной пьесы «Петрушка», записанной в Чернигове в 1899 г.; БРФ, 254).

В текстах театра Петрушки встречаются и варианты не только

с повторением междометия, но и с начальным слогом, имеющим иной звуковой состав. Чаще всего это призывной клич самого Петрушки, реже – других персонажей этой народной пьесы. В своих воспоминаниях (относятся к началу XX века) кукольник Е.В. Сперанский пишет: «Яростно лаяла собака, орал, размахивая метлой, дворник, на фоне шарманки и его боевого клича «рю-тю-тю-тю!» все это казалось лишь пантомимой (...) Снова заплещет красным язычком пламени на грядке ширмы со своим победоносным кличем «Рю-тю-тю! ... «Живуч, ох живуч Петр Петрович Укусов» (БРФ, 451, 452). В тексте пьесы «Петрушка», записанном в 1898 г. в Троицко-Сергиевом посаде Московской губернии, такой клич вложен в уста Цыгана, повстречавшегося с Петрушкой: «*Петрушка*. Гаврило, Гаврило! Гаврило – собачье рыло, ступай сюда! *Цыган* (идет и поет). Загуляла моя головушка... Эй, здоров будь, мусью под шинелью. У-у-у-тю-тю» (БРФ, 237; выражение «мусью под шинелью» объясняют как искажение кукольником словосочетания «мусью Полишинель»). Окриком *атю!* в первой половине прошлого века в Псковской губернии пугали и прогоняли волка (СРНГ-1, 292). Однако как “возглас, поощряющий собак к травле”, это слово закрепилось в охотничьем жаргоне в форме *ату!* В.И. Даль заметил, что это «крик травли», которым «псовые охотники травят только зайца», а «по красному зверю кричат улюлю (Даль-1, 29). Вероятно, такой строгой функциональной специализации этого «междометия понуждения», по выражению А. Преображенского (ЭСРЯ-П, 10), на самом деле не было (см. выше об *ату!*). У известного знатока ритуала псовой охоты в России середины прошлого века Е.Э. Дрянского охотники «атукают» (т.е. кричат *ату!*) не только при травле зайца, но и лисицы, которая считалась, как и волк, “красным зверем” (Дрянский, 40, 139). В XVIII в. данное междометие еще не выступало в варианте с начальным *о-*, но писалось как два слова: *о ту!* Например, в книге «Псовый охотник...», изданной в 1785 г. в Москве: «И как поймают его [«зверя»], то ее [«борзую»] не отбивать, а дать его хорошенько помять, приговаривая: *о ту, о ту*» (цит. по кн.: СРЯ-ХVIII в., вып.1, 114). Как императивное междометие *ату* может сочетаться со словоформой *его*: «...Но не успел промолвить и пяти слов, как за ложбиной послышалось отчаянное: «Ату зво!» и протравленный нами русак вынесся обратно из кустов по рубежу прямо к нам; его гнал Азарной и пять новых собак...» (Дрянский 51).

Слово *ату* образовалось благодаря присоединению к первообразному междометию *ту (тю)* асемантичного протетического *а-* (*о-*), принесшего в междометный императив эмоциональную долготу

(ср. также другие протезы *у-* и *рю-*): Есть мнение, что в таких же украинском и белорусском «междометиях травли» *атю* и *ацю* произошло «слияние усилительной частицы *а* и междометия *тю*» (ЕСУМ-I, 98). Этимологическая связь между *атю* и *ату* отрицается, и им в ЕСУМ посвящаются отдельные статьи (там же). А. Преображенский в звуковом комплексе *ату* видел русское «звукоподражательное» слово (ЭСРЯ-II, 10). М. Фасмер же, а за ним и другие составители этимологических словарей, рассматривали его как заимствование из французского. По их мнению, в основе *ату* лежало позднее лексикализовавшееся предложное словосочетание *à tout* (ЭСРЯ-Ф, 96; ЭСРЯ-Ш, 174; ЭСБМ; 202). А отсюда и отсылки к другим словам с латинской местоименной основой *totus* «весь» (*авантюра* и *тотальный*).

Звуковая вариативность интересующего нас междометия в народной речи (*тю, цу, цю, утю-тю, ретю-тю, ату, атю* и *оту*) и весьма широкая употребительность его не только в роли «охотничьего слова», но и в области чувств и эмоциональных оценок скорее всего свидетельствует о возникновении его в самом русском языке. Это подтверждается и тем, что в разговорно-диалектной сфере русского языка некоторые варианты данного междометия (*ату, атю* и *тю*) развили и другую семантическую функцию - выражения отрицательных эмоций. В.И. Даль указывает на «западное» и «южное» слово *ату*, используемое как «восклицание нетерпения, досады, укора за глупость, недогадливость, неугомонство и пр. Ату, какой непоседа. Ату, дурень» (Даль-1, 29). *Ату*, выражавшее «нетерпение, досаду, укор за глупость, непонимание и т. п.», а также «пренебрежение, недоверие» отмечено было в 1858 и 1917 гг. в народной речи в Псковской губернии: «Ату, какой беспокойный»; «Ату! Не ври!» В тех же псковских говорах в 50-е годы прошлого века было зафиксировано междометие *атю*, выражающее досаду (СРНГ-1, 292). В этом же функционально-семантическом ряду находится и бытующая в современном просторечии междометие *тю* без протетического гласного *а-*. Промежуточным смысловым звеном между словом отгона и травли зверя *ату* (= *атю, тю*) и эмотивным междометием *тю* (= *атю, ату*), очевидно, было значение «поди прочь (=поди ты! ну тебя!)», т.е. функция отгона переносилась на человека, превратившись в функцию отстранения, негативной оценки его слов и поступков.

И наконец, еще в одном направлении изменилась семантика междометного императива *тю*: в своем удвоенном виде *тю-тю* он стал употребляться как экспрессивный эквивалент глагольных словоформ

со значением движения (неожиданного исчезновения чего-то или кого-то). Здесь также прослеживается уже отдаленная семантическая связь с первичной смысловой функцией первообразного междометия *тю* (= *атю*, *ату*), побуждавшего к отгону и погоне за животным или зверем.

В наших материалах самая ранняя фиксация утроенного междометного глагола *тю-тю-тю* принадлежит Ф.М. Достоевскому: «В прошлый раз с Тимофеем ездил, да Тимофей теперь тю-тю-тю, вперед меня с волшебницей одной укатил» (Братья Карамазовы, 1879 г.).

М.И. Михельсон значение этого междометного сказуемого (поданного им как одно слово – *тютю*) определяет как «ничего не осталось, исчезло», приводя примеры из произведений М. Горького («Челкаш»), Н.С. Лескова («Юдоль»), В. Крестовского («Вне закона»), а также из газеты «Новости» за 5 января 1897 г. *Тютю* он приводит и как название игры в прятки, со значением: «где я? ищи!» (Михельсон, 399-400). Функционально-семантическая природа этого игрового эмотивного междометия *тютю!* (призывного возгласа, сигнала, побуждающего к поиску) существенно отличается от междометного глагола *тютю* (*тю-тю*, *тю-тю-тю*). Эта старинная игра получила свое название по часто звучавшему междометию (со стороны тех, кто прятался), как, например, народная игра «в Опанаса (или Панаса, панаса)» – по начальному слову побудительной фразы, которой играющие обращаются к тому, у кого на глазах повязка: «Опанас – Опанас (или Панас), лови мух, а не нас». От междометия *тю-тю* образовался редкоупотребительный глагол *тютюкать*.

БАРСИК. В современной криминальной среде, связанной с торговлей «живым товаром», так именуется рекетиры-посредники, взимающие дань с владельцев «плешек», т.е. мест для свиданий, подпольных публичных домов и квартир, обеспечивающие их неприкосновенность со стороны милиции. Очень точно их место и роль в иерархии сложившихся в последние годы взаимоотношений описаны в «Комсомольской правде» от 16 августа 1995 г. После получения денег от клиентов проститутки «мамаша», т.е. хозяйка «плешки», половину выручки отдает кураторам района – «барсикам», обеспечивающим лояльность местных околотков на уровне их начальников (...). Взятка оформляется «барсиками» как накладные расходы, после чего половина денег уходит еще выше. «Барсики», контролирующие примерно 5-7 «плешек», получают порядка 10 тысяч за ночь. Как используются эти

деньги, до конца выяснить не удалось, но владельцами все новых и новых открывающихся магазинов очень часто становятся все те же «барсыки».

Слово это появилось как экспрессивный синоним старого арготизма *кот* 'любовник проститутки, покровительствующий ей и помогающий в «замарьяивании», т.е. завлечении клиентов' (см. статью КОТ). Оба слова являются относительными функционально-речевыми синонимами. Кроме описанного выше значения, *барсык* зафиксирован и как заместитель широко известного обценного слова со значением 'penis' (СМА, 34). Берлинская исследовательница русского жаргона гомосексуалистов Т. Кромбах отмечает также употребление в их речи этого слова со значениями 'активный гей', 'молодой партнер' и 'гетеросексуальный мужчина, живущий на содержании богатой женщины в годах' (Кромбах, 127). По ее наблюдениям, информанты – носители «гомосексуальной речи» – оценивают данный жаргонизм или нейтрально, или положительно (там же, 125).

Возникновению пучка этих значений предшествовали процессы:

а) узуализация зоонима *Барсык*, ставшего «типичной» кошачьей кличкой, как, например, *Мурка* (ср. у В. Аксенова, «В поисках грустного бэби»: «Фотограф Лев Нисневич живет в артистическом Сохо в огромном лофте вместе с женой Тамарой и тремя котами – Сашей, Барсыком и Микки») и

б) дальнейшая деонимизация узуального зоонима - в современном московском аргю, например, слово *барсык* также широко известно со значением 'кот, кошка' (СМА, 34). Объединяющими семами у жаргонизмов *кот* и *барсык* являются 'альфонсизм' и 'наличие сильной сексуальной потенции'. Однако первое отсутствует в семантическом варианте жаргонизма, рассмотренном в начале словарной статьи.

БЛИН. Асемантизированное вводное слово, выступающее как «смягчающий» синоним грубого «паразитического» вводного слова *блядь* в матизированной устной речи, по своей функции тождественное словам-«паразитам» *понимаешь, понимаешь, понял* и др. Некоторыми оценивается как приемлемый вульгаризм в эмоциональной разговорной речи. Закоренелыми носителями тюремного и воровского жаргона – «фени» иногда воспринимается как нетипичное для их среды «облагороженное» слово, как, например, в случае, описанном корреспондентом газеты «Комсомольская правда» (26 мая 1998 г.): «Нину Арсентьевну Богданову, бывшую заведующую почтой, зовут в

деревне Бобровец Тверской области *Блинихой*. Прозвище дали из-за того, что вместо матерщины, обычной для деревни, населенной «тюремщиками» (так здесь зовут бывших зеков, работавших на лесозаготовке), она употребляет слово «блин» и вообще слывет «интеллигенткой». И еще там же: «Оборачиваться не стала, только «блином» ругнулась, решила, что соседский сорванец не послушал ее, увязался». Кроме того, *блин* выполняет роль словесного знака-детерминатива, указывающего на принадлежность говорящего к криминализованной среде «новых» дельцов постсоветского времени. «Новый украинец», – пишет в «Комсомольскую правду» (5 июня 1998 г.) ее читатель из Донецка Ю. Таран, – может владеть украинским языком, но в его лексиконе должны быть такие термины, как *блин*, в натуре, круто, братва, трахнуть, тачка, бабки, капуста, Канары, омары, дивиденды». Замена вводного слова-«паразита» *блядь* на более «пристойное» *блин* вызвана тенденцией к эвфемизации запретных обсценизмов и матизмов русской вульгарной речи и социодialecta в связи с возникающими потребностями в расширении границ их употребления. Достигается это путем частичного разрушения или преобразования звуковой цепи слова – отсечения звуков или замены их другими звуками. Носителями («хранителями») прежнего значения становятся оставшиеся от разрушенного слова инициальные звуки, иногда усиленные эмфатическим повтором. Например: *еть(ся)*, *её*; междометие *ё-моё!* из *снѣго моё!*; *ху* или *ху-ху* в выражении «А *ху* (или *ху-ху*) не *хо* (или *хо-хо*)?» и др. Таким образом возникает и вариант *бля*, как правило, используемый в роли вводного слова-«паразита». Ср. в одной из песен А. Галича: «Ты ударишь – я, *бля*, выживу, / Я ударю – ты, *бля*, выживи!»

Происходят также замены обсценизмов нейтральными словами с общими начальными звуками или звукосочетаниями: вместо *блядь* – *блин* и *бляха* с тем же значением (РМ, 17). Ср. еще целый ряд синонимичных слов «на три буквы»: *снѣж* – *фик* (соответственно *фика* “*vučva*”¹ (Росси-П, 433; СВЯ, 110) – *хорь* (РМ, 273) – *хрен* – *хер*. Последнее слово, издавна бытовавшее в русском языке как название церковнославянской буквы х, стало заместителем (помен vicarium) обсценизма *снѣж* благодаря одинаковости инициального звука и своей «трехбуквенности». Немногим известно, что в первой половине XIX в. слово *хер* в речи бродячих торговцев-офеней, лежащей в истоках современной «фени», служило для обозначения пьяного человека. Ср. в повести В.Ф. Одоевского «Живой мертвец» (1844 г.): «*Хер* какой-то...» Появление такого значения в слове *хер* было обусловлено впечатлением

от графического образа буквы, похожей на неуверенно стоящего человека с широко расставленными ногами и поднятыми руками. Вспомним у А.С. Пушкина в «Истории села Горюхина»: «Тогда, растопыря ноги на подобие буквы хера и подбочась на подобие ферта, произнес следующую краткую и выразительную речь...» Впоследствии произошла дисфемизация слова *хер* “*penis*”, и оно превратилось в такое же вульгарное (хотя и несколько «смягченное») слово, как и его первичный синоним, эвфемизмом которого когда-то был *хер*. Как легко заменяемый компонент он присутствует в той же лексико-фразеологической группе, о которой говорилось выше (ср.: на *чуј*, на *хер*, на *фиг*, на *хрен*; ни *чуја* себе, ни *хера* себе, ни *фига* себе; *чујовина*, *херовина*, *фиговина*, *хреновина* и др.).

БРОД. В современном молодежном сленге, а также в уголовном жаргоне («фене») имеет значения ‘центральная улица’, ‘место (не обязательно улица) гулянья, развлечения’, ‘пяточок’. Например: «Пошли на брод прошвырнемся» (РФ, 34); «Это наш районный брод» (СМА, 52); «Вечером на броде встретимся» (запись автора, 1989 г.) и т.д. Кроме того: ‘проспект, улица, на которой собираются правонарушители и проститутки’ (СВЯ, 11). *Брод* с первым значением является полным синонимом жаргонизма *стрип* (англ. *street* ‘улица’) (СВЯ, 99). В московском арго 1980-90 гг. *Бродом* именуется главная улица Москвы – Тверская (бывш. им. Горького). Производное от него прилагательное – *бродовский* имеет значение ‘праздничный, выходной (об одежде)’. Например, *батник бродовский* ‘куртка, предназначенная для прогулки; как правило, выделяется расцветкой, покроем и др.’ (СВЯ, 6). *Бродом* именуют иногда и саму прогулку (СМА, 52) – очевидно, под влиянием семантики паронимичного глагола *бродить* – ‘бесцельно ходить, праздно шататься’.

Слово возникло как усеченный вариант коннотативного топонима *Бродвей*, развившего сопутствующие созначения (референтные коннотации): ‘главная улица’, ‘любая улица, где вечерами собирается публика’ (СМА, 52), ‘место прогулок и развлечений’, ‘бойкое место’ (‘пяточок’). Расширительное употребление топонима *Бродвей* (изначально название улицы в Нью-Йорке Broadway) для номинации главных улиц любого другого города было отмечено в 30-е гг. сначала за пределами русского языкового пространства. И. Ильф и Е. Петров, путешествовавшие в 1935 году по североамериканской «одноэтажной» провинции, обратили внимание на то, что улицы многих американских

(даже маленьких) городов называются «обязательно либо Мейн-стрит (что так и означает Главная улица), либо Стейн-стрит (улица штата), либо Бродвей. Каждый маленький город хочет быть похожим на Нью-Йорк. Есть Нью-Йорки на две тысячи человек, есть на тысячу восемьсот. Один Нью-Йоркчик нам показался даже на девятьсот жителей. И это был настоящий город. Жители его ходили по своему Бродвею, задрав носы к небу. Еще не известно, чей Бродвей они считали главным, свой или Нью-Йоркский» («Одноэтажная Америка»).

Однако не эта американская традиция обусловила появление в русском молодежном сленге конца 1950-60 гг. коннотативного топонима *Бродвей* и его аллегорического разговорного структурного варианта *Брод* (*брод*). На наш взгляд, убедительно рождение этого жаргонизма объяснил В. Амлинский в повести «Оправдан будет каждый час ...» (1986 г.): «Весной нас особенно тянуло из душных стен класса на улицу, на улку, на «брод» ... Нет, не на самый главный «брод», он был далеко, а на свой. Нашим «бродом» считалась Кировская.

Откуда взялось это дурацкое словечко «брод»? При чем тут Бродвей? Почему и до сих пор улицы главных городов называют ребята этим экзотическим названием? Бродвей, сверкающий рекламами, поражающий контрастами, удивляющий роскошью, убивающий нищетой, далекий и неизвестный, знакомый лишь по нескольким фильмам и по газетным статьям (все те же контрасты и прочее)... Низкопоклонство? Нет, не думаю. Какое уж там низкопоклонство перед Городом Желтого Дьявола. Еще со стихов Маяковского и очерка Горького было у нас к нему некоторое пренебрежение, смешанное с любопытством. Скорее всего – ирония по контрасту. В самых малых Васюках был свой «брод», главная улица, разительно не похожая, прямо-таки противоположная настоящему «броду». Вот от контраста и возникло и привилось это странное название» (ж. «Юность», 1986 г., №10).

В современном жаргоне слово *Бродвей*, выступающее с отмеченными выше значениями, безусловно остается коннотативным топонимом, а не деонимным апеллативом. У него еще сильна ассоциативная зависимость от первичного названия нью-йоркской улицы. Его структурный вариант *Брод* в массовом языковом сознании почти утратил такую связь и по сути превратился в деонимное (а точнее – отконнотонимное) нарицательное существительное. Именно «промежуточное» положение семантически обогащенного коннотативного топонима *Бродвей* привело к тому, что орфография его в настоящее время весьма неустойчива, вариативна (*Бродвей*,

«Бродвей», бродвей, «бродвей»). Ср., например: «Вчера, когда переезжали, сажусь в машину и думаю: ну все. Привет вам, тети Моти и дяди Пети. Прощай, предместье, мы едем на Бродвей» (А. Вампилов. Утиная охота); «Подумаешь, принцесса! Такие, как она, косяками ходят по «Бродвею» (В. П. Попов. И это называется будни... – «Звезда», 1973 г., №10); «Дергая конечностями (так, им казалось, должны были вести себя американцы на Бродвее; кстати, и Невский проспект они называли «Бродом»), они пели: «Я девушку встретил прекрасней зари, зовут ее Пегги Ли!» (В. Аксенов. В поисках грустного бэби); «Не помню, кто и когда протянул нам первый раз сигарету. Но сигарета в руке стала привычкой на «Бродвее» («Комсомольская правда», 1985г., 9 июня); «Вот и вырвались наши юнцы на просторы отечественных «бродвеев», как ребята называют свои главные улицы» (В. Амлинский. Чтоб не распалась связь времен).

Для полноты картины семантической жизни рассмотренных вариантов – *брод* (*Брод*) и *Бродвей* (*бродвей*) следует привести и такие малотипичные примеры их употребления:

а) в значении 'плац' (в речи зеков): «Некоторые называли плац для построений «бродвеем» (РФ, 34);

б) зарегистрирован случай переноса жаргонного коннотативного онима на первичный объект – улицу в Нью-Йорке – в отклике читателя на отрывок из книги В. Аксенова, напечатанный в журнале «Крокодил» (1988 г., №7): «Желчь и злоба по заказу постепенно топят даже склонность к беллетристическому чистописанию. Эх, Basil, Basil! Тушенка свиная, галстук намалеванный, девочки с пробором, радиолы – автомат и Брод...»

ВАСЬ-ВАСЬ. Наречие. Встречается в воровском жаргоне – «фене», из него проникло в просторечие. Имеет значения: 'по-свойски, дружески, без церемоний'; 'не выделяясь; как все'; 'в своем кругу, без посторонних свидетелей'; 'взаимовыгодно, но втайне от других; ты мне – я тебе'. Примеры (в порядке вышеуказанных значений): «Как мы с тобой живем: вась-вась или как Америка с Кореей?» (Е. Федоров. Одиссея); «Сжился, натурализовался. Люди как люди. Митя, Колобок даже расположены к нему. Чушь, здесь его место. Мимикрировался. Вась-вась. Звери ведут себя так, как это его вполне устраивает, охмурил всех» (там же); «Был один чудак из бывших дембелей. Я его не хотел в СИЗО посылать, сам попросился. Так они с ним вась-вась, и прямо в камере и закололи шильцем» (РФ, 40); «А он мне говорит: «Давай вась-вась...»; «Это тебе не вась-вась... Делай открыто» (последние два

примера – из речи жителей Донецка, запись 1988 г.).

Наречие *вась-вась* возникло благодаря слиянию двух одинаковых антропонимных основ – личного имени *Вася*, входившего в первичные словосочетания: *Вася-Васе*, *Вася с Васей*, как *Вася с Васей* и под., в потоке разговорной речи превратившееся в аллегрформу *вась-вась*. Этому процессу лексикализации разрушенного словосочетания предшествовало появление в уменьшительно-ласкательной форме *Вася* целого ряда референтных (понятийных) коннотаций, без знания которых трудно понять возникновение семантики слова-повтора *вась-вась*. Все они развились в жаргонно-просторечной сфере речевой коммуникации. Лексема *Вася*, сохраняя ослабленную связь с омонимичным антропонимом, употребляется как экспрессивное слово со значениями 'простой парень', 'простак', 'безалаберный, беспечный человек', а также как уничижительное обозначение человека, не вызывающего к себе уважения, или как обращение к нему (последнее в постперестроечное время чаще встречается в криминальной среде). Например: «Он отошел со мной и сказал буквально следующее: «Слушай, Вася (это, видимо, такое оскорбление), если вы хотите, чтобы все кончилось благополучно, пусть все останется, как есть. Я делец теневой экономики» <...> На это он, Малахов, сказал: «Слушай, ты, Вася, ты – никто, пацан, а я – делец теневой экономики, поэтому не надо плачевного исхода» («Комс. правда», 1991 г., 10 окт.).

Этот коннотативный оним лег в основу таких жаргонно-просторечных фразеологизмов, как: «И Вася!» и «гуляй, Вася!». Последнее словосочетание стало названием фельетона в газете «Известия» от 8 апреля 1990 г. Его значение: 'свобода действий, поступков'. Например: «Какой же огромный потенциал сидит в каждом человеке и как он работает, когда можно делать все, расширить свои рамки, выйти из них, если не ставит заслоны чиновник или бандит, а соблюдает лишь бендеровский принцип почтения к кодексу. А в остальном - гуляй, Вася!» («Известия», 1992 г., 10 марта). Ср. также каламбур, основанный на столкновении в слове *Вася* его прямого – денотативного (антропонимного) и коннотативного значений, в пьесе О. Юрьева «История Привидений»: «*Вася* (равнодушно машет рукой). Э-э-э... Так что ж было-то, а? *Сергея*. (твердо). А ничего не было. *И Вася! Вася* (взволнованно). А я при чем, чего ты мне шьешь, ты? *Сергея*. Это же выражение такое - «и Вася», а ты при том, что играешь на руку мировой контре своими нетрезвыми видениями».

В блатном жаргоне современных карточных шулеров (или «шпилеров», «шпилевых») *Вася*, *Васек*, а также словосочетание *Вася с*

парашютом означают 'доверчивый человек, лох'. Таким образом, в словосочетания, легшие в основу наречия *вась-вась* вошел коннотативный антропоним *Вася*, уже имевший значения 'простой парень', 'свой парень или мужик', 'парень (или мужик) вообще'.

В НАТУРЕ. Экспрессивное словосочетание. Распространено в жаргоне «блатных» и современном молодежном сленге. Выполняет усилительно-выделительную функцию. Например: «Ну, ты даешь, в натуре!» (запись 1996г.); «За что мы, в натуре, кровь проливали?» («Труд», 1997 г., 26 апреля). В невводной позиции, нетипичной для данного словосочетания, последнее имеет значение «без одежды, голый» (ТСРЯ-2, 450; с пометой: «разг. шутл.»); кроме того, входит в состав устарелого выражения *в натуре вещей* «обычно» (СРЯ-2, 564).

Сохранилось свидетельство, что в конце XIX века словосочетание *в натуре* в литературно-разговорной речи уже употреблялось как полнозначное присловное наречие со значением 'в самом деле, подлинно, действительно, в действительности': «В театре Таня рассмешила нас и соседей по ложе, спрашивая: «Правда ли, что Марини в натуре муж Вольпини?» – то есть не на сцене, а в действительности» (С. Л. Толстой. Очерки былого). Ср. еще *в натуре* 'действительно' в речевом контексте нашего времени: «Если бы Пугачева была на меня в натуре сильно злая, разве бы она с моими песнями на телеэкране мелькала?» [газ. «Бульвар» (г. Киев), 1999 г., №28; слова композитора Э. Ханка]. Десемантизация этого наречного выражения в жаргонной речи привела к изменению его статуса в предложении – из члена предложения (обстоятельства) оно превратилось в его экспрессивный «вставочный» элемент, носитель субъективной модальности.

В современной речи может возникнуть каламбурное использование разных значений этого выражения, как, например, в реплике на слова президента Белоруссии: «А. Лукашенко: Кому нужна урожайность? Сегодня людям нужны мясо и молоко *в натуре* (т.е. действительные, реальные - *Е.О.*) и прибыль в хозяйстве». Реплика: «Попробовали бы в бытность свою директором совхоза брякнуть, что урожайность не нужна. Партбилет на стол, *в натуре*, положили бы!» («Аргументы и факты», 1997 г., № 46).

ВОБОЧКА. Коннотативный антропоним, сферой употребления

которого является разговорно-бытовая речь. Производная форма от личного мужского имени *Владимир*. Часто выражает значение: 'не по летам сообразительный и обо всем имеющий свое мнение, находчивый подросток; мальчик-проныра, скрывающий под добропорядочной внешностью, «правильными» словами и поступками неблагоприятные мысли и намерения'; реже: 'невыносимо надоедливый, невоспитанный, «тот» мальчик, как правило, школьного возраста'. Например: «Слава богу, этого Вовочку увели» (речь идет о ребенке с именем Петя; запись автора, 1997 г.). Может выступать и в словосочетании *мальчик Вовочка*.

Отмеченные созначения закрепились за производной формой *Вовочка* примерно во второй половине 80-х годов, когда начал складываться своеобразный цикл анекдотов, главным персонажем которых стал вездесущий и настырный мальчик с таким контрастирующим ласковым именем. Ср. подобные «антропофорные» циклы, связанные с именами Василия Ивановича (Чапаева), его ординарца Петьки и Анки-пулеметчицы, поручика Ржевского и т.д. Пример одного из таких анекдотов о Вовочке, записанного в 1995г.: «Учительница упрекает Вовочку: – Вова, ты опять опоздал в школу! – Учиться, Марь Ванна, никогда не поздно». Еженедельник «Голос» (Москва) в 1995г. имел рубрику «Анекдоты от Вовочки».

Ср. также употребление коннотативного антропонима *Вовочка* за пределами анекдотного текста – в юмористической зарисовке А. Портера «У забора», напечатанной в «Литературной газете» за 15 июня 1995г.: «Мальчик Вовочка, испуганно озираясь по сторонам, написал на заборе нехорошее слово, отбежал, сел на лавочку и стал ждать реакции прохожих». Современный читатель, хорошо осведомленный о «жизненной позиции» и «образе мыслей» популярного анекдотного Вовочки, прочитав первые два слова, начинающие рассказ, все последующее воспринимают как обусловленное и «предсказанное» ими: «такое» может совершить только мальчик с «таким» негативно характеризующим именем.

ГАВРИК. Эта производная антропонимная форма (от *Гаврила* из *Гавриил*) и особенно образованное от него (вследствие деонимизации) омонимичное нарицательное существительное в ненормативном речевом употреблении (в территориальных диалектах, просторечии и социодиалектах) имеют, пожалуй, самое значительное из всех деонимных образований семантическое наполнение. Некоторые связанные с ними значения настолько мотивационно необъединимы, что правильнее будет говорить о существовании целого омонимичного

ряда, в истоках которого находился коннотативный антропоним *Гаврик*.

В жаргоне уголовников («фене») 20-80-х годов нашего века слово *гаврик* зафиксировано со следующими значениями:

а) 'помощник, подчиненный': «Подчиненных у меня – двенадцать гавриков, а за вином отправить некого» (С. Довлатов. Чегодан; РФ, 49); 'несамостоятельный, зависимый человек': «Десятник отобрал три гаврика и велел кайлить» (Росси-1, 78);

б) 'фраер', т.е. 'не вор': «Люди делятся на 'гавриков», «шибзиков», «охмурял», «штывпов»... (Лихачев; цит. по РФ, 208);

в) 'неавторитетный, не уважаемый человек' (с пренебрежением): «Ручищи мощнющие, такими задушить гаврика – раз плюнуть» (Е. Федоров. Одиссея); «Куда же деваются те, допустим, восемьдесят билетов (ведь каждому дают на руки по два билета, а приезжают сорок гавриков)?» («Неделя», 1986 г., №5);

г) 'хулиган, правонарушитель': «С меня, как с гаврика на следствии, сползает поза позолоты» (Б. Чичибабин. Меня одолевает острое...);

д) пренебрежительное обращение (обычно во множ. ч.): «А ну, гаврики, за дело, уберем» (РФ, 49). В профессиональном жаргоне летчиков 20-30-х годов это слово бытовало со значением, которое Л.В. Успенский определяет как «свой брат, парнишка из летного, иногда транспортного вообще мира, механик» (Успенский, 201).

В территориальных народных говорах, куда это слово (или, точнее, отдельные слова омонимного ряда) могло попасть из социодialectов, в том числе и «фени», оно приобрело новые смысловые наращения. Среди них:

а) 'бойкий, отчаянный человек' (СРГП, 54);

б) 'ребенок': «гавриков много народила» (СРСГСЧО-1, 93);

в) 'шалун' (СРСГСЧОд-1,89);

г) 'сильный, рослый юноша' (там же);

д) 'простак, простофиля, разиня, глупец' (СРНГ-6, 85);

е) 'щеголь, ферт' (там же);

ж) 'хитрец, пройдоха, ловкач' (там же) и др.

Смысловое наполнение антропонимной формы *Гаврик* и мотивированного ею апеллятива *гаврик* происходило разными путями. Часть «гавриков» семантически оттолкнулась от коннотативного антропонима в полной (исходной) форме *Гаврила* или же от образовавшегося из него омонимичного апеллятива. В

профессиональной речи работников железнодорожного транспорта в начале нашего века жаргонизм *Гаврила* (*Гаврило*, *гаврила*) обозначал машиниста (кстати, очень престижная в то время профессия в России). Это слово получило отражение в языке некоторых произведений художественной литературы, посвященных периоду гражданской войны: «На подъеме за станцией паровоз забуксовал: перегруженный эшелон был не под силу. Распоясанные выскакивали из дыма и галдежа на насыпь, рвали ногтями мерзлый песок, подбрасывали его на рельсы, чтобы не скользили; ухали, подталкивали, подпирая плечом... – Гаврило, крути! Таш-ши, миленок!» (А. Малышкин. Падение Даира); «Многоголосый вопль: «Крути, Гаврила! – заставлял бледнеть машинистов» (К. Паустовский. Повесть о жизни); «И «гаврила» останавливает поезд» (Б. Пильняк. Голый год). Главному лицу – Гавриле – «машинисту» коррелятивную пару, естественно, составил *Гаврик* – ‘механик’ (см. выше), выполняющий важную, но вспомогательную работу. В связи с этим интересно отметить, что проводник железнодорожного вагона (в поезде, который ведет Гаврила – ‘машинист’) в воровском жаргоне («фене») именуется *гаврилкой* (СВЯ, 20). Кроме того, только в московском арго 80-90-х годов коннотативный антропоним *Гаврила* отмечен со значениями ‘громилла’ и ‘грубый, бестактный человек’ (СМА, 84): «Правда – нет? А узнать-то хочется. И про грубых Гаврил в черных масках у московской мэрии» («Экспресс-газета», 1994г., №42-43), а также: ‘любой человек’ и «при ироничном обращении к любому мужчине», например: «Гаврила, не порти натюрморт», т.е. ‘отойди, не мешай’ (СМА, 84). В воровском жаргоне 20-х годов *Гаврила* (*гаврила*, *гаврило*) – ‘дворник’ (БМ, 24; СЖП, 34; СВЯ, 20). Смысловую связь обнаруживают также коррелятивы *Гаврила* ‘любой человек’, ‘громилла’ и *гаврик* ‘сильный юноша’.

Отрицательная смысловая и экспрессивно-оценочная коннотация антропонима *Гаврила* возникла в нем благодаря «простоватости», а следовательно и «грубости» этого личного имени, а также, возможно, фоноэстетическому восприятию его звуковой формы и семантической контаминации со словами, имеющими исход основы *-ил(а)* и обозначающих лицо «с экспрессией неодобрения» (РГ-1, 150): громилла, ловчила, здоровила, верзила, страшила и под. Последний фактор точно так же оказал влияние на антропоним *Вавила*, который как коннотативный оним и, при полной его деонимизации, отконнотонимный апеллятив в русской разговорно-диалектной речи был зафиксирован с эмоционально окрашенными значениями пейоративного плана: ‘медлительный, нерасторопный человек, тугодум’

(ср. в рассказе А. Чехова «В овраге»: «Прямой ты Вавила!»), ‘рослый неуклюжий, нескладный парень’ (ЯОС, 44), ‘неопрятный человек’ (СВГ, 54).

В других случаях семантическое расширение жаргонного слова *гаврик* в диалектно-просторечной среде, скорее всего, протекало самостоятельно – вне связи с коннотативным онимом *Гаврила* и производным от него апеллятивом *гаврила*.

КАДРИТЬ(СЯ). Ухаживая, добиваться близких отношений (с девушкой, женщиной, реже – с парнем, мужчиной). «Солист группы «На-на» Соколов *кадрил* в темном уголке молоденькую девчущечку и думал, что их никто не видит» («Экспресс-газета», 1998 г., №10/167).

Мотивирующей базой этого жаргонного глагола была усеченная основа названия танца *кадриль* (*кадр-*), очень популярного в рабочей и мещанской среде первых десятилетий XX века. Вначале этот глагол имел значение ‘танцевать кадрили’. Групповой танец *кадриль* исполнялся только четным количеством пар, которые располагались квадратом. В русском языке это слово – с XVIII в., из франц. *cuadrille* ‘группа (из четырех человек)’ и ‘кадриль’; во французском – из испанского (ср. исп. *cuadro* ‘четыреугольник’) (Черных-1, 366). Дальнейшие смысловые сдвиги в глаголе связаны с изменениями его залоговых характеристик. Развив способность иметь при себе прямое дополнение (выраженное именованиями лиц), глагол *кадрить* получает значения ‘добиваться расположения к себе партнера в ходе танца’, ‘знакомиться, сближаться, склонять к взаимности, флиртовать’ (сначала в процессе танца, а потом и без него), а его префиксальное производное *закадрить* ‘познакомиться с девушкой’ в жаргоне уголовников развивает значение ‘вовлечь в половую связь’ (Кучинский-УЖ, 297, 310). Например: «А сразу по прибытии из Штатов на какой-то тусовке *закадрил* заслуженную артистку республики Таню Ветрову...» («Экспресс-газета», 1988 г., 19/176, с.4). Ср. еще *подкадрить* ‘познакомиться’ (Кучинский-УЖ, 356).

В свою очередь, жаргонизмы *кадрить* ‘добиваться близких отношений; ухаживать’, *кадриться*, *подкадрить* и *закадрить* ‘познакомиться’, ‘вступить в любовную связь’ порождают, благодаря обратному словообразованию, новые корневые слова *кадра* ‘девушка’, ‘проститутка’, *кадр* ‘молодой мужчина, парень’, ‘друг, приятель, любовник’ (*кадры* – ‘друзья’): «Мадам опять со своим *кадром* прикандыбала...»; «*Кадру* видал Лехину? Чувырла какая! Страшнее атомной бомбы» (РФ, 95). Ср. также в устойчивом словосочетании

рисовать кадры 'искать знакомство с женщинами легкого поведения', 'искать половых партнеров' (Кучинский-УЖ, 310, 368). Глагол *рисовать* в «фене» употребляется также в значении 'смотреть', т.е. *рисовать кадры* букв. 'высматривать себе девушек', 'искать половых партнеров' (Балдаев-П, 16). Таким образом, жаргонизмы *кадр*, *кадра* и *кадры* и по значению, и по происхождению ничего общего не имеют с общеязыковыми широко известными словами *кадры* 'штатные сотрудники', 'постоянный состав воинских частей' и *кадр* 'отдельный снимок на киноленте'. От существительного *pluralia tantum кадры* в просторечии, благодаря обратному формообразованию, возникли словоформы ед. числа муж. и жен. рода *кадр* 'работник, сотрудник' и *кадра* 'работница, сотрудница', которые чаще всего встречаются в составе словосочетаний с иронической окраской: *ценный кадр*, *ценная када* (ср.: «Какой ценный кадр!»).

КАИН. В жаргоне уголовников («фене») имеет значения 'скупщик или приемщик краденного', 'пользующийся доверием воров барыга' (РФ, 218; БМ, 43; СВЯ, 41), 'конокрад' (БМ, 43; СВЯ, 41); 'нестойкий участник воровской группы' (СВЯ, 41). Отмечен также аллегорический вариант этого существительного – *кай* и синонимичное словосочетание *каин законный* (БМ, 43; СВЯ, 41). Например: «Ямами называются дома, где орудуют скупщики краденого – «барыги». Есть у этих скупщиков и другое, библейское прозвище – «каины» (М. Демин. Блатной. М., 1991; цит. по: РФ, 218).

Еще раньше, в начале XX века, В. Ф. Трахтенбергом было отмечено употреблявшееся в тюремном жаргоне словосочетание *блатьрь-каин* 'конокрад'. Этот вариативный ряд О. Горбач дополняет композитными формами *блатокаин* и *блатокайн* 'скупщик краденного', первую часть которых он связывает с немецкими арготизмами *platt*, *blatt* 'посвященный', 'преступный', а вторую – с отантропонимным арготизмом *Chaim* 'еврей', изменившимся в *Kaim* (*Blattenkaim*, *blatter Kaim* (Горбач-5, 15-16). В русском языке произошла словообразовательная адаптация первой части, развившей суффикс *-ьрь*: *блатьрь* = *каин* 'конокрад' (СЖП, 15) по типу *поводырь*, *пупырь*, *богатырь* и под. Ср. еще вариант с «соединительным» *ы* – *блатькаин* (*блатькайн*): «Первый муж Соньки и отец ее дочки назывался теперь блатькайном – скупщиком краденного и специализировался на камнях и часах» (А. Боссарт. Мышеловка) и вариант с утраченной конечной согласной – *блатокай* (СЖП, 15). М. Фасмер, а вслед за ним и Н. М.

Шанский, не рассматривая этот структурный вариант арготизма, пишут только о связанном с ним воровском слове *блат* 'мошеничество, преступление' как о позднем (XX в.) заимствовании из польского языка (польск. *blat* 'укрыватель', 'взятка'), куда оно проникло из идиша, в котором *blat* – 'близкий', 'посвященный', 'согласный' (Фасмер-1, 172; ЭСРЯ-12, 136). Паронимическая аттракция, сблизившая слова *хаим* 'еврей' (из *Хаим*, разг. *Хайм*) и *Каин* или *каин* 'злодей, мучитель', возникла и за пределами «еврейско-немецкого» (М. Фасмер) или только «немецкого» (О. Горбач) аргю, где образовался интересующий нас арготизм, впоследствии проникший в русскую «феню». Подтверждение этому мы находим у М. Горького в рассказе «Каин и Артем»: «Имя еврея было Хаим, но его звали Каин. Это проще, чем Хаим, это имя более знакомо людям, и в нем есть много оскорбительного».

В современном воровском жаргоне обе эти части разошлись и в словообразовательном отношении и семантически: *блатарь* (мн. ч. – *блатари*) означает только человека, принадлежащего преступному миру (его синоним – *блатной*, антоним – *фраер*), тогда как значение 'укрыватель или скупщик краденого' закрепилось за второй частью – *каин* (или *кай*).

Данное заимствование из немецкого («еврейско-немецкого») воровского жаргона (возможно, через польско-белорусское посредничество) нельзя смешивать с другим, уже существовавшим в русском языке к этому времени, коннотативным омонимичным собственным именем *Каин* 'злодей', 'убийца', 'всеми отверженный, проклятый человек', в основе которого лежит имя одного из сыновей Адама, убившего своего брата Авеля.

В тексте «Жития святого Димитрия Царевича» (по списку XVII-XVIII вв.) этот антропоним зафиксирован с одним из указанных сопутствующих сознания: «...второй Каинъ Борисъ Годуновъ». (ЭСРЯ-II, 20). Примеры, иллюстрирующие употребление коннотонима *Каин* в языке прошлого и нынешнего веков со значениями: а) 'злодей, убийца' – «А вот второй оказался последним гадом. Не помню уже фамилию, но по селам его звали Каин: И вправду был Каин, много бед принес людям» (В. Быков. Обелиск); б) 'всеми отверженный человек, скиталец' – «Кончаю тем, что и за это не вправе обижаться, но только вот что: Каину угла-то ничего не нужно...» (Н.Лесков. Островитяне) и т.д. С последним сознанием деонимный аппеллятив *каин* присутствует в народно-диалектном обороте *как каин* 'как проклятый': «Целый день в неводу ходили, рыбу добывали, как каин, на море» (СРГНО, 209).

Испытав полную деонимизацию и превратившись в бранное слово, существительное *каин* стало абсолютным синонимом такого же отконнотонимного производного *ирод*. В.И. Даль (приводя также суффицированный вариант – *каинка*) его значение определяет как «самый наглый сорванец, отчаянная голова, готовый на все» (Даль-II, 75). Ср., например: «Нет тебе другого прозвания, окромя как Каин и Ирод...» (А. Чехов. На мельнице).

Скорее всего именно как бранное слово-прозвище вошло оно в состав антропонимного словосочетания *Ванька Каин* ‘разбойник, мучитель, мошенник’ (где оно как бы подверглось вторичной антропонимизации): «Не по нутру мне этот Ванька Каин. И притузит он моего туза» (М. Лермонтов); «Настоящее его имя было Иван Макаров, но брат Степан с первого же раза прозвал его Ванькой-Каином» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина) и т.д. Первый компонент этого словосочетания – экспрессивная антропонимная форма *Ванька* в разговорно-диалектной речи и жаргоне развил несколько референтных коннотаций отрицательного плана. Среди них: ‘дешевый извозчик’ (устар.), ‘доверчивый человек’, ‘русский’ (ср. у С. Довлатова в «Зоне»: «Здесь должны жить эстонцы, сказал он, уходя, – а ванькам, фрицам и различным гревланам тут не место»), ‘командир взвода’ (также в словосочетаниях *Ванька-взводный* и *взводный Ванька*), ‘конвоир’ (ср. у В. Максимова в «Прощании из ниоткуда»: «Бились, бились “ваньки”, наконец плюнули, отступились») и др. Слияние двух коннотативных онимов в двучленном именовании *Ванька Каин* (с неустоявшейся до сих пор орфографией: *Ванька Каин*, *Ванька-Каин*, *Ванька-каин*) привело к образованию яркого экспрессивно-оценочного антропонима.

Однако вполне возможен и другой путь формирования этого словосочетания: к имени реального человека в качестве его негативно характеризующего прозвища был присоединен оним *Каин*, уже развивший сопутствующие референтные коннотации ‘злодей’ или ‘мучитель’. Известность такого лица (Ваньки, Ивана), реального носителя экспрессивного прозвища, только способствовала быстрому и широкому распространению («узуализации») данного двучленного антропонимного словосочетания (имя + прозвище). Им мог быть один из сподвижников тайной экспедиции С.И. Шешковского. Как о реальном человеке говорится о Ваньке Каине, например, в очерке В. Гиляровского «Лубянка» (в книге «Москва и москвичи»): «В дальнейшей беседе чиновник рассказал следующее: – Я уже сорок лет живу здесь и застал еще людей, помнивших и Шешковского, и его

сподвижников – Чередина, Агапыча и других, знавших даже самого Ваньку Каина».

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что в образовании антропонимного словосочетания участвовал не арготизм *каин* 'конокрад', 'скупщик краденого' (из *хаим* < *Хаим*), а коннотативный, семантически обогащенный библейский антропоним *Каин*. Приведенная в начале статьи цитата из «Блатного» М. Демина свидетельствует о более позднем народноэтимологическом сближении этих двух разных по происхождению слов, ставших в русской речи омонимами.

КАПЕЦ. Экспрессивное безлично-предикативное слово со значением 'конец, гибель'. В косвенных падежах не употребляется. Например: «Значит, одно: хотя́т работать там, где свое. А если будут "наши" леса, земли, воды – капец им всем придет» (из интервью с Виктором Астафьевым, опубликованного в газете «Известия» 17 мая 1996 г.). В слове присутствует семантически затемненный корень *kap-* и суффикс *-ец*. Вероятнее всего оно возникло благодаря лексико-семантической контаминации (скрещению) уже несколько устарелого, но широко распространенного в разговорной речи военного и послевоенного периодов (40-50-е гг.) предикативного слова *капут* и такого же несклоняемого жаргонного «обсценизма», т.е. слова «сексуальной брани» (Мокиенко, 62), *pizd'ec*. О популярности и высоком экспрессивном «заряде» последнего слова свидетельствует, например, такой любопытный факт: когда 20 августа 1991 г. собравшимся на Пушкинской площади в Москве стало известно о поражении путчистов, вся площадь длительное время скандировала: «П...ец, п...ец!» («Аргументы и факты», 1996 г., №33). Газета «Комсомольская правда» 24 декабря 1996 г. опубликовала расшифровку текста «черного ящика» разбившегося в 1993 г. самолета. Конец переговоров его экипажа с диспетчером обрывается именно на этом экспрессивном слове: «*Экипаж* (Э) – 141, снижаюсь, шасси выпущены, к посадке готов. *Диспетчер* (Д) – 141, набирайте 800 метров. Д. – 141, вы еще будете заходить? Э. – П...ец. *Конец записи*».

О том, что в таком скрещении участвовало именно последнее экспрессивное слово, а не стилистически нейтральное *конец*, свидетельствует сильный экспрессивный «заряд» безлично-предикативного существительного *капец*, который не смог бы появиться в результате контаминации общезыкового нейтрального слова *конец* и давно бытующего в разговорно-просторечной сфере слова *капут*

(встречается в текстах художественной литературы XIX – начала XX вв. с уже «приглушенной» экспрессивностью; М.И. Михельсон приводит примеры из произведений: П. Боборыкина – «Китай-город», М. Салтыкова-Щедрина – «Пестрые письма» и А. Писемского – «Мещане» (Михельсон, 417). Ср. в рассказе Н.Телешова «Доброе утро» (1901 г.): «– А, понимаю! – проговорил Дите. – Пришел тебе, значит, капут?». Резкая эмоционально-экспрессивная коннотация пейоративного плана в слове *капец* могла возникнуть лишь при слиянии коннотаций семантически тождественных экспресsem – разговорно-просторечной *капут* и жаргонной *п...дец* (последняя мотивируется «обсценным» фразеологизмом *п...дой накрыться* ‘погибнуть; потерпеть фиаско, крах’).

Аналогичным образом в последнее время в разговорной речи возникло контаминированное экспрессивное слово *стабилизец* (*стабилизация* + *п...ец*): «В экономике Украины наступил стабилизец». Ср. еще: «Так что, брат телезритель, нам и дальше жить под руководством этого правительства. Как долго? Наверное, пока не наступит полный *стабилизец*...» (газ. «Донецкий криж», 1999 г., 8-15 июля). Оно возникло как резкая негативная реакция народа на заявления правительственных чиновников о якобы начавшейся экономической стабилизации в стране. Ср. также лексико-семантический контаминант *кобздец* – из *ко(нец)* + *бздец*. «Тут ему и кобздец пришел, допрыгался козел безрогой!» (РФ, 102).

Такие контаминированные образования, возникая в экспрессивной речи как словообразовательные окказионализмы, нередко расширяют сферу своего употребления (ср. еще *ситуевина* ‘плохое состояние дел’, ‘неприятное положение’ – как результат скрещения существительных *ситуация* и *chujovina*), но отдельные из них так и остаются как факт единственного использования. В еженедельнике «Аргументы и факты» существует постоянная рубрика, где печатаются шуточные реплики ее ведущих С. Репова и М. Волдырина на самые «свежие» высказывания политических деятелей. В одном из ноябрьских номеров за 1997 г. (№ 46) мы находим окказиональную словоформу *скомуниздили* ‘коммунисты украли’, представляющую собой скрещение словоформ *spizdili* и *коммунисты*: «Б. Ельцин: Самое главное, чтобы у меня чемоданчик мой (ядерный. – Ред.) не свистнули». Реплика ведущих: «Чтобы не свистнули – это очень важно, но все же не главное. Самое главное – чтобы не скомуниздили».

КАРАПЁТ. Слово имеет значения: ‘армянин’, ‘человек маленького роста’, ‘ребенок’ (СМА, 187). Появление первого из них

вызвано параллельно протекавшими процессами деонимизации и этнонимизации (превращения в этноним) распространенного у армян личного мужского имени *Карапет*. Например: «Долго думал над ходом Антон Антоныч и ахал тихо, а Карапет ждал; потом взял пешку и еще другую пешку, – остался один король. – Голенький, – нежно сказал о нем Карапет и спросил Антона Антоныча: – Сдаетесь?» (С.Н. Сергеев-Ценский. Движения). Ср. аналогичные «этнонимы» деонимного происхождения: *абрам*, *хаим* ‘еврей’, *иван* ‘русский’ и др. (чаще всего с пейоративной окраской).

Примеры, иллюстрирующие употребление *карапет* во всех трех значениях: «Мне показалось, что он карапет», т.е. армянин (из разговорной речи; запись автора, 1992 г.); «Все вы карапеты – для баскетбола не годитесь» (из разговорной речи; запись автора, 1987 г.); «Встали кругом среди хаты, Притушив у лампы свет. «Аты-баты, шли солдаты...» – Зачал первый карапет» (Н. Тряпкин. Считалка). На развитие последних двух значений оказала влияние паронимическая связь со словами *карапуз(ик)* ‘маленький пухлый ребенок’, ‘толстяк невысокого роста’ и *коротышка*. По мнению А.И. Соболевского и П.Я. Черных, последнее из них – вместе с *пузо* и *пузатик* – в прошлом веке участвовало в «гибридизации» на русской почве заимствованного из французского деминутива *caroussin* ‘карапузик’ – от *caraud* ‘жаба’. Сходным образом в диалектной речи появилось существительное *карандыш* ‘коротышка’: вследствие формально-семантического сближения слова *карандаш* со словами *коротышка* и *короткий* (Черных, 379; Даль-П, 706).

КИПИШ. Шум, скандал, беспорядок, драка. Слово имеет несколько фонетических и словообразовательных вариантов. Кроме заголовочного, это еще: *хипеж* ‘шум’, *кипеж* ‘то же’, *хыбиш* ‘шум, скандал’, *кыпить* ‘шум’; производные глаголы *хипежить*, *хипежить*, *хипешийть*, *хипешийть* (все со значением ‘шуметь’); *кыпишийться* ‘скандалить, возмущаться’; *хипежник* ‘скандалист’; *хипежный* ‘шумный’ (Балдаев-2, 123). В разговорной речи «прижился» оборот *поднять кыпиш (хипеж)* ‘расшуметься’ (то же, что и *поднять хай*). В «фене» известно также словосочетание *не в кипеж* ‘не свой’, которое произносится в том случае, «если кто-то незнакомый появляется, чужой и не “вписывается в ситуацию”, как говорится» (РФ, 136). Например, в старой песне русских карманников (щипачей): «А ты, ментяра, продери в натуре, В на хавиру, карась, протусуй! А коль *не в кипеж*, канай-ка к профурам И на хариус биксу фалуы». «Не в кипеж» – это быть в

состоянии отчуждения, непричастности к той среде, компании, где *кипешуют*, часто поднимают *кипеж* (ср. в одном из куплетов известного «Гоп со смыком»: «Пайку получаем двести грамм, С вечера заводим тарарам...»). В жаргоне зеков радио и магнитофон – это *коробка с кипешем* (Кучинский, 318). Наряду с приведенными выше, В.С. Елистратов отмечает также бытующий в московском арго последних десятилетий звуковой вариант с конечным *-с*: *хипес* (*хипис*) ‘шум, скандал, крик’. На основании этого он считает *кипеж* изменением начальной формы *хипес* (СМА, 523), которая, в свою очередь, возникла от наименования мошенничества – существительного *хипес*, когда «женщина завлекает мужчину-жертву на квартиру, где сообщники обворовывают его или, шантажируя, вымогают ценности», устраивая скандал, поднимая крик (Балдаев-2, 123). В основе же названия этого вида грабительства, по мнению В.С. Елистратова, лежит жаргонное наименование женского полового органа – *хипа* (СМА, 523). Такое происхождение жаргонизма *кипиш* ‘шум’, ‘скандал’ нам представляется маловероятным.

Первичной формой слова следует считать *кипеж*. Она была образована при помощи суффикса *-еж* от глаголов *кипеть*, *кипятиться* с переносными значениями ‘горячиться’, ‘быть взволнованным, несдержанным’ и, отсюда, шумным, крикливым, скандальным. Семантически близко ему структурно тождественное диалектное существительное *кипеж* ‘сильное кипение соляного раствора при выварке соли’, впервые записанное в середине прошлого века (СРНГ-ХШ, 214). Одинаковы по морфемному составу также жаргонизм *кипеть* ‘шум’ (Кучинский, 195) и диалектное слово *кипеть* ‘кипяток’. В отличие от литературной речи, где присутствует лишь безударная глагольная основа *-кип-*, в народных говорах представлены оба ее акцентных варианта – безударный и ударный: *кипень* и *кипéнь* ‘кипяток’, *кипльй* ‘кипяченый’ (*кипла вода*), *кипом кипéть* ‘горячиться’ (СРНГ-ХШ, 215-217). В жаргонном слове *кипеж* соединились две «нетипичные» в акцентном отношении морфемы – корневая *кип-* и суффиксальная *-еж* (ср. одномодельные просторечные слова с ударным суффиксом *грабеж*, *долбеж*, *кутеж*, *скулеж* и книжные *мятеж*, *рубезж*), что определенным образом тоже повлияло на экспрессивную окраску этого слова. Параллелью к смысловому развитию жаргонизма *кипеж* (‘кипение’, ‘кипяток’ → ‘шум, беспорядок’) можно рассматривать и диалектное существительное *киповéнь* ‘шум, крик, волнение в толпе’ (СРНГ-ХШ, 216). После ослабления, а затем и полной утраты мотивационной зависимости жаргонизма *кипеж* от глагола *кипеть* в экспрессивной

жаргонной речи стали возможны изменения в его звуковой оболочке – замена начального *к* на *х* (*хипеж*, *хипеш*, *хипиш*) и срединного *п* на *б* (*бр*), откуда *хйбиш* ‘шум’, ‘скандал’ и *хйбрить* ‘кричать’, ‘говорить громко’ (Кучинский, 344); *хйбеж*, *хйбеш*, *хйбес* (СМА, 522).

КИРЮХА, КЕРЯ. В русской «фене» (а из нее и в разговорно-просторечном словоупотреблении) существует группа слов – существительных, прилагательных и глаголов с корнем *-кер-* (*-кер’-*, *-кир-*, *-кир’-*), обозначающих спиртные напитки, а также действия и состояния, связанные с их употреблением: *кира/кера* ‘выпивка’ – «Опять без керы приперся, халявочник» (РФ, 99-100); *кирать/керять* ‘выпивать’, *кирнуть/кернуть* ‘выпить’ – «Кирнули не слабо с кентами за встречу» (там же); «–Ты уже кернул, Цыган, хватит, – бурчит Кадик, но все же дает ему бутылку» (Лимонов Э. Подросток Савенко). Широкую известность в современном субстандарте получили существительные *керя* и *кирюха/керюха* ‘приятель, собутыльник, пьяница’; реже с таким же значением употребляется форма *кирюшник*. Например: «Са-аша! – не таится, а просто кричит он. – Керюха!» (Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ); «Пей, кирюха, все равно нехорошо...» (Максимов В. Прощание из ниоткуда); «Сижу я у кирюхи в кочегарке, пришел потрепаться и за хлебом» (Марченко А. Мои показания); «А у меня в глазах: нога ее и коленка, ох, какая коленка, кирюха ты мой!» (Алешковский Ю. Николай Николаевич); «И там, вдали, где пели мухи, И цвел шиповник, как грузин, Его приятели – кирюхи Перемещались в магазин» (Бачурин Е. Вид из окна); «Керюхи, водой не разольешь» (Федоров Е. Одиссея); «– Не забывай друга, – подскуливает Шевченко с понтом (голос нагло-елейный, фальшивый), – керя, замолви словечко, похлопочи» (там же); «Леш, наведи ты порядок под лестницей. Разгони кирюшников. Житья нету» (Астафьев В. Печальный детектив).

И.А. Дзендзелевский в статье об арго отходников-тулупников и портных («шнайдерська мова»), жителей западноволынского села Нова Выжва, глаголу *kirити* (*kirити*) и его звуковым вариантам, а также производным от него словам посвящает одну из подробных словарных статей, содержащих интересные сведения из других арготических систем в украинском, русском и белорусском языках (были учтены материалы, опубликованные в разных изданиях середины XIX – начала XX вв.): а) украинские слова: *керити* (язык нищих, 80-гг. XIX в.), *кирять*, *кирный* ‘пьяный’ (в языке «черниговских старцев», 1900 г.), *кирть* (1883 г.), *терить* (в речи кобзарей и лирников, 1903 г.), *укіраний* ‘пьяный’ (в языке лирников, 80-90 гг. XIX в.), *кырака* и *укирачка* ‘пьяница’ (арго лирников,

80-90-е гг.); в «шнайдерській мові» жителей Новой Выжвы: *кірня* 'пьянства, пьянка', *кірун* 'пьяница', *кірунка* 'женщина – пьяница' (Дзендзелевский, 308); б) русские арготизмы: *кёрить* (в языке мелких торговцев г. Кашина Тверской губ., 1902 г.), *выкёрить* 'выпить', *накёриться* 'напиться', *окёриться* 'опиться', *прокёрить* 'пропить', *прокёриться* 'пропиться', *керужный* 'пьяный' (там же), *подкёриться* 'напиться допьяна, охмелеть' (в «шубрейском» и «курбацком» жаргонах дорогобужских мещан, 1897 г.; здесь же В.Д. Добровольским было записано выражение *обкериный волат* 'опоеный конь'), *кёро* 'пиво' – в языке офеней середины прошлого века (Гарелин, 100); в) белорусские слова: *кёрить* (в языке нищих – старцев, лирников; 50-90-е гг. XIX в.), *кёритьц*, *кяритьц*, *кірыть* (в условном языке нищих, 90-е гг. XIX в.), *кіренье* 'питье' (80-е гг. XIX в.); *кёра*, *кёро* 'пиво', *кёра* 'пьяница' и 'квас' (в арготизмах Могилевской губернии; 90-е гг. XIX в.); *кёрник*, *закёра*, *кёрный* 'пьяница' (там же), *акерус* (в условном языке дрибинских шаповалов, 1901 г.).

В новейшее время в русском просторечьи получило распространение прилагательное *кирной/кёрной* 'пьяный', например: «Да, было... Валера с Виктором привезли осенью какую-то старуху, кирную очень ...» («Комс. правда», 1993 г., 21 мая). Некоторыми польскими лексикографами конца XIX – начала XX в. (А. Курка, Б. Вечоркевич) слова с интересующим нас корнем *kir-/kierz-/chirz-* были отмечены в польском воровском жаргоне и в варшавском просторечии XIX в.: *kirzyc*, *chirzyc* 'пьянствовать', *kirny* 'пьяный', *kima*, *kimia*, *kirzanka* (*chirzanka*) 'карчма, кабак' (Дзендзелевский, 308).

Ю.А. Лаучюте в своем «Словаре балтизмов в славянских языках» глагол *кёрить* относит к заимствованиям из литовского (сл. лит. *gérti* «пить»), помещая его в раздел книги с названием «Славянские слова, впервые отнесенные к балтизмам автором» (Лаучюте, 113). Однако еще в середине прошлого века это предположение высказал С.П. Микуцкий в статье «Областные слова белорусских старцев», т.е. в так называемом «любейском языке» слепых нищих (Микуцкий, 400). Ю.А. Лаучюте, вслед за В.Д. Бондалетовым, указывает еще на два восточнославянских арготизма, связанных с пищей человека: русск. *свист* 'масло' (<лит. *sviestas* 'масло'; (черниг.) *свисло*, по мнению О.Н. Трубочева, по аналогии с *масло*; *шруска* 'соль' (<лит. *druska* 'соль') (там же). Если *кёрить* – балтизм, то первичным состоянием корня было *кер-*. В редких образованиях его ударный гласный переходил в *-о*: *кёро* 'пиво'.

Несмотря на немалое количество дериватов от глагола *кёрить*, во всех четырех языках, где они отмечены, отсутствуют вынесенные в

заголовок словарной статьи наименования пьяницы, собутыльника *кирюха* и *кёря*. Только в конце прошлого века Е. Романовым в условном языке нищих Могилевской губернии – «любецком лементе» была зафиксирована форма *кёра* (наряду с *закёра*, *кёрный*) в значении ‘пьяница’ (Романов., 131).

Существительные *кирюха* и *кёря* вначале функционировали как антропонимы, образованные от полного канонического личного мужского имени *Кирилл*. В числе других производных форм мы их находим в известном «Словаре русских личных имен» Н.А. Петровского: *Керя*, *Керька*, *Керочка* (*Кира*, *Киря*, *Кирька*, *Кирочка*), *Кирюха* (*Киряха*) и др. (Петровский, 299-300). Ср. еще: «– Молодая баба дома спит, а он по степу шатается, – засмеялся Кирюха. – Чудак!» (Чехов А. Степь); «– Кирюха, где наши?» (Веселый А. Россия, кровью умытая); «Прохоров я, Прохоров. Дядя Кирюха...» (Максимов В. Баллада о Савве) и т.д. Звуковая близость с арготизмами *кирать* (*керить*), *кирной* и др. привела к вхождению антропонимов *Керя* и *Кирюха* в деривационный ряд с апеллятивной основой *кер-/кир-*, что на первых порах превратило эти личные имена в коннотативные онимы (с привнесенными референтными коннотациями). Позднее произошла их деонимизация, и они стали «чистыми» апеллятивами. Уже в качестве нарицательного существительного *кирюха* послужило базовым словом для производного *кирюшник* ‘пьяница, забулдыга’.

ЛОХ. Широко распространенное в уголовной «фене» и в современном молодежном жаргоне слово со значением ‘недалекий, бестолковый человек, доверчивый разиня, пострадавший от жулика или его потенциальная жертва’. Реже встречается его фонетический вариант *лэх* с тем же значением (Кучинский-УЖ, 217), который можно рассматривать как промежуточное звено между *лох* и усеченной аллегривой формой коннотативного антропонима *Лёха*, т.е. *Лёха* → *Лэх* → отантропонимный (точнее – отконнотонимный) апеллятив *лэх*. И совсем редко отмечается вариант *лах* (Балдаев-1, 231). В жаргоне базовый коннотативный антропоним (коннотоним) *Леха* зафиксирован с сознаниями ‘глупый, тупой, бестолковый человек’ (СВЯ, 52) и ‘потерпевший, который приехал из сельской местности’ (БМ, 140). С первым значением он встречается и в современном московском городском арготизме (СМА, 21). Таким образом, для жаргонизма *лох* можно реконструировать следующую словообразовательную цепь с исходными (вершинными) личными именами *Алексей* и *Александр*: а) отантропонимные варианты имен первой ступени словопроизводства

Алѣха → Лѣха → Лѣх → б) коннотонимы Алѣха, Лѣха, Лѣх и в) отконнотонимный апеллиатив лѣх с последующим изменением в лох (и очень редко лах).

Широко распространившееся в 80-90-е годы в молодежном жаргоне слово *лох*, скорее всего, сформировалось не в нем, а проникло в него из другой территориально- и социодialeктной среды. Примечательно, что отконнотонимное производное *лох* со значением 'мужик' было обнаружено В.Д. Бондалетовым еще в 1961 г. в условном языке ремесленников и торговцев села Мстера Вязниковского района Владимирской области. Отмечено оно также в составе поговорки «сивоха сивонит лоха», т.е. 'стужа морозит мужика' (Бондалетов, 95, 102). В последующие десятилетия, став экспрессивным сленговым словом, оно заметно расширило свою известность и сферу употребления. Уместно отметить, что в производной форме первой ступени Алѣха, а также второй и третьей – Алѣша и Алѣшка в просторечии, территориальных диалектах и жаргонах развиваются и другие референтные коннотации пейоративного плана: 'лугун' и 'хвастун, бахвал' (СРНГ-1, 234, 247; МСИ, 21). Коннотативный оним Алѣша проник и в украинскую диалектную речь Нижнего Приднепровья, например: «Та наш Сашко такий ал'оша, шо його й дитина обдуре» (Чабаненко-1, 50). С конца XVII в. в русском языке отмечается еще одно направление смысловой эволюции производных форм Алѣша и Алѣшка – они становятся носителями референтных коннотаций 'дворовый человек' и 'слуга'. Например, в «Записках Желябужского с 1682 по 2 июля 1709 г.», в записи 1695 г., обнаруживается след такого употребления формы Алѣша (во мн.ч.) с первым созначением: «В то жь время врани даточныхъ на Москвѣ ꙗ всѣхъ полатныхъ людей на пожарь вѣгать и караулы стеречь вмѣсто стрѣльцовъ, и прозвание имъ было Алѣши» (ЗЖ, 41). Ср. также отконнотонимный апеллиатив алешка в «Записках Степняка» А.И. Эртеля (1883 г.): «Ну, сижу я, братец ты мой, – только хватъ – алѣшка... «Господин Серафим Миколаич здесь? – спрашивает...»; «Он знает это, но является “енаральша” с своим “алешкой”, с своей каретой...» В авторской сноске сказано, что «слово это, кажется, свойственно всей крестьянской России». В начале XX в. этот отконнотонимный апеллиатив из крестьянской речи и городского просторечия попадает в жаргон преступников («феню»), порождая при этом новый коннотативный оним Алексей Алексеевич (БМ, 6).

Отконнотонимный апеллиатив лох (← лѣх) послужил базой для образования других арготизмов: глагола *лохануться* 'допустить оплошность', 'дать себя обмануть', существительных *лохтач*

‘неопытный вор’, *лохтарь* ‘эстонец’, ‘латыш’, ‘литовец’ (Балдаев-2, 37) – с интерфиксальным *-т-* между основой и суффиксом *-арь*, сложного слова *лохотронщик* ‘жулик, имеющий дело с лохами’, например: «Съемка позволяет накапливать информацию и дает возможность опознавать «лохотронщиков», угонщиков автомобилей и карманных воров» («Аргументы и факты», №34 (931), приложение «Москва», №34 (268), 1998 г., август), *лоховка* ‘дешевая проститутка’.

В последнее время слово *лох* широко проникло в жаргон школьников, пополнило лексику настенных и назаборных надписей (типа «Петька-лох»), вошло в детские дразнилки («Лох наелся блох» и др.) и жаргонную фразеологию, например: *бомбить лоха* (*лохов*) ‘грабить’, *обуть лоха* ‘обмануть неблатного (фраера), впервые осужденного’, *помыть лоха* ‘огрбить жертву’, *развести лоха* ‘вовлечь жертву в картежную игру’, ‘завлечь жертву в укромное место с целью ограбления’, *швырнуть лоха* ‘совершить мошенничество’, *лох сиволапый* ‘сельский житель’, ‘колхозник’, *лох с регалиями* ‘богатая жертва шулера’, *трудящийся лох* ‘простой человек – жертва шулера’ (Балдаев-1, 42, 231, 337; Балдаев-2, 37, 75, 86, 157).

МАРУХА. МАРЬЯНА. ШМА́РА. 1. **Маруха.** В условном языке воров («блатной музыке», «фене»), а также в языке художественной литературы, в некоторых народных говорах это слово употребляется со значениями: а) ‘развратная, гулящая женщина, проститутка’ (Даль-УЯ, 134; БМ, 61; СРНГ-17, 377): «Несколько коморок были обставлены как спальни (двухспальная кровать с соломенным матрасом) – опять-таки для почетных гостей и их “марух”» (Гиляровский В. Москва и москвичи); б) ‘сожительница вора, его любовница’ (БМ, 61; РФ, 124): «Один молодой человек, развязный и красивый... долго врал Любке о том, что он побочный сын графа и что он первый бильярдист во всем городе, что его любят девки и что он из Любки тоже сделает фатовую “маруху”» (Куприн А. Яма); «Так, наверное, вору дают на сохранение деньги своим марухам» (Рыбаков А. Дети Арбата); «Глядь, поверх текучих вод лебедь белая плывет. Точно, она, наша маруха, прогремевшая красотой Зойка» (Федоров Е. Одиссея); в) ‘сожительница’: «Твоей марухой будет» (Шишков В. Странники); г) ‘возлюбленная, любовница’; то же, что и *марьяна*, *матаня* (СРНГНО, 290; СРНГ-17, 377); д) ‘возлюбленный’ (о мужчине); то же, что и *марьян* (СРНГНО, 290); е) ‘женщина’ – жертва «марушника», т.е. вора-карманщика, специализировавшегося на кражах преимущественно у женщин и в церквах (в воровском арго 20-гг. XX в.; БМ, 61).

Жаргонное слово ¹*маруха* появилось благодаря полной деонимизации коннотативного личного женского имени *Маруха* – производной формы (с оттенком фамильярности) от полных женских имен *Мария* и *Марьяна*. Промежуточным словообразовательным звеном между этими формами и *Марухой* (*Марюхой*) был производный антропоним *Мара* (*Маря*). Например: «А в шелковых сарафанах хорошо щеголять? ... А? ... Загуляем, Маруха? ... « (Мельников-Печерский П.И. В лесах); « – Турись, турись, Марюха! ... Наспех сряжайся! ... К Софонтию! – попрыгивая перед ней, кричала Фленушка» (там же).

Развитие значений ‘сожительница вора’, ‘гулящая проститутка’ произошло благодаря издавна существовавшей в русском антропонимиконе тесной связи женского имени *Марья* с мужским личным именем *Иван*. Это имена-спутники, употребление одного из них нередко осуществляется в парадигматике с другим именем, порождает воспоминание о нем. Устойчивая антропонимная пара *Иван и Марья* в народной речи часто выступает со значениями ‘муж и жена’, ‘жених и невеста’ (ср. в старинной купальской песне: «Иван да Марья в реке купались: Где Иван купался, Берег колыхался, Где Марья купалась, Трава расстилалась...»), а также как условное обозначение мужского и женского начал, своеобразно проявившееся, например, в названиях некоторых растений (марьянника, фиалки трехцветной, или анютиных глазок, и др.) в русской народной ботанической терминологии, применяемых в народной медицине в виде чаев и отваров (*Иван - да - Марья, Иван - и - Марья*).

Как коннотативный оним имя *Иван* обладает многими эмоционально окрашенными созначениями, среди которых: ‘самостоятельный человек’, ‘хозяин’, ‘вообще положительно характеризуемый человек’ (РООР, 85-90). В криминальной среде на базе референтной коннотации развиваются новые созначения: ‘почитаемый ворами авторитет’, ‘крупный грабитель, налетчик’, ‘главарь’. Насколько нам известно, впервые об «Иванах» (или «иванах») написал В.И. Гиляровский в очерке «Шипова крепость», вошедшем в книгу «Москва и москвичи»: «Вторая категория (обитателей “Шиповой крепости” - Е.О.) днем спит, а ночью “работает” по Москве или ее окрестностям, по барским и купеческим усадьбам, по амбарам богатых мужиков, по проезжим дорогам (...) В старину их называли “Иванами”, а впоследствии – “деловыми ребятами”». В наше время об «Иванах» в иерархии тюремно-лагерных авторитетов писал С.Я. Лебедев: «...Верхнее положение занимали “Иваны” – главные носители

тюремных традиций, тюремные старожилы, арестантская аристократия»; «Вторая ступень – “храпы” (представители “отрицаловки” – Е.О.). Им хотелось быть “Иванами”, но не хватало смелости. По трусливости им следовало бы принадлежать “шпанке”, но “не дозволяет самолюбие»» (Антиобщественные традиции, обычаи и их влияние на преступность. Омск, 1989; цит. по РФ, 201).

Сказанное выше позволяет понять выбор женского имени *Маруха* (от *Марья*; ср. подобные формы *Танюха*, *Надюха*, *Манюха*, *Лидуха* и т.д.) для обозначения не только сожительницы вора – «Ивана», но и любой женщины легкого поведения и даже женщины вообще. Последнее значение ‘существо женского пола’, очевидно, изначально присутствовало в диалектном слове *маруха* ‘фантастическое существо, живущее в крестьянской избе, незаметно похищающее вещи’ (СРНГ-17, 378). Именно о нем идет речь в следующем отрывке из «сцены» И.С. Тургенева «Разговор на большой дороге»: *Ефрем*. (...) Да у нас не одни домовые – у нас и марухи водятся. *Селиверст*. Да перстань, Ефрем! *Ефрем*. А что? *Селиверст*. Да так. Нехорошо. Вот нашел предмет к разговору. *Михрюткин*. Марухи? Это что еще такое? *Ефрем*. А вы не знаете? Старые такие, маленькие бабы, по ночам на печках сидят, пряжу прядут, и все эдак подпрыгивают да шепчут. Намеднись в Марчукова Фсдора одна такая маруха кирпичом пустила – он было к ней на печку полез».

Малораспространенным синонимом *марухи* была форма *марушка*. Сейчас уже трудно определить, суффиксальное ли это производное от деонимного апеллатива *маруха*, или же это самостоятельный апеллатив, образовавшийся путем полной деонимизации лежавшего в его основе коннативного антропонима *Марушка* (ср. аналогичные имена *Надюшка*, *Катюшка*, *Нюшка*, *Варюшка* и т.д.). В значении ‘женщина легкого поведения’ (‘то же, что курва’) это слово зафиксировано в донских говорах А.В. Миртовым: «Дочерей ваших, марушек, к себе на Дон заберем» (ДС, 182); в воровском жаргоне 20-х годов оно употреблялось со значением ‘бабенка, женщина’ (БМ, 61). Ср. также у В. Гиляровского в очерке «Друзья и встречи»: «На коне, как я помню, никогда дядя Епишка не ездил, всегда пешком ходил. Говорил по-кумыкски, по-ногайски, у немирных князей Гиреев в гостях бывал, и все его любили, даже при нем марушки чадрой не закрывались».

В диалектной речи экспрессивное слово *маруха* послужило базой для образования новых слов того же семантического плана: *марушить* ‘встречаться, проводить вместе время (в отношениях парня и девушки)’

(СРНГ-17, 377), 'изменять мужу, жене' (там же), *марушиться* 'любить друг друга' (там же). Семантико-derivационную параллель этим образованием составляют отконнотонимные производные с основой *иван* (от *Иван*): *иванить* 'превозносить себя', т.е. 'строить из себя какого-то Ивана', *важничать* (СРНГ-12, 53, 55) и *иваниться*, 'модничать, форсить', 'задаваться, превозносить себя, ломаться' (СРНГ-12, 55), *иваниться* (СРГП, 106). Мотивационные связи в словообразовательных цепочках проявились в такой последовательности: антропонимы *Иван* и *Маруха* > коннотативные онимы (коннотонимы) *Иван* (им мотивированы глаголы *иванить*, *иваниться*) и *Маруха* > отконнотонимный аппеллятив *маруха* > отаппеллятивные глаголы *марушить*, *марушиться*. Появление дополнительного звена в словообразовательной цепочке с исходным антропонимом *Маруха* – аппеллятива *маруха* объясняется тем, что полной деонимизации коннотативного онима *Маруха* способствовала сравнительно редкая употребительность этой формы в общерусском антропонимиконе, тогда как деонимизации коннотативного имени *Иван* 'всеми уважаемый, самостоятельный человек' помешала его устойчивая связь с личным именем *Иван*.

Производными от аппеллятива *маруха*, возможно, являются диалектное существительное *мархоня* (из *марухоня?) 'проститутка, гулящая женщина' (СРНГ-17, 378), а также форма *марухан* в составе лексикализованного словосочетания *марухан-клева* 'публичная женщина' из жаргона «блатарей» 20-30-х годов (БМ, 61; *клева* – 'хорошая').

В диалектной речи отмечено также существительное *мара* 'любимая, любимый', 'барышня, девушка' (СРНГ-17, 368), представляющее собой отконнотонимный аппеллятив. Его словообразовательная история иная: *Марья* > *Мара* (производная форма, от которой был образован антропоним *Маруха*) > коннотоним *Мара* > аппеллятив *мара*.

2. *Марьяна*. Это имя, представляющее собой разговорный вариант имени *Марианна*, которое, предположительно, возникло благодаря контаминации имен *Мария* и *Анна* (Петровский, 151), во многом разделило семантическую судьбу женского имени *Маруха* в народных говорах и субстандарте (просторечии и жаргоне). Его значения: а) Любовница, возлюбленная (т.е. то же, что и *маруха*). Употребляется также и по отношению к мужчине в значении 'возлюбленный' (синонимы: *марьян*, *маруха*) (СРНГНО, 290); б) Сожительница вора: «И «марьян» – женщин блатного мира будут

делить в зависимости от знатности хозяина ...» (Шаламов В. Жульническая кровь); в) Женщина вообще: «Тоже был в беге, но вторгнулся в одну марьяну» (Леви А. Записки Серого Волка; цит. по кн.: РФ, 124).

Связь с омонимичным женским именем в настоящее время настолько ощутима, что не позволяет считать слова *марьяна* деонимным апеллятивом. В отличие от *марухи*, это, скорее, коннотативный антропоним. Имя *Марьяна* продолжает оставаться в женском именнике, особенно в деревне. Например: «Итак, в одной приволжской деревне жила в свое время некая Марьяна Ивановна Чонкина, обыкновенная женщина, вдова» (Войнович В. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина).

Коннотативным онимом *Марьяна* (= «марьяна», *марьяна*) 'женщина', 'легкодоступная женщина' мотивирован жаргонный глагол *марьянить*, *замарьянить* 'уговаривать (уговорить) женщину': «Вроде бы замарьянил чуву...», т.е. девушку (Леви А. Записки Серого Волка; цит. по кн.: РФ, 82).

3. *Шма́ра*. В жаргоне уголовников, а из него и в просторечии имеет значения 'женщина легкого поведения', 'сожительница': «Шмара, что надо: ни сиськи, ни письки – жопа с кулачок» (РФ, 210). Производными от *шмары* являются сложные слова для обозначения сутенера: *шмаровоз* (вторая часть – от *возить*) и *шмарогон* (-гон, вероятно, от *гонять за кем-либо* 'бегать за кем-нибудь', *гонять* 'перевозить пассажиров, почту, товары'; СРНГ-7, 15).

Нарицательное существительное *шмара* образовано от антропонима *Мара* – гипокористики двух женских имен *Марья* и *Марьяна*, который, как уже отмечалось выше, испытав деонимизацию, в диалектной речи развил значения положительного плана 'барышня, девушка' и 'любимая, любимый'. Пейоративные созначения 'женщина легкого поведения, проститутка', 'сожительница вора' развились в коннотативном ониме *Мара* (или уже в деонимном апеллятиве *мара*?) благодаря приставному экспрессивному шипящему звуку. Такой начальный звук *ш-* встречается в целом ряде других экспрессивных форм в разговорно-диалектной речи, которые имеют или имели соответствия без этой протезы: *шпулять* (от *пулять* 'бросать'), *шмот* (от *мот?*), *шнырять* (ср. *нырять*), антропоним *Швандя* (<Вандя<Иван) и др. В современной разговорной речи продолжают появляться и нелексикализованные экспрессемы с приставным *ш-*, как, например: «Я уже по уши в шоу-бизнесе сижу, где сплошные банкеты. Без конца то "Метелица", то *шметелица*, то "Голден палас"» (газ. «Бульвар» (г.

Киев), 1999 г., № 28; слова композитора Э. Ханка). Отмечены также случаи экспрессивной замены приставочного *с-* на *ш-*: *шкарлупка*, *шкарябать* 'царапать', *шмолить*, *пришмолка* 'самопал', *шмотки* (очевидно, от *смотки* 'смотанные в узел вещи, рухлядь') и др.

МУРКА. КОТ. Первое слово – распространенное уже в начале XX в. женское имя с обобщающим значением 'сожительница вора', 'проститутка'. Ср. свидетельство Ю. Анненского в его книге «Дневник моих встреч»: «“Девочка” Мурка из “Яра”, что на большом проспекте, клянчила: – Карандашик, угостите Незнакомку. Я прозябла». Ср. также известную воровскую песню о Мурке, изменившей блатному миру и променявшей его на «кожаную тужурку» сотрудницы угрозыска. Кроме того, антропоним *Мурка* употребляется в «фене» и как обобщенное обращение к женщине: «Я ей: “Мурка, не надо ля-ля, ближе к телу ...”» (РФ, 130).

Если *Мурка* – грубо-фамильярная производная форма от *Мура*, то последняя – гипокористика тех же антропонимных форм *Марья*, *Марьяна*, о которых шла речь выше. Ср. употребление форм *Мура* и *Мурка* как вариантов одного женского имени: «– Толя, подождем Муру, – лукаво говорит Тоня»; «Вдруг у Мурки-третьей стрептококковая ангина» (Мариенгоф А. Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги).

Вторично возникшая связь с распространенным зоонимом – кличкой кошки *Мурка* звукоподражательного происхождения (ср. *мурмур*, *мурлыкать*), как и ряд других зоонимов (например, *Барбос*, *Буренка*), испытавшим деонимизацию (*муркой* стали называть всякую кошку, кошку вообще), спровоцировало появление в «фене» коррелятивного слова *кот* для обозначения спутника *Мурки* – сутенера. «Коты» оказывали покровительство своим «муркам» (= *марухам*), сопровождали их. Ср. об этом у В. Гиляровского: «По ночам “коты” выходили на Цветной бульвар и на Самотеку, где их “марухи” замарьяживали пьяных» («Москва и москвичи»). Таким образом, появление жаргонизма *кот* было подготовлено всем рассмотренным нами структурно-семантическим развитием устойчивой пары *Иван и Марья*, приведшим в условиях диалектной и жаргонной речи к отличным от литературного языка результатам.

НА БУГАЯ. Жаргонное выражение, широко распространившееся в последние десятилетия и в разговорно-обиходной речи, со значениями 'без какого-либо вознаграждения', 'почти даром'. В жаргоне преступников 20-х годов зафиксировано еще со значением

‘на подкидку’. В это время данное предложное словосочетание еще не было идиоматическим выражением, так как существительное *бугай* воспринималось в нем с конкретным значением ‘кошелек’ или ‘бумажник’ (СЖП, 20, 96). *Вор-бугайщик* (он же *подкидчик*) подбрасывал, или *бугал*, кому-либо на улице кошелек, бумажник, кольцо и т.п., а затем обвинял свою жертву в похищении их у него, понуждая откупиться за определенную сумму. Очевидно, этот вид воровского «бизнеса» – подкидка – не всегда оканчивался удачей и не всегда приносил мошеннику желанный куш. Поэтому не считался прибыльным видом воровской кражи и у опытных мошенников, привыкших работать «по-крупному», интереса не вызывал. Вот как описывает работу современных «бугайщиков» пострадавший от них в Москве, на рынке в Лужниках («Луже»), один из «челноков» из Донецка: «Ну, как бывает: «Ой, мужчина, мужчина, вы кошелек потеряли!» Первая реакция – раз, раз себя по карманам: нет, все в порядке, мой кошелек вроде бы пока на месте. А чей же тогда этот? Перед вами стоит миловидная девушка, сама невинность, с «найденным» кошельком в руках. «Что же с ним теперь делать? Давайте хоть посмотрим, что там, внутри...» Давайте, и самому интересно, сколько в том кошельке может быть. Сумма оказывается не очень большая – как раз столько, чтоб у вас слегка закружилась голова от предчувствия легкой добычи.

Возникает вопрос, что с находкой делать. Хозяина нет, и едва ли он отыщется. О том, чтоб поискать какой-нибудь стол находок, если и приходит мысль, то так же быстро и уходит, как правило. Потому что девушка, наивно и доверчиво улыбаясь, предлагает деньги поделить: не выбрасывать же, в самом деле!

Все вроде бы «честно», все довольны... Но тут, как из-под земли, появляется «владелец» кошелька. Отпираться бесполезно, есть свидетели, которые все видели. Самой девушки, правда, нет – ее можете и не пытаться искать, не найдете. А «хозяин» напирает и сумму называет многократно большую, чем было в кошельке...

И ты с опозданием понимаешь, что попался на дешевую уловку, но влип недешево, крепко. И отнимут у тебя все до копейки, и жаловаться некому – скажи спасибо, что самого в милицию не отвели» («Донецкий криж», 1998 г., 11-17 июня (№ 269). Оборот *на бугай* ‘на подкидку’ в воровской среде приобретает дополнительный смысл ‘почти даром’, ‘не прибыльно’. В последние десятилетия, после расширения сферы его употребления, происходит полная утрата первичного смысла прежнего жаргонного слова *бугай* и замещение его общеизвестным омонимом со значением ‘бык’. Произошла полная идиоматизация

когда-то семантически разложимого и прозрачного жаргонного выражения.

НА ХАЛЯВУ. ХАЛЯВА. Первое выражение означает 'даром, за чужой счет'. Например: «Хотят отреставрировать за счет солдат, *на халяву*, хорошо, если не хватит средств» (Нарбикова В. Равновесие света дневных и ночных звезд); «Первые, "частники", летели, по сути, на свои, вторые – за государственный счет (либо "на халяву", за счет приглашающей стороны)» («Комсомольская правда», 1997 г., 23 апреля); «В двери магазина буквально ломились желающие *на халяву* получить джинсы» («Труд», 1997 г., 25 апреля) и др.

Данное выражение в 20-е годы включил в свой «Словарь жаргона преступников» С.М. Потапов с толкованием: «участие в дележе без участия в деле». Здесь же мы находим и прилагательное *халявый* 'негодный' (СЖП, 102, 177), в женском роде выступающее также в стяженной форме *халява* (пример из словаря, с. 68: *клева и халява вороха* – 'красивая барышня, но никуда не годится').

В русском языке имеется несколько омонимов *халява*. Прежде всего это *халява*₁ 'сапожное голенище; штанина'; *халява*₂ 'холера' (М. Фасмер допускает здесь влияние на название болезни *холера* предыдущего слова; Фасмер-IV, 220) и *халява*₃ 'неряха' (Подв., 182). Кроме них, отмечена еще *халява*₄ 'грубая, бесстыдная баба'; (Фасмер-IV, 220, со ссылкой на словарные материалы В. Волоцкого: Вол.).

При постоянном русском бездорожье халявы всегда были самой грязной и неприглядной частью одежды наших предков. Этим существительным был мотивирован целый ряд его производных: *халявить(ся)* 'пачкать(ся)' *халявый* 'неряшливый, неопрятный', *халявка* 'неряха', *захалявить* (перен.) 'позорить' (Подв., 182). Через промежуточное значение 'негодный' (в свою очередь развившееся из 'грязный; неприглядный') в псковском прилагательном *халявый* возникает значение 'хилый, вялый, безжизненный' (Даль-IV, 547). Севернорусская форма *халява* 'неряха' по происхождению является субстантивированной формой стяженного прилагательного женского рода, вначале выступавшего в роли определения при наименованиях лиц женского пола (*баба, девка* и др.). Образец такого словосочетания мы находим в словаре А.О. Подвысоцкого: «Жонка-то она всегда халява» (Подв., 182). Субстантивация этой формы произошла после эллипсиса определяемых ею слов (*халява девка, баба, жонка* и т.д. → *халява*). В первое время это существительное еще сберегало свое

значение. Ср. отмеченный выше жаргонизм *халявый* 'негодный' в русской «фене». Поэтому характеризуемая им распутная женщина – *халява*₄ отличалась от проститутки тем, что вступала в сексуальные отношения с мужчинами бесплатно. Дальнейший смысловой сдвиг: 'даровщина' (вообще). «Феня» сохраняет это значение в субстантивированном прилагательном *халява*, переосмысленном как существительное женского рода (по типу *слава*, *орава* и под.). Оно способно употребляться в ней и без предлога, например: «От халявы еще никто не отказывался» (РФ, 197).

Таким образом, основные этапы смыслового и структурного развития данного слова можно представить в такой последовательности: 1) стяженное прилагательное *халява* 'грязная, неопрятная' в составе определительного словосочетания типа *халява девка* (*баба*); 2) такие же словосочетания с изменившимся значением атрибутивного слова ('негодная'); 3) опущение определяемого слова; 4) субстантивация стяженного прилагательного и переход его в разряд существительных женского рода. На последних этапах появляется значение 'непривлекательная распущенная женщина, именно поэтому дешево или даром отдающаяся мужчинам'.

На этой семантической основе появляется современное широко известное значение 'даровщина вообще' в омониме *халява*₅, вышедшем из тематической группы 'сексуальный партнер'. На данной стадии складывается и вынесенное в заглавие статьи выражение *на халяву* 'на даровщину'.

Отголосок значения 'негодная(-ый)' присутствует в слове *халява*, когда оно выступает как синоним таких слов, как *негодяй*, *наглец*: «Куда прешь, халява чертова! Разуи глаза!» (РФ, 197). Вероятно, можно говорить о существовании еще двух омонимов: *халява*₅, 'даровщина' и *халява*₆, 'негодяй; наглец'. Ими мотивированы такие производные, как *халявочник*, *халявочница*, *халявочный*, *халявить* 'наглеть', *схалявить* (РФ, 197).

Таким образом, история слова *халява* в русском языке намного сложнее, чем представляют себе некоторые. Нам известна еще попытка связать его с именем библейского персонажа *Халаива*, который питался молоком чужих коров и был за это наказан.

НА ШАРУ. Бесплатно, даром, «на халяву» (см.). Слово *шара* в современной речи употребляется только в сочетании с предлогом *на*. Самостоятельно оно приводится в словаре С.М. Потапова (1927 г.), но

толкование его, по недосмотру составителя, в нем отсутствует (СЖП, 186). Например: «Встречаются два друга. Один говорит другому: – Знаешь, у нас в городе ресторан есть. Ужин – бесплатно, выпивка – бесплатно, танцы до упаду, номер на ночь. И все *на шару*» (из современного анекдота); «Как правило, во время секса мужики любят потрепаться. Вот и попался один преподаватель из мединститута. Я его и прижучила. Мол, или в училище устроишь, или парткому, профкому и т.д. расскажу. Он меня устроил. Правда, потом пытался *на шару* пристроиться, мразь такая» (газ. «Воскресенье», 1997 г., №15); «Шофера-одесситы тоже болтали о «девочках». «Так скоко-скоко?» – спросил я о цене секса, прикидываясь «чайником», ибо уже был в курсе дела». «*На шару!* – Буду я еще платить – они сами сюда ездят удовольствие получать! «– ответил мне один шустрый водила. А позже, когда многократно сменилась тема разговора и шофера стали рассуждать, на что у нас уходит денег больше всего, мой бабник-«*шаровик*» уже кричал: «Да на водку мы все тратим и на шлюх, которых не можем вы...ть, потому что вечно пьяные» («Киевские ведомости», 1997 г., 19 апреля); «Сюжет повести «Шлюбні ігрища жаб» прост, как пять копеек: компания нехороших людей жаждет полакомиться *шаровыми* денежками» (там же). Последние две цитаты содержат и производные слова, образованные на базе этого жаргонного оборота: окказионализм *шаровик* ‘любитель нажиться, подлататься за чужой счет; любитель даровщинки’ и *шаровой* ‘бесплатный, даровый’. Еще один свежий пример последнего прилагательного со значением ‘доставшийся задарма’: «Но напрасно учителя мечтают: «Поставлю «три» – и пусть уходит». Коварные «двоечники», получив заветную «государственную», идут... в 10 класс. А их родители машут «*шаровыми*» положительными аттестатами: «Вы не имеете права не взять!» (газ. «Сегодня», 1999 г., 10 июля).

Существительное *шара* в жаргонно-просторечном выражении *на шару*, возможно, связано с сибирским диалектным словом *шарá* ‘выварки кирпичного чаю’ (см. о нем: Даль-IV, 621). В сочетании с асемантичным рифмующимся сегментом *-бара* оно входит в состав диалектизма *шарабара* ‘всякий хлам, плохие пожитки’. Поэтому вначале *прийти (явиться) на шару* означало ‘попользоваться даром спитым чаем’, а потом вообще ‘получить что-то даром’. Передвижка ударения на первый слог произошла после того, как оказалось забытым первичное значение словоформы *шарú* (от *шарá* ‘спитой чай, спитая заварка’) и произошло паронимическое сближение со словом *шар*

‘круглое тело’, особенно в некоторых его фразеологически связанных значениях (например, *шаром – даром взять*, т.е. получить или купить за бесценок).

Выражение *шаром – даром (взять)* представляет собой редуцированное наречие, состоящее из семантически ясного общеязыкового слова *даром* и его жаргонного эквивалента *шаром* с тем же значением. Последнее наречие было записано в 1961 г. В.Д. Бондалетовым в деревне Бортниково, Вязниковского района, Владимирской области (Бондалетов, 109). Оно входит в группу «словарно-фонетических» арготизмов. Это слова «общенародного языка», фонетический облик которых изменен тем или иным механическим способом «маскировки»: *шумать* ‘думать’, *шритва* ‘бритва’, *цукно* ‘сукно’, *фильто* ‘пальто’, *векчело* ‘человек’ и др. (там же, 35, 38).

ПАПИК. Влиятельный покровитель-любовник; состоятельный «друг» (у проституток, манекенщиц и др.). Например: «Но первый этап пресыщения такими разовыми “клиентами”, у которых сегодня “денег завались”, а завтра на сигареты нет, быстро проходит, и начинаются поиски “папика”. <...> В ход идут самые разнообразные методы для обольщения “объекта” и пресечения конкуренции менее наглых конкуренток. Зато в случае победы действия “дочки” “папика” похожи на действия солдат, захвативших окоп противника и опустошающих блиндажи, сметая съестное, одежду и все прочее, что сложно раздобыть. Ведь краток миг жизни мотылька» («Калейдоскоп», 1998 г., №3 (40), 15; из статьи о московских манекенщицах). В «фене» отмечаются и другие случаи подобного употребления слов со значением ‘отец, родитель’ для обозначения начальников, всякого рода заступников, «авторитетов». Начальник отряда или неформальный лидер «неприкасаемых» в лагере – *папа* (а в женской колонии – *мама, мамочка*), главарь, «авторитет» – *пахан* (РФ, 147, 148). Значение ‘отец’ слово *пахан* сберегает и в вульгарном просторечии (соответственно *паханя, паханша, паханка* – ‘мать, родительница’). В слове *папа* отмечается также значение ‘управляющий (учреждением)’. Существительным *папа* с последним значением мотивированы глаголы *папать* ‘указывать’ и *папарить* ‘руководить’, ‘возглавлять’, ‘приказывать’ (Кучинский-УЖ, 253). Именно *папа* с последним значением становится производящей базой для слова *папик*, образованного по нерегулярной для нарицательных существительных модели (от существительных муж. рода на -а уменьшительно-ласкательные формы при помощи суффикса

-ик не образуются; такие производные встречаются только среди антропонимных гипокористик типа *Толик, Вовик, Геник, Юрик, Славик* и др.).

Отмечено также употребление суффиксального производного *паник* со значением 'влиятельная фигура, важная персона', например: «Феерия нон-стоп – вот что на первых порах соблазняло наш не избалованный партийными *паниками* в сером народ. К тому же, если вслушаться, порой ВВЖ (т.е. В.В. Жириновский – *Е.О.*) бил (да и бьет) словами в самую точку, что твой амур в сердце» («Московский комсомолец» в «Украине», 1999 г., 15-22 июля).

ПАРАША. Основное значение: 'помойное ведро с крышкой, емкость для нечистот и испражнений в тюремной камере'; реже – 'отхожее место' (БМ, 77; РФ, 147). Как эмоционально-оценочное слово в тюремно-лагерном жаргоне употребляется также с позднее развившимися значениями 'милиционер, милиция' и 'ложные слухи, сплетни' (там же). В основе лежит «уменьшительная» форма женского личного имени, производная от *Прасковья* (точнее – от его разговорно-просторечных вариантов *Парасковья* и *Парасковья*), – *Параша*. Это подтверждается другим (малоупотребительным) вариантом названия этого предмета – *Прасковья Федоровна* (БМ, 87).

Входит в группу деонимных апеллативов с предметным значением, образованных от личных имен (сфера их употребления: профессиональный и воровской жаргон, просторечие): *филат* 'доска', *мартын* 'большой деревянный молот', *сидор* 'мешок', *степан* 'топор', *фока* 'чугунный утюг', *фаньч* 'бак', *фомка* 'ломик' и др.

В настоящее время, благодаря широкой известности деонимного апеллатива *параша*, несущего в себе пейоративную коннотацию, производная «ласкательная» (ЭСРЯ-Ф, III, 354) форма антропонима *Параша* перешла в разряд редкоупотребительных имен. Хотя в прошлом веке это имя, в отличие от формы *Прасковья*, наоборот, обладала положительной (мелиоративной) коннотацией, особенно в дворянской среде, где полное имя иногда подвергалось даже замене другими, более «благородными» именами (ср. у А.Пушкина в «Евгении Онегине»: «...Звала Полюию Прасковью И говорила нараспев...»). Еще одно свидетельство об этом – в поэме И.С. Тургенева «Параша. Рассказ в стихах» (1843 г.): «Ее Прасковьей звали; имя это Не хорошо ...но я - я назову Ее Парашей...». *Параша* было таким же, по словам Л.Толстого, «средним именем», как и Даша, Наташа, Валюша, Катюша и под. (о

последнем имени в романе «Воскресенье» он говорит: «Ее и звали так средним именем – не Катька и не Катенька, а Катюша»). О популярности имени *Параша* в прошлом веке и в начале нашего говорят многие факты. Например: «А вот, робята, это Параша, Только моя, а не ваша» – это из балаганной (карусельной) прибаутки, записанной в 1871 г. (БРФ, 339); о «Дашах и Парашах, дедушках и бабках, да малолетних Васьках с Ашотками» в разных концах русской земли пишет в своей «Книге о концах» М. Осоргин и т.д. Это был период, когда вульгарный деонимный апеллятив *параша*, если и существовал уже, то еще не вышел за пределы жаргонной речи, не стал широко известным словом и поэтому никак не влиял на выбор и употребление омонимичной антропонимной формы. Позднее, когда эти два омонима столкнулись в разговорной речи, собственное имя, благодаря возникшей ассоциации, перешло в разряд непопулярных и нежелательных личных имен.

ПОЛКА́Н. Как арготизм нарицательное существительное *полкан* имеет два значения: 'бабник, ловелас, волокита' (его арготический синоним – *лелик*) и 'высший чин' (в армейском аргю). Например: «Этот полкан своего не упустит, найдет ее где угодно» (из разговорной речи; запись 1990 г.); «Что за служба – то в парке, то за баранкой. Я ведь не “папу-полкана” вожу. Я – “мазута”» (г. «Аргументы и факты». 1992 г., №2).

Появление этих омонимов в разной степени связано с собственным именем *Полкан*, больше известным как киноним (кличка собаки). В первом случае арготизм *полкан* (через стадию деонимного апеллятива со значением 'всякая крупная, физически крепкая собака'; ср. в г. «Вечерний Донецк», 1993 г., 29 мая: «Группа молодых людей, прогуливавшихся в компании дужего “полкана”, ни с того ни с сего пристала к пожилому прохожему»); образовался как синоним вульгарного слова *кобель* 'похотливый мужчина' (ср. аналогично: *барсик* – *кот*).

Собственное имя *Полкан*, по мнению М. Фасмера, было заимствовано из итальянского, где «Pulicane – имя героя в повести о Бове» (Фасмер-Ш, 311). В русском фольклоре богатырь *Полкан* – популярный персонаж сказок, в которые этот антропоним проник из переводной повести XVII в. о Бове-королевиче. Его тело – «половина конского, половина человеческого» (БРФ-С., 534). Однако на лубочных картинках и медных раскрашенных гравюрах прошлого века его часто изображали не только кентавром с мечом и копьем в руках, но также

получеловеком «с песьими ногами». Вследствие этого стала возможной разнонаправленная трансонимизация: а) менее распространенная – мифоантропоним → гиппоним (ср. в «Холстомере» Л. Толстого: «Меня по ночам запрягали и с ним. Полкан этот не понимал шуток, а был просто зол, как черт»; в «Селе Степанчиково и его обитателях» Ф. Достоевского: « – Полкана! – закричал дядя и бросился вон из комнаты. Полкана подали») и б) более распространенная – мифоантропоним → киномим (ср. в басне И. Крылова «Собачья дружба»: «У кухни под окном На солнышке Полкан с Барбосом, лежа, грелись»). В деонимизации и развитии у деонимного апеллятива *полкан* значения 'похотливый мужчина, бабник', скорее всего, участвовали оба коннотативных собственных имени – киномим и гиппоним (ср. его экспрессивный синоним *жеребец* 'рослый здоровый мужчина с неумной чувственностью').

Что касается жаргонизма *полкан* 'высший военный чин', то он образовался другим путем – благодаря контаминации слов *полковник* и *полкан* 'большая сильная собака'. В отличие от первого, в солдатском жаргоне он может сочетаться со словом *papa* (*papa-полкан*), имеющим значение «покровитель, шеф».

ПОНТ, - а, м. Слово распространено в «фене» и в современном молодежном жаргоне. Имеет несколько значений: 'развязность, кураж', 'напускная храбрость', 'ложное впечатление'. Часто употребляется с предлогами *с*, *на* и *для*: «Интересно, а что налетчикам ставят? – У них на спине дырявый башмак. Мол, всю жизнь за барышом бегал бестолку. У других бутылка кверху дном. Намек на то, что весь его *понт* в бутылке вместился» (РФ, 160; со ссылкой: Нетесова. Утро без рассвета. Колыма); «Ведь кирку, лопату и пудовый лом арестант может тащить и просто «с *понтом*», только для отвода подозрительных глаз (там же, 181; со ссылкой: Демидов. Дубарь; авторское толкование: 'для вида'). Как лексикализованное наречное словосочетание *с понтом* со значением 'нарочно' приводит это выражение А.А. Макаренко (БМ, 154). Расширяя круг своего употребления и попадая в новые «непривычные» контексты (например, в художественной речи новой русской прозы последнего десятилетия), это слово и связанные с ним выражения приобретают новые смысловые оттенки, например, 'без особой надобности', как в повести Валерии Нарбиковой «План первого лица. И второго» (1989 г.): «Она сказала, что люди, которые имеют хоть косвенное отношение к первому плану, автоматически становятся вторым планом, а люди, которые вообще не имеют отношения к

первому плану, просто не входят в план. Она сказала, что во втором плане очень много *для понта*, а в первом все необходимо. И она привела пример, который, по ее мнению, объяснял, что значит *для понта*. Она сказала, что если у человека убрать сердце, то он умрет, а если убрать легкие, то он не умрет, потому что второе легкие как бы *для понта*. Получалось, что один глаз нужен, а второй *для понта*, одна рука нужна, а вторая *для понта*, и что бог *понтил*, создавая человека».

В последнее время в жаргоне «тусующейся» молодежи, артистической богемы все чаще встречается форма множественного числа *пóнты* 'желание произвести сильное впечатление; стремление показать себя важной особой, значительнее, чем есть на самом деле'. Например: «Если говорить об Америке, стране, которая кичится тем, что больше всех печется о своих гражданах, то чаще всего эта забота – *пóнты*» («Аргументы и факты», 1997 г., № 48; слова телеведущего Л. Ярмольника); «В туре меня сопровождают двое крепких, настоящих профессионалов (телохранителей – *Е. О.*). В этом нет никаких *пóнтов*, пафоса, так как работы во время концертов и за кулисами им хватает» (из ответа певца Ф. Киркорова на вопрос корреспондента донецкой газеты «Акцент», 1997 г., 2 декабря).

Слово *пóнт* в криминальной среде (в речи мошенничающих картежников-профессионалов) зафиксировано также со значениями 'жертва шулера', 'жертва, еще не побывавшая в переделке у шулера' (его синонимы: *пизжон* и *пóнт крепкий* – в отличие от *пóнта порченого*, или *рваного*, т.е. 'жертвы, имеющей опыт общения с шулером, побывавшей в переделке') и 'хитрость, уловка' (БМ, 75, 124). С этим значением слово *пóнт* присутствует в жаргонном выражении *готовить пóнта*, т.е. подыскивать соответствующую жертву для шулера-картежника (там же, 124).

Существительное *пóнт* вошло в состав и целого ряда других жаргонных фразеологизмов: *брать (взять) на пóнт* 'добиваться чего-либо хитростью, обманом', ср.: «На пóнт берешь, зараза!» (РФ, 33); «Его так легко на пóнт не возьмешь» (из разговорной речи; запись 1994 г.); *бить пóнт* или *знять пóнт* «набивать себе цену», ср.: «Ладно, харэ пóнт бить!», т.е. 'хватит набивать себе цену' (там же, 160), «разыгрывать честного человека с целью отвлечь подозрение» (СЖП, 14, 124); *вязка с пóнтом* 'ограбление при участии лица, давшего дело' (БМ, 34). Зарегистрирован также целый ряд производных от этого слова, среди них: *пóнтить* 'важничать' (вариант *пóнтовать*), ср.: «Он сперва *пóнтит* все – не подойди» (РФ, 160; этот же глагол с нераспространенным значением 'делать что-то без особой надобности' см. выше у В.

Нарбиковой); *понтыра* 'задавала' (т.е. тот, кто *понтит*), ср.: «*Понтыра* первый сорт была» (РФ, 160); *спонтыры* 'сразу берущие «на пушку», сбивающие с толку' (БМ, 154); *понтычик* 'вор, специализирующийся на кражах у любопытных, собрав предвительно толпу каким-либо скандалом или дракой' (там же, 125). В. Быков приводит еще прилагательное *понтовый* (-ая, -ое) (РФ, 160).

Существительное *понт* появилось в жаргоне картежников и первоначально присутствовало как корневая морфема в таких более ранних словах, попавших в русский язык из французского, как *понтер* (*poînteur*) 'участник азартной игры, играющий против банкмета' (который мечет, или держит, банк, т.е. определенную сумму денег, поставленную на кон). *Понтеры*, или *понтировщики*, они же *ставицики*, 'ставят деньги на любую карту' (Даль - 1, 46, 288). Существовали «понтерные правила игры» (там же, 288), выполнение которых обозначалось глаголом *понтировать* 'играть в банк против банкмета', 'ставить куш на карту' (Даль - 1, 46; Чудинов, 1549). Это слово (и его префиксальные производные *спонтировать*, *выпонтировать*) употреблял А.С. Пушкин – в «Пиковой даме», дневниках и письмах. Например: «Не могу постигнуть, – продолжал Томский, – каким образом бабушка моя не *понтирует*» («Пиковая дама»); «Герцог Орлеанский метал; бабушка слегка извинилась, что не привезла своего долга, в оправдание сплела маленькую историю и стала против него *понтировать*» (там же); «– Славно *спонтировал!* – говорили игроки. – Чекалинский снова стосовал карты; игра пошла своим чередом» (там же); «Моя “Пиковая дама” в большой моде. Игроки *понтируют* на тройку, семерку и туза» (из дневника 1834 г.); «Цыганы» мои не продаются вовсе: деньги же эти – трудовые, в поте лица моего *выпонтированные* у нашего друга Полторацкого» (из письма к С.А. Соболевскому от 15 июня 1827 г.); «Ты говоришь: худая вышла нам очередь. Вот! да разве ты не видишь, что мечут нам чистый баламут, а мы еще *понтируем!* Ни одной карты налево, а мы все-таки лезем. Поделом, если останемся голы как бубны» (из письма к П.А. Вяземскому от 5 ноября 1830 г.).

Глагол *понтировать* 'бить (карту)' зафиксирован и в «блатном» жаргоне нашего времени (БМ, 124). Сейчас уже очень трудно смоделировать те разговорные конструкции и порождавшие их бытовые ситуации, которые привели к появлению многозначного жаргонизма *понт*, выделившегося, благодаря обратному словообразованию или усечению основы, из первичных слов *понтер* и *понтировать*. В зависимости от целей участников игры, занимаемых

ими позиций (банкомета и игроков-понтеров), а также оттенков их игрового поведения, появившееся корневое слово, так же как и позднейшие его производные, развили целый «пучок» новых значений. Потенциальной «жертвой» для банкмета является *понтер*, в жаргонной речи превратившийся в *понта* (экспрессивное отсечение иностранного суффикса) – отсюда возникновение в безаффиксной аллеговой форме *понт* значения «жертва шулера». *Понтить*, или *понтовать* – это уже выполнять действие, мотивированное основой *понт-*, которая в условиях «блатного языка» и в роли корневого слова испытала существенное семантическое расширение. Понтирующий игрок стремится в процессе игры не потерять лица, сохранить выдержку, хитрит, держится с напускной смелостью, т.е. *понтит*, или *понтует*, а переходя на жаргонные идиоматические выражения, бьет или гонит *понт*, берет на *понт*, держится с *понтом* и т.д.

Появившееся благодаря усечению или декомпозиции в условиях экспрессивной жаргонной речи слово (а точнее – «словцо») *понт* со временем теряет мотивировочные связи с глаголом *понтировать* (*понтить*, *понтовать*) и существительным *понтер*. В его смысловом содержании усиливаются вторично развившиеся семантические изменения и связи: «напускная смелость», «независимость», «важность» (ср. с *понтом*), «хитрость, уловка» (*брать, или взять, на понт*), «кураж», «отсутствие особой надобности» (*для понта*) и др. Выйдя за пределы группового жаргона карточных игроков, слово *понт* и связанные с ним образования прочно вошли в лексико-фразеологический фонд современной русской «фени».

ПУШКИН. Фамилия всемирно известного русского поэта, с детских лет знакомая каждому русскому, в разговорно-просторечном нонстандарте, массовой городской речи нередко используется в качестве коннотативного онима, развившего сопутствующие смысловые оттенки: «неопределенно, неизвестно кто; кто-то», «никто». Ниже приводятся фрагменты живой разговорной речи, в которых запечатлелось функционирование фамилии Пушкин в качестве коннотативного онима, очень точно воспроизведенное современными писателями: 1. « – Прибавить надо, – сказал мальчик по-извозчичьи. – От мертвого осла уши. Получишь у Пушкина» (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев); 2. «Как вредить, так они первые, а как отвечать, так Пушкин?» (В. Максимов. Прощание из ниоткуда); 3. «...Потом в милиции выяснили их личности. Князев все порывался рассказать, как

было дело, но дежурный офицер останавливал: он пока записывал. – Где работаете? – спрашивал он молодого человека. – В рембытконторе, – отвечал тот и успевал тоже сказать: – Он на меня начал говорить, что я блюю где попало... – Подождите вы! – строго говорил дежурный. – Кем? – Я про тебя, что ли, говорил?! – накиннулся Князев на своего врага. – Про кого же? Про Пушкина?» (В. Шукшин. Штрихи к портрету); 4. « – Ты что, непотопленное котя, а? Или щенок прибудный? Как зовут, в полном смысле спрашиваю!.. Кто мать? Кто отец? Пушкин?» (В. Максимов. Баллада о Савве); 5. «Останутся вертлявость и какая-то всепроникаемость Пушкина, умение испаряться и возникать внезапно, застегиваясь на ходу, принимая на себя роль получателя и раздавателя пинков-экспромтов, миссию козла отпущения, всеобщего ходатая и доброхота, всюду сующего нос, неуловимого и вездесущего, универсального человека Никто, которого каждый знает, который все стерпит, за всех расквитается.

– Кто заплатит? – Пушкин!

– Что я вам – Пушкин – за все отвечать?

– Пушкиншулер! Пушкинзон!

– Да это же наш Чарли Чаплин, современный эрзац-Петрушка...»

[Абрам Терц (Андрей Сняевский). Прогулки с Пушкиным].

Развитие сознаний 'кто-то другой (ни я, ни ты)', 'неизвестно кто', 'никто' (ср. у А.Сняевского: «универсальный человек Никто»), безусловно, связано с «ментальностью» этого имени – одного из центров культурного поля русских, ощущением всеприсутствия этого антропонима. В.С. Елистратов видит истоки «универсальности» имени Пушкина в многочисленных московских легендах о нем, его фольклоризации. В статье, посвященной старому московскому просторечию, он пишет: «Возможно, прояснится и причина такого “настоячивого” участия имени Пушкина в городских ироничных присловиях и поговорках (типа: “Кто это делать будет?” – “Пушкин”): московские легенды говорят, например, о том, что именно Пушкин первый замостил грязные московские улицы, отремонтировал дома и даже, по одной из версий, ввел фонарное освещение» (Елистратов, 71).

В современной разговорной речи бытует также выражение *сказки Пушкина* 'неправда, выдумка, вранье' (ЖР, 142).

Интересный факт проникновения имени «вездесущего» Пушкина даже в народную украинскую речь Закарпатья сообщила нам ведущий сотрудник Института искусствоведения, фольклористики и этнологии имени М.Т. Рильского АН Украины Н.С. Шумада. В 60-е

годы она записывала фольклор в селе Иршава, Закарпатской области. «Полная впечатлений от увиденного и услышанного, – рассказывала она, – я возвращалась после напряженной работы, не замечая ничего вокруг себя, как внезапно была остановлена осликами и понуканьем возницы, который, как я увидела, никак не мог въехать в ворота пивзавода, оказавшиеся узкими для его груженной ящиками телеги. Среди прочих возгласов я услышала: «Ньо, Пушкин би тя побив!» Меня это заинтересовало, и после того, как телега въехала во двор, я подошла к деду-вознице и спросила, в самом ли деле он произнес «Пушкин би тя побив!» Дед удивился, почему я спрашиваю о таком обычном для него возгласе. Но я пыталась добиться, почему именно Пушкин и что он знает о нем. Оказалось, что к великому поэту его «ньоканье» не имеет никакого отношения. Единственное, что мне удалось выяснить: это обычное бытовое выражение, которым пользуются в селе в одном ряду с «Бог би тя побив!», «Нех тебе курка копне» и т.п. О поэте дед не думал и не связывал свое понуканье с его именем» (рассказ проф. Н.С. Шумады был нами записан 9 июня 1999 г.).

СТРЕЛКА. 1. Место встречи уголовных «авторитетов», воров, проституток, наркоманов. 2. Тайное совещание «авторитетов». 3. Место свидания, встречи и сама встреча. Например, в «исповеди» криминального «авторитета» С. Белогреева, напечатанной в 9-м номере газеты «Мегаполис-Экспресс» за 1998 г.: «Две недели назад наконец-то на *стрелке* с авторитетами договорились о создании в академии секретного отдела»; «Потом авторитеты без нее будут на *стрелке* решать, что им делать, кого убирать и как убирать – физически или морально. Компромата у нас на всех хватит». Ср. еще: «Наконец – смотаться в Новокузнецкий аэропорт на *стрелку* с братками-соседями: собственно, для них и предназначался маленький праздник» («Калейдоскоп», 1998 г., №3 (40), 31); «Кроме того, «первые ласточки перестройки» (речь идет о ресторанах, появившихся в перестроечные годы - *Е.О.*) исторически облюбованы братками (им в то время больше нигде было собираться) и до сих пор несут ауру всевозможных *стрелок*, разборок и т.д.» («Экспресс-газета», 1998 г., №12 (169), 22).

Жаргонизм *стрелка* употребляется и в составе словосочетания *забить стрелку* 'договориться о встрече, назначить встречу' (*забить* – 'зарезервировать', 'занять место, очередь'): «"Стрелку забили" возле спорного магазина на территории Центрального узла связи морского флота» («Аргументы и факты», 1998 г., №15 (912), приложение «Москва», с.5); «Ребята из московского "Черного кута" "забивали

стрелку», проверяли их. На встречу никто не явился» («Калейдоскоп», 1998 г., №3 (40), 31) и *проколоть стрелку* 'не явиться на встречу в условленном месте' (Балдаев-11, 63).

В 30-40-е годы слово *стрелка* в городском молодежном жаргоне употреблялось еще со значением 'место, где встречается с целью знакомства молодежь'. Можно было услышать выражения типа: «Ты вчера был на стрелке?»; «А где у вас тут стрелка?»; «Пойдем вместе на стрелку» и под. В это время парни уже *стреляли* за понравившимися им девушками. Автор, тогдашний второклассник, хорошо помнит первую «встречу» с этим непонятным для него глаголом – в речи школьницы, доверительно сообщившей о равнодушном к ней отношении ученика из параллельного класса: «А он уже давно стреляет за мной...» Из нижеизложенного станет ясно, что данный жаргонизм был мотивирован существительным *стрелка* 'место встречи «тусующейся» молодежи».

Жаргонизм *стрелка* был образован от бессуффиксной усеченной основы *-стре-*. Кроме него, она представлена в народно-разговорной словоформе *стрел* 'встретил'. Ср. еще другие ее структурные состояния: 1) бесприставочное: *стрётить*, *стречать*, *стрénуть*, *стречáнье*, *стрéта*, *стрéча*, *стрéчный*, *стрётный* (Даль-1У, 345); 2) приставочное, с усеченной основой: *встрéна* 'встреча', *встрénить* 'встретить' (*встрénил* 'встретил'), *встрénиться* 'встретиться', *встрénуть(ся)* 'встретить(ся)' (СРНГ-5, 215-216). Ср. у С.Есенина: «... С лаем ливисто ошалелым / Меня *встрел* молодой ее сын» («Сукин сын»). Производящей базой суффиксального жаргонизма *стрелка* могли быть оба варианта усеченной основы: *стре-* и *встре-*. В последнем случае в разговорной речи произошло упрощение труднопроизносимого начального звукосочетания (*встр-* > *стр-*). Словообразовательная модель та же, что и у слов из группы *popina* *лоси раздевалка*, *умывалка*, *ожидалка*, *читалка* и др. (глагольная основа + суф. *-лк[а]*).

Смысловое развитие производного *стрелка*, очевидно, протекало так: *стрелка*₁ 'место (вначале – помещение), где встречаются' → *стрелка*₂ 'всякое место встречи, в т.ч. и на улице, в саду, парке' → *стрелка*₃ 'место встречи флиртующей молодежи' → *стрелка*₄ 'место встречи уголовных «авторитетов»'. В середине века эти значения уже синхронно сосуществовали в слове.

Войдя в социодialeкт («феню»), жаргонизм *стрелка* постепенно утрачивал смысловую мотивацию глаголом *встретить* (*стретить*, *встрéнуть*, *стрéнуть*, *стрéть*), войдя в паронимическую зависимость

от общеязыкового слова *стрелка*. Произошло замещение его основы, и *стрелка* стала восприниматься как производное от *стрела*. Такая же судьба постигла и глагол *стрелять* 'ухаживать, ходить за кем-либо, добываясь расположения', возникший на базе *стрелки*, 'место встреч, свиданий'. В настоящем время он уже сравнительно редко встречается в молодежном городском сленге. В современном просторечии гораздо более распространен глагол *стрелять* со значением 'доставать, добывать, прося у кого-нибудь', например: «Стрелять сигареты у сослуживцев»; «Стрельни закурить» (ТСРЯ-96г., 762; СМА, 454), а в воровском жаргоне – еще 'попрошайничать', 'заниматься профессиональным нищенством' и 'красть, воровать' (Балдаев-2, 63; СМА, 454). Значения 'просить' и 'попрошайничать' развились в нем из более раннего 'ухаживая, добываясь расположения', а 'красть' - из 'доставать, прося' (благодаря утрате последней семы), ср.: «А я у него незаметно шапку стрельнул» (запись 1995 г.). Одно из них (второе) присутствует в жаргонном фразеологизме *стрелять на якорь* 'попрошайничать сидя, притворяясь калекой'.

Глагол *стрелять* с этими тремя последними производными значениями стал мотивирующим словом для существительного *стрелок*, в городском просторечии имеющего значение 'тот, кто просит (выпрашивает) что-то', а в «фене» – 'нищий' и 'вор'.

СТРЕМА. Это слово употребляется только в составе словосочетаний *стоять на стрёме*, *ставить на стрёму*, а также в команде *на стрём!* Его значение: 'стража, караул'. Кроме того, В.И. Далем оно было отмечено и как междометие – «окрик мазуриков и жуликов друг на друга: Стрема! берегись, есть опасность» (Даль-1У, 328). Ему посвятили небольшую статью в четвертом томе «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова его составители Г.О. Винокур и С.И. Ожегов (ТСРЯ-1У, 556). Например: «В Ярославской области подростки, но уже под руководством взрослых, опустошали чужие квартиры по такому сценарию: одни режут телефонные провода, другие взламывают дверь, третьи стоят на "стреме", четвертые вывозят награбленное» («Труд», 1998 г., 9 июня). Словосочетания *быть на стреме*, *стоять на стреме* входят в один ряд с речевыми оборотами: *стоять на атасе*, *стоять на атанде*, *стоять на цинку*, *стоять на шухере*. Примечательно, что все входящие в их состав существительные способны, как и *стрема*, употребляться в функции междометных слов (правда, в современной «фене» *стрема* эту способность уже утратила). Ср. словесные оповещения об опасности и сигналы, призывающие к

бегству: *шухер! атас! цинк! атанда!* Тот, кто «стоит на стреме», или *стремит, стремачит* 'следит', – *стремач, стремщик (стремщица)*. Употребляется также форма повелительного наклонения *стремй* – при наказе стоять на страже, быть стремщиком.

В современном московском арго В.С. Елистратовым были отмечены и другие суффиксальные производные с основой *стрем-*: *стремка* 'то же, что и стрема' и 'тот, кто следит, сторожит что-либо', т.е. «стоит на стреме», или «стремит», «стремает»; *стремки* (мн. ч.) – 'то же, что и стрёма' (ср.: «Я на стрёмках с самого утра»).

Появилась также группа слов, мотивированных основой *стрём-* со значениями 'тревога, беспокойство; страх' и 'готовность к чему-то': *стрёмать (стрёмить)* 'пугать, запугивать', *стрёматься* 'бояться' («Пусть бабы стрёмаются»); *стрёмно* 'опасно', 'боязно, страшно' («Что-то мне стрёмно домой идти»); *стрёмный* 'опасный'; *стремщик* 'трус, малодушный' (от *стрёматься, стрёмиться*, 'бояться') (ОМА, 454-455).

Существительное *стрёма* этимологически родственно глаголу *стрёмить (ся)* с общеславянской основой **strym-*. Оно сберегает древнее значение этой основы, присутствующее также в донском диалектном глаголе *стрёмить* 'торчать' (ДС, 312), прилагательном *стремоухий* 'с торчащими, поднятыми ушами', т.е. чуткий, по В. Далю – «у кого всегда ушки на макушке» (Даль-IV, 328), а также в существительном *стрёмнина* 'крутизна, утес' и в омонимичном жаргонном прилагательном *стрёмный* со значением 'сильный, крутой (о характере); бесстрашный, резкий'. Ср. в словосочетании *стрёмный чувак* 'человек, от которого неизвестно чего ждать; сорви-голова' (СМА, 455). Исконным значением слова *стрема* или *стрем* было 'что-то резко выделяющееся на местности, возвышающееся, «торчащее» на ней', т.е. удобное для обозрения, наблюдения тому, кто на нем находится. Поэтому *стоять на стреме* когда-то буквально значило 'стоять на возвышении и наблюдать'.

ТАШКЭНТ. В народно-разговорной речи и социодialeктах этот топоним (название столицы Узбекистана) развил целый ряд сопутствующих сознаний: а) 'невыносимая жара, зной': «Ну и Ташкент! – воскликнул Борис, входя в самолет (Летчики расстарались вовсю и натопили так, что действительно было не продохнуть)» («Комсомольская правда», 1969 г., 21 янв.); « – Жара, – сказал он, – чистый Ташкент... » (С. Довлатов. Зона); «Когда же прекратится этот «Ташкент»?!» – подчас сетовали москвичи, тщетно пытаясь разглядеть в небе хоть одно облачко» («Известия», 1988 г., 27 августа); «Сань, открой окно – Ташкент ведь...» (из разговорной речи, запись 1991 г.);

б) 'тепло; теплое место, доставляющее удовольствие': «Алеша накидал на пол сосновых лап – такой будет Ташкент в лесу, такой аромат от этих веток, такой вольный дух, черт бы его побрал, – славно!» (В. Шукшин. Алеша Бесконвойный); «Костер разожгли. “Ташкент!” – говорит Тетерин, а сам дрожит, как землетрясение» (Ю. Олешковский. Маскировка); «Сколько раз с заиндевшими ресницами и бровями, продрогнув на чертовом бассейне до костей, засакивал Женя сюда, чтобы прижаться скорее к топке: Ташкент!» (Е. Федоров. Одиссея); «Дневальный! Сделай Ташкент!» – натопи хорошенько» (Росси-Ш, 407); «У него тут полный Ташкент, нормалек!» (РФ, 186); в) 'костер' (СВЯ, 101, примеры отсутствуют); г) 'перерыв в работе, перерыв на отдых': «К у к о ч (резко командно). Артисты!! Кончай Ташкент! Пошли вкальвать! « (А. Солженицын. Республика труда); «Ж е н ь к а. Ташкент! Наша бригада на обед последняя!..» (там же). Ж. Росси указывает на употребление этого слова в речи эзков в качестве эмоционального междометия – «одобрительного восклицания (“Ташкент!”) при виде хорошо натопленной печки» (Росси-П, 407). Раньше других в топониме *Ташкент*, благодаря «ассоциации по смежности», появилось сознание 'жара, жарко' (в городе с этим названием, как и вообще в Узбекистане, летом часто бывает изнуряющей зной); другие сознания производны от первого.

Для выражения сознания 'жара, духота', а также в роли предикативного наречия с такой же семантикой в современной речи москвичей отмечено также арготическое слово *Душанбе*, являющееся таким же коннотативным топонимом, как и *Ташкент* (Душанбе – столица Таджикистана): «В таком Душанбе надо лежать головой в холодильнике, а не на работе сидеть; По улице ходить Душанбе; Тебе не Душанбе?» (СМА, 125). Частота употребления его в речи намного меньше, чем *Ташкент*.

ХАВИРА. 1. Воровской притон. 2. Квартира, комната. 3. Тайник. 4. Компания блатных (Кучинский, 401; Балдаев-2, 112). Варианты слова: *хавёра* 'те же значения'; *хавёрка* 'квартира, помещение, комната' (РФ, 197). В составе словосочетаний: *взять хавёру* 'украсть из квартиры' (Кучинский-УЖ, 134), *залепить хавиру* 'обворовать квартиру' (там же, 177). Экспрессивный глагол *залепить* в «фене» в устойчивых глагольно-именных словосочетаниях выступает с общим значением 'сделать, совершить' (например, *залепить потворку* 'изнасиловать', *залепить мокруху* 'убить', *залепить лапшу* 'избить' и

др.). Нам известна только одна попытка объяснять происхождение слова *хавира*, принадлежащая В.С. Елистратову: «От уг(оловного) “хавир” – тот, кто в случае скандалов незаметно возвращает украденное в чужой карман, “хавировать” – делать то, что делает “хавир”, “хавира” – притон; или от “хевра” – воровская компания; возможно, связана с “хибара”, “хибарка”, “хибурка” – дом, лачуга; ср. нем. жарг. *Kalbora* – место, где прячут краденое, воровской тайник. Первоначально из древнееврейск. *chewer*- содружество, друг или из цыг(анского) *havig* – другой, второй» (СМА, 516). Ниже предлагается иная этимология этого слова.

Существительное *хавира* имеет основу *хов-* из *ховать* ‘прятать’. Появление «псевдосуффиксов» *-ир-* (*-ыр-*) и *-ер-* было вызвано контаминацией (скрещением) глагола *ховать* и существительных *квартира*, *квартира*, *фатера* (последние два – устаревший и разговорно-диалектный варианты литературного слова). Схема этого процесса: *хов* (*хав*) [а-] + [кварт]и*ра* или [кварт]е*ра*, [фат]е*ра* = *хавира*, *хавера* (в прямых скобках – части слов, сократившиеся после контаминации). Первичный смысл возникшего образования *ховира* / *хавира* – ‘помещение, где прячется (*ховается*) краденое, где укрываются сами воры’. Позднее на базе уже этого слова образовались глаголы *хавырить* (от *хавира*) и *ховерить* (от *ховера*). Кроме значения ‘прятать’, они используются иногда и в значении ‘хоронить’. В украинском глаголе *ховати*, проникшем в русскую «феню», присутствуют оба эти значения. У этих глаголов появляется и другая линия смыслового развития – ‘сделать что-то тайно, незаметно’, отразившаяся в таких производных, как: *хавырить*, *хавырнуть* ‘незаметно подсовывать (подсунуть), подкладывать (подложить) кому-то похищенное, боясь разоблачения’. Отсюда рука вора, совершающая эти действия, именуется *хова* (отглагольное флексийное существительное, мотивированное словом *ховать*). Производными глагола *хавырить* (*хавырить*) ‘прятать’ стали жаргонизмы: *ховира* (*ховыра*) ‘женщина, укрывающая краденое’; *хавырник* ‘вор, утаивший часть добычи от своих сообщников’ (Кучинский, 406). Благодаря семантической контаминации существительного *хавира* (*ховира*) ‘воровской притон’, ‘компания блатных’ и глагола *хавырить* (*хавырить*, *хавырить*) возникло префиксально-постфиксальное производное *сховыриться* ‘собраться (в притоне)’ (Кучинский-УЖ, 316). В эту группу, вероятно, не следует включать слово *хавыр(ь)* ‘посторонний человек, которому в случае опасности карманый вор подбрасывает краденое’. Более других это слово семантически и фонетически может быть связано с цыганским

haviг 'другой' (см. выше цитату из СМА, 516).

Существительное *хавіра* (*хавыра*), *хавэра*, *хавырка* 'квартира' послужило базовым словом для его производных: *хавер* 'мужчина', 'любовник', т.е. тот, кто посещает тайный воровской притон – *хаверу* (отсубстантивное флексийное существительное); *хаверка* 'майка' (суффиксальное существительное: *хавер-ка*, т.е. рубашка без рукавов и воротника, в которой, сняв верхнюю одежду, остается посетитель или жилец *хаверы*), *хавырка* 'влагалище' (лексико-семантический способ словообразования, связанный с употреблением слова *хавірка*, *хавырка* 'помещение, комната, квартира' и особенно 'тайник' в переносном смысле; ср. другие подобные метафорические использования слов для передачи значения 'vulva': *норка*, *бункер*, (*лохматый*) *сейф*, *копилка*, *лоханка*, *кошелка*, *корыто* и др.).

ШАЛАВА. ШАЛАШОВКА. Оба слова в русском мате и в воровской «фене» означают 'проститутка', 'сожительница вора', 'женщина легкого поведения, потаскуха' (РМ, 295): «Ах ты, курва! Шалава крапленая!» (Н. Тряпкин. За любыми земными развилками); «Вчера он меня со своей шалавой познакомил; Куда твоя шалашовка поехала?» (из разговорной речи; записи автора 1987, 1991 г.). В мат и «феню» проникло из территориальных говоров. В.И. Даль «южное» областное существительное общего рода *шалава* «шалльной, шальная; полудурье, полуумок» и «пермское» прилагательное *шалавый* с теми же значениями помещает в гнездо с заглавным словом *шаль* «дурь, взбалмочность или блажь; одурение, ошалелость; растение дурман; дурачество, шалость, повесничество, баловство; шутка, потеха, проказы» (Даль-IV, 619-620). М. Фасмер, как и Г. Ильинский, «терское» слово *шалава* 'негодяй', 'бродяга' и *шалавый* 'глупый' (так же как и «пермское» *шалава* 'шалльной, -ая') считает производным от существительного *шал* 'сумасшедший, шальной' (Фасмер-IV, 397). Ср. также: «В холодном, как амбар, магазине старушка грозилась отнести заплесневелый каравай "на зубок" Леве Соиферту: "Он вас прикусит, шалавых!"» (Г. Свирский. Лева Соиферт, друг народа...); «А сосед у них, старик шалавый, сад свой стережет» (Ю. Казаков. Ни стуку, ни грюку).

Существительное *шалава* имеет в своем составе суффикс *-ав-*, попавший в него из мотивировавшего его прилагательного *шалавая* (*-ый*), как, например, существительное *красава*, образованное от *красавая* (*-ый*). Первое из этих слов В. Даль толкует как 'женщина

дурного поведения', а последнее: «*красавый* о человеке, красивый, пригожий» (Даль-II, 185).

В жаргонном употреблении диалектизм *шалава* изменил первичное значение 'взбалмошная, шальная' (женщина), став синонимом таких слов, как *маруха*, *проститутка*, *шлюха*. Кстати, последнее из них можно рассматривать как распространившуюся аллегро-форму диалектного *шалюха* (*шал'-уха*), словообразовательного синонима *шалавы*. С пометой «архангельское» оно приводится В. Далем, объясняющим его значение как тот, «кто напускает на себя шаль, блажь, дурь, прикидывается дурачком» (Даль-IV, 620). У слова *шлюха* есть и другая этимология: от *шляться* (Фасмер-IV, 456). Семантика и звуковой состав основы последнего глагола (*шл'-*) могли повлиять на изменение формы *шалюха* в *шлюха*.

На базе диалектных слов *шалава* 'шалльной, полуумок' и *шалавый* 'то же' позднее образовалось производное *шалаш*. Ср. аналогично: *легаиш*, *лягаиш* 'собака из породы легавых', в воровском арго – 'сыщик', 'доносчик', 'милиционер' от *лежавый*, *ляжавый*; *целкаш* 'один рубль' от *целковый* и под. Его коррелятами с признаком женского рода стали суффиксальное производное *шалашовка* и редко употребительные словосочетания аппозитивного типа *баба-шалаш* или *девка-шалаш*, т.е. 'ненормальная; у которой «не все дома». Например: « - Вот недотыкомка-девка, вот девка-шалаш... - говорил Филька. – Ходит – слоны слоняет, а то сядет, глядит спущими глазами, как куля... Думает!..» (С. Сергеев-Ценский. Лесная топь). Никакой смысловой и словообразовательной связи у интересующего нас слова *шалаш* с омонимичным заимствованием из тюркских языков (так же, как и у существительного женского рода *шалашовка*) не было. Однако благодаря семантическому переразложению тесная связь возникает позже в жаргонном словосочетании *некрытый шалаш* 'девственница' (РМ 143). Функционируя в воровском жаргоне («фене»), *шалашовка* становится абсолютным синонимом арготизма *шалава* 'проститутка; гуляющая женщина, потаскуха', превратившегося в слово только женского рода.

ШАРА́ГА. ШАРА́ШКА (АШАРА́ШКА). ШАРА́ШКИНА (АШАРА́ШКИНА) КОНТОРА. В воровском жаргоне первых десятилетий XX в. получило распространение слово *шарага*, впоследствии расширившее область своего употребления. Его первичным значением было 'вор, преступник, мошенник'. В словообразовательной структуре этого жаргонизма отчетливо

выделяется экспрессивный суффикс *-ag(a)*, очень продуктивный в разговорной речи и просторечии (ср. парняга, воряга, общага 'общежитие' и мн. др.).

Существительное *шарага*, вероятнее всего, было мотивировано глаголом *шарить* 'искать ощупью, рыться, перебирать, щупать впопыхах' (Даль-IV, 622). Ономатопоэтическая база этого глагола могла получать некоторые звуковые наращения, не влиявшие на словообразовательное значение, но расширявшие семантику основы, например: *шарпать* 'шарить, обирать, обдирать' (ср. *обшарпанный*), *шарпальщик* (*шарповник*, *шарпальник*) 'мародер', *шаробоить* 'копаться, рыться, искать ощупью' и др. (там же). Семантический сдвиг 'искать ощупью, щупать' → 'производить то же действие, но с целью воровства' в глаголе *шарить* хорошо обозначился во фразеологическом выражении *в чужом добре шарить* (толкование В. Даля: «слыть воров»), а также в современных оборотах речи типа: «Он там весь день шарил», т.е. «высматривал, что и где «плохо лежит» и т.д. Отсюда *шарага* – это тот, кто шарит и ворует. Наверно, так вначале называли мелких воришек, не пользующихся уважением даже в криминальной среде.

Дальнейшее распространение основы этого слова (*шараг-*) суффиксом с пренебрежительной окраской *-к(a)* дало форму *шарашка* (с морфонологическим изменением конечного согласного основы: *г - ж - ш*). Вместе с тем от наименования лица *шарага* 'вор, грабитель' могло образоваться и другое омонимическое существительное – *шарашка*₂ со значением 'место, где собираются мошенники - шараги, или само их сборище' (по типу: *караул - караулка*). Благодаря редеривации, нередкой в жаргонной речи, от *шарашки*₂ возникает новая форма – *шарага*₂ с тем же значением, омонимичная форме *шарага*₁ 'вор, преступник'. На нее указывают некоторые словари «воровской» лексики (например СВЯ, с. 119: «компания, группа преступников»).

Форма *шарашка*₁ со временем подверглась переосмыслению – стала восприниматься как экспрессивное личное имя, вошедшее в состав фразеологического единства *шарашкина* (← *Шарашкина*) *контора*, а после появления протетического гласного – *ашарашкина контора* 'место, где нет порядка; бардак (перен.)'. Семантически валентным оказалось и связанное с ним слово *контора*, в современной разговорной речи нередко используемое для обозначения плохо работающих учреждений и предприятий, где нет порядка и культуры труда. Ср. выражения типа: «Пора закрыть эту контору»; «С этой конторой толку не будет» и др. *Шарашкина* (*ашарашкина*) *контора* в экспрессивной разговорной речи, благодаря универбации, превращается в *шарашку*, а последнее

образование, благодаря редеривации, - в *шарагу*. По сути, эти два новых словообразовательных синонима являются омонимами по отношению к рассмотренным выше формам: *шарага*₁ и *шарага*₂, *шарашка*₃ и *шарашка*₄.

Шарагой, *шарашкой* и *шарашкиной конторой* называли в 30-е годы узники ГУЛАГ^а – осужденные по статье 58-й ученые и инженеры – засекреченный научно-исследовательский и проектный институт, где они работали под контролем органов госбезопасности и куда их ежедневно водили под конвоем (Росси-П, с. 452, 454).

В современной разговорной речи эти слова получают дальнейшее смысловое развитие. Например, со значением ‘пивная, забегаловка’ слово *шарашка* встречается в стихотворении О. Берггольц «На собрание целый день сидела...» (1948-49 гг.): «В подворотне с дворником курила, водку в забегаловке пила... В той *шарашке* двое инвалидов (в сорок третьем брали Красный Бор) рассказали о своих обидах, – вот был интересный разговор!» Ср. еще *шарага* со значением ‘ничтожное дело; работа, не приносящая должного вознаграждения; совсем не оплачиваемая работа’: «Но когда взрослый, здоровый сорокалетний мужик начинает жаловаться на безденежье, на плохого директора, который зарплату не дает, мне становится грустно. Не платят денег? Так пошли к черту эту *шарагу* (словообразовательный вариант – синоним *шарашки*), или *шарашкиной конторы*, появившийся вследствие редеривации – Е.О.). Пораскинь мозгами, засучи рукава и займись тем, что дает реальный доход» («Аргументы и факты», 1996 г., №43; из письма читателя).

В диалектной речи семантика основы глагола *шарить* могла способствовать появлению и других словообразовательных омонимов с суффиксом *-аг(а)*. На один из них указывает В.И. Даль: это «тобольское» слово *шарага* ‘кривляка, ломака, корчила, дергун’ (Даль-IV, с. 622). Смысловая история этого существительного не совсем ясна. Возможна связь со словами *шаркать*, *шаркун*, тоже имеющих ономастопозитический корень. *Шарага* ‘кривляка, дергун’ и т.д. могло появиться только тогда, когда в глаголе *шарить* еще присутствовали звукоподражательные ассоциации (впоследствии закрепившиеся в другом родственном глаголе с суффиксально осложненной основой *шаркать*). В таком случае «тобольское» слово *шарага* – это тот же *шаркун*, в переносном смысле – ‘кривляка; ведущий себя странно, неестественно человек’. Как видим, это омонимичное слово (*шарага*₁) имеет автономную смысловую историю, несмотря на общность морфемного состава рассмотренных выше лексем (*шарага*₁, *шарага*₂

ШЕСТЁРКА. Существительное общего рода. Имеет значение: 'малозаметная фигура, мелкая пешка; не пользующийся уважением человек, основное занятие которого быть на побегушках, выполнять чужую волю, угождать сильному'. Е.А. Земская и Р.И. Розина это жаргонное слово связывают с переносным употреблением 'названия игральной карты' – «шестерки», самой мелкой в колоде из 36 карт, применяемых в наиболее распространенных играх, карты «без картинки». Отсюда коннотация: 'незначительность, невзрачность, безликость' (Земская, Розина, 110). Такая связь с названием самой мелкой карты появилось давно. В начале века об этом писал В. Гиляровский в очерке «Трактиры», вошедшем в его известную книгу «Москва и москвичи»: «Тогда в центре города был только один "ресторан" – "Славянский базар", а остальные назывались "трактиры", потому что главным посетителем был старый русский купец. И каждый из городских трактиров в районе Ильинки и Никольской отличался своими обычаями, своим каким-нибудь особым блюдом и имел своих постоянных посетителей. И во всех трактирах прислуживали половые – ярославцы, в белых рубахах из дорогого голландского полотна, выстиранного до блеска. Белорубашечники... Половые... Шестерки... их прозвания.

– Почему «шестерки»?

– Потому, что служат тузам, королям и дамам. И всякий валет, даже червонный, им приказывает... – объяснил мне старый половой Федотыч и, улыбаясь, добавил: – Ничего! Козырная шестерка и туза побьет!»

Однако «карточная» версия происхождения этого слова нам представляется неубедительной, так как главным функциональным признаком «шестерки» является выполнение неосновной, подсобной и непрестижной работы, а «безликость» тех, кого так называют, и противопоставление «тузам», «королям» и «дамам» являются следствием их положения в обществе. Такое осмысление этого жаргонизма произошло позднее – уже после того, как он расширил сферу своего употребления, выйдя за пределы породившего его социодialeкта и став экспрессивным словом разговорной речи. Возникло оно в прошлом веке и мотивировалось числительным *шесть*, выкрикивание которого в воровской среде служило сигналом опасности или призывом к бегству с места преступления. «Шестерками» вначале именовали тех, кто подавал этот словесный сигнал. Это были воры,

стоявшие на самой низшей ступени иерархической лестницы. А.И. Куприн в очерке «Вор» (из серии «Киевские типы»), впервые напечатанном в 1989г. в газете «Киевское слово», дает подробную характеристику различных типов воров конца прошлого века. Вором «высшей категории» был «скок», или «скачок», «скокцер». «Его специальность, – пишет Куприн, – ночные кражи через форточки и двери, открываемые при помощи отмычек (...) На дело «скачок» редко идет в одиночку, ему необходимо чтобы кто-нибудь «стремил» (стерег, наблюдал) в то время, когда он работает. Стоящий на стреме, или по-киевски «штемп» (в сноске писатель отмечает, что этот термин принадлежит «только киевскому воровскому языку» – Е.О.), выбирается из второстепенных воришек, неспособных к ответственным подвигам или не успевших еще зарекомендовать себя. Почувяв опасность, «штемп» кричит «шесть!» или «зекс!» (ср. немецк. sechs – «шесть» – Е.О.), иногда же сигнал состоит из свистка или покашливания, смотря по обстоятельствам. За свои заслуги «штемп» получает из «дувана» (добычи) самое мизерное вознаграждение». Таким образом, «шестерка» – это вначале «штемп», подручный вора, способный только стоять «на стреме» и подавать сигнал опасности – выкрикивать междометное слово *шесть!* (ср. его синоним *атац!*), побуждая главного исполнителя преступления к бегству, прекращению воровских действий. В тюремно-лагерном жаргоне это слово, кроме значений «осторожней» и «спасайся», развило и другие: «тише», «стреляй» и «тюремный надзиратель» (БМ, 126). Его синоним *зекс!* (который также означает «тише» и «смотри»; БМ, 109) проник в воровской жаргон скорее всего не из немецкого языка, а из идиш, где *zeks* – «шесть». Неясными остаются мотивы избрания этого числительного для условного сигнала опасности. Позднее появляется производный глагол, мотивированный существительным *шестерка* 'второстепенный помощник', – *шестерить*, т.е. 'оказывать мелкие услуги, угождать влиятельному лицу'. В жаргоне донецких шахтеров значение 'шесть' нередко передается словом *шаха*. Оно образовано путем присоединения экспрессивного суффикса *-аха* к максимально усеченной основе общезыкового числительного: *ш(есть)* + *-аха* с последующим перемещением ударения на конечный слог. Слово *шаха* употребляется в современной речи шахтеров и как экспрессивный синоним к слову *шестерка* с указанным выше значением.

«Сигнальная» роль числительного *шесть* в воровской «фене» расширяется позднее за счет появления других его функционально-речевых синонимов, составной частью которых становится слово *шесть*. Это «сигнальное» слово камуфлируется тем, что выступает не

самостоятельно, а в составе других числительных – *двадцать шесть* и *шестнадцать*. Пример употребления первого из них находим у В. Гиляровского в очерке «Ходынка» (из книги «Москва и москвичи»): «Пришли во двор дома Румянцева и прямо во второй этаж, налево в первую дверь от входа.

– Двадцать шесть! – крикнул кто-то, и все в ночлежке зашевелились. В дальнем углу отворилось окно, и раздались один за другим три громких удара, будто от проваливающейся железной крыши.

– Каторга сигает! – пояснил мне Рудников и крикнул на всю казарму: – Не бойтесь, дьяволы! Я один, никого не возьму, так зашел». И еще: «Кругом, конечно, “коты” с “марухами”. Вдруг в дверь влетает “кот” и орет: – Эй, вы, зеленые ноги! Двадцать шесть!» Все насторожились и наострили лыжи, но ждут объяснения. Междометное слово *шестнадцать!* в воровском жаргоне является сигналом об окончании кражи (БМ, 126).

Все вышесказанное склоняет нас к заключению, что слово *шестерка* ‘не вызывающий уважения помощник, оказывающий мелкие услуги, пешка в каком-либо деле’ появилось не в жаргоне картежников, а в воровской «фене» конца XIX – начала XX вв.

В заключение – еще о двух попытках объяснить происхождение этого словесного сигнала, представленного в двух языковых вариантах - немецком (*зекс!*) и русском (*шесть!*).

Устойчивый интерес к этому воровскому арготизму проявил и Олекса Горбач. О нем он пишет в серии статей, напечатанных в 60-80-е годы в разных зарубежных журналах (сначала в материалах 5-го съезда славистов в Софии, но главным образом в «Научных записках» Украинского университета в Мюнхене) (Горбач-I-VIII). Почти во всех своих публикациях О. Горбач повторяет следующую схему появления этого арготизма. В истоках его лежит якобы немецкое арготическое слово *Butter* (буков. «масло»), получившее в воровской среде значение «охранник» (по мнению В. Христиани, одного из рецензентов словаря В.Ф. Трахтенберга «Блатная музыка», в русском воровском арго оно отразилось в форме *бутирь* «полицейский»). При калькировании его в цыганском языке появляется арготизм *дзет* «масло» и «охранник», который при обратном заимствовании под влиянием «адидации» в немецком языке превращается в числительное *sechs* «шесть». В восточнославянское воровское арго оно попадает тоже как заимствование в двух состояниях – как немецкое или еврейское (идиш) слово *зекс* и как его русский перевод *шесть* (О. Горбач указывает также

на вариант *шестая!*; см.: Горбач-Ц, 140; V, 20, 22; VI, 203; VII, 65). В последней статье – о немецких заимствованиях в польской жаргонной лексике (1987 г.) арготизм *sex!* «тише, молчать!» он соотносит уже с разговорно-еврейским *zekones* «опасность, риск» (Горбач-VIII, 72).

В недавнем появившемся «Словаре воровского языка» приводится совершенно другая версия этого устарелого слова-сигнала *шесть* (или *шестая*): «Надзиратели царской тюрьмы имели шесть нашивок. При их появлении сторожевой кричал “шесть”, т.е. подавал сигнал тревоги» (СВЯ, 119).

Арготизм *зекс* в арго полтавских школьников начала 20-х годов нашего века употреблялся в искаженной форме *скесь* ‘глянь, погляди’. Ср. еще: *заскесь* ‘постереги’; *зецать* (Горбач-III, 22, 24). Это слово и вошло в состав фразеологических оборотов: *на скесах* ‘на посту’, *зекс на канате!* ‘внимание’ (там же, 24), *наводит зекс* ‘важничать’, *на зекс* ‘хорошо, прекрасно’ (Горбач-VI, 211). Знаток лагерного арго француз Жак Росси в своем «Справочнике по ГУЛАГ’у» («The Gulag Handbook») приводит фразеологизм *стоять на зекс* ‘стоять на стреме, охранять орудующего вора’ (Росси-I, 130).

Особый интерес вызывает арготический глагол *зектонить* (из *зексонить, расподобление *з/с* в *з/т* и, очевидно, отталкивание от *сексотить*, *сексот*) со значением ‘стоять на карауле’ (СВЯ, 38, с пометкой: «устарелое»). Ср. *стоять на зекс*. Этот глагол сохранил утраченное его синонимом *шестерить* семантическое звено – ‘стоять на стреме, на шухере’.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Балдаев 1,2 Балдаев Д.С. Словарь блатного воровского жаргона. В двух томах. – М.: Кампана, 1997.
- ЖР Белянин В.П., Бутенко И.А. Живая речь. Словарь разговорных выражений (1929 статей, 2558 единиц). М., 1994.
- Бондалетов Бондалетов В.Д. Условный язык русских ремесленников и торговцев. – Рязань, 1974.
- БМ Словарь языка преступников («блатная музыка»). Составил по материалам ОГПУ-НКВД-МВД Л.А. Макаренко. Тверь, 1991.
- БРФ-С₂ Библиотека русского фольклора. Сказки. Кн.2. М., 1989.
- БРФ Библиотека русского фольклора. Народный театр. «Сов. Россия». М., 1991.

- РФ   Бьков В. Русская феня. Смоленск, 1994.
- ВЛС-4   Восточноукраинский лингвистический сборник. Вып.4. Донецк, 1998.
- Вол.   Волоцкий В. Сборник материалов для изучения ростовского (Ярославской губ.) говора. М., 1902.
- Гарелин-   Гарелин Я.П. Суздаля, офени или ходебщики. – В кн.: Вестник императорского Русского географического общества. Кн. II, ч.19. СПб., 1857.
- Горбач-I-VIII I.Olexa Horbatsch (Frankfurt). Lexikale und wortbildungselemente des ukrainischen argots. – Opera Slavica IV: Beiträge zum V Internationalen Slavisten-kongreß in Sofia 1963; Göttingen, 1963, S. 261-280; II. О. Горбач. Арго українських вояків. – Наукові записки Українського вільного університету, ч.7. Філософічний факультет. Мюнхен, 1963, С. 138-173; III. О. Горбач. Арго українських школярів і студентів. – Наукові записки Українського вільного університету, ч. 8, 1964-1966. Філософічний факультет, Мюнхен, 1966, с.3-55; IV. Олекса Горбач. Арго чернігівських прошаків і лірників. – Український вільний університет. Філософічний факультет. Матеріали до української діалектології, вип. 4; V. Олекса Горбач. Правопорушницькі східноукраїнські арготизми в дотичних словниках і в літературі перед I-ою світовою війною. – Науковий збірник Українського вільного університету, т.8. Мюнхен, 1974, С.14-28; VI, Олекса Горбач. Вуличницькі арготизми в творах І. Микитенка і Л. Первомайського. - Essays presented to George S.N. Luckyj, CJUS, Edmonton, 1990, 201-220; VII. Olexa Horbatsch. Русские арготические системы. – Materialien des Internat. MAPRIAL-Symposiums, Mainz, X. Hamburger, Beitzäge für Russischlehrer. Band 28, 1982. S. 63-82; VIII. Olexa Horbatsch. Lehngut in polnischen Sondersprachen (Gauner-, Pennäler-, Studenten- und Soldaten-spache). – Slavistische Forschungen. Bd. 52: Deutsch-polnische sprachkontakte. Köln-Wien, 1987, S. 57-87.
- Даль-I, II, III, IV   Даль В. Толковый словарь. Т. 1-4. ГИХЛ. М., 1935.
- Даль-УЯ   Даль В.И. Условный язык петербургских мошенников, известный под названием музыки или бойкового языка. – «Вопросы языкознания», 1990, № 1.
- Дзєндзелівський   Дзєндзелівський Й.О. Арго нововижівських кожухарів на Волині. – Studia Slavica Hung. XXIII. Budapest, 1977.
- Дрянский-   Дрянский Е.Э. Записки мелкотравчатого. «Сов. Россия». М., 1985.

- ДС Миртов А.В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону, 1929.
- Елистратов Елистратов В.С. Быт и речь ушедшей Москвы. – «Русская речь». 1996, №2.
- ЗЖ Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709 г. –СПб., 1840.
- Земская, Розина Земская Е.А., Розина Р.И. О словаре современного русского жаргона: Принципы составления и образцы словарных статей. – В кн.: Russistik. Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. Берлин. 1994, №1-2.
- Кромбах Кромбах Т. Жаргон гомосексуалистов. – «Русистика», №1-2. Берлин, 1994.
- Кучинский Кучинский А.В. Преступники и преступления. Законы преступного мира. Обычай, язык, татуировки. – Донецк, 1998.
- Кучинский-УЖ Кучинский А.В. Преступники и преступления. Законы преступного мира. Лагерная живопись, условный жаргон. – Донецк, 1998.
- Лаучоте Лаучоте Ю.А. Словарь балтизмов в славянских языках. «Наука». Л., 1982.
- Лихачев Лихачев Д. С. Черты первобытного примитивизма в воровской речи.- Язык и мышление. III-IV. М.-Л., 1936.
- Микуцкий Областные слова белорусских старцев. – В кн.: Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. I-III. СПб., 1854.
- Михельсон Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1. М., 1994.
- Мокиенко Мокиенко В.М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное – «Русистика», №1-2. Берлин, 1994.
- МСИ Кондратьева Т.Н. Метаморфозы собственного имени. Опыт словаря. Изд-во Казанского ун-та, 1983.
- Петровский Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. «Русский язык». М., 1980.
- Подв. Подвысоцкий А.О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

- РГ Русская грамматика. Т. 1. «Наука». М., 1980.
- РМ Русский мат. Толковый словарь. Составитель Т.В. Ахметова. Изд-во «Глагол», М., 1996.
- Романов Романов Е. Очерк быта нищих Могилевской губернии и их условный язык («любецкий лемент»). – В кн.: Этнографическое обозрение, №4. М., 1890.
- РООР Русская ономастика и ономастика России. Словарь-справочник. «Школа-пресс» М., 1994.
- Росси-I-II Росси Жак. Справочник по ГУЛАГу. В двух частях. М., 1991.
- РФ Быков В. Русская феня. Смоленск, 1994.
- СВГ Словарь вологодских говоров. А-Г. Вологда, 1983.
- СВЯ Словарь воровского языка. Слова, выражения, жесты, татуировки. Запорожье, 1992.
- СЖП Словарь жаргона преступников (блатная музыка). Составил по новейшим данным С.М. Потапов. М., 1927 (переиздан в 1990 г. в Москве).
- СМА Елистратов В.С. Словарь московского арга. М., Русские словари, 1994.
- СРНГО Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979.
- СРГП Словарь русских говоров Приамурья. «Наука». М., 1983.
- СРНГ - 1, 5, 6, 7, 12, 13, 17 Словарь русских народных говоров. Вып. 1. «Наука». М.-Л., 1965; вып.5. Л., 1970; вып. 6. Л., 1970; вып. 7. Л., 1972; вып. 12. Л., 1977; вып. 13. Л., 1977; вып. 17. Л., 1981.
- СРНГНО Словарь русских народных говоров Новосибирской области. «Наука». Новосибирск, 1979.
- СРСГЧО-I Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби Т. 1. Томск, 1964.
- СРСГСЧОд-I Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби (дополнение). Ч. 1. Томск, 1975.
- СРЯ-2 Словарь русского языка. Т. 2. М., 1958.
- СРЯ-XVIII в. Словарь русского языка XVIII в. «Наука». Вып. 1. Л., 1984.

- ТСРЯ-2, 4 Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. П. М., 1938; Т. IV, 1940.
- ТСРЯ-96 Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Изд-во «Азъ», 1996.
- Успенский Успенский Л.В. Материалы по языку русских летчиков. – Язык и мышление. VI-VII. М.-Л., 1936.
- Фасмер-I, III, IV Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка. Т.1. М., 1964; т. 3, 1971; т.4, 1973.
- Чабаненко Чабаненко В.А. Словник говірок Нижньої Наддніпряниці. Т.І, Запоріжжя, 1992.
- Черных-1, 2 Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993 (в двух томах).
- Чудинов Справочный словарь орфографический, этимологический и толковый русского литературного языка. Составлен под ред. А.Н. Чудинова. СПб., 1901.
- ЭСМБ Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 1. Мінск, 1978.
- ЭСРЯ-II Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. Т. I. А-О. М., 1910-1914.
- ЭСРЯ-Ф, I, III Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. «Прогресс». Т. I. М., 1964; т. 3, 1971.
- ЭСРЯ-I₂ Этимологический словарь русского языка. Т. I. Вып. 2. Изд-во МГУ, 1965.
- ЭСРЯ-II₈ Этимологический словарь русского языка. Т. II. Вып. 8. Изд-во МГУ, 1982.
- ЭСРЯ-III Этимологический словарь русского языка. Т. I. А. Автор-составитель Н.М. Шанский. Изд-во МГУ, 1963.
- ЕСУМ-I Етимологічний словник української мови. Том перший. А-Г. «Наукова думка», Київ, 1982.
- ЯОС Ярославский областной словарь. Ярославль, 1982.

СНОСКИ

¹ Заимствованис из немецкого (ср. нем. *ficken* "совершать половой акт"). В годы немецкой оккупации Украины в русской и украинской речи распространился жаргонизм *фіки-фіки*, с которым связаны *фик* и *фика*.

Обценный жаргонизм *фик*, проникший в тюремно-лагерный жаргон послевоенных лет, тоже испытал «эвфемизацию» посредством замены конечного согласного *к* на *г* и паронимического сближения со словоформами существительного *фига* “кукиш”, в результате чего возникла еще одна параллельная лексико-фразеологическая группа: *фиг* “penis”, речевые обороты *на фиг*, *на фигá*, *ни фигá (себе)*, *фигня* и др., в которых на месте корневого слова и основы *фиг*, *фиг-* легко восстанавливаются *чуш*, *чуш-*, *хер*, *хер-*. Уже в 90-е годы в молодежный сленг проникает английское соответствие этого обценения - *fuck*, которое пока еще находится в стадии малоосвоенного варваризма, почти не участвующего в русской речи в процессах слово- и фразеобразования (нами зафиксирован только глагол *фачить* ‘совершать половой акт’). Оно встречается в настенных надписях. Иногда попадает под бойкое перо газетчиков и журналистов, как, например: «Вам нарисовали хорошую сказку розового цвета, вы ее приняли. А спустя время жизнь может показать большой и роскошный «fuck» (И. Лазарев. Чат как состояние души).

---

* Восточноукраинский лингвистический сборник. Донецк, «Донеччина»: вып. 2, 1996, с. 150-165; вып. 4, 1998, с. 53-81; вып. 5, 1999, с.180-193.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
-----------------	---

I. ОНОМАСТИКА

Ареалы славянских гидрографических терминов в топонимии Дона ...	9
Миус	29
Калка	36
Кальміус	45
Суффикс -оват- в украинской топонимии	58
Суффикс -еньк- в топонимии Украины	109
Конотативна ономастична лексика	120
Экспрессивно-стилистические особенности ономастической лексики в восточнославянских языках	131
Стилистические функции собственных имен в рассказах В.М. Гаршина	145
Из истории русской эргонимии	155
Оронімія південно-східної України	167
В. И. Григорович о языке и культуре приазовских греков	183
Хопёр	193
Древние названия Воронежской земли	197
Ряжск или Рясск?	202
Валуйки. Лиски	210
Азовье – Азовщина – Азов	215
Из исследований южнорусской топонимии	220

II. ИСТОРИЯ И ЭТИМОЛОГИЯ СЛОВ

Из истории частиц	261
К этимологии одного славянского глагола речи	281
«За сим паки здравствуй!»	301

На-гора	307
А वोसे, авось и авоськать	310
К этимологии слова <i>разгильдяй</i>	314

III. ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Из словаря коннотативных онимов и отконнотонимных апеллятивов	319
Материалы к словарю субстандартной лексики	335

Научное издание

Отин Евгений Степанович
Избранные труды по языкознанию. II

Подписано в печать 30.11.1999 г. Формат 84х108 1/32. Бумага
тип. № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л.   Тираж 500 экз.

Издательство «Донеччина»
340118, г. Донецк, Киевский проспект, 48